

ВОЛОГОДСКИЙ

ЛАД

1 (44)
2025 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Валерий Страхов. Ледоход в Усть-Печеньге. Фото - сайт культинфо

У Валерия Страхова - юбилей

В нынешнем году исполнилось 75 лет замечательному русскому художнику Валерию Страхову, живущему в Вологде.

Валерий Николаевич - народный художник России, действительный член Российской академии художеств, профессор Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки в Москве. По мнению кандидата искусствоведения Ирины Балашовой, Валерий Страхов продолжает традиции русской реалистической живописи, заложенные в XIX веке А. Венециановым и А. Саврасовым, является законодателем художественного реализма XXI века.

Статью И. Б. Балашовой о творчестве Валерия Страхова читайте в следующем номере «Вологодского ЛАДА».

В. Н. Страхов в Тимонихе. Фото Валерия Кормухина

Тихая родина Валерия Гаврилина

85-летие Валерия Гаврилина Россия отпраздновала в прошлом году. А год нынешний начался выставкой фотографий «Тихая родина Валерия Гаврилина» в Вологодском районном краеведческом музее. Автор снимков, сделанных в местах, где прошло детство и отрочество композитора, Сергей Юров, фотокорреспондент областной газеты «Красный Север», давно сотрудничает с нашим журналом. Выставка будет работать до 31 августа текущего года.

«Мне очень нравятся моменты, когда у меня получается неспешная и медитативная съемка - важно замедлиться, прислушаться к окружающим звукам и погрузиться в атмосферу. Путешествие по гаврилинским местам получилось именно таким. Я предположил, что сам мир вокруг Валерия Гаврилина, люди, природа, дома могли повлиять на его творчество. Конеч-

но, за десятилетия в гаврилинских местах многое поменялось, но всё же осталось эхо далеких дней. Вот это я и пытался поймать в кадр», - рассказал Сергей Юров корреспонденту портала «Культинфо» Кристине Страмовой.

Представляем несколько работ Сергея Юрова, показанных на выставке в Кубенском.

«Город моего самого раннего детства» - так назвал Валерий Гаврилин село Кубенское

Бюст Валерия Гаврилина. Автор - скульптор Юрий Евграфов

• ВЫСТАВКИ

Из окна дома в Перхурьево, где жили Гаврилыны, видна проселочная дорога в соседнее село Воздвиженье. Тогда храм Воздвиженья Креста Господня выглядел иначе - не было ни купола, ни колокольни, на крышей торчали серые печные трубы... Здесь располагался детский дом, которым заведовала Клавдия Михайловна Гаврилина

Нынче речка Водла похожа на ручей; а прежде была полноводной, в ней купались ребята, среди них - Валера Гаврилин

Возможно, и Валерий Гаврилин слушал пение снегирей, а потом эти звуки отозвались в его музыке...

Это здание из красного кирпича и сейчас стоит в Кубенском. А прежде здесь размещался суд, который вынес Клавдии Михайловне Гаврилиной приговор по ложному обвинению. Мама отправилась в заключение, а сын - в детдом

• ВЫСТАВКИ

В Гаврилинском музее всегда звучит музыка - в одном из залов стоит пианино, которое принадлежало Татьяне Дмитриевне Томашевской, первой учительнице музыки Валерия Александровича

Фотограф Сергей Юров

Герои - без героизма?

Первый в текущем году номер нашего журнала выходит в год 80-летия Великой Победы. Конечно, «Вологодский ЛАД» эту важную веху в нашей истории отмечает несколькими публикациями; будем рассказывать о значении Великой Отечественной для всех нас и в других номерах.

Чаще всего, вспоминая о войне, которая 80 лет назад закончилась нашей победой, мы говорим о воинских подвигах. Да это и естественно: рассуждая о великой войне спустя много лет, обращаешь внимание прежде всего на яркие моменты, на примеры героизма.

Вспоминается, как страна впервые праздновала юбилей Победы - это было в 1965 году. Тогда еще живы были многие участники войны; их благодарили за ратный труд, награждали... Многих чествование смущало. Помню, к нам в седьмой класс пришел Герой Советского Союза Николай Михайлович Попов, он работал слесарем паровозного депо в Кулое (это поселок рядом с Вельском, где я вырос). Беседу с детьми о войне он проводил не по своей воле - таков был порядок... О своем подвиге Николай Михайлович ничего толком так и не рассказывал. Воевал, с товарищами боевыми плечом к плечу, командирам спасибо... Потом одноклассники обсуждали: «Видел, звездочка Героя у него на груди какой-то провололочкой прикреплена!» И вправду - она как-то неуверенно висела, словно оторвалась было, а потом её прицепили тем, что под руку попало... Уже потом мы узнали, что высокую награду Николай Попов получил за то, что в одиночку около двух суток огнем из пулемета не давал противнику помешать наступлению наших войск, переправлявшихся через Днепр. А когда оружие отказало - железо не выдержало таких нагрузок, Николай Михайлович схватил трофейный пулемёт - и поливал врага огнём, поливал... Но об этом Герой подробно нам не сказал. Весь урок говорил какие-то общие слова и, с ви-

димым облегчением вздохнув, вышел из класса еще до звонка.

Действие рассказа Меркурия Кузнецова «Подарок», опубликованного в номере, который вы держите в руках, происходит в год празднования 30-летия Великой Победы. У главного персонажа - та же скромность, то же нежелание видеть в себе героя. Так же «негероично» вели себя большинство фронтовиков, которых я встречал в детстве, - а тогда почти все взрослые вокруг воевали, кроме, разумеется, тех, кого не призывали ввиду болезни или физического недостатка.

Наверное, это коренное свойство многих русских людей - не видеть своих заслуг. Считать, что не делали ничего особенного, воевали как все - вот отношение к своему военному прошлому большинства фронтовиков. Что кроется под этим - «как все»? Честно выполняли свой долг. А награды показывают: тот, кто честно воевал, в глазах окружающих был героем.

Точно так же - с ответственностью, старанием - люди, прошедшие войну, относились и к мирному труду. Но ведь и те, кто перенес военные годы в тылу, не уступали фронтовикам в добросовестном старании. Наверное, иначе было бы и не восстановить истерзанную войной страну...

Как думаете, можно ли убедить народ (особенно народ молодой), что жить и работать следует только так - честно, старательно, добросовестно? Наверное, необходимо. Одно только смущает: сейчас нередко твердят, что главное в жизни - выгода. Что мы всё-таки изберем?..

Андрей САЛЬНИКОВ

Младший политрук Александр Панкратов

Бюст Александра Панкратова, установленный в Великом Новгороде

Вечная память отважным!

С древних времён наш народ славится ратными подвигами, поразительным упорством в достижении цели. Непоколебимость патриотического духа русских воинов вынуждены отмечать даже враги. Особенно их поражает готовность пожертвовать своей жизнью ради спасения боевых товарищей, ради победы над врагами.

БРОСОК В БЕССМЕРТИЕ

Из поколения в поколение передается память о подвиге рядового Красной Армии Александра Матросова, который 23 февраля 1943 года в бою у деревни Чернушки (Калининский фронт) закрыл амбразуру вражеского пулемёта своим телом. За мужество и отвагу рядовому Александру Матросову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Долгое время считалось, что он был первым среди советских воинов, совершивших столь героический подвиг. Только спустя годы выяснилось, что и до него

ради спасения боевых друзей жертвовали своей жизнью многие защитники Отечества. А первый акт такого самопожертвования задолго до Матросова - 24 августа 1941 года - совершил младший политрук роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Северо-Западного фронта Александр Панкратов, уроженец деревни Абакшино Вологодской области.

В ночь с 23 на 24 августа подразделение Панкратова внезапным ударом старалось выбить гитлеровцев из господствовавшего над местностью каменного здания. Гитлеровцы встретили наших бойцов шквальным пулемётным огнем, и тогда Панкра-

тов бросился на пулемёт и своим телом закрыл его. Посмертно Александру Панкратову присвоено звание Героя Советского Союза, его имя носит одна из улиц Вологды. В ноябре 1965 года на месте подвига в Новгородской области воздвигнут обелиск, а в Великом Новгороде в 2015 году открыт бюст Александра Панкратова.

В книге «Выдающиеся вологжане», изданной в 2005 году, указано, что за годы войны подвиг самопожертвования совершили более 200 советских воинов. Александр Матросов в этом списке Героев числится 59-м.

* * *

- А были ли такие отважные бойцы и у нас на Севере во время той войны? - задали как-то мне такой вопрос на одной из встреч учащиеся 31-й школы Мурманска.

Тогда я не смог дать чёткого ответа на него. Теперь же, наведя основательные справки, могу уверенно сказать:

- Да, были! Во время Петсамо-Киркенесской наступательной операции советских войск осенью 1944 года подвиг самопожертвования совершили старший сержант Николай Закоркин, ефрейтор Михаил Ивченко и рядовой Павел Стрельцов, служившие в 14-й армии Карельского фронта. Им было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Семь воинов Северного оборонительного района тоже повторили подвиг Панкратова, но были почему-то удостоены за это всего лишь ордена Отечественной войны 2-й степени. Виновны в этом, на мой взгляд, не только штабисты воинских частей, готовившие наградные документы, а и их началь-

ники, плохо контролировавшие выполнение своих приказов о представлениях к наградам отличивших бойцов. Об этом, кстати, пишет в своей книге «Прощайте, скалистые горы...» и фронтовик, ныне уже покойный мурманский краевед Лев Журин. По его словам, даже в то время награждение отличившихся в боях рядовых и командиров воинских частей жестко лимитировалось, да и решалась-то судьба отличившихся в боях с немецкими захватчиками воинов в штабах различных уровней не всегда справедливо.

Называет он в своей книге и фамилии этих героев. Вот они: главный старшина 614-й отдельной штрафной роты Бобрецов, сержант той же роты Данильченко, краснофлотец 12-й бригады морской пехоты Клепач, сержанты 349-го отдельного пулемётного батальона Крамаренко и Попов, старший сержант 348 отдельного пулемётного батальона Мустейкис и краснофлотец 125-го полка морской пехоты Соколов. Вечная им память!

Кстати, нынешние государственные власти пытаются исправить такие ошибки. Уже более ста участников Великой Отечественной войны, обойденных по разным причинам вниманием, но совершивших ратные подвиги, тоже стали кавалерами Золотой Звезды. Хочется верить, что ряды их пополнят и защитники Советского Заполярья. Ведь не случайно в нашей стране возродили праздник чествования людей, проявивших в бою с врагами Отечества отвагу, доблесть и смелость. Отмечается этот праздник 9 декабря.

Василий БЕЛОУСОВ,
член Союза писателей России
Вологда - Мурманск - Москва

ОТ РЕДАКЦИИ. *О жизни и подвиге героя-земляка вологодская писательница Наталья Мелёхина написала книгу «Александр Панкратов», выпущенную в 2019 году издательством «Древности Севера». В 2024 году это издательство выпустило еще одну книгу Натальи Михайловны о вологжанине, совершившем подвиг самопожертвования, - «Сергей Орешков». Герой закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота 16 августа 1943 года. «Вологодский ЛАД» рассказывал об этих изданиях.*

Таких Героев в России всего четверо

Осенью прошлого года на экраны России вышел фильм об уроженце Вологодчины, Герое Советского Союза, полном кавалере ордена Славы Николае Ивановиче Кузнецове.

Он называется «Великий артиллерист». Это - выпуск программы «Легенды армии с Александром Маршалом» на федеральном телеканале «Звезда». Ведущий программы - известный актёр, певец и композитор Александр Маршал. В основу фильма положена книга известного вологодского писателя Геннадия Сазонова - повесть «Ярче легенды».

В Великой Отечественной войне участвовали миллионы советских солдат и офицеров. Но лишь четверо из них были удостоены не только звания Героя Советского Союза, но стали и полными кавалерами ордена Славы. В их числе - Николай Иванович Кузнецов (1922 - 2008 гг.), судьба которого связана с Вологодчиной.

Кузнецов родился 29 апреля 1922 года в крестьянской семье в деревне Пыгручей - в то время она относилась к Ленинградской области, ныне входит в состав Вытегорского района Вологодской области. «Военная судьба Николая Ивановича как бы «разделена» на две части, - рассказал автор повести о легендарном герое. - До 1943 года - он нелегал-разведчик в фашистской Германии. После ранения возвратился в Красную Армию, был дивизионным разведчиком, затем артиллеристом, командиром расчёта. Н. И. Кузнецов участвовал в штурме Севастополя 7 мая 1944 года, прошёл в атаке Сапун-гору, водрузил над железнодорожным вокзалом города Красное Знамя. Командующий 4-м Украинским фронтом генерал Фёдор Иванович Толбухин, высушав после боя доклад Кузнецова, сказал: «Если бы у меня была Звезда Героя, я бы снял и прикрепи к твоей гимнастерке».

Николай Иванович Кузнецов

22 февраля 1945 года расчёт Кузнецова вместе с батальоном капитана Бурова занял высоту «Сердце» (в окрестностях населённого пункта Зидлунга, ныне Чкаловск Калининградской области). Бой шёл всю ночь. Кузнецов был ранен, но взять высоту фашистам не удалось. Командующий

О подвиге самопожертвования

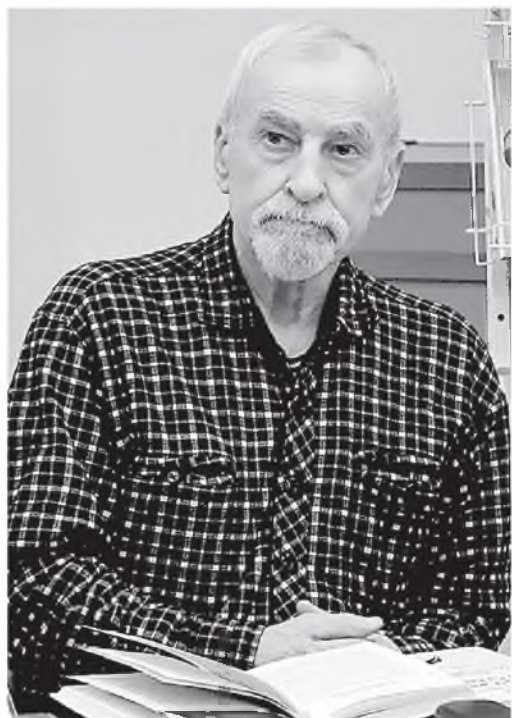
3-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский на документе о подробностях этого боя написал: «За исключительный героизм в битве за Кёнигсберг тов. Кузнецов достоин звания Героя Советского Союза». 19 апреля 1945 года высокое звание было присвоено Николаю Ивановичу.

«Все эти факты его биографии известны довольно широко, - отмечает автор повести о герое. - А вот что касается работы в тылу врага, то она долгое время оставалась засекреченной. В какой-то период

подписка о неразглашении государственной тайны с Кузнецова была снята - и тогда мне посчастливилось общаться с ним, записать рассказы героя о его службе в СД (секретной разведке в фашистской Германии). Из этих бесед и документов, подтверждающих некоторые события, и возникла повесть «Тайный связной». Книга выдержала два издания, общий тираж которых - 5 тысяч экземпляров».

Редакция журнала намерена опубликовать повесть Г. А. Сазонова «Тайный связной» в ближайших номерах.

С ЮБИЛЕЕМ!

Геннадий Алексеевич Сазонов на встрече с читателями в областной универсальной научной библиотеке

Поэт, прозаик, публицист Геннадий Алексеевич Сазонов родился 21 марта 1950 года на станции Пожитово Торжокского района Калининской (ныне Тверской) области. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Более 40 лет трудился в печати, в том числе в центральных изданиях: газетах «Правда», «Труд», журнале «Сельская новь». Автор 36 книг поэзии, прозы, публицистики, изданных в Москве, Архангельске, Вологде. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Геннадий Сазонов удостоен ряда престижных литературных наград. С 1987 года живёт в Вологде. 21 марта Геннадий Алексеевич отметил своё 75-летие. Редакция и читатели «Вологодского ЛАДА» сердечно поздравляют писателя с юбилеем! Крепкого Вам здоровья, дорогой Геннадий Алексеевич! Постоянного вдохновения! Пусть сбудется всё, что задумано!

Меркурий Кузнецов

Меркурий Федорович Кузнецов родился и вырос в Никольском районе. В настоящее время проживает в г. Ивантеевка Московской области. 28 лет служил в армии, подполковник в отставке. Член Союза журналистов России. Автор книг «Уходят годы в бесконечность» и «Отчизны верные сыны» - о кавалерах ордена Победы.

Подарок

РАССКАЗ

Еще не просохшая после таяния снегов дорога, ведущая от деревни Гужово до райцентра, не давала возможности машине двигаться спокойно, без рывков. Колеса «уазика» почти наполовину уходили в колею, скользили по ней, рассекая жидкую грязь. Молодой водитель, знавший каждый метр этой дороги, старался вести машину ровно. Рядом с водителем сидел председатель сельского совета Василий Павлович Подольский. Он, как и три пожилых человека на заднем сиденье, молчал. И только солнечные лучи не замечали этого молчания, весело скользили по лицам пассажиров. Весенний день, перешагнув на свою вторую половину, не сдавался. Теплые волны воздуха, попадавшие внутрь кабины, приятно обдували лица, шевелили седые волосы мужчин.

Федор Павлович Кузнецов рассеянно следил за пробегающими мимо деревья-

ми, бугорками снега в лощинках, пролетающими птицами. Их появление и исчезновение не отвлекало Федора Павловича от размышлений, которые вспыхнули несколько дней назад и тех пор тревожили старика постоянно.

Тогда почтальон, принесший почту, сообщил, что Федор Павлович приглашается в районный центр на торжественное собрание, посвященное тридцатилетию Победы над фашистской Германией. За многие годы после войны такое большое мероприятие проводилось впервые. Почтальон протянул Федору приглашение:

- Вместе с вами поедут еще два участника войны, а также председатель сельсовета.

И как бы упреждая вопросы, добавил:

- Вы же прошли войну с первого до последнего дня, до Берлина.

Федор Павлович провел рукой по чистой столешнице, смахнул невидимые крошки на пол.

- Спасибо за приглашение. Постарюсь не подвести, приду на остановку. Посмотрю, как люди живут, что в центре творится...

После ухода почтальона Федор открыл принесенный им свежий номер районной газеты. В самом деле, в заметке на первой странице говорилось, что в Советском Союзе будет широко отмечаться 30-летие Победы над фашистской Германией. Выходит, районный центр вместе со всей страной готовился к этому мероприятию.

Пока Федор Павлович читал газету, его жена Екатерина сходила несколько раз в простенок (пристроенная летняя комната), побывала в амбаре - видно, что-то искала. Наконец, выбившись из сил, присела возле стола:

- Послушай, Федор, в чем ты поедешь на праздник? У тебя даже костюма и ботинок хороших нет. Господи, что это такое? Тридцать лет прошло, а мы даже нормального костюма тебе не купили.

По лицу Екатерины потекли слезы. Она убираала их концом головного платка, всхлипывая. Федор недовольно крикнул, одернул рубаху, поправил ворот.

- Перестань, - обратился он к жене. - От твоих слез вон даже солнце спряталось. Все хорошо: дети растут, а вчера - помнишь? Получили письмо от начальника военного училища с благодарностью за воспитание младшего сына. Всё идет по-божески. Вот эти пиджак и брюки простирни, а сапоги еще хорошие. Стыдиться не надо!

Екатерина замолчала, внимательно осматривая пиджак с брюками. Всклинула еще разок - и занялась домашними хлопотами: быстро пришила несколько пуговиц, замочила одежду для стирки...

Федор вышел из дома и направился в огород. За ним последовал и петух, но,

быстро поняв, что его подопечным ничто не угрожает, незаметно отскочил. И только кот Черныш, радуясь теплу и солнцу, не отставал от хозяина. Он был его ровесником - конечно, если кошачий век соотносить с человеческим; это равенство и позволяло коту вести себя на равных с Федором Павловичем. Подойдя к огороду, Федор внимательно оглядел изгородь... Руки сами находили дело - что-то подколотить, что-то подправить. Кот улегся сверху на толстую жердь, наслаждался теплом. Его внимание не отвлекали даже воробьи, чирикавшие рядом. Казалось, Черныш тоже знал, что его хозяин скоро едет на торжество, но не торопился делиться новостью со своими подругами: не бабья это забота...

Через несколько минут он догнал ушедшего вперед хозяина. Осмотр заканчивался. Осталось пройти еще несколько десятков метров, когда Федор и кот одновременно увидели приближавшегося соседа. Егор, как и Федор, был сухощав, среднего роста; седьмой десяток и его начал пригибать к земле.

Кот приотстал, как бы показывая свое уважение и к хозяину, и к соседу. Он дал возможность им поговорить и обменяться новостями.

- Здравствуй, Федор Павлович, - приветствовал Егор соседа. - Сорока принесла новость, что скоро едешь в район, будешь там встречать День Победы. Тут соседки рассуждают, что, наверное, будут давать подарки большие. Если что, зови на помощь. От Теребаева до Гужова доставим.

Оба весело рассмеялись.

- Знаешь, Егор, как-то непривычны мне почести, - смущенно заметил Федор. - Кто я такой? Сержант. А ведь соберут, наверное, тех, кто при орденах, в офицерских чинах... У меня - две медали: «За оборону Заполярья» да «За победу над Германией». Я их ни разу и не надевал. Может, и не надо ехать?

• К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Егор внимательно посмотрел на Федора. С лица его исчезла улыбка.

- Езжай. Обязательно езжай, Федор Павлович! - серьёзно ответил сосед. - Езжай от имени всех жителей деревни - мужиков, не вернувшихся с войны, нас, потерпевшихся всякого в немецком плену... Все мы, кто в живых остался, будем с тобой.

- Да, ты прав, сосед. Надо ехать. Нам нечего стыдиться. Свой долг мы выполнили честно. Правда, думали, что после Победы заживем. А получилось так, что с фронта приехали на новый фронт - трудовой. Вот так и трудимся уже тридцать лет без выходных и проходных, без отпусков, без паспортов.

Кот внимательно слушал собеседников, а потом и сам решил принять участие в их беседе. Мурлыча и напустив на себя важный вид, Черныш растянулся между соседями. Всё ему было понятно в людской беседе, кроме одного. Такое в своей жизни он встретил впервые: хозяин Василия гладил его вдоль шерсти, а сосед - поперек. И как будто так и надо! Фыркнув, кот соскочил с изгороди и направился в дом.

Вскоре разошлись и Федор с Егором.

Два дня прошли в будничных заботах незаметно. Только Федору Павловичу долго не удавалось заснуть. Снился Мурманск, где он служил в дивизионе противоздушной обороны; снились налеты немецких самолетов, разрывы бомб, вой сирен; снились друзья - и те, кто погиб, и те, кто дожил до Победы, как он...

Несколько раз вставала ночью Екатерина, подходила к мужу, поправляла одеяло, тяжело вздыхала - и тоже вспоминала о прошлом. Вот она вместе с подругами идет за многие десятки километров на лесозаготовки, вот они тянут за собой плуг, вот сеют и боронуют...

Утром 9 мая Федор Павлович позатракал. Жена принесла чистые и выгла-

женные пиджак и брюки. Нашлись и ботинки еще приличного вида. Присели на дорожку.

- Ну, ладно, пойду потихоньку. А то будут ждать, - простился Федор с женой.

Екатерина подошла к окну, посмотрела на удаляющегося по тропинке мужа, перекрестила его, присела на скамейку.

Машина незаметно въехала в деревню, успешно взобралась на пригорок и остановилась у клуба. Водитель, сам удивившись потом, быстро выскочил из кабины, открыл заднюю дверь и помог выйти ветеранам, которые были явно смущены таким вниманием к себе. Смущен был и водитель Александр; он, может быть, после праздничной встречи с фронтовиками впервые серьезно задумался о прошедшей вроде бы «так давно» войне.

Попрощавшись с попутчиками, Федор направился к дому, стоящему неподалеку от клуба. Сестра жены Антонина, вместе с мужем Василием словно ждали гостя. На столе стоял горячий самовар.

- Здравствуй, Федор, - обрадовалась гостю Антонина. - Спасибо, что зашел. Уже, наверное, и забыл, когда последний раз был у нас? Присаживайся, попьем чайку, отдохнешь немного.

Разлили по пятьдесят грамм, пригубил и Федор.

Василий подсел поближе.

- Ну-ка, Федор Павлович, расскажи, как вас приняли в Никольске!

Федор отодвинул блюдце с чаем, чуть усмехнулся.

- Да что сказать. Приняли хорошо. Собралось нас больше пятидесяти человек - кто помоложе меня, а были и одногодки. Многие при орденах, конечно. Выступили первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома, военком. Рассказали о делах в районе, о событиях в стра-

не. Вручили подарки. Был праздничный концерт. Всё очень хорошо.

Антонина суежилась возле стола, а Василий задумался, потом резко поднял голову, посмотрел на Федора:

- Ты помнишь нашу встречу? Поезд с нами, новобранцами, почему-то остановился возле Мурманска. Мы все прилипли к окнам вагонов. Впервые увидели зенитки, огромные воронки от взрывов, военных, куда-то бегущих... И вдруг метрах в двадцати от окна я увидел тебя. Закричал и ты, повернул лицо в мою сторону, подбежал к окну. Я кричал, что жена и дети живы, дома всё в порядке... И неожиданно замолчал, увидев, что ты плачешь. Ты не кричал громко, но слова твои я запомнил на всю жизнь. Ты говорил: «Господи! Я здесь уже третий год в аду, наверное. Каждый день прощаюсь с жизнью. А ты понимаешь, куда везут тебя? Спаси тебя Господь!» А везли меня на Северный флот. Выжил и там.

Федор Павлович тихо опустил руки на стол:

- Всё помню, Василий. И тебе досталось сполна. Спасибо, хозяева. Пойду до дома. Два с половиной километра - для меня путь немалый.

Минут через сорок он был уже возле Кузнецова, свернул налево и по тропинке направился в Гужово. Пройдя мимо склада с зерном, остановился.

Солнце клонилось к западу. Ветер нес на себе уже прохладу. По недавно вспаханному полю важно сновали грачи и скворцы, стараясь пожить до наступления сумерек.

Дом встретил тишиной и покоем. Екатерина поставила на стол чайник, налила чаю. Федор коротко рассказал о встрече, о встреченных знакомых, передал приветы.

Затем достал из авоськи бумажный пакет.

- Это дали подарок мне.

Екатерина осторожно развернула пакет и достала из него темный шерстяной костюм. Долго рассматривала его, вертела в руках, похваливала:

- Ведь дорогой, наверное.

- Не знаю, такой подарок не мне одному достался.

- А остальным что дали?

- Многим вручили наручные часы.

- Костюм дорогой, да тебе и впору будет.

И вдруг Екатерина замолчала, испуганно глядя на мужа. По его лицу катились крупные слезы. Вот-вот он был готов расплакаться, как ребенок.

- Что с тобой, Федор?

А муж, утирая рукой слезы, говорил, пытаясь успокоиться:

- Понимаю, что костюм - хороший подарок. Но я очень хотел, чтобы мне ручные часы подарили. Вот, думал, будет что послать сыну в училище - ему ведь несколько дней назад двадцать лет исполнилось...

Как могла, Екатерина успокоила мужа. Сыну отослали отцовы старые часы, их он носил с гордостью.

А костюм пригодился. Через полтора года Федора Павловича одели в него, когда он отправился в последний путь.

*Николай
Алешинцев*

27 мая Николаю Созонтовичу исполнилось 75. Три четверти века - важный этап жизни. В нынешнем году - двадцать лет со времени выхода первой книги Н. С. Алешинцева - сборника стихов и рассказов «Час за закатом»; с тех пор Николай Созонтович издал еще три книги. С 2014 года он - член Союза писателей России. Сделано немало - и в жизни, и в литературе. Редакция и читатели «Вологодского ЛАДА» поздравляют с юбилеем давнего автора нашего журнала и ждут новых книг, новых публикаций! Крепкого Вам здоровья, уважаемый Николай Созонтович, чтобы достало сил исполнить всё, что задумано! Божией помощи во всём!

История одной лошади

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я открываю глаза и вижу небо. Бездонное. Голубое. Такое, как на церковных росписях. Мелкие белые облачка, похожие на кудрявых ребятишек, зависли над мной, словно спросить хотят: «Дяденька, вы живы?» А я не знаю. Какое-то время назад точно был жив и в мыслях не имел прямо из седла попасть в рай. Надо же - я в раю? А чего всё вокруг молчит? Так здесь положено, что ли? Все отдыхают от земной болтовни? Или я оглох, ударившись головой о клеверные лиловые шарики, под которыми оказалась очень твёрдая земля? Не пробил, видимо, на нужную глубину. А потому частично жив.

Пытаюсь перевернуться на бок. Спину разрывает невыносимая боль, словно кол в рёбра воткнули. И дыхание тяжёлое. Каждую порцию воздуха с трудом, как надутый шарик, толкаю в рот. А ещё правое плечо болит. Так было в армии после автоматной пальбы. Синяк, наверное, во всё плечо.

Вспоминаю, как оказался в таком беспомощном виде. Медленно переворачиваюсь на левый бок. Больно. Раздвигаю стебли клевера и вижу: впереди, метрах в пяти, - карьер. Наш карьер, совхозный. Глубина метров шесть, а может, и все десять. Гравий хороший. Чуть поодаль деревня, её название - Койка. Весёлый народ - надо же такое название придумать... Речка рядом. Деревянный мост. А на мо-

сту моя убийца. Чего остановилась? Тоже, наверное, в себя приходит; не шутка - на дно карьера прыгнуть. Поняла ли чертовка, что, сорвись мы туда вместе, не только от меня, но и от неё остался бы разве что фарш в конской шкуре? Ничего она не поняла. Всего скорей, первые мгновения после того, как я выпрыгнул из седла, радовалась обретенной свободе, краем глаза наблюдая, как я кувыркаюсь параллельно её бегу, а потому проворонила карьерный обрыв. Когда увидела, было уже поздно остановиться или повернуть. И прыгнула, но не перевернулась в воздухе и смогла упасть на передние ноги, чудом не сломав их. Неужели не покалечилась даже? Мне повезло меньше.

Пить хочется. Горит всё внутри. Надо встать и идти, а то сварись тут в собственном соку. Жаркий в этом году август. Хлебам в пору.

Встал. Качает. Шагнул. Нет во мне живого места. Хотя, если больно, то наверняка есть что-то живенькое. Надо как-то идти...

Венера с места не сходит, стоит, как приколоченная. О чём думает, интересно бы знать? Не обо мне. Я для неё - досадный придаток, от которого всегда хочется избавиться. А вообще: она способна думать? И как ко мне относится? Кто я ей - враг или столб, о который хорошо почесаться мордой, сгоняя слепней и комаров? В недавние времена ей приносило великое удовольствие выбросить меня из седла или кошёвки, пронестись по просёлочной дороге до деревни и, выбив грудью конюшенные ворота, а заодно размолив дверку стойла, сунуть голову в кормушку и, словно ничего не случилось, уплетать заранее положенное конюхом сено. Узнав о её фортелях и моих травмах, директор совхоза приказал отправить Венеру на мясокомбинат, но я возмутился, и благодаря этому она до сих пор жива и здорова... Чего не скажешь обо мне.

Подхожу к мосту. Замечаю, что сброшенные через голову лошади поводья попали под «щётку» правой ноги. Вот почему она не рыпается! Не может терпеть, когда повод щекотит ногу в этом чувствительном месте. Вот и стой. Всыпать бы тебе, дражайшая моя Венерушка. Отхлестать, на глазах почтенной публики. Да только публики нет, да и плётку, которую мне цыгане подарили, ты предусмотрительно сожрала ещё в прошлом году. Так ни разу я тебя и не успел огреть. Гуманность проявлял, будь она неладна. Конечно, ум плёткой не вобьёшь.

Сосед вон, Матвей Ильич, какие только казни египетские своей благоверной не учинял, а она как вообразила из себя столбовую дворянку, так до сих пор наотрез отказывается готовить еду и посуду мыть. Целыми днями ногти пилит и раскрашивает. Сосед по пьянке рычит, и пальцы обещает отрубить по локоть, даже поколотит порой в воспитательных целях, а ей всё до лампочки. Надуется ещё. По неделе молчит.

Вот и с тобой так же. Привыкла из себя принцессу корчить: десять лет тебя кормили и поили, работой не утруждали, а всё потому, что директор, страстный любитель лошадей, купивший тебя на племя, уже в следующем месяце в другой совхоз направлен был - несколько с другими целями. А без него никто связываться с тобой не захотел. Была попытка: мужики на масленицу решили в розвальни впрячь. Ну и что? Вот уж когда ты озверела!.. Била копытами, кусалась, рвала накинутый на шею аркан. Сломала всё, что ломается. Даже бригадирову ногу из сустава выбила. Бедные мужички, спасаясь, в стойла к другим лошадям запрыгивали.

На этом бы всё и закончилось. Да приехал зоотехник с центральной усадьбы. Сам - метр с шапкой, а до того боек да настойчив, что заставил мужиков под своим руководством снова кобылу уму-разуму учить.

- Нельзя ей потакать, мужики, - говорил, - надо своего добиваться во что бы то ни стало! Только раз отступимся, всё: никогда уж из неё нормальной лошади не будет. А она ведь породистая, дорогая, зараза. Надо обучать.

Плетусь и мыслю вот так. Венера голову ко мне повернуть хочет. Может, поняла тварь, что с такими выкрутасами и на мясокомбинат можно угодить. Отступлюсь от неё - приговор быстро подпишут, поскольку охотников с ней связываться больше не найдётся. Что-то закружило мою голову. Сел на мостовой отбойный брус, чтобы не упасть.

Расположились средь бела дня два поражённых в правах существа. Я - от ушибов, она - из-за характера своего сволочного, по телику бы сказали, «из-за любви к свободе». Тошнить меня стало. Вспомнил одного скалозуба: «Если б мозги были, было бы сотрясение». Похоже, что у меня они есть. И на том спасибо.

Спустился к речке. Попил воды, лицо сполоснул. Посидел в мостовой прохладной тени. Полегчало маленько. Что же мне с этой стервой делать? На мосту садиться в седло опасно; запросто в речку сиганёт. А сдаваться ей нельзя, зоотехник прав. Отдохну и уведу подальше от карьера. Башку её пустую сразу к небу задеру, чтоб удила пасть рвали, если задумает «прыжок в рай» повторить.

Кто домашних животных только по телевизору и на пастбище видел, лютует, глядя на кнут в руках пастуха, да клянёт кинологов, когда те плёткой или палкой своим питомцам грозят. Именно у этих сентиментальных господ и барышень не знающие воспитания четвероногие и погибают и калечатся чаще. Да и травят их эти «любители спокойствия и санитарии» с большим успехом. Мои московские друзья перестали со мной разговаривать, увидев, как я ударил выдранным из старой изгороди колом тонущую в болоте пару ло-

шадей, запряженных в косилку. Не обижаюсь. Откуда им знать, что только таким «варварским» методом можно было спасти погибающих лошадей. Удар был страшным и болезненным. И эти страх и боль сделали животных сильнее. Рванули так, что не менее тонны торфяной грязи выбросили на суходол и сами вылетели, словно из преисподней: чёрные, в лохмотьях травы и ивовых корней... Остановились, тяжело и с прихрипом дыша, почувяв земную твердь. Давно не верящий ни в Бога, ни в чёрта косильщик подбежал ко мне и как заводной повторял: «Слава тебе, Господи! Слава тебе, Господи! А я уж в мыслях в тюрьму наладился. Шутка ли? Отборных лошадей утопить. В косилке-то не каждая работать может».

- Как же ты недоглядел?! - спросил я сурово и пошёл в машину, где как раз москвичи сидели и смотрели, как я лошадей спасаю (или унижаю всё-таки?..) А там - гробовая тишина. Как сейчас. Ничего не стал объяснять. Дулись долго. Особенно дамы.

Вот и сегодня; увидели бы, как я в кровь рву губы любимой моей лошади, чтобы спасти её от прыжка в карьер, получил бы я общественное порицание и звание изверга. Хорошо хоть никого нет. Остановился. Венера - вот же змея подколотная! - голову мне на плечо положила, ласково так, как будто извинения за прошлое просит. Глаза коричневой влагой блестят, того гляди - заплачет. Только меня не проведёшь и не разжалобишь. Преодолевая боль, взгромоздился в седло и, перехватив повод двумя руками, рванул так, что лошадь вынуждена была вывернуть шею и едва не упала. Момент, когда, опустив голову к земле, она могла повторить фортель с карьером, был ею окончательно упущен. Сейчас я её повелитель.

В груди закололо. Рёбра, видимо, всё-таки сломаны. Надо домой. Пусть хоть медик посмотрит. Задрал лошадиную шею

аж до седельной луки. Пыталась Венера сделать «свечку», да не вышло. Ломанулась перейти в галоп, но железные удила врезались в губы. И тогда она «затанцевала», высоко поднимая передние ноги, а стоило чуть ослабить поводья, перешла на свою знаменитую размашистую рысь. Малейшее напряжение на поводе заставляло её поворачивать ровно настолько, насколько было необходимо мне. В те минуты я снова влюбился в неё и простил ей и сломанные рёбра, и разбитое плечо, и возможное сотрясение мозга. Венера набрала скорость, и я закачался, словно в зыбке, а встречный ветер прижимался к лицу невидимой прохладной ладонью, отгоняя жару.

Боль в теле утихла, и недавние прокурорские мысли мои плавно перестроились в защитную для подсудимой речь.

Ну, было, было: ещё при том, первом курсе обучения, когда мужики, воодушевлённые зоотехником, всё-таки надели на потную морду Венеры две узды (одну под язык, другую повыше), она так разъярилась, что вылетела на крышу хомутной всеми четырьмя копытами, но не удержалась и, соскользнув по кровле, разбила в кровь левый глаз. С тех плохо видит всё, что слева, и при любом звуке с той стороны сейчас резко прыгает в сторону, всадник летит по прямой - конечно, если её маневра не ожидает...

Сколько раз зловредный характер любимой моей кобылки был причиной происшествий, приближавших меня к инвалидности и даже гибели, но - как-то всё обходилось. Одна старушка, зная обо всех моих злоключениях, доказывала своим подружкам, что у меня хороший ангел-хранитель. Не знаю. Видеть не приходилось. Но раз пишу эти строки - значит, кто-то меня бережёт.

В посевную, каждое утро, когда вечерняя заря перерождалась в утреннюю, я седлал Венеру и, жестоко подавляя её же-

вание сбросить всадника, направлялся в поля, чтобы проверить, готовы ли они к посевной. Немного поурасив и, видимо, почувствовав мою власть, лошадь перерождалась. (Урасить - не слушаться, пытаться сбросить всадника). Конечно, всегда надо было быть начеку, но как только тропа или дорога позволяли, лошадка переходила на рысь и в это время становилась совершенно послушной, хотя и азартной. Надо было видеть со стороны, когда, вылетев из тесноты и грязи весенних просёлочных дорог на поле, она на какое-то мгновение останавливалась, поднимала голову и, раздувая ноздри, всматривалась в простор, словно выбирая более удобный для себя путь. Возможно, в эти минуты лошадь ощущала древний зов вольнолюбивых предков, слышала гул копыт пробегающего табуна и хотела немедленно к нему присоединиться. Без какого либо напряжения она выбрасывала красивые, чуть суховатые ноги вперёд и, словно захватывая ими и время, и пространство, переходила на удивительную размашистую рысь.

Нет, она не бежала, назвать тот её ход бегом - извращение. Она плыла и, вытянувшись над зеленью едва прощипнувшейся травы, превращалась в какое-то живое, стремительное пламя. Вот оно откуда: конь-огонь. Недаром в древности о лошадях рыжей масти говорили: огнём поцелованы... Венеру, видно, целовали долго, у неё только на лбу белое пятнышко осталось. А скорость, скорость какая?! Казалось, ещё миг - и она, оторвавшись от земли, поднимется в небесную голубизну и уж никогда не вернётся обратно. Я знал, что все, видя её в минуты полёта, испытывали восторг. Что даже конюх, которому она своими капризами, по его же выражению, «всю плешь переела», влюблялся в неё в такие минуты.

Что уж говорить обо мне, грешном. Вот и сейчас с ней что-то стряслось; несёт меня к дому бережно, но так быстро,

что кусты и деревья по обочинам дороги мелькают, словно кадры оборвавшейся киноплёнки. Возликовала душа моя: я победил этого своенравного рыжего зверя! Нет, не буду мстить за ушибы и боль. Наверное, я ему тоже не очень нравлюсь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Говорят, в прошлом мы были не теми, кем живём сейчас. Венера наверняка была королевой большого свободолобного народа. Иначе откуда у неё такой гонор и такое обострённое чувство свободы? Не потому ли съела плётку? Да и любовь к полемому раздолью, вероятно, - отражение привычки к безраздельной власти. Иначе как объяснить, почему ей всегда хочется быть первой?..

А ещё, я заметил, она любит себя. Как она любит себя, особенно когда удаётся лететь по берегу реки, в которой она отражается... Надеюсь, когда-нибудь, будучи уже степенной и мудрой, Венера откроет мне тайну своего перевоплощения. Представляю, начнёт она свою исповедь, скорее всего так: «Быть королевой людей тяжелее, чем терпеть на себе седло с одним-единственным человеком. Всадник, хоть и ничего не смыслит в психологии королей и лошадей, но он один, и можно как-то приспособиться. Например, влюбиться в себя. Или позволить ему вообразить себя всемогущим, способным покорять не только сильных животных, но и целые народы. «Чем бы дитя ни тешилось...» А когда людей много, всегда находятся недовольные и завистники. Вон даже горбатый паж, в своё время прикормленный отцом, увидев, как я выезжаю на охоту на своей стройной, отлично воспитанной Капельке, не упускает возможности съязвить: «Две кобылы!» Это ничтожество считает, что все, у кого нет горба, - уроды, подлежащие уничтожению или рабству. Но отец его хранил, раз-

решал дурака валять, издеваться над крестьянами. А всё потому, что подкупленный звездочёт предсказал королю смерть в один месяц с горбуном. Не сбылось. Отца нет. А горбун, лощённый и оттого ещё более гадкий, продолжает плести интриги и делать пакости... Тяжек крест королевский. Ой, тяжек. Надо смеяться, когда не смешно, плакать, когда весело, проявлять благородство и великодушие к подлецам, хотя справедливее было бы отправить на гильотину. В этом смысле, с горечью думала она, моя кухарка имеет больше привилегий, чем я. Даже моя любимая лошадь Капелька и то более свободна. Последнее время мне стало стыдно на ней ездить. Она так любит меня, о её дыхание можно греться, а глаза такие большущие, что я могу в них смотреться. Может, она и не лошадь вовсе. Может, я смогу, как она, принадлежать одному человеку и покоряться только ему. Стать свободнее королевы!» А потом она стала Венерой. Красивой и сильной. Вот только упрямство осталось королевским...

Сменив гнев на милость, её бывшее величество несёт меня к ближайшему медпункту. Слухи о том, что Венера снова покалечила меня, дошли до директора.

- Хватит. Эта зверина оставит меня без управляющего, - выговаривал он зоотехнику. - Немедленно на мясокомбинат. И никаких «но»!

Через неделю меня отправили за сенами на железнодорожную станцию. Вернулся поздно вечером и, сдав груз на склад, зашёл на конюшню. Венеры не было. Конюх сидел в хомутной и мрачно курил. Недопитая «маленькая» сиротливо томилась на столе. Разлив остатки водки по стаканам, конюх один из них аккуратно подтолкнул ко мне и рассказал, как погибла лошадь:

- Где-то в девять пришла с центральной усадьбы машина с наставленными бортами. Зоотехник приехал. Сказал, что Венеру

переводят в центральную конюшню. Только я всё понял. А спорить бесполезно. Не доуздок и верёвку для привязи дал старые: всё равно обратно не вернут. Погрузили лошадку с трудом: не шла по сходням, и всё; оглядывалась почему-то. Впервые услышал я, как она заржала - жалостливо так, словно плакала... Хорошо, что тебя не было.

Конюх вздохнул и продолжил:

- Всё-таки загрузили нашу Венеру... Водитель Валька, знаешь его, на дорогу выруливает, и вдруг лошадка встала на дыбы, рванулась, порвав верёвку (эх, зря я плохонькую дал), и взвилась над дощатым бортом. Охнули собравшиеся зеваки. В какое-то мгновение мне показалось, что пролетит она дорогу и унесётся от нас зелёным ячменным полем... Не случилось. Травмированный левый глаз не позволил

ей увидеть лесовоз, шедший на обгон... Метров двести тащило кобылку под машиной. Кровищи было... Да чего теперь говорить. Жалею. Королева - и в лошадином виде королева. Другой вон - обличем человек, а хуже свиньи, прости Господи. Выпьем!

Мы помянули погибшую душу (да-да, есть у лошадей душа, не может не быть!). Выходя из хомутной, я подумал: «Пусть будет больно! Это слишком - просто выпить и забыть. А я не хочу забывать. Не хочу! Пусть будет больно... Как же я оставил её одну? Совсем одну, среди людей, чувствующих только свою боль, и равнодушных машин?»

Было темно. Даже на западе, где солнце, уже выбиваясь из сил, обычно ещё освещает горизонт, тоже не было просвета.

ОТ АВТОРА

Друзья! Простите мне столь объёмный рассказ о лошади. Очень уж она врезала себя в мою память. Деревенские дети как-то особенно относились к лошадям и собакам. Возможно, потому, что в бедах и радостях, в трудах и играх они были самыми настоящими друзьями. И гибли, помогая нам жить...

Я и раньше считал жителей нашей страны особо выдающимися в части отношения к литературе и к реакции на чужие радости и чужое горе. Люди разные, но мне до сих пор кажется, что я живу среди тех, кто не может прятать свою радость и свои слёзы, потому что они - основа восприятия окружающего мира.

Тем более становится обидно, что кто-то пользуется проявлениями самых чистых, иногда наивных чувств для того, чтобы обмануть, посмеяться и побольнее ударить. Как-то так получается, что в сегодняшнем искусстве за героев почитаются подлецы и воры всех мастей, и их так много, что таким понятиям, как совесть, сострадание и любовь просто негде быть.

Это длинная тема, и не хочется обсуждать её всуе. Но, как писал Лев Ошанин: «И всё-таки сквозь хлам словес избитых, среди известных подлецов и шлюх, от сердца к сердцу, словно вдох и выдох, за горизонт времён летит - люблю!» Я искренне рад, что тех, кто находит время настроить струны своих сердец на добрые чувства, не становится меньше. А ещё я знаю, что великие победы и великие открытия подвластны тем, кто любит окружающий мир. И делится этой любовью.

Виктор Плотников

Нынешний год - юбилейный для давнего автора нашего журнала: 8 марта В. А. Плотникову исполнилось 75 лет. Для писателя текущий год значителен вдвойне: Виктор Александрович завершил многолетний труд над романом «Когда мы будем вместе, или Герой нового времени». Книга уже печатается в вологодской фирме «Полиграфист». Первые главы романа публиковались в нашем журнале еще в 2006 году. Редакция «Вологодского ЛАДА» горячо поздравляет Виктора Александровича с юбилеем! Желаем духовной крепости и телесных сил, чтобы воплотить все творческие планы! Виктор Александрович Плотников родился в 1950 году в районном центре Сандово Калининской (ныне Тверской) области. Учился в Ленинградском техникуме авиационного приборостроения и автоматики. Окончил Высшие литературные курсы. Лауреат Международной премии имени М. А. Шолохова. Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

Камень

РАССКАЗ

- Валун пополз!

Заполошные вопли Лашутихи разнеслись по деревне. Старушка бежала по улице, размахивая руками, оповещая всех:

- Пополз, к ручью пополз!

Напуганные криками, подошли женщины. Вслед за женщинами приковылял Ваня «Хо». С другого конца деревни подлетел на «Беларусе» Лёнька Гусев. Узнав причину сборища, только сплюнул, но остался послушать. Увидев сына, запостукивал папиросой о тёмный от мазута ноготь: не любил он хождений сына к валуну. Петька, увидев отца, спрятался за спины женщин. Откуда-то вынырнули братья Стёпкины. Старший, Володька, подошёл к Петьке, и они о чём-то зашущукались.

Старушка, поуспокоившись, заметив заинтересованность в глазах собравшихся, уже красочно стала расписывать, как она шла по черничнику, а ягоды оборваны, кое-где мелочь рассыпью чернеется, а ближе к камню напала на пяточок, только в раж вошла, а тут как взрвёт с выдохом, аж ветер над головой шумнул: «Корзина в одну сторону, я - в другую. Не помню, как к деревне вынесло».

Любопытствующие только ахали. Ваня «Хо» изумлённо поглядывал на пучившую глаза Лашутиху, недоверчиво прищёптывал:

- А валун-то качнулся али пополз?

- Не видела, но слышала, как под ним хрустнуло, протяжно так захрустело...

- А штаны проверяла? Может, из тебя этот хруст пошёл...

Гусев не удержался, хохотнул, выдохнув полной грудью густой дым. Лашутиха, как гусыня, взвилась, зашипела на обидчика:

- Ах ты, старый пердун! Это ты сейчас обмараешься, - она выхватила у него посошок и заторкала в тощий бок. - Проваливай от греха, а не то...

Лашутиху успокоили, оттеснили от старика. Не дали обломать посошок, вернули деду. И тот долго вздыхал, подтаркивал в брюки выбившуюся рубаху.

Переглянувшись, Володька с Петькой незаметно отошли от младшего Стёпкина. Игорёк, спохватившись, бросился за ними.

Ваня «Хо» стоял в раздумье, куда бы направиться, но додумать не успел. Игорёк чуть с ног не сбил. Ваня «Хо» попытался прихватить паренька за рукав, но тот вывернулся.

- Охо-хонюшки-хо-хо, куда вас черти несут? Вот оглашенные...

Игорёк только взвыл и понёсся догонять убегающих.

За деревней друзья обогнули поле, по которому разбрелись коровы. Гусев настоял сделать крюк, чтобы пастух не догадался, что они идут к камню, и никому не рассказал. Трава поднялась, местами спутывала ноги, пестрела цветами. За угором раскинулась шелковистым ковром.

- Хороша трава, второй укос, а сочная, скоро косить начнут, - Володька на ходу сорвал пучок, приложил к лицу. - Запах... понюхай...

Гусев отстранил руку товарища, прислушался к еле слышимому перекатному шуму воды:

- Ручей скоро. Давай к Петиной горке, к роднику завернём.

Он выломал лозу и с вжиканьем сёк воздух, расчищая путь от осоки и папоротника. В тени кустарника настояв-

шийся воздух пропитался прелой травой. Мошкара липла к лицу, приходилось отмахиваться сорванными ветками. Всё настойчивее звучал комариный гуд. На выходе насекомые с остервенением набросились на ребят, пришлось спастись бегством.

На открытом месте ветерок остудил разгорячённые лица. У родника умылись. Кто-то недавно побывал - на дне поблескивали монеты. Пока доставали, кисти рук занемели от ледяной воды.

Пересчитав, Володька удовлетворённо выдохнул:

- На мороженое хватит.

Струйка воды скатывалась с жёлоба, крутила по дну лёгкие заверти, и они выписывали замысловатые узоры. Гусев склонился над водой:

- Смотри, словно ручкой пишет. Хочет что-то поведать... вот бы знать, о чём? Старый ключ, многое повидал. Недаром на склоне камень с крестом лежит, - Петька осёкся, замолчал.

Пару лет назад случайно наткнулся на вросший в землю камень. Прошёл бы мимо, но показалась странной игра света на поросшей мхом поверхности. Будто косой крест высвечивался. Содрал рукой зелёную поросль и почувствовал под пальцами углубление. И ещё больше удивила подсунутая под камень материя. Выдернул, а это нижняя женская рубашка, недавно положенная. Торчали из-под камня и другие истлевшие лоскутья. Хотел отбросить в сторону, но что-то остановило, и затолкал на прежнее место. Брезгливо омыл руки в роднике. Но почему-то никому не рассказал о находке и сам к тому камню больше не ходил.

Глаза Володьки вспыхнули:

- Что за камень, большой? На какой стороне? Вроде близко никакого камня нет, никто не говорил. Покажи, где...

Гусев пожалел о сказанном, но делать было нечего.

- Поклянись, что никому не скажешь. Раз о нём не говорят, значит, так надо. И мы должны молчать.

Володька послушно кивнул, скороговоркой зачастил:

- Клянусь воздухом, которым дышу, клянусь водой, которую пью...

Прихлебнул из пригоршни ледяной воды, омыл лицо. Этой клятвой в деревне вся детвора клялась. Кто-то из стариков научил, так и повелось.

Не сразу вспомнил то место, поплутали в зарослях. Натыкались на ямины, овражки, не склон - черторовины одни. Всю паутину собрали, пока впереди не просветлело. Вроде и здесь проходили, но ничего не видели. Крутило вокруг, а глазам не давалось. Нырнули под кустики и замерли. Крохотная полянка в полумраке от сора расчищена. Свет шатром сквозь деревья сеется, и камень, словно в прозрачном дворце, внутри солнечного окружья лежит. С восхищением и страхом смотрели на игру света. Вдруг солнце облаком закрылось, и растворился сказочный терем. Потемнел камень, укрылся травой. Володька теребит Гусева за рубашку, тянет назад:

- Пойдём. Ну его. Что мы, камней не видали...

Шли молча, пока на тропу не вышли. Гусев только раз спросил:

- Видал?

- Да... Башенки, башенки... дворец да и только. Привидится же такое...

Володька вздохнул с облегчением, успокоился собственным заключением. Подытожил:

- Перегрев на солнце.

Прошли лесные островки, словно сеткой разделяющие поляны, и вышли на луговину, сплошь покрытую сорной метлицей. Пошли, подминая метельчатую траву, прямо на ельник. По краям краснел иван-чай, ало блестел на солнце. Жаркие лучи протыкали жиденькие облака и, не задерживаясь, калили землю. Отмахива-

ясь от слепней сорванными метёлками, оставляли за собой глубокие утопанные борозды.

Володька нетерпеливо прибавлял шаг, обгоняя друга, желая выйти к валуну первым. Гусев не гнался, шёл позади, лишь изредка улыбался его торопливости.

Лапник загустел, не просвечивался солнцем. Пришлось согнуться, поднырнуть под ссохшие ветки. Поперёк протянулась муравьиная тропа. На ней кипела жизнь: муравьи, не задевая друг дружку, сновали взад-вперёд. Гусев огляделся, заметил за стволами игольчатую насыпь. Чуть в стороне высился другой муравейник. Пока разглядывал, Володька исчез за деревьями. Выйдя из глухого ельника, Гусев вдохнул воздух, на миг показавшийся прохладным после застоявшейся духоты.

Володька остановился в нерешительности перед камнем. Что-то величаво-грозное таилось в камне, его неподвижности. Стоял он крепко, всей подошвой вдавливался в землю. Володька осторожно шагнул, ожидая воздействия неведомой силы. Не оборачиваясь, произнёс:

- Стоит. Не похоже, чтобы двинулся, - нагнулся, рассматривая основание. - Врёт Лашутиха. Если раньше и передвигался, то ветром. Знаешь, какие были? Ого-го, вертогорами прозывались. Дунет, враз перевернёт.

Володька, уже не опасаясь, положил руку на валун и тут же отдернул. Гусев усмехнулся:

- Толкает?

- Не, укололся, - и снова приложил ладонь к поверхности. - Дрожит...

- Это у тебя рука дрожит.

- А ты послушай, - Володька прижался ухом к валуну. - Как в ракушке. В том году, помнишь, нашёптывали желания и слушали, что в ответ скажет. Сам учил. Я все губы в песке извозил.

- Я пошутил, а вы поверили.

- Ах, так...

Володька бросился за товарищем, и они со смехом закружили вокруг камня.

Валун, казалось, угрюмо взирал на суету вокруг себя. Бегают ребята, резвятся, за ними следы-тропочки перепутываются, не замечают, как голоса с вибрацией камня сливаются. Затряслось каменное тело, песчинки на поверхности заприплясывали, тонкими струйками вниз побежали. Не замечают друзья, как уплотняется воздух, силой полнится. Свет из вершины волосьями стекает, закаменелая рука бугор ощупывает: то не бугор, а колчан с калёнными стрелами. Тень у камня затряслась, пытается оторваться. Горланящий клёкот из нутра рвётся. Сотрясается пространство, того и гляди оживёт валун, пойдёт супостатов бить.

Гусев, спасаясь от Володьки, к камню прижался, попытался на него вскарабкаться. Почувствовал телом мелкую дрожь и затихающие булькающие звуки. Совпали ритмы, и где-то глубоко внутри возникло ощущение не музыки, но созвучия. Словно позвал кто. Притих Гусев, прислушался, но ничего больше не отозвалось.

- Ты что?

Володька остановился, увидев застывшее лицо друга. Петька ничего не ответил, лишь слабо махнул рукой. Устало опустился на корточки:

- Поздно уже, пора домой.

Володька не стал возражать. Он и раньше не верил рассказам о таинственной силе валуна, теперь же в очередной раз убедился в этом. Но чувство неуютности после рассказов Гусева испытывал. На прощание похлопал валун ладонью:

- Стой, где стоишь. Придём в следующий раз, а тебя и след простыл, и что нам без тебя делать?

Всю дорогу молчали. Володька смотрел на притихшего друга, пытался вывести причину перемены настроения. Но на все вопросы тот отмалчивался. Кто пове-

рит, что камень живой. А он живой - в это Петька поверил окончательно.

Друзья ещё не знали, что младший Стёпкин сумел отомстить за своё унижение. Встретив Петькиного отца, он тут же рассказал о валуне. Гусев только желваками стрельнул, но рассердился не на сына. Желание свалить камень вспыхнуло с новой силой.

Эта мысль не давала покоя и по ночам. Прикидывал, как сподручнее утопить в болоте...

Во сне грезился низвергнутый камень, и он, Лёнька Гусев, стоял на нём.

С утра день у Лёньки не задался. Вечером, заглянув в комнату сына, обругал:

- К камню таскаешься, а черники в доме ни ягодки. Люди ведрами носят. Всё вынесут, придётся на дальние болота идти! «Петюнька, дорогой, милый...» - передразнил жену. - Лоботряс растёт, в восьмой класс пойдёт, а пишет, как курица царапает!

Дородное Любкино тело колыхнулось, руки тут же упёрлись в пышные бёдра.

- Сам-то как писал, гусь ощипанный, забыл?!

Сухопарый Лёнька взвился, как укушенный, от детского прозвища. Знала жена, чем сразить, разом осаживала. Хрястнул дверью и ушёл на сеновал спать. Всю ночь проворочался под коровьи вздохи. Ещё долго оглашенно вскрикивала Люба, выскакивала в сени. Лёнька давился обидой, кусал губы, чтобы не ответить. Не хотел очередного скандала и сам себя ругал: «Зачем не удержался, на сына накричал...»

Утром дождался, когда жена вывела корову со двора. Слушал, как она ласково приговаривала: «Пташечка, ласточка моя...» Корова ответно мычала, слышно было, как торкалась влажными губами в ладони, слизывала хлеб. Лёнька затаённо вздыхал и думал, чем с утра заняться. В лесу он свалил украдкой несколько дере-

вьев и теперь надеялся распилить и завезти в Нефедьево Копотиловой Алёне - восьмидесятилетней старухе. Та обещала выдать жидкой валютой, никогда не обманывала и рассчитывалась щедро. Лёнькино лицо оживилось, приняло осмысленное выражение. Побродил по ухоженному двору в поисках пропавшей воронки. Накануне воткнул на огородный колышек - и вот пропала, как сквозь землю провалилась. Остановившись у сарайки, ещё раз окинул взглядом изгородь, нащупал дверной завёртыш и, открыв дверь, сразу увидел на полке красную пластмассовую воронку. «Нарочно переложила, - злобно подумал он. - Порядок любит». Уже неспешно залил топливом бензопилу, разобрал и сложил в рюкзак вместе с флягами с маслом и бензином. Через огород вышел на проулок и, нескладно закидывая ноги, пошёл в гору. За деревней перемахнул большак и углубился в подлесок, надеясь выйти вдоль ручья к валуну, а там и потайное место рядом. Сутулясь, бойко махал через валежины, обходил тропку стороной. От быстрого шага розовел лицом, радовался отсутствию председателя. Алексей Васильевич до восхода укатил в соседний район на переговоры с перекупщиками, те неожиданно отказались от осенней закупки картошки, и председатель, подогревая себя нехорошим предчувствием, надеялся перехватить их по дороге, заранее соглашаясь на любую цену.

В лесной прохладе Лёнька успокоился, ушло с лица раздражение. Быстро разогрелся, двигаясь по бездорожью. Время от времени шевелил плечами, поправляя рюкзак. Левая ляжка истончилась, резала сквозь рубаху кожу. Петля между кустов, шёл размашистым шагом. Уткнулся в давнюю порубку. Место залесилось молодой порослью, плотнившейся у пней. Подал левее, подальше от непролазной болотины. Планировал распозгать деревья за час и вновь затихариться дня на три. Если

разговор по деревне не пойдёт, подогнать трактор со стороны валуна. Подъезд крепкий, за пару часов управится. Раньше на такое не осмелился бы, а сейчас, после развала страны, и деревенские смотрели на это сквозь пальцы. Озлобились люди на власть: если им на народ наплевать, то и гори всё синим пламенем.

Дорога выправилась. Сапоги мяли спутавшуюся траву, хрустко проваливались в мшистую, усыпанную листвой землю. Откуда-то сверху горстью брызнула лосиная вошь, вбилась в волосы. Отмахиваясь, Лёнька рысью дёрнул в сторону. На поляне перевёл дух, выдирая насекомых из волос. Влажные от росы голенища заблестели на солнце. Сочилась из-под подошв выдавленная вода, кантовала сапоги серебристым светом. Теплился воздух, завесой играл, прогретый на солнце. Лёнька наблюдал движение воздушных струй, и там, в лёгком мареве, среди деревьев проступал контур огромного валуна.

Леонид действительно недолюбливал огромный камень, даже пытался «Беларусом» затолкать в болото, куда он, по преданию, был выброшен. Говорили, пять веков полз, хотел до церкви доползти, там, в древности, его место было. А как из храма все крещёные камни выкинули, он и остановился. За церковью до сих пор расколотые лежни валяются, и высеченные кресты на них просматриваются. Гонения на староверов начались, до этого они со всеми в церковь ходили; и сколько их поубивали?.. И пошла смута по Руси гулять...

Всё это Гусеву было безразлично, и всегда проходил возле камня без напряжения. А сегодня вдруг закаменел. Ноги застыли, налились ледяным холодом. Тупо смотрел на валун, и казалось ему, что и валун смотрит на него. Не отвёл взгляд, стоял, с трудом переминаясь. Собрал силы в кулак и двинулся с места. Мотало Лёньку из стороны в сторону: то влево шагнёт, то вправо. Озлился на камень, набычил-

ся, шёл как против ветра. Невидимая сила упёрлась в грудь. Замечал Лёнька и раньше сопротивление воздуха возле камня. Воспринимал как игру: кто кого? Каждый раз, подойдя, снисходительно похлопывал ладонью по ребристой поверхности, мол, знай, кто здесь хозяин. Не верил деревенским рассказам о живой силе камня, а тут страх ознобом окатил. Почувствовал вибрацию воздуха, едва слышимое гудение, охватившее пространство. Не замечал, как нашёптывал: «Сворочу я тебя, трактором в реку затолкаю. Ишь, выползень, моду взял по земле шастать». Колбалась земля под ногами, казалось, и валун не стоит на месте, в солнечном мареве огненной лавой к небу изливается. Того и гляди испепелит вселенную, смешает миры и обрушит небо на смертных, не ведающих, что творят.

Упёрся Лёнька в камень - и оглушило внезапной тишиной. Вскинул голову, а над ним великан в облака упирается, солнечные лучи-волосы по плечам разбегаются. Лёгкий вздох сотряс каменное тело, и всё успокоилось. Вновь застрекотали птицы, зашумела листва над головой. Лёнька передохнул, привалился плечом к камню, дивясь наваждению. Прямо перед ним атели гроздья одинокой рябины, за ней красовались молоденькие ёлочки. Дальше берёзы, старые и молодые, зеленели поредевшей листвой, а за ними стена потемневших от времени елей. И над всем этим, по горизонту, белёсое небо, очищенное от облаков.

Вспархивали невесть откуда взявшиеся мотыльки, витиевато вились в беспорядочном движении. Лёнька неловко переобулся, вытряхнул из сапог набившуюся листву. Сминая траву, снова пошёл буром, оставляя за собой тёмный след вдавненных, уже подсыхающих с корня, стеблей. Медленно просачивалась ржавая болотная вода, серебрила пробитую тропу. Мотыльки метались перед лицом, сыпа-

лись в стороны и снова сбивались, сопровождая Лёньку до березняка, а там, подхваченные ветром, исчезли в кустарнике. Выйдя на пригорок, потопал сапогами по плотной почве, сбивая с голенищ влагу. Оглядел видневшиеся вдали аккуратно поваленные деревья. Стволы лежали ровно, верхушками в одну сторону. Норовисто, уже не опасаясь, завёл пилу и несуетливо, привычными движениями, стал смахивать сучья. Также сноровисто раскатал деревья на чурбаки. Хотел стаскать в одно место, но передумал. Нужно было до одиннадцати показаться в конторе - бережёного Бог бережёт.

Резво бежал Гусев обратную дорогу, иногда всдохотывал, вспоминая наваждение у камня. В такие минуты злобой косилось лицо, щека вздрагивала, кривила рот. Желание затолкать валун в болото крепло.

В контору, как и планировал, успел до одиннадцати. Лебедев ещё не появлялся, и Лёнька развалился на стуле. Вера Петровна оторвалась от бумаг, глянула на сидевшую за другим столом Зину Прокопьеву. Та не обращала внимания на Гусева. Заметив налипшие на брюках свежие опилки, поинтересовалась:

- Пилил? Вроде не слышно было...

Гусев заелозил ладонью по штанине, махнул неопределённо рукой:

- А-а, извозился где-то. Общее собрание собирают? Вы-то как, за колхоз или разбежаться - и дело с концом? Имущество на паи раскинем...

- Колесо от сеялки ты получишь! - Вера Петровна не выдержала, прихлопнула стопку бумаги. - Землю разделили, и что? Колхозу паи скупать нельзя, только на сторону. Ведь разор полный! Не знаешь, как зарплату закрыть. Хорошо, лес выручает. Доску под Москву гоним, там оптом скупают. А когда закончится? Левые дрова где заготовишь?

Гусев поморщился, заглянул за плечо Зинаиды, но та прикрыла рукой vedo-

мости. Не поднимая головы, недовольно выдохнула:

- Не мешай.

- Конспираторша.

- Ты же с утра на льне должен быть...

Или всё закончили?

- Рулонник ремонтировал, к вечеру смотаем.

- Леонид, уйди.

Гусев постоял на крыльце, прислушался к голосам, доносившимся от дома Лебедевых. С крыльца виднелась часть двора, но говоривших скрывал угол конторы. Голоса председателя не было слышно, но от греха подальше Лёнька вышагнул через ступеньку и, так же широко выкидывая ноги, поспешил вокруг пруда, мимо пилорамы. За кустами примолкнувшая на время пила взвизгнула и, вцепившись зубьями в дерево, застонала, полосая бревно на доски. Ноющий звук подгонял, торкался под рёбра тонкой болью, выматывая душу. Остановился Гусев, когда вырвался из зарослей на волю. Выдохнул полной грудью и выругался в сторону пилорамы: «Да чтоб тебя, аж зубы выворачивает».

Проходя мимо силосной траншеи, услышал крики ребятни: мальчишки с разбега прыгали в траншею. Яму только начали заполнять, и высота полёта была внушительной; пролетев метра три, чуть не с головой погружались в «зелёнку». Леонид какое-то время наблюдал за полётами парней, отмечая, как дальше всех прыгает сын. Увидев бегущего Фёдора Ступова, пошёл навстречу. Фёдор издали кричал, взмахивая руками:

- Вилы, вилы в траншее! Стойте! - пробегая мимо Гусева, запыленно выдохнул. - На обед ушёл, а вилы, чтобы не утащили, в траву зарыл.

Вилы оказались в другой стороне, но вспыхнувшее раздражение на Ступова и на то, какая могла случиться трагедия, Леонид выплеснул на сына. При всех залепил затрещину, от которой Пётр чуть

с ног не свалился. Смотрит на сына, а у него в глазах недоумение: за что? Пока шёл, стояла перед глазами эта картина. А всему виной валун: если бы слушался отца, не ходил к камню, не было бы и этой вспышки.

Успокоился, когда увидел жёлтые валки, исчертившие поле; волной струились по неоглядному пространству. Гусев ещё вчера отладил рулонник и подцепил к трактору. В кабине поудобнее вдавился в сиденье и притих. С километр раскинулось поле. Вдалеке упиралось в плотную стену леса. Чёрной полосой чертили небо верхушки елей, по бокам подковой подступал березняк, серой пеленой стелился, сливаясь с облаками. Чуть ближе рвался отхватить часть пашни осинник. Разлапистые сучья глушат свет, покрывают дальние деревья глухой тенью. Далеко впереди валки сливаются в сплошную полосу и, словно оттолкнувшись от леса, лучисто бегут, обратно охватывая пространство в свои объятия, стелются перед Гусевым. Лёнька всматривается вдаль. Там, за, казалось, непроходимым лесом, - Нефедьево. Там дом Тоськи Зориной - одноклассницы Леонида. Частенько после школы провожал до Нефедьева. А потом дороги разбежались: он в техникум поступил, она - в медучилище. Вышла замуж неудачно. Муж пил, и она стала попить. Детей не завели. После смерти мужа, по слухам, с работы за пьянку уволили. Два года назад вернулась домой. Отец, инвалид войны, ещё в начале восьмидесятых умер. Мать в прошлом году похоронила - и совсем сорвалась с катушек. При встрече Лёнька старался на одноклассницу не смотреть, злился за её поведение. А глаза искали цветастый платок, сбившиеся волосы, которые она поправляла частым движением руки. Выделял её голос, невольно прислушивался к хриловатым, но узнаваемым с детства ноткам. Давно забытое тоскливо билось в сердце, перехватывало

дыхание, и Лёнька крутил шей, пытаюсь сбросить боль воспоминаний.

Под рёв трактора мысли уносили Лёньку в прошлое, глупая улыбка блуждала по лицу. Забывшись, он запел в такт двигателя, и дребезжащий голос вибрировал вместе с кабиной. Ему было хорошо в огромном поле в громыхающем тракторе под летним, с истаивающей голузизной, небом.

На следующий день проснулся от громахания чугунок и вёдер с пойлом для скотины, от частого хлопанья двери. Потрескивали поленья в печи, пахло наваристыми щами. Теплом тянуло с кухни. Леонид лежал с закрытыми глазами, пытаюсь вспомнить сон. Сознание задержало отрывок надрывной мелодии, но сам сон исчез, не оставив следа. Дождался, пока жена, брякая подойником, выйдет в сени, и рывком поднялся с кровати. Стараясь не раздражать жену, быстро поел, взял приготовленную сумку с едой и вышел на улицу. Вдохнул утренний, не прогретый солнцем воздух. В конце деревни рокотал трактор. Ровные звуки не нарушали тишину, отзывались негромким эхом. Казалось там, за горушками, в перелеске притаился маленький игрушечный трактор и тихонько отзывается, тарыхтит несмело, боясь потревожить ранний покой. Ещё не кричали петухи. Раньше в эту пору всю вели переключку, а нынче не поют, и им, как и хозяевам, не до песен. Слово в ответ на мысли Леонида огрызнулся одинокий петух. Хриплый вскрик напомнил о надрывной мелодии, пришедшей во сне, разрушил нарождающееся умиротворение. Снова вспомнились глаза сына... Леонид перехватил ртом воздух, почему-то зло подумал о камне: «Алатырь, алатырь... могильный камень, а не алатырь! Затолкаю в болото, чтобы и воспоминания не осталось! Ишь, повадился, ходит и ходит...» Последнее относилось и к камню, и к сыну...

С утра в конторе набивается народ. Вера Петровна морщится, раздражённо кричит поверх голов:

- Курить на улице!

Во входную дверь протиснулись доярки. Рябова, крупнотелая, оттеснила Гусева в сторону. Кто-то выкрикнул:

- Собрание будет?

Откликнулся председатель:

- Через неделю соберёмся и всё решим.

Оживлённый гул заполнил комнату. Перекрикивая, сразу подал голос Гусев:

- Закрывать надо. За водителями и трактористами оставить технику.

- А остальным?!

- Деньгами. Коров на мясо, телят раздать...

Тут же заголосили женщины:

- Коров под нож, совсем ошалели?!

- А вы что припёрлись? После дойки вас и не найдёшь, а тут нарисовались.

Наталья Рябова и Света Пенкина, одинаково раскрасневшиеся, надвинулись на Гусева. Леонид на всякий случай отодвинулся и тут только заметил стоявшую возле дверей Зорину. С непонятной злостью бросил:

- И нефедьевские здесь... - продолжить не успел, получил хлопок по затылку от Рябовой.

- У тебя кое-что на мясо сдать, нэпман недорезанный.

Мужики, увидев растерянность Гусева, загоготали:

- Так его, бабоньки!

- В капиталисты захотел, социализм ему не нравится!

- Тише! - Лебедев привстал над столом. - Раз область давит, примем устав сельскохозяйственного производственного кооператива. При этом колхоз оставим. Будем сбывать продукцию сами. Разбежаться успеем. Посмотрим, что ещё в Москве придумают.

Все потянулись на улицу, давая женщинам проход к председательскому столу. Наталья, настроенная наиболее решительно, сразу взяла Лебедева в оборот:

- Поилка не работает. Больше воду таскать не будем. Солому раскатывай сам.

Алексей Васильевич смотрел на распухшие Натальины пальцы, на уставшие лица женщин, на плотно, до белизны, сжатые губы. Недовольно покосился на Зину, которая склонилась над бумагами, незаметно поднесла к носу зажатый в кулачке платок. Успокаивающе пояснил:

- Сегодня шланг от колонки протянем. Каждый день Марков на «Беларусе» будет рулоны в проходы наталкивать. Пока раскатывайте сами. Всё, девоньки, не мучайте меня. А тебе, Зорина, что?

- Дров, Алексей Васильевич, обещали.

- Помню, Антонина, обещал. Перебейся пока, будут тебе дрова. А лучше договорись сама, хоть с тем же Марковым.

- А лесник? - привычным движением поправила выбившуюся прядь волос. - Бумагу, может, какую?

- Какую бумагу, какой лесник? Быстров уволился, к сыну уехал. Наш лес того и гляди отберут. Главное, в государственный не залезьте, - и уже отрешённо, в сторону. - Свобода, освободилось от нас государство.

Гусев, не задерживаясь, сбежал с крыльца. Вспомнив слова председателя о лесе, повеселел. Нечего бояться, как представится случай, нужно вывозить заготовленные чурки. В открытую привезу, чтобы Тоська видела. Представил, как Зорина просит его привезти дров, её васильковые, широко распахнутые, всегда изумлённые глаза - и краска пятнами покрыла скулы, расплзлась румянцем по щекам.

Вечером не удержался, выпил стаканчик с мужиками. Не успел домой зайти, как жена зашипела:

- За электричество платить нечем, а на водку деньги находишь? Скоро, как у Аникеевых, провода отрежут, в темноте сидеть будем, а ему хоть бы что... - с каждым словом приближалась к мужу, ещё больше раздражалась, улавливая спиртной запах. - При керосиновой лампе уроки учить, скотину кормить? Перед сыном не стыдно?!

- Какие уроки, у него каникулы.

Леонид ответно надавил своим телом, но Любу не сдвинул. Протиснулся между вешалкой и дородным телом жены. На кухне погремел посудой, но аппетит пропал. Не обращая внимания на новый вскрик жены: «Деньгами надо брать, а не водкой!» - вышел во двор. Успокоился, когда увидел пластиковое ведро, засунутое в рюкзак. Подумал удовлетворённо: завтра за ягодой пойдёт.

Ночью прошёл короткий дождь. Вода словно вскипела на дороге, заполняя колеи; хлестнула по крышам, оглашая шумом всю округу. Утром стихло.

Петька встал пораньше, когда солнце только-только над лесом поднялось. Разгоралось, всё больше расталкивало облака. Красило края розовым, и наконец проголило, вывалилось на волю. Вспыхнул проём, похожий на устье горячей печи, дохнуло теплом.

Петька не стал сворачивать на выгон, прошёл с километр по райцентровской дороге. Решил с левой стороны выйти на озеро. Шагал мимо покосов, где уже стояли стога, дымились под солнцем. Незнакомый мужик переворачивал валки. Узкоплечий, высокий торопливо махал граблями, клонился над обкошенным лугом, обхватив широкими ладонями граблевище. Ближе к лесу заблестели в траве лужи, приглашая скинуть резиновые сапожки и пробежать по щиколотки по тёплой воде. Неожиданно пошёл кочкарник. Петька не заметил, как отклонился слишком влево, и чуть не упёрся в топкое место. Неаккуратно шагнёшь, и начнёт ноги засасывать. Бывало, выше колен проваливались, многие оставляли сапоги в трясине.

Петька Гусев взял правее, вышел на знакомое место. С этой стороны пенсионеры не заходили и черничник не успели обобрать. Ловко орудуя «комбайном» стал очищать ягодные кусты. На удивление, комары мало донимали. В деревне от них

защищались одеколоном: натирали руки, лицо и комары тоненько попискивали, но на кожу не садились. Петька пользовался отцовым «тройным». Вскоре солнце припекло, да и комары пообвыклись, стали покусывать. Чем ближе продвигался Петька в сторону камня, тем чаще останавливался и, наконец, не выдержал. До валуна было рукой подать, и он решил перекусить под его тенью.

Солнце высоко забралось, висело над лесом. Лучи обсушили траву, и она мягко шелестела. Всё вокруг искрилось, рассыпалось в листве и отливало золотом. Свет бил в глаза, и было больно смотреть. Петька пропустил момент, когда показался валун. Небо вдруг отпрянуло ввысь, и деревья разбежались, обнажили громаду. Замер Петька, почувствовал, как тосковал всё это время по камню. Свет горел на макушке, но ещё не перевалил на другую сторону, и короткая тень притулилась к основанию. Обошёл вокруг, прочертил рукой по твёрдой поверхности, потом долго сидел, прижавшись спиной.

Дремал Петька Гусев и видел бескрайние хлебные поля, как ветерок гонит по колосьям лёгкую волну; горушки цепью протянулись, между ними река с омутами и заводьями плещется, берега ласкает; в белом свете, из-под солнца, богатырь на коне едет, а внизу дорога - одна сторона светом освещена, другая - в тени томится. По ней мальчик идёт, и в нём Петька Гусев себя узнаёт. Встретились на развилке, где небо с землёй встречается. Посадил богатырь мальчика впереди себя, вздёрнул за уздцы, и понёс конь, только ветер лицо буравит. А внизу лес древний, деревья в три обхвата, а между ними тропинки узоры плетут. Мчится конь к скалам гранитным, где гнёзда орлы вьют, где из расщелин родники бьют. Скакал конь по земле, потом по воздуху. Всё ближе искрятся звёзды, и они малой песчинкой вспыхивают между ними. Плывут в бесконечности,

и кто-то нашёптывает: «Будешь ты сильным, но сильнее меня не станешь, будешь мудрым, но мудрее меня не станешь. Помни: не день рождает ночь и не ночь рождает день, а то, что между ними...» Исчез богатырь, один лик туманится, очертания которого расплывались в чернеющей синеве и только глаза - добрые, всепонимающие, - светились в звёздном небе.

Сон крепко забрал Петра. Вязкий запах травы и прогретого камня унёс в сновидения. Спит Петька Гусев, не слышит, как на луговину вышли две старушки. В домашних халатах, в спортивных штанах, в наглухо, до самых бровей, повязанных платках, с раннего утра ползали по заросшей приболотине. Горбились над кустами, тело не слушалось, не разгибалось, иной раз так на коленках и переползали по черничнику. С трудом приподнимались, долго прямили спину и снова склонялись над ягодами. Тянули изуродованные ревматизмом ладони, по которым безошибочно угадывались бывшие доярки, когда всё делалось вручную: и доили, и корма разносили, и стойла чистили. Немочью крючило пальцы, и приходилось подолгу держать руки в холодной воде, чтобы хоть как-то унять боль... Но на ягодах забывали о болезни. Высохшими, суховатыми пальцами ловко прихватывали ягоды и сбрасывали в пятилитровые ведёрки.

Бабка Маша завистливо поглядывала на Полину Лашутину, как та проворно обирает черничный куст. То ли жалуясь, то ли ища причину унять прыть Лашутихи, говорит:

- Сама-то я вся здоровая, а вот ноги болят, так болят, что еле переставляю. Вот они подводят...

Полина смотрит снизу вверх, не переставая обрывать ягоды, сочувственно кивает. Сама же не утерпела похвастаться:

- Я нитку сама вдеваю, - растопырила пальцы. - Не дрожат, но не чувствуют. Мусолю, мусолю слюной, чтобы нитку при-

хватить. А прихвачу, прямо в ушко, не промахиваюсь...

Бабка Маша не теряет надежды отвлечь от ягод, тормошит за плечо, указывает на стоящие ёлки за камнем:

- Смотри, как на иконе, одного ростока.

Но Лашутихе не до красоты, даже головы не подняла.

К обеду, по оборышам, накидали ведёрки. Лашутиха не удержалась, завернула к камню. Хотя и боязно, но любопытство вперёд её родилось. Бабка Маша долго щурилась блеклыми глазами, слушая шёпот Полины:

- Полюбуйся, Петька Гусев спит.

Парень лежал, раскинув ноги и привалившись головой к валуну. Лёгкие облака скользили тенью по земле, скрывали млевшее за ними солнце. Жары не было. Ветерок студил лицо. Мягкая трава поднималась вокруг камня, до самой осени густо стояла, и Петька тонул в свежей зелени, казался проросшим из каменной сердцевины. Поджарый, с разморённым от тепла лицом, походил на молодца, утомлённого работой.

Бабка Маша задёрнула за рукав Полину. Поджала губы, недовольная весёлостью подруги. Качнув головой, увлекла за собой. Лашутиха, собиравшаяся окликнуть Петра, подчинилась. Засеменила сзади, сдерживая смех.

У деревни встретили Петькиного отца. Гусев на бульдозере сгребал навоз, выгалкивал за скотный двор. Не глуша двигатель, поинтересовался:

- Как ягода? Всё вынесли или нам оставили?

- Оставили, оставили... Видели твоего, - бабка Маша попыталась остановить Полину, но её понесло: - Уж до того хватист: полный рюкзак накидал и ведра в каждой руке полнёхоньки.

Леонид, почувствовав подвох, вскинул брови:

- Ну, ну, договаривай...

Лашутиху уговаривать не надо, всё выложила:

- Спит у камня, и ведёрко кверху дном. Умаялся, собираючи...

- Ну, хватит...

Гусев не дослушал, дёрнул рычаги, и трактор, взревев, выбрасывая комья грязи из-под гусениц, пошёл по луговине вдоль выгона. Одна мысль билась в голове: уничтожить, смять то, что претьюкой легло между ним и сыном.

Дрожит земля. Рвут траки землю, оставляя за собой чёрные полосы. За ручьём взбуксовал, вырвал ключья дерновины, и пошёл по лесной дороге, давя кусты. Взвизгивают от ударов ножом тоненькие деревца, уносятся назад, ещё долго мотая верхушками. Сжал зубы Гусев, себя не помнит. Что-то копилось в нём: нарывало, нарывало - и прорвалось. Выхлестнулась злоба наружу: то ли на жену, то ли на сына, то ли неизвестно на что. Но всё недовольство жизнью соединилось, сошлось на камне. Распаял себя мыслью: «Ишь, хозяином себя почувствовал, власть над людьми хочешь взять? Не выйдет... Выкинули в болото, так и сиди там. Не можешь к людям выйти и к себе не подманивай!» Он словно задубел, не чувствовал толчков, гнал и гнал трактор вперёд. Не слышал хруста сминаемых кустов, только видел, как навстречу летели ветки, бились о стекло. Он беспрерывно дёргал рычаги, тело его моталось из стороны в сторону. Наезжал на старые, полусгнившие стволы, валил их с ожесточением. Отступал, отваливал в стороны лес. Ещё долго сотрясались деревья, задетые вздёрнутым кверху ножом. Осталась позади поскотина, всё ближе приближался гул и треск к валуну.

Камень слышал шум и жалел о скором пробуждении Петра. Покойно стоял, покойно и ждал: повалят - встанет. Не иссякнет сила, которая струилась из него по округе, дотягивалась до деревни, где сое-

динялась с другой - более молодой и крепкой, и эта сомкнутая сила, как в ларце, сохранялась в полуразрушенной церкви, не требуя к себе поклонения. Она лишь хотела, чтобы о ней, слиянной, знали и помнили. Эта сила цеплялась за людей, но они отцеплялись, припадая то к одной, то к другой, не умея почувствовать их общность. Для этой силы всё было родным и живым, но чужое отравляло воздух, не давая воскреснуть памяти.

Посторонний шум вторгался в Петькины грёзы, и картины сказочного мира колебались, как струи перегретого на солнце воздуха. Сознание противилось, не хотело покидать сновидение. Ему было спокойнее в иллюзорном мире, но реальность рушила сон, неся с собой страх и тревогу.

Проснувшись, он не сразу понял, где находится. По-прежнему камень выглядел огромной скалой, упирающейся в небо. Свет из-под нависших облаков проливался на Петьку, и ему казалось, что это богатырь смотрит из древности, лаская и успокаивая его. Грохот окончательно прогоняет сон, но он ещё не отличает явь от наваждения. Трактор, проламывающий молодые ёлки, кажется ему призраком. Туманится взор, но свежий ветерок разогнал морок, и Петька окончательно осознал действительность.

Увидев лицо отца, он тут же догадался, зачем он здесь. Гусев, не обращая внимания на сына, а может быть, не видя его, опустил отвал на уровень земли и медленно стал наползать на валун. Нож никак не мог подцепить кромку, всё соскальзывал и соскальзывал. Тёмное заслонило кабину, и Леонид подал назад, приподнял отвал, упёрся, пытаясь качнуть. Год назад он пробовал сдёрнуть тросом, но «Беларусь» был слишком слаб, сейчас же ДТ-75 заставил вздрогнуть камень. Высекая крошку, трактор рвал гусеницами землю, погружаясь в неё. Боясь увязнуть, сдал назад и снова надавил. Камень качнулся и слегка

наклонился, цепляясь подошвой за луговину. Трактор кренило, качало, но сильнее сдвинуть камень не удавалось - глубоко сидел в земле. Рёв двигателя стоял в ушах. Казалось, щёки Леонида усохли и обвисли, подёргивались на скулах. Тело его ходило ходуном в такт движениям кабины.

Пётр словно одеревенел, стоял рядом и не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Из ступора вывел скрежет сбиваемого выступа. Трактор упёрся в бок валуна, крошил то, что казалось рукой. Мелкие отломьши сыпались в траву. Один взикнул, ударился об отвал и отскочил в лицо Петру. И тогда он очнулся, закричал:

- Папа! Не надо!

С размаху бросился грудью на отвал. И вроде камню как передышку дал, тот вздохнул, чмокнуло что-то внизу, и встал на место. Отбросило трактор назад. Гусев старший заднюю передачу включил, приготовился к новой атаке. В этот момент встретились взглядом отец с сыном. Леонид, увидев в глазах сына решимость стоять до конца, ещё больше взъярился - сын против отца пошёл! Тронул рычаги, сын попятился, поддаваясь давлению. Трактор рывкнул, дёрнулся вперёд. Ударом отвала Петьку отбросило в сторону. Вскрик заглушил рёв двигателя, только боль и растерянность застыли в глазах. Падение сына под гусеницы отрезвило Гусева. На время омертвел, и тут же яркой вспышкой сняло завесу с души. Вылетел из кабины - и к сыну: мнёт, тормошит:

- Как ты, да что же ты?!

А Петька своё:

- Не надо, пап, не тронь...

- Да ну его к чёрту, да чтобы я ещё раз... - а сам заглядывает сыну в глаза и чуть не плачет.

Петька про боль забыл, вспомнил о чернике:

- Я, пап, ягод не набрал. Ты домой поезжай, я доберу, я места знаю...

- Да Бог с ней, ягодой. В выходные с мамкой ходим...

Гладит, гладит Петькины волосы, а у самого губы дрожат. Еле сдерживается, чтобы не завывать.

Всю дорогу ехали молча. У дома высадил сына и погнал трактор в мастерские. Оставшись один, почувствовал, как дрожат руки. Но и тут сдержал рвавшийся наружу стон. Оставив трактор, в деревню не пошёл. Обогнул водонапорную башню и, обессиленный, забился в кусты. И только здесь, на пригорке, уткнувшись в траву, расплакался.

Выползла на небо луна, багровеет в облаках: то скроется, то вынырнет. Льёт мерцающий свет. Что-то колдовское, сказочное в ней есть. На фоне чёрного неба диск казался огромным поплавком, снующим среди волн. Начинаясь август, и ночь быстро спустилась на землю. Гусев перевернулся на спину и смотрел в пустоту. Когда исчезала луна, пространство сминалось и небо наваливалось, становилось трудно дышать. Ещё по дороге в деревню злоба, гнавшая Леонида к камню, растаяла. Опустошённый лежал, прислушиваясь к стуку пилорамы. Последние брёвна кроют, подчищают зимние запасы. Мысли путались, сбивались... Чувствовал вину перед сыном, а за что? Не понимал. Камень этот треклятый, и что к нему привязался? Любка придирами душу мотает... Тоска захлестнула сердце, и Гусев сжал кулаки, прихватил спутавшуюся с прошлогодней листвой траву. Выдернул ключья и успокоился, стряхнул с ладоней сор.

Из Нефедьева доносились пьяные голоса. Гусев прислушался к женским - не узнал. Дом Зориной стоял ближе к краю. Леонид перекинул внимание в ту сторону, и слух уловил чуть слышимую песню. Что-то печально-протяжное доносилось, мешалось со стуком пилорамы. Смешивались горестные звуки с равнодушным взвизгиванием пилы, просачивались сквозь протяжные всхлипывания разрезаемых досок и утекали в лес-

ные поля, и всё дальше, дальше... и, кажется, само небо откликалось тоскливым мерцанием звёзд.

Пытается песня набрать силу, но давит к земле досочным визгом полосуемого дерева. Древле-плакучее слышится в распеве, как будто всё горе людское хочет выразить чья-то душа. Вспомнилось, как Зорина, тогда ещё Тоська, в девятом классе выступала в деревенском клубе. Вышла на сцену, устремила взгляд поверх зала и запела. До сих пор звучат её слова: «...и ранней порой мелькнёт за кормой знакомый платок голубой...» Запела горько, тоскливо и одновременно звонко и нежно. Казалось, в этот момент она ничего не слышала и не видела, неподвижно смотрела куда-то вдаль и выводила: «... споёмте, друзья, ведь завтра в поход уйдём в предрассветный туман...» Куда-то манила и звала эта песня, в другую жизнь, широкую и вольную. И какая невыразимая печаль звучала в её голосе, как будто наперёд знала свою судьбу.

С тех пор вошла Зорина в его сердце, но почему-то зашагали они по разным дорогам...

А песня то затихала, то крепла, устремлялась в черноту ночи и совсем обрывалась, и тогда Гусева охватывала тревога. Чужая жалоба на неудавшуюся жизнь вливалась в его сердце, уменьшала боль - не одному ему было горько и грустно. Звуки манили, хотелось подойти и узнать, кто же так надрывает свою душу. Он ждал, что запоют громче, и он узнает знакомый голос... Но оборвалась песня, и только раздавались в другой стороне хриплые, разгульные голоса, но и в них не было веселья и удали.

Синева неба перетекла в ночь. По окрайке упала звезда, и тут же вслед съпанули друг за другом две звёздочки, окрасили черноту светлыми полосками. К этому времени Гусев уже спал дома и не слышал, как закрапал дождь. Редкие капли простучали по крыше и стихли.

Инга
Никитина

Инга Александровна Никитина (девичья фамилия Чурбанова) родилась в Вологде. Окончила школу с золотой медалью, затем Вологодское музыкальное училище (специальность «теория музыки и фортепиано») и филологический факультет Вологодского педагогического института с отличием. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. «Вологодский ЛАД» не раз публиковал стихи Инги Чурбановой.

Тирания выбора

История обретений

(не любящим домашних животных читать не рекомендуется)

Эти малыши попались на глаза как-то сразу, в первый весенний выезд на дачные палестины. Ковыляли цепочкой вдоль подвысохшего асфальта по Клубова, забегая на проезжую часть, уворачиваясь от притормаживающих машин и неуклюже пропуская пешеходов с обочины. Шестеро, черныши и рыжие. Шли делово и целенаправленно, - «собачий патруль», один рыжий отставал, - похоже, самый слабый и мелкий... Муж притормозил, чтобы не давить, но почувал мой трепет и процедил: «Не остановлюсь!» Обрулили и проехали. Я еще пару раз обернулась. Идут, чёрных больше, один вон какой пушистик, прямо медведь. Инстинкт подбирания ожил, но успокоился близостью жилья и уверенностью «патрульного» маршрута - явно чьи-нибудь, просто погулять вышли.

Вообще подобрать и починить - моя тема, со времён помоечного детства. Не питалась я на помойках - нет, конечно, не подумайте. Просто в садик меня не взяли (слишком много анализов, а маме с грудным братом на руках некогда было этой ерундой маяться, - решили не водить меня никуда, одна гулять буду). Так вот. Гуляла одна. Дом наш - кирпичная пятиэтажка, гордость шестидесятых - возвышался в гуще частного сектора. Сектор дышал на ладан и постепенно сносился, оставляя пахнущие осенним укропом осиротелые грядки, разрушающиеся сараи с забытыми или оставленными погибать вещами. Мы там «бегали».

Один раз в недрах разорённого сектора сгорел медицинский склад с бинтами, мы сначала совестились, а потом копа-

лись и в этом кострище - много было лекаренных бутылочек, и вообще - добыча, разнообразие. Помойки тоже приветствовали. Они уже не были живыми, с гниющими остатками пищевых кошмаров, они уже не пахли сиюминутностью, они заваливались «вечным» - старой побитой посудой, безволосыми куклами, сумками без ремешков. Большинству моих «товарок» домой всё это таскать не разрешалась, а мне было можно - мне очень повезло. Мои родители не были партийными работниками, как у некоторых, и у меня не было чёткой чистенькой Бабушки, которая не давала играть песочными совком и ведром, а мама вообще в моё собирательство сильно не вникала, а я приносила и мыла добычу под краном, с порошком и щеточкой. Одну сумку до сих пор помню: пятно заклеила цветком с открытки, нарядненько так получилось, и замочек был цел... Подобранный - это добытое, почти инстинкт. Короче, бесхозные щенки пробудили желание, и с ним пришлось бороться.

Ехали быстро, домики и участки вдоль дороги радовали начинающейся обновительной красотой - где побелённые яблони, где яркий заборчик - всё являло признаки свежего бытия и взгляда, - рядом с городом всегда как-то веселее, чем в дальних деревнях. Я всегда депрессию, когда вижу эти отдалённые вологодские деревни - в поросших кустами лугах, в каких-то дремучих ручьях, - сплошная ольха и разруха. То ли дело после Устюга или Вельска на Север - ёлок больше, реки темнее и быстрее, и деревни, даже пропадающие, имеют более собранный, нерыхлый вид. Бог их знает, почему они там лучше держатся, - болот, что ли, меньше? А в здешних Харовсках-Грязовцах вроде как разрухи больше, и никакая весна не помогает, - вывороченные малюсенькие окна, провалившиеся крыши козырьком вперёд, обрушенные дворы... Особенно странно для меня нижние дворы, под жилым, и

дверцы к скотине чуть не под центральными окнами. М-да, у нас в Подвинье не так.

- Может, остановишься у магазина, - куплю булок, покормим... (Я умею делать голос, когда прошу недоброе. Невысокий, с хрипотцой, как будто болею и страдаю, - помогает. Но не всегда).

- Вот уж фиг! - Муж помоек не любил, подбирал что-нибудь крайне редко - у него было приличное, с Бабушками-Дедушками, обеспеченное детство.

Я отвлеклась от улицы Клубова, муж слушал «Эхо», - «если хочешь всё понять прросторрадисмехха...» Выехали за город. Тут - Весна захватывала, пригородные поля прели и очищались от остатка снегов, солнце жарило - мысль отцепилась от собачьей темы и прыгала по хозяйственным делам - грабли там всякие, доски... Правда, временами где-то тревожно ёкало, картинка бредущих вдоль трассы щенят оживала, но я гнала её. Гнала. К моменту воссоединения с позабытой на целую зиму дачей тревога улеглась, подумалось: ладно, на первый раз проскочили. Щенячья засада - дело преходящее: сегодня есть - завтра нет. Дай Бог, больше не увидим, и не потянет схватить хоть одного, отмыть и завернуть в тряпочку под батареей. Наверное, женщины детородного возраста, какие-нибудь древние крестьянки, так же думали про следующих детей. Как освободились руки - пошёл малыш ногами, - не родить ли ещё? И затуманился разум, и хотелось взять маленького-маленького на ручки... Да, так и было. Мне, по крайней мере, так кажется.

Послезимние грядки уже дышали жизнью, кое-где вылезали оптимистичная петрушка и обалдевший от пережитой зимы забытый потерянный лук, гнилые коричневые яблоки валялись приветом из осенних несбывшихся намерений всё прибрать, всё укрыть и подготовить. Листьев как таковых ещё не наблюдалось, ёлка у входа зеленела за всех.

Муж бродил по участку в каком-то одурении, как весенний медведь, и всё не мог ни за что взяться. Сарай открыли, вынесли мангал. Раньше дети тут же начинали что-нибудь жечь, Старшая прыгала вокруг шашлычного мяса и шампуров, Младший вытаскивал дрова и уголь, и всё вертелось и веселилось. У них, бедных, не было в анамнезе частного сектора вокруг песочниц, им и своего сарайчика могло хватить. А мне - нет. Без детей вообще всё как-то медленно и бессмысленно, или кажется... Вон, например, щавель вылезает, - у детей радости-то было бы!.. А мне и собирать лень, пусть растёт.

Муж наконец остановил кружение и начал вскрывать колодец, я взялась за печку и порядок. Сарайчик веселел - газеты вспыхивали и озаряли, мышинный помёт выметался, окно оставили, - запахло жильем. Но грусть всё-таки накатывала: у печки - эти старые детские тетрадки, которые не выбросить, а только привезти и - о ужас! - сжечь? Надо уметь жечь то, что нельзя выбросить. Это я давно себе сказала, но одно дело сказать, другое - сделать. «Так не доставайся же ты никому!» - в этом что-то есть. Нет, тетрадки пока не могу, смяла испорченную рабочую ведомость и с удовольствием спалила. Это принесло удовлетворение.

Начали ломать сухой малинник. Настроение выравнивалось, но стало очевиднее, что на даче без детей - тоска. «Эх» заткнулось, муж ушёл в себя, только термос и бутерброды возвращали его к реальности, то бишь ко мне, а так - он махровый интроверт, его трогать - себе дороже. Да, дети оживляли обстановку. А им уже некогда, уже свои планы. Понабирала того и другого, не берут трубку. Вот так всегда. Когда сначала все свои желания - в пользу детей, а потом у них своё желание выросло, а у тебя «своё» перегорело. Положила телефон на уличный стол, - сдала материнские полномочия. Где там моё личное время для медитаций?..

Дым из чугунной печи нехотя вытягивался в трубу и обволакивал участок. Развели и костерок. У соседей с юга галдели, у них всегда кагал человек десять, и всегда все что-то делают. Копают. Садят. Чай пьют. Как китайцы. А нас всегда мало, и мы печальны.

Участки оживали. Приехал северный сосед Гриша - всю зиму топил баню, жена у него ездит с подружками, и они разговаривают высокими нежными повизгиваниями всю банную процедуру. Такие все женщины-женщины. А мужики у них поуркивают и покрикивают, низко так, в басу, и изредка. Тоже весело. Западная соседка Варя Александровна, рентгеновская медсестра, уже просветила свой участок на два метра вглубь, проанализировала и удобрила. Вон, у неё уже и первоцветы на лысых грядках торчат, как будто она их с юга привезла и тут воткнула, - чудеса. Сама юркая, как ласка, то рядом в теплице мелькает, то уже в пограничных кустах, то с кагалом чай пьёт, и всё весёлая. Видимо, близость к разрушительным лучам повышает жизнелюбие - в небольших дозах, говорят, полезно. Похоже на то. Почему у нас-то такая печаль? Ничего, спасёмся работами. Гребла прошлогоднюю траву из-под старых крыжовников, ломала засохшую смородину, даже не совсем засохшую, - ветки пахли, как в детстве на реке, когда с мамой и другими «хламистами» (Художники, Литераторы, Актёры, Музыканты) заваривали смородиновые почки. Надо же, тогда из реки не боялись пить, ставили чайник на огонь в районе нынешней Фрязиновской и пели песню «В лесу над рекой жила фея...». Художник с бородой и его армянская жена смеялись тому, что у них в семье все феи бородатые...

Муж трещал в малиннике, выдирали сухой абрикос. Вымерз пару лет назад, но, надеялись, не окончательно. А теперь уже явно - сух, как палка, надо драть. Я смири-

лась. Не люблю выдирать и выбрасывать. Если хоть одна почка живая - пусть растёт, но тут, похоже, жалеть нечего. Муж упорно выкорчёвывал. Я ушла в барбарисы - умиротворяться.

И всё-таки здорово, что есть кусок земли, на котором можно запалить что-нибудь после зимы. Да и мясо поджарить - тоже здорово. Это я себя так всегда уговариваю, когда скучаю. А скучала я люто, и понятно, отчего. Грабли надоели, мангал прогорел, муж застрял в заросших вишнях и на мангал не обращал внимания, пришлось мне. Вытащила банку, начала нанизывать куски, устраивать на мангале. Над дачами что-то летело и кричало - какие-то запоздалые гуси, - на север, голубчики! Всегда, когда летят, вспоминаю Нильса с Аккой Кнебекайсе... Только раньше чувствовала себя Нильсом, а теперь уже Аккой, вот и сейчас - хожу по участку, как гусь. Надо бы летать, ан нет, по земле всё, по земле, с боку на бок перевалиться - и вперёд... Тоска опять заколола, пронзительно всплыли эти маленькие, вдоль дороги. Особенно последний, рыжий, ковылял медленнее всех, - его-то мимо ехавшие чуть не давили, а он вяло уворачивался и отставал. Жалкий. Дальше думать было нельзя, и оптимизм прополз обходным путём: поедem обратно - покормлю, если еще бегают. А может, домой ушли - должен же быть у такой толпы свой дом... Куски поменьше прибрала, всё. Порядок.

Дальше пошло хорошо, участок очищался, мать-и-мачеха откуда-то выбралась и вспыхнула, костёр трещал, а Муж начал разговаривать («вода в колодце мутновата... обстановка на Балканах...»). (О-о-о! давай не про политику. Это я веду себя как полная клуша, приземлённая и алчная, только всё про землю и навоз, - да, мне хочется о чем-нибудь неметафорическом). Меня всегда поражала эта мужская способность быть на своей волне - в лесу

ли, на родительском собрании - ан всё про Балканы... Не до детей! Хотя вот мне без детей как-то и мангал не мангал, и Балканы не Балканы, и шашлыков не хочется, и вообще. Надо же: казалось когда-то, что вот подрастут - и отдохну: цветов насажу, яблоки осенью собрать успею. И - ничего не насадила, и яблоки валяются. Ковыряюсь во всходах ревеня столетней давности и хандрю. А если подумать - ветер налетал тёплый, весёлый, и пах рекой - если подумать, вся эта хандра - от недостатка витаминов и долгой зимы. Захотелось загорать. Сняла платок, - плевать на клещей - подставила лицо солнцу, остановилась и стала ловить вкусный запах. С закрытыми глазами.

Обратно ехали почти в сумерках, но я - я Зоркий Глаз, щенков разглядела. Стоп машина, я уже выскакиваю... Тусовались они на той же улице Клубова, у сезонно закрытого торгового центра, - трое: Рыжий отстающий, Черный пушистый и Триколор - черно-рыжий с белым «ошейником». Рыжий едва ходил, был какой-то мокрый по пупок, хвост висел тощей верёвкой, а нос - явно сопливый, как у больного малыша, - шумел и булькал при дыхании, остальным простуженным организмом щенков совсем по-младенчески кашлял, открыв рот. Пасть, конечно, а не рот, но какая уж тут пасть, боже мой... Муж размяк от воздуха и тепла, а потому, остановив машину, ничему не противился, рассматривал.

Гладить не давались, лишь когда брали еду - разрешали потрогать грязноватые загривки, да и то не все. Рыжий явно больной, его можно и на руки - но нет, осторожный, только к еде. - Я быстро!.. Достала мясо, пакет зашуршал, малышня бросилась на звук: видно, кормят «пакетники». Месяца три, зубёнками чавкают, - начали глотать. Триколор самый шустрый, но у Рыжего не отнимает, а Пушистый вообще наелся и ушел сидеть на пустырь. Сел

спиной к процессу и смотрел вдаль. Тоже, видимо, интроверт. Трое остальных отсутствовали. «Что ты паришься, - есть у них дом! Иначе куда бы остальные упёрлись?» - мужу явно не хотелось застревать. Остальные, точно, упёрлись, и только драчный тощий кобель с ушами, как у летучей мыши, бочком продвигался поближе к кормёжке. Кыш!

Решили, что да, всё-таки есть у них дом, и те трое - уже нагулялись, следовательно, беспокоиться не о чем, - сели в машину, муж включил радио, поехали. По радио голосом вурдалака витийствовал Н., - среда, стало быть. Город подсыхал, фонари как будто бы грели, хотелось домой и спать. Всё-таки после всех этих костров и малинников здорово въезжать на гладкий асфальт, выпрыгивать в туфельках, ощущая облегание ноги, а не потерянность в бездне резинового сапога и вечного дачного опаздывания. Всегда что-то не успевали - посадить, прополоть, убрать. Дети с собой, конечно, и это всё искупало. Помню, лежит маленький в коляске, спит, а я под колёсами лук обрезаваю. Зато все со мной, и не о ком беспокоиться. Старшая тоже где-то рядом, костёр жжёт, молодец. Только собаки убежали, - наши первые подобранные собаки, Лиска и Рэкс, их теперь уже нет, а тогда они набегивались вдоль реки и приходили обратно. Мы их ждали.

Дети были дома, оба, на удивление. Младший никуда не ушёл, потому что уроки, а старшая - потому что у неё парень какой-то творческий, не разбежишься. Обрадовались шашлычным остаткам, и я не сказала, что их, остатков то бишь, было гораздо больше. Про щенков никто особенно и слушать не стал - мало ли кого и раньше видели на Клубова, - район такой...

Дачный сезон обявывал, ездить начали часто. Щенячий патруль то и дело попадался бредущим вдоль шоссе, а вечером - спящим у торгового центра под за-

борчиком. На каких-то бумагах и старых тряпках, в два ряда, тесненько, чтобы не мёрзнуть. Один раз даже снежок запробрасывало - похолодание, а они, муськи, лежат себе хвостами в одну сторону на каком-то фуфле. Вокруг валялись лоточки - народ сочувствовал, и, видимо, место было чётко прикормленное, они тут обжились, но хозяин, похоже, не объявлялся. Я возила с собой ведрышки из-под майонеза, полные собачьей кашей, на шестерых хватало не всегда, но и шестерых заставляли редко: стая разделилась попарно и мигрировала произвольным составом. На месте чаще всего были Рыжий и Триколор, двое других - Пушок и еще один Рыжий - мелькали за пустырем, но подходить не спешили. А где шатались еще двое черных - неизвестно. Иногда появлялись, потом пропадали. Надо было что-то делать. «Велес» - собачий приют - не вариант, пристроить бы «в руки». Вон какие хорошули...

Как-то вечером у щенячьего места застали блондинку Свету. Света была почталъон, на ней висела большая сумка - надо же, кто-то еще получает почту из бумаги! Так вот, когда Света ходила по адресам, то приворачивала к щенкам с какой-нибудь снедью, - а потом проводила расследование. Почта, вообще-то, должна знать всё. И Свету, женщину взрослую, но ответственную до любопытства, никак не устраивало то, что она не в курсе - откуда эта лохматая куча взялась и кто виновник беспризорности. Света рассказала, что есть у неё подозрение - двое приезжих с Украины, у них периодически кто-то воеет, как будто кого потерял. Но тут существует одна загвоздка... Собака вокруг участка бродит, на щенков похожая, - это точно. Спросить бы. Только люди эти - парень и мать - странные, особенно мать: год как нигде не показывалась, и пенсия её на почте копится, и никто эту пенсию не берёт, даже сын. А сын её - парень как

парень, лет под тридцать, работает на рассаде в питомнике, тихий такой. К себе никого не приглашает, но так - ничего, здоровается... Света на то и почтальон, чтобы, как судьба, звонить два раза. Первый попыталась проникнуть так, без повода - но нет, частные владения, кругом забор, и никто не приглашает. И дом такой тихий и страшный - весь в лесах, недостроенный, чёрный... Второй раз что-то про пенсию хотела спросить - пролезла аж через соседний участок, и тоже глухо: ломилась в дверь - никто не отпер, никто не пустил. У Светы есть план. Конечно, если мы не против... План гринписовский, план правильный. Надо вызвать психолога. Такого, который проникнет в эту местную Украину и выяснит, их ли собаки, а также про пенсию. Аккуратно так, без скандала. Только нужен психолог особенный, проникающий, типа из МЧС. Поговорит, объяснит ситуацию - мол, надо щенков ловить и раздавать, пока не одичали. Если что - помогут поймать, а тут уж у Светы есть знакомая для пристройства и передержки. Тайная сеть, так сказать. А заодно и про мать поговорить - куда делась, почему за пенсией не идёт. Мы с Мужем кивали, щенков ловить согласились, психолога подогнать - тоже, и вообще... Вообще - мне уже хотелось кого-нибудь взять. Так всегда бывает, если кормишь. Никого нельзя кормить, чтобы потом не захотелось взять и владеть. Честно говоря, я уже давно схватила бы этого мокрого страдальца, если бы он был один. А тут - шестеро. Вернее, два - Рыжий и Триколор, с остальными интимности не возникло, и их можно было бы кому-нибудь сосватать, не жалко. А эти двое... Вроде как друзья, и Триколор за Рыжего горой, даже еду не отнимает... Одного взять? Которого? М-да. Тирания выбора.

Психолог не находился. Конечно, задание так себе: проникнуть в семью и выведать тайности... А щенков - щенков ло-

вить решили без психологического благословения, ибо Муж вяло сопротивлялся, но рукавицы взял. Подъехали почти в темноте, пробрасывало снежок, вот тебе и май, за заборчиком кто-то лежал в тряпках, но - точно не все, парочка. Наша парочка, Рыжий и Триколор. Это так всегда бывает, если судьба. Рыжий был фаталист, отдался без усилий, в машине вроде как даже улыбнулся (полуоткрытый дыхательный рот, нос-то сопливый), лёг в уголке на клеёночку и даже тяфкнул. А вот Триколор заметался по пяточку, тяпнул Мужа за палец и рванул под забор, где и застрял в кирпичах, и был благополучно пойман и заброшен в кабину к Рыжему. Легли вдвоём, притихли, - стало видно, что лысоваты, кожа просвечивает. Явно кто-то их ест, снаружи или изнутри, надо мыть и протравливать. Но это уже конструктивные предложения, так сказать. Тяпнутый Муж сначала взревел, но добычу не выпустил, и только потом, в дороге, тихо ругался нехорошими словами и высказывал мне скопившееся за всю жизнь. Я в такие минуты молчу, потому что везёт? Везёт. Не выкинул сирот и меня вместе с сиротами? Не выкинул. Что ещё надо? Так-то, конечно, много чего ещё хотелось бы, но - как мама говорит - а рожу вареньем не намазать?

Не намазать. Лучше поедим, и пусть проругается, зато - «любой каприз за Ваше молчание!» Что-что, а молчать я умею.

Свернули в пригородную деревню, здесь - передержка и обработка, вот он, дом, - из-за забора лаяли многими голосами, точно - наш адрес. Почтальонка Света сказала телефон и пароль, нас встречали. Открыли машину, девушка Наташа, закрывая выход, ловко заголкала морду, вылезшую через калитку, и взялась за новеньких. Триколор схватил и её, повис на перчатке, но не тут-то было. Наташа весело обругала, скрутила ковриком в податливое полено и унесла. Мы тащи-

ли Рыжего. Двор оказался густо заселённым - пара громадин глухо лаяли из вольтеров, у крыльца скакал какой-то тонколапый собачий инвалид, и всё придомное пространство курировалось разношерстными кошками, часть из которых просачивались в дом. Внутри, в уютненьком чистеньком холле, - клетка, пустая, большая, это для наших, пока не обработанных. По дому, как по двору, наблюдались перемещения: забинтованная собака, кот-мордovorот с бритым вокруг раны черепом, а со второго этажа кто-то тоненько скулил и потяфкивал.

- Ну вот, теперь будем отмывать! - Наташа засунула наших в клетку, население - два целых кота и один забинтованный - подскочило нюхать новеньких. Кот получил от Триколора по носу сквозь прутья, а Рыжий разомлел в тепле и свалился у задней стенки. Спит. Наташа - наш человек: радуется, что часть проблемы поймана и нейтрализована, показала нам верхнего страдальца - пинчер с помойки, выбраковка, ходит только кругами, но умница и нежнейшее существо. Как самому хрупкому, предоставлен отдельный этаж и двуспальная кровать, пока супруг на вахте. Сама Наташа, быстрая и худая, летает на машине по всем тревожным собачьим делам. Иногда подобрать, иногда тупо украсть, чтобы до смерти не замучили... Кормит перед отъездом, потом на целый день скрывается зарабатывать...

- Я надеюсь, мы их тут и оставим. - Муж сказал это вялым обречённым голосом, и мне показалось, что есть варианты... - Ладно, потом.

Что потом, я чётко не формулировала, - понятно, что всякие противогельминты и антиблохи - привезём, это правило такое: пока пристраиваем, крыша над головой в подарок, а остальное - от нас, спасателей. Потом мы возили куриные ноги, фарши и крупу, Наташа отмывала и обрабатывала, но надо было что-то придумывать. Я,

конечно, каждому не рассказываю, что у меня дома шестеро по лавкам - двое взрослых детей и четверо не менее взрослых собак, да и вообще, какая разница, сколько. Но это тогда, когда не надо селить ещё. Поэтому еду и лекарства возили, и теплилась надежда, что всё как-то образуется. Правда, надежда Мужа несколько отличалась от моей, и я это чуяла. Но пока не обостряла. Разговаривала со знакомыми, заставляла детей размещать оптимистические призывы типа «хороший охранник для деревенского дома!» Господи, кому он нужен, этот лошара-охранник с деревенским домом в придачу, я вас умоляю. Звонила знакомым. Знакомые женщины хотели породистых или хотя бы маленьких, знакомые мужики прикидывались ветошью и каялись в подкаблучности, короче, никто этих лысых, сопливых и потенциально больших не хотел.

Вторую партию отловили дней через пять, в пустом недостроенном доме, недалеко от чёрного дома в украинских лесах. На дело пошли вчетвером, - мы с Мужем, подруга и Почтовая Света. Ловили, перекрывая ходы-выходы в промозглом брошенном пространстве, среди божьей мебелишки и строительных козлов. Щенки шустрили, но на нашей стороне был численный перевес. Шикарная подруга в альпинистских ботинках круто пинала пустые банки и в конце концов загнала-таки одного в тупиковый отсек, а Муж - тут как тут, схватил и унёс Рыжего. Ничего, не кусачий, - слабенький. Чёрного договорились загонять туда же, тот оказался пронырливее, времени потратили больше, но - Муж с видом Дерсу Узалы опять ловко схватил и быстро запер в машину, теперь уже не свою. Опять парочка, Рыжий и Чёрный, почти как первые, только совсем дикие - везли в подругином «микстрейле», заперев в стерильный багажник, и умирали от стыда за организовавшийся тут же щенячий понос.

Назавтра предположительные хозяе-

ва беспризорного безобразия - загадочные мать с сыном - выдержали атаку Почтовой Светы: сын как бы и не понял, чего ей надо, пробурчал что-то с крыльца, а к калитке так и не подошёл. Мать не показывалась. Собака, похожая на Триколора, продолжала выть ночами, а днём тоскливо бродила вдоль проезжего асфальта, - одна, а иногда и вслед за украинским хозяином.

Эту партию забросили на другую явку - в Прилуки (надо сказать, есть в нашем городе благословенная тайная сеть, спасающая от догхантерского холокоста, и мы не выдадим её адреса!). К счастью, дело пошло: Прилуки обладали даром пиара, через пару дней нашлись желающие пригреть таких же лысых и грязных. А на наших и по объявлениям никто не зарился. Ещё двое тощих и голодных мотались по Клубова, периодически распинывались владельцами торговли у забора, Почта прошупывала Клубова и окрестности на предмет пенсионной матери, МЧС получила очередной заказ на выезд психолога, а какая-то украинская женщина названивала Свете на отделение и требовала ответить, куда дели её сестру. Наташин верхний жилец - эпилептик пинчер с помойки - бился в рецидивах, Наташа возила его колотясь, он утихал и смотрел на ветеринара, как печальный младенец, и не хотел умирать. Короче, ситуация обострялась, и Муж первым понял, что дело пахнет усыновлением. Наши, на фоне Наташиных паралитиков, выглядели прекрасно. Черный бил котов, Рыжий начал тоненько лаять, хотя дышал всё так же с трудом и всё время просился на руки. Спать уходили в клеточку, а днём... Кто ж их видел днём. Наташа работала, и только грандиозные кучи свидетельствовали о вполне себе благополучном протекании гастрономических процессов.

Через неделю нарисовался Наташин Серёжа, тоже Муж. И бывают же мужья в таких условиях, я вам скажу. Виртуаль-

но нарисовался, - сказано было, что приехал и начал сдирать линолеум: пол требовал ремонта, а времени между вахтами - в обрез. Стало ясно, что наших из клеточки надо куда-то девать, и быстро. Мой Муж закручинился, - надо вскрывать этот тёмный на Клубова дом, вручать оставшихся щенков - и пусть раздают. Я позвонила знакомому борцу сумо, который временами привлекался в МЧС - побороть там кого или так, поугатать издали. Сумо сказал, что психолог найден, операция готовится. Только молчок. Чтобы не сбежали.

А май расцвел. Дача опушилась разбредшимися по воле нарциссами, посаженная морковь обозначилась тонюсенькими всходами, - а главное, яблони зацвели.

- Ну вот, - радовалась западная рентгеновская Варя Александровна, - опять до яблонь дожили! Теперь и до осени жить придётся! - Сунула мне клок лишнего маргариток с корнями («посадишь!») и куда-то ускакала. У Вари Александровны много лет назад муж умер от онко, у самой - тоже находили, но потом куда-то чудом исчезло. Видно, смерть, выбирая из двоих, остановилась не на ней. Это она сама говорила, как будто оправдываясь, что мужа забрало, а её нет. И с тех пор у неё обострённое чувство времени: от зимы до яблонь, от яблонь до снега - границы белые и чистые, как больничная палата...

Пару раз под бурными яблонями появились дети. Мои, разумеется, а не Вари Александровны. Младший, совсем уже парень, что-то там порубил и попинал, но дача перестала его греть: чего тут, друзей не привезёшь, уж больно всё сиротское, а одному скучно. Муж как-то не научился весело работать с ним в паре, предпочитал один, чтобы никто под ногами не путался. Ну и результат: не путается. Дочка больше сочувствовала. Пополола, почистила под деревьями, пожарила - съели партию-другую шашлыков - но и она

долго не выносит нашей взаимной печали, приехала пару раз - и баста. Короче, с Мужем продолжали грустно или чуть веселее ездить, по пути завозили щенячий харч, в интернете буйствовала безнадёжная кампания по пристрою в сельскую местность (как же, мало в сельской местности своих мордovorотов!), однако всему на свете приходит конец. Однажды, приехав, обнаружили клетку разобранной, а парочку - сидящей в уголке на коврикe и смиpнёхонько ожидающей кормёжки. Последней в этой дислокации. Наташа смущалась, но была тверда. Линолеум кучами валялся на дворе, кошки его обходили как нечто враждебное, а сам строитель гремел чем-то на втором этаже, и вся живность притихла под звуками этого мужского вторжения. Только пинчер-эпилептик скулил где-то там же, наверху.

- Через неделю уедет, - Наташа хитро подмигнула, и к ней тут же подбежал Лысый Котьяра с зарастающим черепом, - ласкаться. Мы поняли: это час Че - и упаковали нашу парочку на заднее сиденье. Наташа поцеловала обоих, медлить было нельзя. Может, всё-таки одного, а второго куда-нибудь в Прилуки, на пристроюство?.. Тирания выбора. Выбрать не удалось. В ту же ночь, затолкав остальных домашних в перевозку, выехали в деревню. А что, не в городе же держать.

Дети не поехали. Надо же, пришло время, когда на заднем сиденье - никого, и не надо с собой детского питания и термосов, и места бывших остановок просвистываем, едва разглядев. Господи, грустно-то как. И путь не близок. Хотя - как сказать. Пока ездили через Устюг, получалось километров на шестьдесят длиннее, а тут - всего шестьсот пятьдесят, за восемь часов можно добраться, даже если не гнать. Через Вельск дорога веселее... меньше нескончаемых перегонов по печальным вологодским лесам, больше деревень и всяких природных красотей, а когда, пе-

реехав Вагу и миновав внезапную холмистость, выныриваешь к Двине, - у дороги две скривившиеся, но хранящие достоинство, до мозга деревянные церковки не одну сотню лет свидетельствуют: надежда умирает последней. Год назад тонкие тесинки крыши начали осыпаться, вставать дыбом, обнажая рёбра хрупкой крыши, и мы уже думали - всё, конец. А в этом году - опаньки. Ремонтируют!!! Появились леса, свежие доски зажелтели на сером полуразрушенном покрытии - да ведь и правда, спасти собрались! Хотелось остановиться. Но щенки на заднем сиденье спали, и надо было спешить, пока не скулят и не гадят, а то до переправы еще часа два, не меньше.

Грунтовку проскочили, благо дождя не было давно, и даже грейдер оставил реальные следы прохождения. Собаки в кузовной перевозке молчали, и так мы разогнались на своём «рэнжере», что сразу не поняли: из-за большой воды переправа-то нынче по течению ниже, и - проскочили. Вернулись. Сойгинская заводь была в кустах и цветущих черёмухах, мужики-переправщики лениво прогуливались по пирсу и кого-то ждали. Щенки проснулись и пошли гадить на пелёнку.

Ждали долго, потом подъехал какой-то дремучий кран, залез без очереди и вытеснил большую часть ожидавших легковых. Переправа лениво отчалила и пошла на фарватер Двины, презрев отчаянье невместившихся. Мы знали, роптать нельзя. На Переправе - как в море, только смирение и молитва, стойкость и надежда. Щенки оживились и соскучились, начали ползать через сиденья, это плохо. Рыжего тошнило еще в дороге. Триколор проявлял чудеса стойкости и вылизывал Рыжему ухо. Играли, пили из пластиковой миски, есть не давала, - дома. Наконец, пришёл «макарка», - ещё один катерок с баржой, и мы поплыли по широкой стремнине, равной которой нет. Толь-

ко море, пронзительно синее море Греции, или прозрачная бирюзовость Чёрного у Чёртова пальца - *Appassionato con moto*. Или *burlando*, если вдруг переправа обманет.

В деревне домик зарос травой, даром что конец мая. Кукушки неистовствовали, в сенях звучал первейший комар. Собачонков выпустили, они пошли, шатаясь и нюхая, сначала осторожно, потом быстрее, поскакали по анютиным глазкам, прошлогодним грядкам, начали рыть. Взрослые собаки радостно узнавали покинутое год назад, бежали к реке и уже лаяли где-то у леса.

Пока выгружались, не смотрели, что да как, только, как щенки, впитывали запахи черёмухи и юной земли. Вскрыли колодец, поставили чайник, начали отдиравать доски с окон. Домик казался маленьким, крыльцо запылилось какой-то зимней пылью, а сквозь щель нижней ступеньки пророс лютик. Хотела выдрать, но не решилась, жалко. Муж медленно ходил вниз-вверх по угору, обозревал пространство и разминал организм, - всё-таки девять часов за рулём, а тут - шевелил лопатками и махал руками, как перед полётом... Простор расстилался и располагал. На той стороне реки кто-то качался на качелях и пел. Надо же. Щенки сосредоточенно рылись, и тут я поняла, что роют не просто так - едят. Едят дождевых червей - а что, белок. Видно, на Клубова в городе другое добыть трудно, и кто знает, может, и здесь трудности - кормить никто не обещал...

Неделю ели червяков и угли из прошлогоднего костра, кормление караулили с пристрастием и глотали наперегонки, потом чуть успокоились, но ухо держали остро - любой посудный бряк призывал их к мискам и заставлял дежурить. По утрам, раскладывая кашу всем шестерым, включая взрослых собак, размышляла, почему этих - двое, почему нельзя было выбрать одного, а второго навязать кому-нибудь, расхвалив и не дав опомниться. Привезти, оставить - пусть бы пристраивали, как могут. И тут - второе озарение - до меня дошло, почему. Потому что нельзя выбрать, которого. Маленький Сопливый или Большой Дружелюбный. Потому что их нельзя разлучать, думала я, а на самом деле - это тирания выбора, в которую впадаешь, как только хочешь полноты бытия. Полноты и для себя, и для другого. Теперь я знаю, почему тот парень с Клубова, до которого всё-таки добрался психолог из МЧС, - почему тот парень спрятал умершую мать в сарай и не смог похоронить. Потому что весь год, пока она лежала в сарае, а почтальонка Света долбилась к ней с неполученной пенсией, она, пусть и мёртвая, была с ним, а если бы он отдал её земле, он бы остался один. И невозможно выбрать, что лучше - жить с мёртвой матерью или умереть, оставшись без неё. Юные дети еще не знают об этом, они уходят и не оглядываются. Они ещё не знают, что наши матери - наша судьба, так ведь у иудеев? Так, мои дорогие, так. И Хичкок с его «Психо» тут вообще ни при чём, просто - тирания выбора.

Олег Ларионов

Олег Иванович Ларионов родился 26 апреля 1959 г. в Вологде, где и живет по настоящее время. Прозаик, публицист. В Союзе писателей России - с 1994 г. Лауреат региональной, всероссийских и международных премий, в том числе - национальной премии России «Писатель года» (2017) в области литературы и публицистики. Книги О. И. Ларионова выходили в крупных издательствах России, а также в США и Японии. Прозу О. Ларионова публиковали многие российские журналы и газеты, среди них - «Наш современник» и «Вологодский ЛАД». Отмечен рядом общественных наград, в том числе - Союза писателей России.

Короткая проза

ТОННЕЛЬ

*Внуку Ивану, внучкам Василине
и Ангелине Ларионовым*

Никакие другие ступеньки, эпизоды или целые фрагменты жизни не отложились в моем восприятии так, как первые пять лет пребывания на этой земле. И не знаю, то ли случайно, то ли нет, но они совпали с примечательным периодом жизни всей нашей небольшой семьи в старом двухэтажном доме, расположенном в тихом уголке города.

Через пять лет после моего рождения мы переехали оттуда в шумный, перенаселенный район, и всё, что случилось позднее, уже не было окутано тем таинственным флером удивления и сказки. Именно сказки, полуреальности, фантастичности.

А потом этот флер исчез, и все обратилось в обыденное движение дней.

Над нами, на втором этаже, жил известный художник. Конечно, я не знал этого. Его сын, младший школьник, любил на задворках ловить разных насекомых. Однажды он поймал красивую бабочку, и попросил меня окликнуть мою маму, чтоб та передала из окна пустую стеклянную банку - будущую тюрьму пленницы. Мне было жалко бабочку, но и не слушаться своего старшего друга не хотелось. И тогда я схитрил: позвал маму чуть не шепотом, чтобы она меня не услышала. «Нужно громче», - пояснил друг. Я повысил тон, но ненамного, прикидываясь, что не очень понимаю, чего хочет от меня сын художника. Так я спас бабочку от пленения, и парень ее выпустил.

Обширная поляна за домом плавно опускалась далеко вниз, к ручью. Зимой подростки устраивали здесь ледяные горки, и моя мама с радостью вместе со мной принимала участие в крутых спусках на фанерках. Что ж, ей не было и двадцати пяти - с моей теперешней точки зрения, она сама была еще несмышленной девчонкой. Но тогда я не догадывался об этом. Она была мама, и всё. А когда снег уходил, жильцы дома обустраивали там грядки и садили кто лук, кто морковь...

Я нередко гулял теплыми летними днями один. Меня все время тянуло на какое-то изобретательство. Так, я нашел жестяную крышку из-под консервов, подобрал у сарая подходящую круглую палочку и к концу ее приколол эту крышку гвоздиком с помощью молотка, обнаруженного в отцовском чемоданчике. И носился по двору, катая это «колесо» на палочке и изображая автомобиль. Потом таким же образом сконструировал мухобойку из найденного обрезка резины... Но никто не верил, что маленький ребенок сам сделал эти вещи. К моей досаде, все думали, что я обманываю их.

Кстати, об автомобилях. Я никак не мог понять, что их движет. На мои вопросы отец отвечал: «Мотор». Но мне это ничего не объясняло. Ведь их сзади никто не подталкивал, а они ездили! И при чем тут пустое рычание мотора! Но объяснить мне что-нибудь про трансмиссию, про привод на колеса отец не стал - посчитал, рано еще. А напрасно. Думаю, я бы сумел кое-что понять. Зато отец любил пофилософствовать. Впрочем, как и я. Однажды он сказал, что наука говорит о том, что пространство вокруг кривое. Я представил себе кривые белые облака. Это было очень странно. А как-то и я поставил его в тупик, так как он не знал, как отвечать на мои вопросы. Разговор зашел о том, что дети похожи на своих родителей. «Вот мы живем вместе, и ты похож на

нас с мамой». - «Так наш сосед дядя Слава тоже рядом с нами живет, а почему я на него не похож?» Отец счел нужным уйти от этой темы.

Впрочем, меня мучили и многие другие вопросы, ответа на которые тогда не было. Например: откуда мы все взялись?.. И отсутствие ответа доставляло мне истинные муки.

Долгими летними днями я играл на задворках на заросшей высокой травой поляне. Попадать туда приходилось через калитку в заборе. Как-то из-за этой калитки на меня наскочил белый петух, казавшийся огромным, замахал крыльями, взлетел и несколько раз клонул в лицо. Теперь у меня во дворе появилась опасность, которая могла неожиданно поджидать, но я всё равно, хоть и остерегаясь, посещал любимую поляну. Как защититься от «клевачей» и грозной птицы, еще не приходило мне в голову.

На тыльной стороне дома за мной часто наблюдал какой-то дядька с балкона второго этажа. Фамилия у него была необычная, и потому я ее хорошо запомнил - Лермо. Дядька был добрый и кидал мне конфетки. А потом дядька пропал. Я донимал маму, где он. И она, в конце концов, устав от вопросов, сообщила ужасное: ему отрубили голову. Лишь многими годами позже узнал я подробности той истории. Теща у моего старшего покровителя оказалась шизофреничкой и действительно ночью отрубила топором спящему зятю голову.

Но тогда мне стало страшно. Я стал бояться играть на той поляне один. То, о чем я узнал, было страшнее супостата петуха. Некогда приветливые окна дома стали излучать холод и таящиеся за ними страх и неизвестность. Чувство ужаса вызывала какая-то тряпка, торчащая из окна, где жил Лермо.

Также мне становилось страшно, когда меня оставляли на весь день в комнате одного. В основном из-за соседского па-

цана Кольки. Он подкрадывался к двери и рычал, изображая волка. Я знал, что это не волк, а Колька, но мне все равно было страшно, я прижимался спиной к стене.

Над простеньким письменным столом у нас висел радиоприемник. Я забирался на стол и слушал песни. Особенно нравилась «На безымянной высоте». Там были такие слова: «Тот не забудет, не забудет атаки яростные те...» Но вместо «яростных атак» мне слышалось «яростный отец», и при чем в этой песне отец, оставалось для меня долгое время большой загадкой. Кстати, любовь к этой песне я пронес через всю жизнь.

Помню Новый год, когда меня, трехлетку, первый раз отвели на елку в Дом культуры, где происходили настоящие чудеса. Там были и Дед Мороз, и Снегурочка. А еще девочка, моя ровесница, одетая снежинкой. Я в нее почему-то влюбился со страшной силой. И это была моя первая любовь. Многие дни я думал о том, как бы с ней подружиться. Воображал, что женился на ней, и мы живем в нашей маленькой комнатке в коммуналке. Мамы с папой уже нет, они умерли, и в углу комнаты в их честь стоят два черныхobelиска (такие я видел на кладбище, где похоронили бабушку; причем что такое смерть, я, наверное, не понимал совсем). Я прихожу с работы, как дядя Слава, - пьяный. Причем каждый день. Непременно пьяный, ведь это было так круто: дядя Слава, особо-то и неприметный, в таком виде казался настоящим орлом, грубоватым, веселым и разбитным. Так что обязательно пьяным!.. До сих пор смешно, как все это приходило мне в голову!

У Кольки были две сестры. Вечно сопливая Светка и старшая, Наташка, - совсем взрослая. Наташке, по моим теперешним прикидкам, было лет, наверное, двенадцать, если не больше. Как-то раз эта спелая девица с вьющимися локонами цветална и оформившейся грудью позвала меня

в их комнату помочь перебрать картошку. Она почему-то заперла дверь на ключ, открыла люк, и мы спустились в неглубокое подполье. Уселись на земляной пол друг напротив друга. Про картошку Наташка сразу как-то позабыла. Она распахнула халат, под которым больше ничего из одежды не оказалось, обнажив все свои прелести, и усталилась на меня, изумив своей неожиданной выходкой. Взгляд ее мутноватых голубых глаз был пристальный и при этом отстраненный, будто бы направленный внутрь себя.

Тут в дверь постучали. Натка всполошилась, быстро запахнула халат и вытолкала меня наверх. На пороге стояла моя мама. Она быстро увела меня в нашу комнату и устроила «допрос с пристрастием». «Что вы там делали?» - «Перебирали картошку». - «Нет, вы не перебирали картошку. Что Наташка там делала?» По строгости тона я начинал догадываться, что в Наткиных действиях скрыто некое табу, и потому молчал, «как партизан». И мать явно чувствовала что-то нехорошее. Я смотрел на лежащую на столе бумагу с изображениями разных повторяющихся кубичков для раскраски и молчал.

С тех пор мама перестала доверять водиться со мной Наташке, заподозрив ее в пробуждающейся похоти. А вот играть со Светкой разрешала. И зря, потому что та оказалась не менее инициативной барышней. Вообще их странные интересы меня крайне удивляли, и это тоже была одна из неразрешимых загадок того времени.

На заре моих времен я очень любил одинокие путешествия и исследования ближайших окрестностей. Я шел по дороге, обочины которой поросли репейником, и ярко-красные цветки представлялись мне чуть ли не инопланетными диковинами. Я заплутал, и вдруг оказался на широкой улице с огромными домами. По ней медленно ехал грузовик со спу-

ценными бортами, на нем стоял покрытый пурпурной материей гроб; вслед за импровизированным лафетом шествовали музыканты духового оркестра, а далее двигалась многолюдная процессия (тогда машин в городе было настолько мало, что подобные шествия не могли вызывать каких-либо заторов).

По тротуарам спешили люди. А домов таких я еще не видал. Открыв для себя невероятный и большой новый мир, лежавший за пределами тихого дворика, я вдруг понял, что заблудился. Я не знал, как вернуться назад. Но у меня не было страха, а лишь растерянность. Наверное, из-за глубокой убежденности, что всё в этом волшебном мире будет хорошо, и все вещи имеют положительный исход. Так произошло и на сей раз. Ведь я увидел запыхавшуюся, плачущую навзрыд маму, взявшую вдруг меня за руку... И чего она так плакала?!

Прошли годы, показавшиеся громадным куском вечности. Мне исполнилось восемнадцать, и мы уже успели поменять две квартиры. Отец узнал, что кто-то тоже меняет квартиру в том нашем старом доме, и решил разведать обстановку, взяв меня за компанию. Он признался, что его всегда тянуло вернуться в тот тихий уголок города.

С обменом ничего не вышло, зато мы встретили кое-кого из старых жильцов. Светка, которая в далеком детстве была выше меня на голову, теперь едва доставала мне до плеча и с нескрываемым любопытством меня разглядывала. Наташка давно выскочила замуж и куда-то уехала, как уехал и ее брат Колька. А дядя Слава умер.

Двор же почти не изменился. Но всё равно стал каким-то не таким. Легковушки заездили всю песочницу, в которой я когда-то играл, снесены были сарай и забор. Но главное - что-то в нем пропало удивительное, не поддающееся на первый

взгляд никакому определению. Однако всё равно он оставался для меня необычайно дорогим. И в моей привязанности к этому месту было нечто совсем иное, чем в привязанности отца, почти культовое.

В странствиях по земной юдоли иногда встречаются удивительные города и миражи, в которые уже никогда не попасть физически. Вот так же невозможно прилететь в галактику, расположенную от вас в миллиарде световых лет. Но теоретики говорят, что существуют червоточины, тоннели времени, в мгновение ока соединяющие немыслимые расстояния и делающие нереальное реальным.

На протяжении своей жизни я не раз еще приходил сюда просто так - тогда, когда уже не осталось никого из прежних свидетелей моего оазиса времен. Ведь в нем для меня по-прежнему живут мама, почти девчонка, отец, вернувшийся с военной службы в Китае, и наши соседи по коммуналке. Ну и, конечно, я, маленький первооткрыватель миров.

ОБГОН

Есть вещи, которые преследовали его всю жизнь, и он не знал, что с этим поделать...

У него новая, только что купленная машина, и он, молодой и амбициозный, едет из деревни всей счастливой семьей - с женой и двумя дочками, восьми и четырнадцати лет. В багажнике и на заднем сиденье, заваленном до потолка, - часть собранного урожая. Уже поздно, и хочется поскорее вернуться к родным пенатам. Трасса пустая, лишь впереди медленно тащится какая-то ржавая рухлядь, за рулем ее сидит старик. Посредине - двойная сплошная, которая, кажется, не кончится никогда, да запрещающий знак. И никакого обзора. Шоссе ныряет то в спуски, то в подъемы.

И тогда он идет на обгон. Думает, двадцать секунд - и обойдет... Но вредный старик неожиданно поддает газу, чтобы из каких-то одному ему понятных соображений не пропустить его вперед... И - о ужас - он понимает, что перегруженная машина со слабеньким движком не способна больше тянуть...

Каким-то чудом он уходит со встречки, и глаза тут же ослепляют фары вынырнувшей из-за подъема колонны тяжелых грузовиков...

- А ты ведь рисковал, - спустя некоторое время говорит жена, которая ничего не понимает в правилах дорожного движения. И впервые он молчит.

Пока ехали, думал о дороге. Наконец, они благополучно вернулись домой, неспешно поужинали. И тут вдруг до него стало доходить, что же произошло. Вернее, не произошло...

* * *

Минуло много лет. Дочки выросли и родили ему внуков и внучек. Но иногда, когда он вспоминает молодость, всплывает в сознании та ситуация, и раскаленное сверло сверлит мозг, а кровь стынет в жилах. Зачем он рисковал! Ради чего? Что за дьявол безрассудства руководил им?! Ничто не способно его оправдать.

Везло ли ему в жизни? Этот вопрос приходит, наверное, рано или поздно ко всякому. И тогда он отвечает себе: однозначно, бесспорно везло. Ведь если бы не везло... То ничего бы не было. Страшно даже произнести, облечь эту мысль в слова.

«НЕ БОЙСЯ»!

На смену тропической жары пришли ураганные ветры и грады. Вихри валили деревья, сминая припаркованные автомобили, срывали крыши, гром сотрясал окна

и стены. Но страшнее всего были разрывы снарядов.

Вода и еда были на исходе. Они сидели в подвале уже несколько дней. Выйти из него было нельзя, потому что окопавшиеся рядом бандеровцы расстреливали смельчаков.

Полуторагодовалая малышка подбежала к взрослому, обхватывала за ноги мать и повторяла в испуге: «Не бойся, не бойся...»

Ту фразу, которой ее успокаивали когда-то и которую она запомнила. Она не знала других выражений, путала значения слов, но сейчас смысл произнесенного ею был другим и означал лишь одно: «Я боюсь!»

Она закрывала ручонками глаза, стараясь спастись от неведомого грохота, и в страхе прижималась к взрослому.

Через два дня грохот стих. В ужасающей тишине послышался скрежет железной двери, тусклый свет проник в помещение.

- Есть здесь кто? - прозвучал молодой, почти мальчишеский голос. - Мы - русские!

Маленькая девочка вышла навстречу солдату и спросила:

- Ты - папа?

Не дождавшись ответа от растерявшегося парня, она прильнула к нему и произнесла радостно:

- Не бойся! Не бойся...

ОТЕЦ

Отец был сложным человеком. Часто мягким, но многие запомнили его вспльщивым. В душе романтичным, но по воле судеб - беспощадно рассудочным.

Однажды отец сказал мне:

- Я всегда в жизни пытался поступать так, чтобы войти в интересы других людей, понять их, много размышлял и старался помочь тем, кому считал нужным, часто в ущерб себе. И очень часто люди

эти впоследствии воспринимали мои поступки за слабость, к моему глубокому разочарованию...

И еще:

- Самое слабое вещество во вселенной - это человеческий мозг. Оно - как пластилин: легко можно слепить и злодея, и героя. Так же, как и родить с помощью него любой вывод.

Наверное, последнее его высказывание - лишь подтверждение первого...

КОЛОВРАТ

Из глубин солнечного дня долгожданного лета, то приближаясь, то теряясь за нежной зеленью деревьев, скрывающих город, явилась та полузабытая песня всемирно знаменитой группы. Я не знал языка, на котором она исполнялась, понимал лишь два слова - «солнце» и «любовь». Волшебные слова разлетались многократным эхо, звенели хрусталем завораживающего девичьего сопрано. Вдохновенная мелодия, молодые уверенные голоса всё объясняли без перевода. Музыка, как и в юности, обещала что-то невероятно яркое и радостное, неизмеримо счастливое и необъятное, что непременно должно случиться в судьбе.

Случилось ли?.. - невольно спросил себя я, сидя в одиночестве на скамейке перед окном.

...Мою страну, в которую верил, разрушили и предали; женщина, которую я любил больше солнца, о котором пелось в песне, покончила жизнь самоубийством, оставив мне в безрадостное наследство несколько прощальных стихотворений и боль бесконечных раздумий; по моим идеалам промчалась конница вассалов нового мира, потоптав, поглумившись над ними, но так и не сумев сместить их. И еще я навеки проводил печальным взглядом тихую череду самых близких и беззащитных людей.

В общем, то, что обещала эта песня на заре моей наивной юности, оказалось фантазией, в какой-то мере самообманом, и почти ничего в ней не сбылось.

Так что теперь? Огорчаться, как будто ничего и не было из окрыляющего и зовущего? Радоваться неизвестно чему, позабыв про снега и дожди?.. Впрочем, я думаю, что давно живу вне этих понятий. В иной реальности, которая, похоже, понимается не очень многими.

И всё же, всё же... Я продолжал слушать эту вечную счастливую песню, с радостью вспоминая время неумной молодости, безудержной веры в будущее, что было сродни полету к звездам, и просто завидуя сейчас той своей далекой вере в то, что никогда не произойдет...

СТАРЫЙ КОТ

Старый одичавший кот, серый и «с проседью», любил прогуливаться по участку этого большого частного дома. Каждый раз, увидев человека, он норовил спрятаться, нырнув в дыру в заборе либо затаившись в прорехе дровяника. Однако, не обнаружив агрессии, вскоре покидал убежище, чтобы продолжить свой неспешный моцион. От любопытства и скуки человек попробовал «наладить контакт» с гостем, подражая мяуканью, чем вызвал у того лишь опаску и недоумение.

Однажды путь серому преградил другой мурлыка, пробравшийся на участок, черный с белыми пятнами, молодой и резвый. Зверьки подняли дыбом шерсть, раздался истошный воинственный вой. Каждому непременно нужно было застолбить удобную территорию. Впрочем, орал только молодой. Старый и облезлый молчал, медленно и осторожно приближаясь к противнику. Он даже что-то пожевывал, словно жвачку. Оба нервно подергивали хвостами. Наконец тот, неопытный и горланящий, дал драпу чуть раньше, чем се-

рый успел сделать прыжок и сразить неприятеля.

День проходил зря. Дела не заладились. Был выходной, а с работы раздался звонок. Молоденький зам шефа, недавно принятый на работу, стал «грузить» человека отсутствием поставок на базы. «Сволочь, наверное, хочет подсидеть меня своим рвением, - подумал человек. - Приду в понедельник, и ты задохнешься от моих поставок».

Было очень тепло, можно купаться. Одному идти на реку не хотелось. С женой он развелся, но счастья не наступило. О супружеской жизни напоминали лишь старые совместно нажитые вещи - лучше б человек их выкинул!

Он позвонил паре бывших подружек. Одна сказала больно, обнадежив, что всенепременно осчастливит его особу своим визитом на местный пляж в следующий выходной, а другую потянуло на обыкновенную и нудную женскую ложь из разряда «где ты раньше был».

Человек уселся на крыльцо в одних трусах - благо, его здесь никто не мог видеть, закурил, чтоб привести в равновесие баланс своей нервной системы. И услышал шорох. Уже знакомый серый кот крался среди нескошенной травы, почуяв кошку. Кошка старательно приюхивалась, а потом вдруг дала стрекача. Серый кот не погнался за ней. Он разлегся в траве, наблюдая за течением дня.

И тут появилась еще одна кошка, пушистая, красивая. Она смело шла навстречу. Кот ожил, поднялся на старые тощие

лапы... Но его новое вождение оскалило зубы, зашипело... и удалилось. Старый кот побродил вокруг, старательно обнюхивая примятую траву, потом вышел на бетонную дорожку, ведущую к крыльцу, и растянулся всего метрах в трех от хозяйина дома, внимательно сосредоточив на человеке большие зеленые глаза с узкими эллипсами зрачков. Он больше не боялся этого большого двуногого, не ощущая в нем соперника и врага. Может быть даже, после всех своих дурацких походов ищущий в нем друга.

«Кормить его не буду, - наученный прежним опытом, сказал себе человек. - Глупое животное привыкнет, будет на что-то надеяться, ему и невдомек, что к лютым морозам меня здесь не будет, и если его никто не подберет, то оно погибнет».

И всё же эмоции взяли верх. Человек зашел в дом, нашел какие-то вегетарианские объедки и подал их коту. Одичавшее животное, слегка отступив из предосторожности, обнюхало еду и медленно, не притронувшись к ней, пошло прочь. И больше не приходило сюда.

Наверное, кот понял, что это странное прямоходящее существо, хоть и не злое, но ничего не понимающее в кошачьей еде, почти ничего не делающее, бессмысленно греющееся на солнышке, бездарно прожигаящее время, подчиняющееся идиотским инстинктам, бессильное что-либо изменить, идущее на уступки более мелкому животному и зачем-то притворно мяукающее, как кот, - никак не может быть его другом.

Денис
Макурин

Денис Владимирович Макурин живет в селе Холмогоры Архангельской области. Автор нескольких книг. Рассказы и сказки Дениса публиковались в литературных журналах: «Юность», «Урал», «Двина», «Север». С 2022 года - член Союза писателей России. В 2022 году мы публиковали статью кандидата филологии Эльвиры Трикоз о творчестве Макурина. «Всё из жизни...» - цитирует вологодский литературовед мнение автора о своей прозе. В том же номере 2022 года была опубликована подборка рассказов Дениса Макурина для детей «Поморские чудеса». С прозой автора из Холмогор читатели «Вологодского ЛАДА» встретились во втором номере журнала за 2024 год. Рассказы и повести прозаика насыщены просторечными словами - «поморской говорей», как называют своё наречие северяне. Писатель такую речь очень любит и ценит, как рассказал в интервью московской журналистке Елене Константиновой: «Мне, конечно, хочется, чтобы говор пожил подольше. Я еще помню, как мои бабушки и дедушки общались, поэтому-то некоторые их словечки в тексты и вплетаю. Возможно, когда-нибудь те деревенские этюды и перерастут в книжку»... А вот что писатель ответил на вопрос той же журналистки о том, как к нему приходит вдохновение: «Вдохновение - это всего лишь яркое впечатление: от прогулки по набережной, от выезда на природу, от посещения театра или картинной галереи, да просто просмотра хорошего фильма. Но для написания стоящей вещи одного вдохновения мало, нужно что-то еще... Какая-то Божья искра должна пробежать через автора». Пусть Божья искра почаще пробегает в душе Дениса Макурина!

Вологодские впечатления

И ЛЮБОВЬ, И СЧАСТЬЕ, И МОЛИТВА

В один субботний день решили мы с дочкой на лыжах покататься. В начале марта днём хорошо, солнышко припекает, вот мы дома и не усидели. За пол-

часа доехали на автобусе до проспекта Победы, вышли у торгового центра «Ленинградский», дошли до Кремлёвской площади, через реку по льду перебежали, взяли лыжи в пункте проката, что на Набережной 6-й Армии, и вперёд - на лыжню!

Только-только «Прибрежный» позади себя оставили и к парку Мира подкатили, дочка начала канючить:

- Пап! Ну, пап! Я устала, па-па...

- Потерпи маленько! - говорю. - Видишь впереди упавшее дерево? У него привал устроим.

Дочка кое-как доползла, не снимая лыж, на дерево вальнула; но болоньевая куртка соскользнула - и ребёнок стёк в сугроб.

- Ну и ладно! - буркнул сугроб. - И так хорошо!

- Простудишься! - говорю. - Вставай!

- Нет! - ответил вредный сугроб и пошевелил лыжами.

- Вылазь-вылазь! - велел я, снимая рюкзак. - Сейчас отобедаем, чем Бог послал.

- А конфетки послал? - выныривая из сугроба, поинтересовалась розовая шапка.

- А как же! - приободрил я. - Но сначала горячий чай и бутерброды с колбасой!

- Ладно, давай свою колбасу, - кряхтела шапка, отстёгивая лыжи.

Кто-то до нас слепил возле поваленной сосны снежный стол, я расставил на нём кружки, разлил чай, развернул и уложил на газете «Городок» бутерброды, высыпал горсть конфет - половина тут же исчезла.

- Сначала чай! - ещё раз продекламировал я порядок приёма пищи.

- Ладно-ладно... - нехотя согласилась Юля.

И вот, пока мы отдыхали, пока уплетали наш нехитрый тормозок, я вдруг вспомнил, как однажды в августе мне было отчего-то тоскливо, и я сидел совсем недалеко от этого места в парке и разговаривал с белоснежной кувшинкой. Нимфея охотно меня слушала и, кивая, со всем соглашалась, слегка покачиваясь на волнах.

Плавающие кувшинки выглядят настолько необычно и завораживающе, что не остановиться, чтобы полюбоваться

ими, просто невозможно. Вот и я не устоял, присел на берегу и пропал!

Оставшись наедине с этим удивительным цветком, кажется, начинаешь улавливать связь далёкого прошлого, бесследно минувших веков с настоящим и ощущать хрупкость всего, что тебя окружает, и человеческой жизни особенно.

Проговорили мы с кувшинкой до самого вечера, а когда солнце чуть спряталось за вершины сосен, белоснежная куколка неспешно закрылась и, будто душа, улетающая на небо, унесла мои тайны в мутные воды.

Вообще-то учёные предполагают, что название «Вологда» может быть расшифровано как «река с чистой, ясной водой». Но река Вологда никогда не была чистой и ясной из-за своих берегов - скорее, наоборот: мутной и грязной. И вот разве что эти самые кувшинки издревле придавали ей чистоты.

Неожиданно до нас долетели отголоски колокольного звона, дочка допила свой чай, выбежала на середину реки, легла на спину и, размахивая руками и ногами, стала рисовать ангела.

- Пап, смотри, какая красота! - с головы до пят запорошенная снегом, кричала она.

Я подошёл, выбрал незатоптанное местечко и тоже лёг. Взмахнув пару раз руками и ногами, поймал себя на мысли, что Вологда, может, и не чистая и ясная, но точно богоугодная - ведь прямо сейчас в ней есть и любовь, и счастье, и молитва...

ВДОХНОВЕНИЕ

Строил я как-то на улице Бурмагиных печь в гостевом доме. Начало апреля. Снега почти не осталось, растаял. Правда, ледоход на реке ещё не начался, лишь серые ледяные поля на излучине Вологды сгрудились. И вот в один из дней я раствор замесил, стою, поровнее кирпичи на лицевую сторону выбираю, перекладываю из

одной стопки в другую только брякоток стоит, при всём при этом к улице прислушиваюсь, и причудилось мне, будто снаружи кто-то хозяйничает. К слову, участок-то высоким глухим забором огорожен, калитка заперта - никого бы там быть не должно.

Отложил своё ремесло, вышел на крыльцо, осмотрелся - рядом бочка для сбора дождевой воды, а у этой бочки журавль стоит.

В тот год весна в Вологду рано пришла, уже в марте снег сошёл, а в начале апреля и вовсе до пятнадцати градусов тепла доходило, разве что по ночам изредка подмораживало. Вот и прошедшей ночью слегка прихватило. Журавль в бочку смотрит и как дятел: Тук! Тук! - по льду. Отобьёт кусок, швырнёт его в сторону, и снова: Тук! Тук!

Я его окрикнул:

- Уважаемый Гусь Иваныч, не лягушку ли добыть пытаетесь?

А он лишь глянул на меня с надменным видом, мотнул головой, и, возмущенно бормоча, опять за своё: Тюк! Тюк! - по льду. - Тюк! Тюк!

Я подумал: «Ну, надо ему! Может журавлям, как и лосям, соли не хватает! А я в этой бочке постоянно то руки, то инструмент отмываю, вот он и учуял там что-то! Минералы какие-нибудь».

В тот же миг он громко вспорхнул и неуклюже плюхнулся в эту самую бочку. Не знаю, зачем журавль забрался в неё, но вид у него был счастливый. Он переминался с ноги на ногу в мутной холодной воде, громко щёлкал клювом и, кажется, улыбался.

Я тоже улыбнулся. Присел на ступеньки, посмотрел на небо и подумал, что когда-то, много лет назад, точно так же явился Николаю и Генриетте Бурмагиным такой же журавль, и та самая встреча вдохновила их на то, чтобы запечатлеть родную землю - воспеть свою Вологодчину в ярких графических листах.

ЧУЖИХ ДЕТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

Гуляли мы как-то с племянником в центре города. Прошлись по улице Сергея Орлова, свернули на Лермонтова и вышли к Пречистенской набережной. Жара и дневной зной уже спали, а комары и мошки ещё дремали в своих укрытиях, поэтому совершать променад вдоль реки было сплошным удовольствием.

Остановились у памятника первому электрическому столбу, только-только поприветствовали чугунную собачку, что у его основания сидит, как перед нами развернулась такая картина: почти на середине реки медленно-медленно проплывал небольшой кусок пенопласта, а на нём, словно капитан, восседал воронёнок. Уж не знаю, сам ли он забрался, или кто-то из хулиганских побуждений его туда посадил, а только мамаша-ворона была просто в ужасе от происходящего. Она кружила над своим чадом и то и дело вопрошающе орала: «Ка-а-ак? Ка-а-ак ты там оказался?!»

Но никто не мог ей ответить - ни сам воронёнок, ни зеваки, собравшиеся на пешеходном мосту.

Добавив драматизма, какой-то шутник затянул песенку мамонтёнка:

- Пусть мама услышит,

Пусть мама придёт,

Пусть мама меня непременно найдёт...

Чем довёл и без того взволнованную мамашу до обморочного состояния.

- Попробуем покормить пилигрима! - предложила и потопал к павильону Вологодского хлебокомбината.

Племянник согласно кивнул и посеменил следом.

- Нам, пожалуйста, один батон и две слойки с творогом! - гаркнул я, чем немало испугал задремавшую было продавщицу.

- Два батона с творогом? - переспросила она, пытаясь сообразить, что от неё хотят.

Я повернулся к племяннику, оценил его взглядом и решил, что хоть он и молодой растущий организм, но батон с творогом даже ему не одолеть.

- Нет, - сказал я испуганной девушке и повторил свой заказ: - Нам всё-таки две слойки и один батон.

- В тебя же не влезет батон? - на всякий случай переспросил я у племянника.

- Не знаю! - пожал он растерянно плечами, но тут же нашёлся и добавил: - В меня сок войдёт...

- Нам, пожалуйста, ещё коробочку сока! - дополнил я.

- Какого? - раздражённо уточнила продавец.

- Какой в тебя войдёт? Говори быстрее! - тыркнул я племянника.

- Яблочный! - улыбнулся он. - Яблочный точно влезет.

Наконец, когда мы были на мосту, к воронёнку успели присоседиться десятка два серых уток и красавцев-селезней, что усложняло задачу по кормлению. Мало того, что небольшим кусочком батона сложно попасть на плот, так ещё и окружившие его пираты тут же всё отнимали.

Правда, это было сущим пустяком по сравнению с тем, что случилось дальше: мы увидели, как со стороны Октябрьского моста на огромной скорости мчался катер. Утки даже не успели испугаться и разлететься в разные стороны, они лишь развернулись к берегу и, недовольно крякая,

начали усерднее перебирать своими перепончатыми лапами, когда катер пролетел в считанных метрах от них.

Пенопласт же с воронёнком сначала подкинуло, а потом захлестнуло и несколько раз перевернуло.

Все мы решили, что всё! Птенец погиб! Но каково же было наше удивление, когда он всплыл и, хлопая крыльями по воде, направился к зазевавшейся было утке. А, может, она тоже переживала за это неуклюжее чадо, как за своё родное, и просто дожидалась его.

Не знаю как, но воронёнок догрёб-таки до тётушки утки, ухватился за неё клювом и вскарабкался ей на спину. Как только он угнезвился и замер, тётушка-кряква взяла курс к спасительной суше.

Не доплыв пару метров, она забралась на торчащий из воды серый валун и, кажется, задремала. Тем временем нетерпеливая мамаша расхаживала по бетонным плитам взад-вперёд и недовольно покрякивала не то на утку, не то на своего воронёнка.

Слава Богу, для этой маленькой семьи всё закончилось благополучно, толпа с облегчением выдохнула, а всё тот же шутник допел начатый прежде куплет:

- Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети...

И все мы хором его подхватили:

- Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети!

Алексей
Небыков

Алексей Александрович Небыков - русский прозаик, просветитель, главный редактор портала «Печорин.нет». Эксперт литературного семинара молодых авторов Василия Белова в Вологде. Произведения А. Небыкова публиковали журналы «Роман-газета», «Нева», «Москва», «Аврора» и другие печатные и сетевые издания. Член Федерации альпинизма России.

Сани

*Кто ударит отца своего или свою
мать, того должно предать смерти.
Вторая книга Моисея, Исход,
глава 21, стих 15*

В эту ночь Гарю снился сон, будто отец его, крепкий, всегда сдержанный, легко отбросил дубовую дверь и впустил в избу ароматы горького костра, утренней росы, окалины металла и свежееубитой птицы. Раскинул в стороны сильные руки и обнял дочь Милку. Она младше, сперва ее, а потом и его, Гарю, прижал к груди. Тут же при входе в углу отец поставил ружье, грозное, манящее, такое для Гари желанное, и, поцеловав мать, сел, не раздеваясь, за стол.

- Батя, батя! - закричал во сне Гаря, вцепившись в крупную пуговицу отцовского бушлата. - А ты чего не умываешься, полевое с себя не снимаешь?

- Так ведь съели уже всё, гляди, Гаря. И мне сызнава в лес пора, - добродушно

отвечает отец, подхватывая сына к себе на колени.

- Как съели?.. - нерешительно повторяет Гаря, и на его глазах мама выносит шкворчащее жиром блюдо с кряквой, ставит на стол.

Запечённая, ещё лоснящаяся корочка птицы обещает хрустящий восторг, а дымящееся мясо - нажористое удовольствие. Живот у Гари разом подводит, скручивает в ожидании мясного насыщения. Но вдруг это большое, неразрезанное ещё лакомство распадается на сочные золотые куски и враз съедается. Гаря видит теперь лишь остатки жира, чеснока, пряных трав на блюде. Тем временем мать уже беззаботно хлопочет в бабьем куту, сестра на полу запускает волчком катушку от ниток, а отец шепчет что-то невнятное горячим своим дыханием. Лишь деда в комнате нет, и Гаря, не видев того, кто съел весь обед, раздражен-

но думает недоброе на него. Ведь именно дед любит приуснуть где-то в тихом углу дома после питания.

Обозлившись решительно, Гаря вскакивает с коленей отца и пробуждается, обнаружив себя на печи.

Вихрем спрыгивает на пол Гаря, собирает на себе штаны, различает растопленное горнило и похлебку, закипающую в нем, значит, вернулся с охоты отец. Вот и дверь открывается, и заходит родитель с дровами - точно леший после долгого похода, поизбитый непогодой и холодом, с разломаченными бровями, усталыми черными глазами, густой, небритой, жесткой бородой.

Отец привечает Гарю, жалеет, что не добыл ничего лакомее ворон, и обещает преуспеть в иной раз. Мать возится с варевом, Милка накрывает на стол, дед, лежа на полатах у окна, посасывает маленький сухарик, завернув хлеб в тряпочку, сберегая силы и живость.

Годы высушили деда, обсыпали голову снегом, но он всё так же бойко шаркает ногами, а в повадке его и в наружности никак не различить ни приговора, ни робости. Дед по-прежнему держит крепость. Пусть уже и не занимает главное место за столом, но всё еще умеет разместить себя в доме так, чтобы быть у всех на виду, чтобы найти для себя от других реакцию.

- Первые плоды земли твоей принеси в дом Господа, Бога твоего. Не вари козленка в молоке матери его. Мертвечины, звероядины не должно есть... - читал в голос молитву отец, пока мать умещала чугунок с похлебкой на широком столе.

Унылая трапеза ждала семью, но и вороний бульон для оголодавших сродников был заветным угощением.

Давно обезлюдели окрестности, с тех самых пор, как обидели бесчестно поселенные проживавших на краю села цыган. Тихо они стояли домиками и повозками неприметными, служили окраине и ремеслом,

и песней, и выручкой. Но обвинили их в деле темном, позавидовали-повыгнали, а еще дело страшное с девочкой неспелой сделали... И ушли из краев тогда и птица, и зверь, и достаток, непогода крутила по местности, позабылись дороги, заволочились пути мимоходные. Засобирались селяне все, да по весне ушли, один лишь двор захотел... да и остался.

- Мерзкая птица - ворон... Мяртвячину клюет, падло всякое, - подбрасывая дрова в печь, скрежетал дед. - Мало того, что зима лютая, маемся и холодом, и темнью, так еще и нечистое жрать. Поизгубим души свои, сказано в Писании...

Но отец не позволил деду окончить:

- Хватит дрова жечь! Не ты ходишь за ними в чашу. Задумали же уже - зиму переждем, а весной отправимся. А день и вправду стал бесконечно слабым. Ты бы лучше сказал, дед, где рыску свою в лесу спрятал. Сухарь, вишь, по-прежнему жуешь, значит, не вышла, осталась схоронка. Годы твои трухлявые, много не надо, а нам в подкрепление. Ослабну - все передохнете.

- То ж моя рыска, от пришлых делили. А будешь на старика наседать, кто о тебе затем узаботится?.. Угли, знай, бьют лучше костра, коли ночь длинная. Ты бы плесенью позанимался. Почти до крыши истьбы дошла. Я тож поковырял, пообсыпал кое-где. Но тут надо по опыту скоблить, мож, и с заменой бревна, с приглубой вырубкой. По селу пошастал - язва эта изъела и другие дома, стоят - порассыпятся, дай время. А и цвет такой гнили замогильный, красно-зеленый какой-то, неприютный, холодный.

- Язвой потом займусь. Выдай рыску!

- Вот пристал, заволновал без повода! - недовольно заскрежетал дед. - Насыпай варево, сноха. Приговорит так до телесной немочи.

Закончив трапезу, семья разбрелась по углам. Гаря с Милкой забрались на печку, слушать дедовы вечерние побасни. Мать

недовольное что-то всё высказывала отцу, упрекала в робости, и он наконец пообещал, да так пообещал, что вышла она к детям уже довольная.

- Так вот, луну нерушенную обзывали прежде цыганским солнцем, - сказывал дед детям. - Она же с огнем на земле в любовниках. И кой найдется, как встрять меж ними, человек, успеет зажмурить желанное да цыганские принять обряды - получит богатство неизмеримое. И важно тут поуспеть и ни в кой не вторгаться в начальный день ущерба луны, в день мясника, мученика-скорняка Варфоломея, а то ж и замучат, и ошпарят, да кожу сдерут... В дни убывания у чертей, знашь, какая одолевает сила в извечной борьбе света со тьмой...

- Что ты, дед, на ночь мерещишься, - прервала деда мать. - Тикайте, дети, спать, - и стала прогонять детей от печи по кроватям в загороженные закуты избы.

- Пойдем, отец, обсудим, - только и видел Гаря, как родитель прихватил деда под локоть и поволок к выходу из дома.

Оказавшись в сенях, круто деда к себе отец обернул, прихватил за ворот истертой кофты и приговорил:

- Значит, так, старый. Некогда чаять о справедливости. Каждый должен сберегать теперь семью. Вместе мы крепь, а врозь - язвимы. Рыска твоя нужна, чтобы перетерпеть, переждать, когда достанет на охоте дичи. Хватит зубы сжимать, скажи, где припасы...

- Дьявол совсем произвел бабу твою, крутит в ней, источая тело, бури да ураганы, наставляет грешить против отцов. Не слушай ее, не сдавайся, завтра же пробивайся глуше в чащу, выйдет навстречу сытая к тебе зверина.

- Грая здесь ни при чем. Посидишь в сенях, обдумаешь. До утра не решишься - околеешь. И собирайся побыстрее, сквозь сон удары твои могу не расслышать, - и стукнул деда отец в живот, остановив на миг старика дыхание.

А дед так и осел, захрипел на месте, но крепился почти до самой рассветной поры, а когда совсем оледенел, застучал в двери, принялся сознаваться в расположении доставшихся ему по разделу припасов.

Утром Гаря пробудился от точения ножей. Когда выбежал он полуодетый на улицу, отец уже выволок из сарая санки (одни крупные - для себя и двое поменьше - для детей) и приступил к полозьям, шлифуя их до блестящей остроты.

- Батя, мы что, на овраг пойдем? А как же дедушкин запасник? Шибко так из-за него вчера ругались...

- Обернись уже после каталки, Гаря. Ступай омываться, позавтракаем и рванем, - и отец задорно подмигнул сыну, а тот убежал в избу, чтобы обнять мать, радуясь неожиданному времени впереди со своими родителями.

Только дед недовольно повылез за внуком на улицу, прищурил глаз, недобро обсмотрел затею и хотел уже было идти в дом, но отец остановил его словом:

- Ты тоже собирайся, старый. Вместе мы теперя, до конца.

- Э нет, без меня прокатаетесь. Поостерегу хату... - и, различив несогласие во взгляде отца, добавил:

- За рыску боишься, что ли? Не буду я ее трогать, переособливать...

Но не поверил деду отец, и семья по очереди катила старого в сенях сперва вдоль леса по ухоженной дороге, а далее и по невысокому валежнику до самого в глубине чащи оврага. Окрестность кругом вся стояла притаившаяся, ни птиц, ни зверя, ни шороха. Замерла природа, будто течение времени здесь и вовсе остановилось.

Овраг окружен был со всех сторон непроходным лесом, а на дне его ютилось замерзшее озеро. Крутые склоны овра-

га почти все были усеяны наклоненными частыми осинами, но в месте выхода семьи из леса склон налетающим без конца сильным ветром был оголён и пригоден для скольжения санок.

Накаталась семья, насмеялась до изнеможения. Даже дед, сперва бездельем угрюмый, не способный спуститься на санках, а затем по склонам выбраться, замерзающий, оставленный на краю, в конце концов и сам разгорячился весельем и радостью внуков.

- Ну будет, Грая, собирай детей - и отправляйтесь. А я умещу деда и нагоним вас, - обратился отец к матери, подкатывая к деду сани. - Полезай, старый, при помощи тебя, - и он стал прихватывать к саням ремнями деда, да так опутывать крепко, что забеспокоился старый.

- Ты чего удумал, сын? Я и так уже околевать собираюсь... Брось, не уступай душу дьяволу.

- Не оглядывайся, уходя... - только и проговорил отец.

- Значит, так... Что ж, я люблю тебя, сынок, а ты корень дерева своего изживаешь.

- И я тебя, но этого недостаточно. Прощай, - и отец вдруг столкнул крепко привязанного к саням деда с оврага, и последнее, что различил Гаря во взгляде прародителя, было страшное выражение дедова лица, содрогающееся пониманием смерти, но хранящее крепость самообладания, а еще ненасытную жажду мести.

Испуганные, поутихшие сродники дошли до дома. Милка в слезах убежала к себе в кут. Гаря будто всё понимал - всю решительную необходимость, всю губительность содеянного, взятого за семью на себя отцом, ради них с Милкой, ради матери... Но и он не сумел сдержаться: отбросил сани свои так ярко, так остервенело, точно никогда впредь не собирался к ним прикасаться.

- Собирайте на стол, обделённые, будет от деда сегодня поминальный стол. Припомним его дела и поступок остатний на

благо и во спасение... - приказал отец и отправился за рыской в лес, попрощавшись с матерью.

Изба без отца вмиг стала какой-то жалкой, сырой, неприятной, ветрами болючими продуваемой. Сродники давно зашли за стол, но все не было и не было возврата родителя.

Не дождалась скатерть угощения, позабылись и дети в полуголодном, беспокойном сне. Лишь мать все ходила ночью по хате, кружилась на стуже вокруг дома, пытаясь различить огни. Но в конце концов и ее одолел полусон, и осела она, не раздеваясь, у входа на лавке. Но и тогда страданиям ее не случилось прекратиться, долгой пыткой ночи кружил Граю нескончаемый кошмар.

Виделось ей, как, в бессилье скрюченный на морозе, вгрызаясь зубами и руками в крутой склон деда, как он плакал и выкликал проклятия, как было уступил жизни поражению. Но вдруг зашептал, закашлял страшные слова, закрепился, наоборот, оборвал гайтан и запустил прочь от себя нательник. И нащептал себе на проклятие страшное существо, не стоящее на месте, всё время изломом двигающееся в пространстве, неясное, исчезающе-прозрачное, сливающееся с мраком ночи.

И заказал дед существу, чтобы тот, другой, молодой и сильный, канул со света вместо него, чтобы не было более ему, старому, в семье указа и опасности. Посулил за такое судьбы разрешение, беспредельно отчаявшись под гнетом обиды, любой от себя изъяз, любое от души или тела избавление. И налетело ломающееся во все стороны существо, исчезающее в подлунном мраке, на деда и долго терзало его, вскидывая вверх длинные костлявые руки-поветвия, изымая нетелесные части его души, точно потроха вытягивало у птицы, на убой назначенной...

Пробудилась мать, когда солнце разъярилось уже почти к полудню. Дети гладные шептались о чем-то своем у окна, беспокойно поглядывая на утомившуюся Граю, тайком, неслышно выбегая за двери, чтобы расслышать задержавшегося в лесу родителя, чтобы первыми схватить его поцелуй и объятия.

С ужасом мать отходила от привидевшегося сна и еще больше растревожилась неявлению отца.

Вдруг зашаркали с улицы неспешные шаги, заскрипели петли, и, спиной сотрясая с себя понабившийся снег, будто отцова проявилась спина в проеме. Устремилась навстречу одувемому с мороза Граю, но увидела взгляд обернувшегося к ней иного лица - посеревший, окоростившийся дед смотрел на нее, пока в спину ему разъярялся ветер, покрывал снежной крупкой стены и дома порог.

- Деда, деда! - сцепилась со старым Милка. - Как я рада, что ты приявился! Я проплакала за тебя всю ночь, а ты вона, крепость!

- Где твой сын? - только и спросила Грая, не имея сил скрывать негодования, догадки свои жуткие и подозрения.

- Почему я знаю. Враз от оврага с вами ушел. Вишь, забрал рыску да кинул, а? - заскрипел осипшим голосом дед. - А мож, и нет, тож не было в схоронном месте рыски, обманул я его, чтобы себя поизбавить. А и равно не помогло. Чего удумали... на санках... - и дед недобро посмотрел на мать. - Волки, значит, али вепрь... кто теперь разберет. А из запасов своих кой-чего я, сноха, принес. Покрывай на стол, приокончим, так снова схожу. Глядишь, и забудется стужа. Да и в лес отправимся с Гарей. Давно уж его пора, отец совсем обабил, теперя я в руки парня возьму, - и дед всучил матери тугой мешок съестных припасов, направившись к мойке.

Мать задумала про себя зарубить деда первой же ночью, выскочила в сени, приглядеть инструмент, но вдруг как-то нечаянно сгорбилась, присела, вспоминая детей уязвимых, незаступных своих, сознавая, что без крепкой руки, без дедовой рыски не выжить им в лютом краю.

В этот час подошел неслышно сзади к матери дед, приподнял, приобнял за плечи и скрипуче посетовал, чтобы не жалела мужа более мать: значит время, поспеет судьба. Мол, и он не думал утратить сына, нет ведь в русском и слов таких, означающих утрату дитя родителем. Есть вдовцы, есть и сироты, но нет способа, дабы описать его, дедову, боль-утрату по сыну, пускай и заступившему пятую нерушимую заповедь.

- Займусь теперь плесенью во дворе, а ты накрывай, да зови, как будет устроено, - и дед подвесил крупный охотничий нож на шершавый гвоздь в стене, прихватил топор и вышел на улицу.

Вскоре расслышали сродники дедов настороженный крик, созывал близких старый на улицу, ударяя обухом топора в двери дома.

Плесень совсем прихватила, проросла снаружи дом. Многим больше стала за прошедший день - добралась и до крыши, и до углов, проковыряв в разных местах в сопряжении стен целые дыры, грозящие провалить, обрушить преграды. Язвы на доме во многих местах скалились деду зеленоватыми и красноватыми яминами, углублениями разных окружностей и размеров.

- И если едкая проказа на доме распространилась, то нечист он, - проговорил дед и ударил топором в стену. - И должно разломать сей дом и дерево его, и обмазку вынести на место нечистое... - продолжал врубаться в дерево дед неистово, призывая и Гарю, остолбеневшего, себе на помощь.

Сборник Алексея Небыкова «Черный хлеб дорог. Русский хтонический рассказ» («Вече», 2024) состоит из 21 рассказа. Как считает автор, число рассказов, составивших книгу, не случайно: ведь именно двадцать один грамм, если верить ученым, весит душа человека. Прочсть книгу можно на сайте сборника: <https://nebykov.ru/book>.

Многие из историй, ставших основой для рассказов, базируются на опыте автора. В большей части рассказов автор ставит своих героев перед ситуацией этического выбора. И многие из героев поступают не так, как велит совесть, а потому расплата за грех не заставляет себя ждать. Алексей Небыков показывает: роковые события в жизни людей не есть данность мира, они порождаются человеческой сделкой с совестью.

ЦЕНТРУ БЕЛОВА - ДВАДЦАТЬ

26 апреля нынешнего года Центр писателя В. И. Белова отметил свой двадцатый день рождения. В этот день в 2005 году состоялось торжественное открытие Центра.

Идея создания Центра принадлежала главному библиотекарю централизованной библиотечной системы Вологды Людмиле Константиновне Бельевицовой, она и стала его первым руководителем. Более года продолжалась работа по сбору и обработке материалов, связанных с жизнью и творчеством писателя. К апрелю 2005 года в центральной детской библиотеке (тогда она располагалась в доме 75 по улице Панкратова) была отремонтирована небольшая комната, предназначенная для экспозиции. На торжественном открытии присутствовали Василий Иванович и Ольга Сергеевна Беловы. В церемонии участвовали родственники виновника торжества, вологодские писатели, художники, представители областной и городской администраций, читатели библиотеки.

За эти годы Центр превратился из небольшого музея в настоящий культурный центр. Здесь проходят встречи с интересными людьми, проводятся программы, рассказывающие о жизни и творчестве Белова; появилась комната с названием «Лад», где собраны предметы русского традиционного быта.

В октябре текущего года нас ждет еще один юбилей: десять лет исполнится литературному семинару молодых авторов им. В. И. Белова, который проводит наш Центр. Но об этом событии и о роли семинара в литературной жизни России мы поговорим подробно в следующем номере «Вологодского ЛАДА», который выйдет уже после юбилейного семинара.

Марина КОЛЕСНИКОВА,
руководитель Центра писателя
В. И. Белова

Светлана Чернышёва

Светлана Николаевна Чернышёва родилась в 1979 году в селе Биряково Сокольского района. Закончила ВГПУ. В настоящее время живет в Вологде, работает в областной детской библиотеке. Проза Светланы Чернышёвой для детей публиковалась в периодических и электронных изданиях: «Иван-да-Марья», «Детское чтение для сердца и разума», «Радуга», «Страна Озарение», «Книжки, нотки и игрушки», «Простокваша», «Енисейка», «Невский альманах», «Молоко» и других. В 2021 году рассказы вологодской писательницы о детях и для детей опубликовал «Вологодский ЛАД». Во втором номере нашего журнала за прошлый год опубликована рецензия вологодского писателя Дмитрия Ермакова на прозу Светланы Чернышёвой. Статья называется «Чудесная книга».

Рассказки Воздушного

АСЯ И ВОЗДУШНЫЙ

Я был обыкновенным воздушным шаром с ниточкой. Необычным только по цвету: немного голубой, ещё меньше жёлтый. И с глазами. Огромными такими, говорящими. Говорящими тихо-тихо...

И вот однажды меня подарили маленькой девочке с забавным именем Вася. Ну что, удивились? Я тоже долго вращал глазами, а потом понял: Вася - значит Василиса. Вы только не подумайте, что я стал называть маленькую девочку таким важным именем. То есть, конечно, иногда называл Василисой Премудрой или Василисой Прекрасной, но чаще просто Асей.

И с тех пор, как она стала для меня Асей, а я для неё просто Воздушным, наша жизнь круто изменилась. Мы всюду были

вместе, мне повезло. Что обычные девчонки вечно носят с собой? Носовые платки, игрушки, бантики... Я не был ни бантиком, ни платком и даже мало походил на уютную мягкую игрушку. Короче, я был совсем неудобный. Ну, слишком огромный, вечно рвущийся вверх, чтобы пошалить с ветром. В общем, выскочка и забияка. И вдруг меня полюбили, повсюду с собой носили, советовались и даже отдавали свои конфеты...

Я, конечно, радовался этим сладким подаркам, но у меня были только глаза. И хотелось бы попробовать вкусенького, да нечем. Смотрела-смотрела на меня Ася и решила нарисовать мне красным фломастером рот, а потом ещё и уши, тоже красным. И до чего мне это понравилось, что чуть не лопнул - так растолстел. Пода-

рят Асе кулёк леденцов, а она - мне. Приносят торт с башенками - тоже я жую. И я быстро-быстро перестал быть лёгким и воздушным.

- Ох, - сказала однажды Ася, - и зачем я тебя так баловала, как же теперь с собой носить - такой стал тяжёлый?..

От таких слов я чуть не расплакался, это я умел всегда. Кстати, смеяться у меня получалось куда хуже, новый рот не всегда слушался. «А ещё подруга, - горевал я, - только-только счастливым стал, а она меня бросить решила!» Но у Аси было своё мнение. Поэтому она просто взяла и стёрла мне рот, раз и навсегда. И тут всё встало на своё место. Кроме ушей, лучше бы их тоже смахнула. И долго ещё я горел от стыда красными лопухами.

- Тебе грустно? - спрашивала расстроенная Василиса моя Премудрая.

А я сидел у неё на ручках и худел, становясь совсем лёгким. И как только пришёл в себя, стал просить нарисовать мне руки, ну, хотя бы одну. Я вымаливал глазами, но Ася боялась, что опять что-нибудь произойдёт.

- А если что-то разрушишь?

Конечно же, я обещал никогда ничего не брать в руки. Ну, разве только одну вещь - малюсенькую ручку или тоненький простой карандашик, чтобы писать истории. Дело в том, что из моей воздушной оболочки эти истории очень быстро вылетали, а хотелось их сохранить, хотя бы для Аси. А руки - разве долго их нарисовать? - палочка и ещё одна палочка...

- А на каждой палочке ещё пять палочек-пальцев, - вздохнула расстроенная моя волшебница. - Ну, хорошо, я нарисую самые красивые руки, но ты обещаешь, что твои истории тоже будут замечательные.

Мне было стыдно. На самом деле, откуда мне знать, какие они получатся, эти истории. Но обещание я дал! Это свойственно всем воздушным. Не подумайте,

... Что говорить - наша детская литература богата прекрасными писателями, имена которых не буду сейчас перечислять (все их знают). Найти своё место, свой неповторимый голос среди этих имён и книг - очень непросто. Светлане Чернышёвой, по-моему, это удалось.

Герой предлагаемого читателям «Вологодского ЛАДА» цикла рассказов Воздушный шар говорит: «Я был обыкновенным воздушным шаром с ниточкой... И вот однажды меня подарили маленькой девочке с забавным именем Вася... И с тех пор наша жизнь круто изменилась... меня полюбили...» Вот оно - обыкновенное чудо рассказов Светланы Чернышёвой! Девочка вкладывает свои мечты в «рассказки» Воздушного, и так хочется, чтобы эти мечты сбылись.

«Ах, как чудесно ждать исполнения желаний! Просто быть воздушным шариком из детства...»

Дмитрий Ермаков

что я сразу стал писателем. Просто рассказчиком. И ничего не выдумал, достаточно было широко раскрыть глаза. И растопырить уши. Вот они - мои рассказы...

РАССКАЗКА О ТОМ, КАК МОРЕ БЫВАЕТ НЕЗАМЕТНЫМ

Сегодня Ася целое утро громко рыдала. Она, конечно, очень расстраивалась, но мама утверждала: «Опять льёт кро-

кодилы слёзы». Слёзы были, действительно, огромными, похожими на целого крокодила.

- А вот и пусть, - отвечала Ася. - Всё равно буду плакать.

Потом она мне призналась по секрету, что теперь всегда будет так собираться в детский сад, потому что хочет наплакать целое синее море. Большое и солёное. И по нему плавать. Я очень обрадовался. У нас будет своё собственное море! Представьте, катишься верхом на волне в детский сад... Тебя догоняют разноцветные рыбки - одна красивее другой. Малюсенькие и огромные, золотые и изумрудные, плоские, с большими плавниками и совсем круглые, словно воздушные шары...

- Ты что, решила затопить нас своим морем?! - нервничала мама. - Мы же плавать не умеем...

Но Ася не знала, что сначала нужно научиться обращаться с этим искусственным морем, а потом только заводить его...

- Что с тобой? - встревожилась мама, когда дочь примолкла. - Если очень плохо, то плачь себе, пожалуйста. Будем учиться плавать, что нам ещё остаётся...

Но в голове Аси уже созрела другая идея, она захотела такое море, которое бы никого не затапливало. В общем, совсем не опасное. Не холодное, не горячее... просто море. И вдруг я понял, что знаю такое море. И видел его сотню тысяч раз. Если не сотню, то хотя бы полсотни раз видел, а значит, будет у моей Василисы Премудрой такое же. Довольная Ася тут же потребовала познакомить её с этим чудом. И мы долго стояли на улице и смотрели на облака, которые двигались, словно волны. Меняли форму, оттенки, поднимались ввысь и опускались совсем близко к земле...

«Я хочу попросить, - шептал я глазами, - не сможете ли вы стать синим морем для одной маленькой девочки? Я буду удерживать вас руками, чтобы вы не упали на землю...» И облачные волны зашумели,

засветило проснувшееся солнце, высоко-высоко взмыли дворовые птицы, запорхали цветные бабочки, все почувствовали близость воздушной волны. Это было самое красивое море! Прощаться с которым совсем не хотелось, но идти в садик было нужно.

- Ладно, я понесу море с собой, - решила Василиса моя Премудрая.

И всю дорогу смотрела то на меня, то на небо, поэтому в сад мы пришли совсем последними.

- О чём ты бормочешь сама с собой? - строго спросила молодая воспитательница Арина Петровна, заглядывая большими очками в глаза моей волшебницы. - Какая странная эта девочка Ася...

- Я не с собой, а с морем... - спокойно ответила Василиса, бывшая Ася. - Оно очень красивое, говорящее.

- И опять в мою смену, какой кошмар! Неужели твоё море не может быть незаметным?

Странно, мы никогда не рассказывали ей про эту красоту, а она, не глядя даже, захотела сделать её незаметной. Но Ася ничего не сказала. И я тоже промолчал...

Небо светилось от солнца. Оно и было бескрайним синим морем. «Тише, тише... - волновалась в нём белоснежная волна, - давайте молча разговаривать с красотой».

РАССКАЗКА О ГОВОРЯЩЕЙ БАБОЧКЕ

- Бабочка, ты только не улетай, - умоляла Ася. - Пожалуйста, посиди ещё.

Конечно, когда бабочка так близко, это здорово! Можно рассмотреть каждое пятнышко, малюсенькие усики и даже глазки. Ну, ладно-ладно, глазки можно просто представить, ничего не стоит для маленькой волшебницы.

Вдруг, откуда ни возьмись, дёрнулся ветер. Свистнул, как соловей-разбойник,

и сдул бабочку. И Ася... Ася зарыдала. Ну, что я мог, Воздушный, и сам-то качаюсь и рвусь, когда дует ветер, даже улететь могу куда-нибудь далеко, на необитаемый остров. Хорошо, есть нитка-поводок. А у бабочки? У бабочки нет поводка, её к себе не привяжешь.

- Нет, я должна что-то придумать, - вытерла слёзы опять почти волшебница. У Аси всегда так: сначала слёзы появляются, а потом идеи. - Я могу вплести в волосы - вместо искусственных цветов - живые, настоящие.

Я даже побоялся ответить, вдруг опять зарыдает. Только шептал глазами.

- А если им больно будет? Цветы - это тоже бабочки... Без поводка.

Услышав это, она просто замолчала, и всё. И глядеть на меня перестала. Я сначала испугался, а потом подумал, что друг - на то и друг, чтобы остановить или предупредить...

И вот оно, чудо! Мы увидели на скамейке ярко-зелёный платок с большими алыми цветами. Наверное, какая-нибудь пожилая фея забыла его здесь. На платок, как на лужайку, присела настоящая бабочка.

- Здравствуй, бабочка, - подкрадываясь к скамье, прошептала Ася. - Не улетай, пожалуйста. Я без тебя скучаю уже целых пять минут.

- Привет! - ответила сидящая на платке красotka бабочка. - Пять минут - это почти жизнь. Мне жаль... Можно, я присяду на эти красивые цветы, растущие на твоей голове?

- Я очень этого хочу, бабочка! А как тебя зовут?..

- Крапивница... - ответила, перелетая на косички, бабочка. - Я ведь на этом жгучем растении выросла. Ах, сколько мне пришлось пережевать крапивы, чтобы стать такой красивой!..

- Ужасно! Это ещё хуже, чем манная каша в детском саду, но ради таких крылы-

шек можно... скушать, - вздохнула Ася. - И пол помыть, и даже прочитать букварь от корки до корки.

- Ты молодец, Ася! - восторженно ответила Крапивница.

Вот уж не думал, что Ася и бабочка так быстро найдут общий язык... Они долго о чём-то шептались. А я просто удерживал ветер, чтобы он не сдул бабочку. Они были счастливы. Разве не стоит ради этого приложить усилия? Одна беда: я почему-то стал чувствовать стучащий моторчик в своей оболочке, наверное, от напряжения. И боялся разлететься на части.

- До свидания, бабочка! - сказала моя Василиса Прекрасная.

И потянула меня за верёвочку. И я, тоже счастливый и воздушный, со стучающим моторчиком, полетел за ней...

РАССКАЗКА О ТОМ, ЧТО ДАЖЕ КАМНИ МЕЧТАЮТ О НЕЖНОСТИ

Жёлтые листья неслись по ветру. Настоящая золотая осень... И Ася собирала эту красоту. Сейчас в её ладошке сверкал очередной, сто сорок девятый, кленовый лист, на сей раз с красными крапинами...

Я знал, что будет дальше. Конечно, она принесёт листья домой, через пару денёчков они сморщатся и потеряют былую красоту. Просто перестанут быть собой.

- Воздушный! - задумалась Ася. - А листья - они живые?

Я знал, что сидящие на дереве листья всегда живые. А когда наступает листопад, они бесстрашно бросаются на землю, потому что впереди зима, и так они спасают деревья. Что мне оставалось - только сделать вид, что я ничего не знаю...

- Значит, неживые... - грустно ответила себе Василиса Премудрая. - И можешь молчать сколько угодно.

Вдруг она заметила что-то ещё. И я решил рассмотреть, что она подняла вместо

листьев. Оказалось, просто камень. Красивый такой, сине-жёлтый. То есть я тогда впервые понял, что камни бывают такими изумительными, почти воздушными.

- Воздушный, у меня настоящий, живой камень! - кричала моя волшебница. - И он никогда не завянет.

Потом мы ещё долго бегали по парку и мечтали. И тут появился просто прохожий. Конечно, он не изругал нашу находку, но сообщил, что камень ни живой, ни мёртвый - в общем, никакой. Хорошо, что Ася не расстроилась, а снова превратилась в Василису Премудрую.

- Значит, он всё равно есть. Посмотри, Воздушный, его даже можно нагреть ладошкой. Вот тебя нельзя, а его можно.

«Ну, вот и договорилась, - подумал я обиженно. - Разве можно представить, чтобы меня заменил какой-то камень...»

- Перестань дуться, - попросила прочитавшая мои мысли Ася. - Я очень тебя люблю, но ведь камень тоже мечтает о нежности. Его пинают ногами, швыряют руками. И никто не пробовал просто пожалеть. Мне нужно срочно собирать листья. Теперь за тобой присмотрит камень, поддержит за поводок.

Она ушла. А камень крепко держал меня за ниточку. Всего-навсего камень, а такой преданный оказался. От обиды я, конечно, дёргался изо всех сил, но он тоже был сине-жёлтый, как я, и настоящий. А потом вернулась Ася с охапкой листьев. Она ещё раз сто погладила камень, а забрала с собой меня. Потом каждую ночь я вспоминал камень и жалел его, отдавая ему через расстояние свою нежность.

РАССКАЗКА О ТОМ, КАК ПРОСТО ВЫРАСТИТЬ ЗИМНИЕ ПОДСОЛНУХИ

С утра Ася решила заняться садоводством.

- Пошли! - говорит. - Я взяла семечки, лопату и две лейки.

Я, конечно, очень удивился, потому что на улице была зима, но решил не показывать своего беспокойства.

- А снег нам не мешает? Январь на дворе!

- Ничего, мы будем копать глубокие ямки. Ты сам увидишь, как красиво расцветут подсолнухи прямо на снегу.

И я вздохнул.

- Никогда ничего подобного не видел.

- Значит, увидишь!

- Подсолнухи на снегу - это красиво! Сразу теплее станет.

И мы пошли на улицу, а там, как назло, - огромные сугробы. А Мишка из второго подъезда хитрый такой, самому сажать лень, а важность показать хочется:

- Что это вы сажать собрались?

- Подсолнухи! - вздохнула Ася.

Тут прибежали ещё ребята, и началось. Но Мишка, он ещё и вредный оказался, кричал громче всех.

- Мы первые пришли на площадку, так что сначала в снежки сыграем, а потом можете и подсолнухи сажать.

И мы ждали, ждали... А вокруг летали снежные пули и доносились радостные возгласы: «Ура!» Мишка сражался лучше всех. Только к вечеру ребята стали расходиться - сугробы были полностью растоптаны. И то, что осталось, мы быстро вскопали, закинули в ямки семечки. Чуть-чуть полили, припорошили: «Красота!» Мы так заработались, что не заметили, как наступил тёмный вечер, почти ночь.

- Пойдём, - говорит Ася, - домой пора!

И только мы в тепле очутились, мамочку увидели, как сразу спать захотелось. А утром, чуть свет, Ася стала на улицу снова собираться.

- Вставай, - говорит, - пора цветы поливать.

А мне идти неохота, потому что цветы так быстро всё равно не выросли.

Смотрю, а она уже лейку и тяпку взяла, шубку напялила, меня ждёт. Ну, что тут поделаешь...

И только мы во двор вышли, так и замерли. Я даже окаменел от восторга и двигаться перестал. Такого я раньше не видел - жёлтые цветы, зелёные листья, прямо на снегу нарисованные. И до чего замечательно, глаз не отвести.

Конечно, Ася в тот же миг в Василису Прекрасную превратилась, шапочку поправила, молнию на правом сапоге застегнула, чтобы красоту не испортить. А Мишка сразу тут как тут.

- Это, - говорит, - я нарисовал жёлтой и зелёной краской. А семечки синие получилась, потому что я краски смешал.

И засмутился так, что Ася даже улыбнулась.

- Красивые подсолнухи получились. А чёрной краской, наверно, скоростные машины раскрашивал?

И Мишка подтвердил. На то он и мальчишка, чтобы разную технику рисовать. Потом он пообещал Асе летом снова солнечные цветы нарисовать - на асфальте. Пока они разговаривали про подсолнухи, я вертелся, как мог, заглядывая в глаза то Асе, то Мишке, и думал: «Хорошо бы и мне научиться рисовать или выращивать цветы. Только и умею - рассказы рассказывать».

РАССКАЗКА О ТОМ, ЧТО ЛУЧШЕ НЕ ПРИМЕРЗАТЬ К СКАМЕЙКЕ

Сегодня Ася решила поиграть с Мишкой. А тот, как всегда, на улице торчал, причём в любую погоду. Конечно, мы его не сразу нашли, так как у него на этот раз было плохое настроение, и он сидел один на скамейке в заснеженном детском городке.

- Миш, а давай поиграем, - застенчиво позвала Ася, - вдвоём веселее...

А он посмотрел как-то не по-доброму и говорит:

- Как я с тобой играть буду, если у тебя нет игрушечной машинки?

А Ася, она предприимчивая, всегда найдёт ответ:

- Зато у меня шар есть воздушный.

Но Мишка, он тёртый калач оказался, сразу сказал, как отвесил:

- Я сегодня дружу с теми, у кого есть мальчишечьи игрушки.

И он уже хотел встать и уйти, но то ли к скамейке примёрз, то ли просто зацепился курткой, в общем, пришлось ещё Асю послушать.

- А пойдём на большой машине кататься, я тебе разрешу за руль сесть, - предложила моя почти волшебница.

Тут Мишка быстро от скамейки оторвался, дело-то важное намечалось.

- А где же, - говорит, - мы машину такую найдём, на папиной, что ли, поедем?

- Зачем на папиной? - удивилась Ася. - Можно и на моей. Смотри, какая красивая, голубая, с жёлтыми фарами. Вот, прямо перед тобой стоит, бери ключи и поехали.

А Мишка, он ведь обычный, совсем не волшебник оказался. Глаза трёт, ничего увидеть не может.

- Это шар у тебя голубой, с жёлтыми глазами, а машины нет никакой, хоть тресни.

Отвернулся от нас и поплёлся опять примерзать к скамейке. А Ася как замашет руками да закричит:

- Поехали быстрее, а то машина замёрзнет, потом мотор придётся разогревать...

Мишка остановился, видимо, сообразил, что нужно быстрее в путь отправляться.

- Ладно, - говорит, - поехали, только твою машину снегом замело, потому что я её разглядеть не могу. Разгрести придётся.

Лопату он быстро нашёл, для такого важного дела можно хоть десять раз домой сбежать. А Мишка один только раз и сгонял.

Да так принялся за дело, что чуть и взаправду машину не откопал, а не понарошку.

- Слушай, а давай на нашей машине всех ребят покатаем, кабина-то, посмотри, какая большая, - видимо, грузовик. А ещё у моего папы возьмём прицеп, почти поезд получится. Здорово, правда?

Ася согласилась, и малышня целый день носилась по двору, как угорелая, и все гудели: «Ду-ду». А Мишка громче всех, он был настоящим машинистом. И больше никогда не примерзал к скамейке.

РАССКАЗКА О ТОМ, КАК ОТМЕТИТЬ ЗИМНИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ

У Аси всегда был день рожденья тридцать первого декабря. Хороший день. Все ёлку украшают мишурой и блестящими шарами, а моя волшебница конфеты жуёт, свой праздник отмечает. Конечно, без подарков в такой день точно не останешься, но гости вряд ли именно к тебе придут, потому что Новый год уже за дверью стоит.

Первую половину дня Ася ещё как-то держалась на сладостях, а потом ей взгрустнулось. Хорошо, хоть Мишка появился, весёлый такой, в костюме скomorоха. Сначала он носился у ёлки и всякие фокусы показывал, а потом решил стихи сочинить.

- Вот ещё, - заносчиво отклонила предложение Ася, - стихи поэты сочиняют или хотя бы воздушные шары.

Но Мишка знал, что день рожденья нужно спасать, пока он плавно в Новый год не превратился. Конечно, он и ручку нашёл, и открытку новогоднюю. Её не успели ещё никому подписать, и Мишка принялся за дело.

Кто родился в Новый год,
Тот...

Тут Мишка усиленно стал ёрзать на стуле.

- Тот, тот....

Асе стало жалко сочинителя, она забоялась, что он упадёт со стула, поэтому сказала:

- Увидит теплоход.

Мишке очень понравилось. А дальше пришлось самому голову ломать.

- Будет он на нём кататься...

- И кикимору бояться.

Тут Мишка призадумался, потому что он с мамой и папой летом на теплоходе катался, но ни одной кикиморы не видел. И даже лешего на реке не было, и Бабы-Яги тоже.

- Будет трескаться он конфеты...

- Продавать гостям билеты, - уже со смехом дополнила Ася.

- Билеты - это хорошо, - похвалил Мишка, - если они в цирк или в кино с подкормом, то на этом дне-рожденье можно заработать как минимум ещё на один теплоход.

Купит личный теплоход,

Кто родился в Новый год!

Мишке так сочинительство понравилось, что он ещё и рисунок нарисовал с надписью: «Лишнийтеплахот».

А потом за ним мама пришла, чтобы увести Новый год отмечать, в кровати с конфетами. Ася доела свои конфеты, залезла под ёлку и уснула. Наверно, ей снился теплоход с билетами, конфетами и личной кикиморой.

РАССКАЗКА О ТОМ, ЧТО РАНО ИЛИ ПОЗДНО ПРИХОДИТ ВЕСНА

Утро было солнечное и прекрасное. В конце февраля на улице началась весна, и посреди двора появилась огромная, изумительная лужа. В ней отражались пушистые облака, стволы деревьев и подпрыгивающие, словно мячики, воробьи.

В такой луже хорошо пускать разноцветные кораблики. Только их смастерить нужно: вместо паруса - обычная лента, а

яхта из бумажно-надёжного материала. И тогда время полетит так быстро, что захочется потянуть его назад за волшебные струны, придерживая стучащим моторчиком. В общем, Ася неожиданно услышала приветствие капитана морского корабля, очень похожего на Мишку:

- Всё, вылезай из лужи, пора птиц с юга встречать.

Она, конечно, заметно переполошилась, но не растерялась и ответила:

- А где ты в феврале южных птиц видел?

А Мишка, он молодец, всё знает.

- К нам птичник с юга приехал, вроде, птициариум называется. Только туда билеты дорогие, почти как личный теплоход стоят.

Ася ещё с минутку поболтала в луже кораблик, а потом серьёзно сказала:

- Если не получится посмотреть, давай хотя бы вокруг этого птициариума ходим и послушаем, как они южные песни поют.

Мишка немножко загрустил, что не получится всё-таки птиц рассмотреть.

- А может, хоть на павлина насобираем, я никогда павлина не видел. У меня дома есть копилка, потому что я на скутер коплю, но там десять рублей, не больше.

А что Ася - она согласилась. Оказалось, совсем не сложно вытряхнуть деньги из пластмассовой курицы-копилки. И всё ради павлина.

- Как ты думаешь, - спросил Мишка, - а у павлина хвост синий или зелёный? Вот в интернете говорят, что разноцветный, а какой именно, почему-то не рассказывают.

И тут Асю осенило: у неё же дома книга есть, энциклопедия. И она как закричит:

- Павлин, он вроде курицы, только хвост сказочный, от жар-птицы!

Мишка от неожиданности даже остановился. У него в планах не было менять скутер на курицу.

- Может, тогда домой пойдём, энцикло-

педию читать?.. А то денег всё равно даже на хвост рассмотреть не хватит.

И они отправились домой, где решили, что стали почти взрослыми.

- Теперь ты можешь гулять без своего шарика... - торжественно сказал Мишка. - Потому что все шарики весной улетают на юг...

Василиса Премудрая, которая недавно была Асей, посмотрела сначала на Мишку, потом на меня и улыбнулась. Ах, если бы у меня были краски, в этот момент я точно нарисовал бы нежность, дружбу и любовь.

РАССКАЗКА О ТОМ, ЧТО ЛЬВЫ ТОЖЕ БЫВАЮТ ДОБРЫМИ

Воздушный шар больше всего на свете любил задавать вопросы:

- Ася, а ты когда-нибудь видела зелёного льва?

- Никогдашеньки, а разве такие бывают? - смеясь в голос, отвечала Ася.

На самом деле, конечно, ни один воздушный шар о таких львах ничего не слышал. Но, как говорится, что написано пером - не бывает случайно. А тут - вот! - на нашем подъезде объявление. На четвёртом этаже, в самой обычной квартире поселился зелёный лев. Сидел он там, например, в ванной комнате и лил зелёные слезы, потому что потерялся. Попробовал он мыло пожевать и ещё горше заплакал, так, что соседи на всех этажах под кровати попрятались. Нет, вы не подумайте, что все-все испугались, потому как Димка - первоклассник очень даже смелый, ничего не боялся. Мало того, что этого ревуна у себя поселил, так ещё и объявления расклеил: «Потерялся страшный зелёный лев, просьба найтись хозяину». А что хозяин? Охота ему находиться! Лев пристроен, накормлен, под ногами не пугается... Хотя всё равно жалко. Но ещё больше - Димку. Ему же в школу ходить нужно, а тут такое хлопотное дело - зелёный лев поселился...

Ася долго крутилась около объявления. Теперь она знала, что делать.

- Воздушный, - дёргая за ниточку, торжественно произнесла она, - а давай каждый день гулять на улице с настоящим львом? Это так удивительно! Мы будем играть среди деревьев, в нашем парке, любоваться бабочками и просто болтать, обнимая нового друга за зелёную гриву.

И Ася побежала на четвёртый этаж, прямо к зелёному зверю. Я пытался вырваться. Крутился и дёргался, цеплялся за лестничные перила, хватался тоненькой ниточкой за каждую дверную ручку, но ничего не помогало.

- Постой, - выбившись из сил, шептал я. - Давай вернёмся обратно. Львы абсолютно не управляемые животные, они не умеют гулять на поводке.

Ася молчала, потому что готовилась нажать кнопку звонка.

«Дзинь-зинь-та-та» - приоткрылась дверь, и на пороге появился укротитель Димка.

- Где же он? - закрыв глаза ладошками, прошептала Ася. - Покажи, пожалуйста, потерявшегося льва.

- А он разве твой? - важничал Димка.

- Не мой, но я могу с ним погулять, пока ты занимаешься. Хочешь, мы тебе поможем?

В этот момент я начинал дрожать всей своей воздушной оболочкой, так что почти вырвался из рук. И Асе приходилось подпрыгивать, чтобы удержать меня за ниточку.

- А не потеряешь? - спрашивал укротитель львов.

- Ни... за... что... - хотела сказать Ася, но язык занемел от страха, и она ничего не смогла выговорить. Димка захохотал, и во время этого хохота зелёный лев появился в его ладошке. И мы вдруг поняли, что есть такая порода игрушечных львов, которые, как только оказываются в траве, сразу с ней сливаются и теряются из виду.

... На следующее утро, едва позавтракав, мы выбежали на улицу погулять с потерявшимся львом. Сначала мы любовались деревьями. Самыми красивыми, с белыми цветами и зелёными листочками. Но не успели мы восхититься ароматом весенних черёмух, как повстречали грустного мальчишку....

- Как вы смогли его отыскать? - спросил веснушчатый незнакомый мальчишка, настоящий хозяин льва.

Ася, конечно, рассказала, что это Димка. И что он - первоклассник и умеет писать объявления. Потому что в школу для этого и ходят. Ведь только учёные укротители способны совершить чудо, хотя бы для одного, веснушчатого и незнакомого.

И тут я понял, что все львы становятся добрыми, когда попадают в добрые руки. И Димка, и Ася, и этот рассеянный хозяин не испугались, не растерялись и даже не расстроились, когда передавали, из ладони в ладонь, зелёного льва. И я опять почувствовал свой стучащий моторчик. Хотя никаких опасностей поблизости не было. А по улицам бродили только добрые люди и звери.

РАССКАЗКА О ТОМ, ЧТО ЛЮБАЯ МЕЧТА ПОМОГАЕТ ВЫРАСТИ

Новая школа на Зелёной улице - настоящая сказка. Трёхэтажное здание из разноцветного кирпича, словно мармеладная мозаика, внезапно появившаяся среди скучных серых домов. Ася часто гуляла возле школы. Во-первых, школа была яркая и красивая, с голубым крыльцом и жёлтыми ступеньками; во-вторых, она была совсем рядом с домом; а в-третьих, Мишка этой осенью тоже станет счастливым первоклассником.

- Вот не думала, что Мишка быстрее меня повзрослеет, - шептала Ася.

- Ничего не быстрее! - закричал откуда-то появившийся счастливчик Мишка.

- И вроде всё было как обычно. Но нет, Мишка взял и вырос. Наверно, и портфель купили красный, с Гулливером? - подумала Ася вслух.

А Мишка шёл рядом и бубнил:

- Почему с Гулливером, ведь в «Детском мире» только с Человеком-пауком продаются...

И понимала Ася, что таких важных портфелей ни один взрослый придумать не мог. Но тогда самой нужно было приниматься за дело.

- Миша, а представь, что у тебя на портфеле Винни-Пух, Мумми-троль, капитан Врунгель и стойкий оловянный солдатик...

- Здорово! Прямо все-все на одном портфеле?

- Конечно, все. И даже больше...

- Больше уже никак, тогда портфель будет огромный, не поднять, - решил Мишка. Он хотел ещё сказать, что могут появляться и неизвестные - из непрочитанных книг. И что тогда - сиди дома, читай? А то спросят, кто у тебя за спиной, а ты и ответить не можешь. И будешь от стыда красный. Вот тебе и портфельчик на все времена!

- Вот напридумывала! - возмутился Мишка. - Тебе бы такую ношу.

И Ася подумала, что если бы она вдруг стала первоклассницей, то она непременно бы ходила в школу с туманным Ёжиком, Алисой из Зазеркалья и Русалочкой...

- Портфель нужен, чтобы учебники носить, - ворчливо сказал Мишка. - А картинки - это так, просто для красоты.

Он ещё что-то хотел сказать про умные книги. Но потом сел на скамейку и задумался. Молчит, голову отпустил, грустный такой. Сам о волшебном портфеле думает. А где его возьмёшь?

- На любом портфеле... может, кто угодно появиться... - со вздохом сказала маленькая волшебница.

И тут Мишка вскочил и побежал к разноцветной школе, зажмурился, а потом

Ася осторожно повесила ему на плечи волшебный ранец.

- Что там за чу-до? - запел Мишка, дёргая плечами. - Удивительно лёгкое и воздушное.

- Синяя птица!.. - прошептала Ася.

- А она не улетит?..

- Нет, она обязательно останется...

РАССКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ

Это было самое обычное, почти летнее утро. Правда, дома все суетились и бежали. Папа тщательно намывал пол, а бабушка наварила и напекла столько, что хватило бы накормить целый двор ребятшек. А ждали всего-то одного, крошечного, меньше трёх килограммов. Главное, конечно, маму.

- Папа, сколько ещё ждать маму? - грустно спрашивала Ася.

Её можно понять, шутка ли, целую неделю жить без маминых сказок... Но папа не ответил, а стал торопливо собираться. Он даже ботинки перепутал, как маленький. Но быстро исправился и будто выпорхнул из квартиры.

Ася могла бы расспросить бабушку, но та непременно попросит съесть сначала котлетку, потом супчик и хотя бы кусочек капустного пирожка. И хотелось бы порадовать бабулю, но Ася за последний час ела два раза. Так что ни есть, ни пить она не могла, только ждать маму с маленьким...

И она так долго ждала, что почти уснула.

Ближе к вечеру явились родители. Папа держал синий свёрток и улыбался ещё больше, чем когда перепутал ботинки. А мама была немножко усталая, потому что целую неделю стояла в очереди, чтобы купить в магазине малыша. Мама подошла и обняла Асю, ведь она тоже сощурилась. А за окном кричали бегавшие

во дворе ребяташки. Им-то что - ни проблем, ни забот. И Мишка, наверно, носится, как угорелый, совсем забыл про волшебные тренировки.

- Мама, а как мы его назовём? - тихо поинтересовалась Ася, наблюдая, как мама разворачивала свёрток. - Какой крохотный... А глазки - василёчки...

- Ещё не решили...

- Может, Дениской? Будет весёлым, как Денис Кораблёв.

- Вот уж... - занервничал папа. - Хватит с нас книжных волшебников. Пусть будет просто Ваня.

И мама согласилась. Да и Ася не расстроилась, потому как Иван-царевич подходящий товарищ для Василисы Премудрой.

- Мама, а Ванечка быстро вырастет? Мне бы хотелось рассказывать ему истории, которые сочиняет мой воздушный шарик.

Вообще-то ей много чему хотелось научить братца: читать книжки, рисовать подсолнухи на снегу и разговаривать с живой крапивницей. Она всё стояла и смотрела, как Ванечка спит, раскинув ручки. И удивлялась, что Иваны-царевичи бьются с такими маленькими носиками-сопелками и с красными, словно молодильные яблоки, щёчками. Примерно через час царевич проснулся и стал кричать так громко, что мог бы уронить с ног лихого коня.

- Ничего себе голосок, - удивлялась Ася. - Нужно придумать что-нибудь волшебное, пока у мамы не отвалились руки, потому что его приходится постоянно качать и баюкать. Жалко маму, попробуй уговори такого!

И тут - абры-кадабры! - придумала! Стала ему сказку про Ивана-царевича рассказывать, а он и заслушался! Лежит, глазки васильковые раскрыл и молчит. Внимательный оказался, хотя и всего-то трёхкилограммовый. Понимает, что

мальчишка крепким и сильным расти должен. И добрым, потому что это самое главное. Попробуй, никому не помогая, подвиг совершить. Ничего не получится. Ну, у Аси-то всё получилось, не подвиг, конечно, зато реальная помощь маме. И Ванечка проспал целую ночь тихо-тихо. Так что Ася стала настоящей маминной помощницей.

РАССКАЗКА О ТОМ, КАК ПРОСТО ЗАГАДАТЬ ОДНО ЖЕЛАНИЕ

Сегодня Мишка встал очень рано, чтобы цветы на асфальте нарисовать. Он приготовил самые красивые мелки, жёлтого и голубого цвета. И ещё был мелок зелёный, чтобы травку рисовать. Только почему-то цветы на асфальте не очень красивые получились. И Мишка даже запыхтел от усталости, а потом ещё и закашлялся - мелом подавился.

- Ах, какие чудесные облака! - удивлённо, но неожиданно проговорила Ася.

Мишка вытащил мел из-за щеки и говорит:

- Это для тебя, только не облака, а цветков.

- Удивительно, я никогда такого не видела.

- Цветик-двухцветик. Два желания исполнить может, так что загадывай.

И тут подошли другие ребята, которым тоже не спалось этим ранним утром.

- Что тут за мазня? Сейчас дворника дядю Петю позовём, чтобы он вам уши надрал за каляки-маляки.

Асе очень захотелось спасти друга, и, почти не раздумывая, она произнесла:

- Это же волшебные цветы! Они могут исполнить два желания...

- А хорошо бы всем по билету в зоопарк, - пожелал будущий второклассник Димка.

- Нет, лучше по мороженому на палочке, с разноцветной начинкой, - попросил

веснушчатый, вечно теряющий зелёного льва.

Мишке тоже хотелось подсказать желание, но, как назло, ничего не приходило в голову. Да если и приходило, то всё какое-то волшебное, вроде жар-птицы с ярким хвостом из праздничных салютов. Поэтому желание Ася придумала сама. Настоящая волшебница. А теперь ещё с Иваном-царевичем, который спит дома в кровати, но скоро вырастет...

- Ну что, когда исполнятся желания? - занял первоклассный Димка.

- Про мороженое не забудь, - вторил рыжий и веснушчатый.

Они ещё не знали, что через полчаса появится папа с билетами для всех в зоопарк, где, на удивление, будут раздавать бесплатное мороженое и дарить воздушные шарики. Мишка будто примерзнет к клетке с павлином. И убедится, что этот представитель куриноптичьей породы в сто раз красивее любой жар-птицы.

- Здорово! - восхищался потом Мишка. - Как ты могла столько желаний загадать? Из двух лепесточков...

Ася задумалась. Ведь она загадала всего-то одно желание: чтобы все были счастливы.

- А для себя? - удивился Мишка.

- Вот оно и исполнилось, - улыбнулась Василиса Премудрая.

РАССКАЗКА О ТОМ, ЧТО ЛЮБОЙ СЮРПРИЗ ПРИХОДИТСЯ ЖДАТЬ

Вечером, по дороге из детского сада, мама сказала, что у неё есть сюрприз. Ася любила сюрпризы, поэтому сразу стала придумывать, как с ним играть и с кем можно поделиться. Только сюрприз тем и отличается от всяких чудес, что думай не думай, а пока не получишь, ничего и не придумаешь.

А ждать - это тоже интересно. Ася решила подготовиться к сюрпризу основательно. Пригласила Мишку, чтобы с ним обсудить.

- Думаешь, он умеет разговаривать? - спросила Ася.

- Ещё как. Сейчас все сюрпризы не только разговаривают, но ещё поют!

- Вот если бы про море, я очень люблю песню про бескозырку.

- И я, - отчеканил Мишка, - сначала про теплоход, а потом можно и про бескозырку.

- А если это книга с выдвигаемыми картинками?

- А что, может, и книга, которая сама сказки рассказывает, когда маме читать некогда.

- Я и сама читать умею, пусть сюрприз лучше музыку исполняет.

- Морское пение?

Ася задумалась, потому что такой сюрприз у неё уже был. В прошлом году из заграничной поездки мама с папой привезли морскую ракушку. Ася тогда долго удивлялась. За окном снег падает, а в раковине южное море шумит. Даже дельфины плещутся, если очень прислушаться.

Тут мама вошла в комнату и вручила конверт с сюрпризом.

Такой тоненький, что не мог он быть ни морем, ни книгой. Хорошо, что Мишка успел сюрприз спасти, пока Ася слезами не замочила.

- Я думаю, что там билеты в кино с морской музыкой... - таинственно прошептал Мишка. - Здорово!

Ася сидела на диване, в жёлтом платьишке, с голубым бантом и искала глазами меня, свой воздушный шар...

И тут - раз, два, три! - конверт открылся... И в руке оказался снимок.

- Какая ты красивая! - прошептал потрясённый Мишка. - И платье, как у волшебницы, и туфельки, и даже палочка в руке!..

Конечно, фотография была сказочная, даже слишком, потому что Ася не могла вспомнить, когда она так чудесно превращалась в фею. Главное, откуда взялся лес с пальмами и обезьянами?

- Этих обезьян я не знаю! - заявила волшебница Ася. - Кроме моего лица, здесь всё чужое.

- Ничего себе... - удивился Мишка. - Ты же волшебница, ты можешь придумать что угодно. А тут и придумывать не нужно, видишь, фотограф тоже волшебником оказался...

На следующее утро Ася попросила маму сделать ещё один сюрприз:

- Я очень хочу сфотографироваться с Мишей и Воздушным.

Мама посмотрела на счастливую Асю и сразу всё поняла.

Сначала мы долго шли парком, а над деревьями носился ветер, и потому листочки иногда слетали вниз, падая в голубые ручейки, возле самых корней,

и казалось - зелёные паруса маленьких корабликов унесут заветные желания далеко-далеко. И останутся разве что на снимке из детства... Где будут жить воздушные шары. Да-да, самые настоящие, с говорящими глазами. И, конечно, весёлый Мишка. Он тоже красуется на чудесном снимке, среди берёзок и осин. А ещё там вечно сверкают солнечные лучи, которые заставляют улыбаться и жмуриться.

- Здравствуй, детство! - скажет Ася.

- Здравствуйте, волшебные мечты! - ответит попутный ветер.

Заиграет солнце лучами волшебных подсолнухов. И все герои детских книг окажутся так близко, что можно будет с ними поздороваться. Вместе с Асей они начнут шалить и смеяться. Парить в небесах, сто раз перепрыгивая через звёзды.

Ах, как чудесно ждать исполнения желаний! Просто быть воздушным шариком из детства...

И Бог помогает!

Священник Николай Толстик, клирик вологодского храма Святителя Николая во Владычной слободе, представил свою новую книгу в Покровском - усадьбе Брянчаниновых.

Книга «Уголек. Приходские рассказы и не только» вышла в издательстве московского Свято-Данилова монастыря в начале текущего года. Вела встречу со священником-писателем Ирина Николаевна Трапезникова, директор филиала областной универсальной научной библиотеки на улице Конева - и автор «Вологодского ЛАДА».

- Прочла рассказы отца Николая, - рассказала на встрече в Покровском Неонилла Казакова, прихожанка Владычненского храма, - и удивилась: да это как будто про меня написано!

Близка проза священника-писателя не только его прихожанам, конечно. Людям нравятся не только рассказы отца Николая о приходской жизни, но и его историческая проза; глубокое впечатление оставляют у многих рассказы и повести, посвященные тяжелой поре жизни Русской Церкви - времени гонений на веру в советские годы.

Проза священника Николая Толстикова находит отзыв в сердцах самых разных читателей - издателей, кстати, тоже.

- Позвонили мне как-то из «Даниловского благовестника», - вспоминает отец Николай: - «Прочли Ваши «приходинки» - и готовы издать книгу. Можете подготовить?» Отвечаю - конечно, без проблем... Так появилась книжка, которую сегодня я вам представил - «Уголёк».

Поздравить писателя-священника с выходом новой книги собрались не только вологжане: из Кадникова - малой родины отца Николая - приехали земляки. Вообще-то член член Союза писателей России иерей Николай Толстик автор

нескольких книг прозы и многочисленных журнальных публикаций в России и за рубежом. Он пишет прозу и о современной церковной жизни, и о прошлом.

Украсили встречу выступления музыкантов. В исполнении Владимира Сергеева под гитару звучали стихи русских классических поэтов, а Галина Швецова представила песни на свои стихи в гитарном сопровождении.

Отец Николай поступил на заочное отделение Литературного института, когда за плечами у него было уже несколько лет диаконского служения.

- Сокурсники и преподаватели не раз спрашивали, как я собираюсь совмещать службу в Церкви и писательство, - рассказывал отец Николай. - И я всегда отвечал одинаково: «Господь поможет!»

И Господь не оставлял Своего служителя. В 2014 году отец Николай Толстиков принял иерейский сан. Служение шло своим чередом, и писательский труд становился всё успешнее: книги выходили одна за одной, проза священника-писателя находила признание. В октябре 2024 года вологодский священник стал лауреатом международной православной литературной Макарьевской премии. Митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей наградил иерея Николая медалью святителя Макария, просветителя Алтая.

Впрочем, победа в престижном конкурсе - это, конечно, приятно; но разве она - главное в писательском труде? Сердце писателя греет понимание читателей, оно прибавляет сил, помогает рождаться новым творческим замыслам.

Кто заставил Белова плакать

Начало 2025-го - года 10-летнего юбилея музея-квартиры Белова - ознаменовалось сразу несколькими важными событиями. 28 января в столичном представительстве Вологодской области при Президенте и Правительстве РФ состоялся вечер «Мне память ваша дорога...». Василий Белов и его современники». На нем была представлена фотовыставка «Услышать музыку в душе» музея-квартиры Белова, посвященная В. И. Белову, В. П. Астафьеву, В. А. Гаврилину и В. М. Шукшину.

На вечере собрались известные, даже легендарные современники Белова, Аста-

фьева, Шукшина, и каждое выступление содержало рассказ о встречах с выдающимися русскими мастерами слова второй половины XX века. Кроме того, московские вологжане поздравляли супругу писателя Белова с 90-летием, а еще музей-квартира приняла в дар важные документы из архива поэтов А. Кострова и И. Лыцова.

Проникновенно прозвучали слова оператора шукшинских фильмов и замечательного фотографа (его работы украсили классическое издание беловского «Лада») Анатолия Дмитриевича Заболоц-

На первом плане - оператор фильмов Шукшина Анатолий Заболоцкий и депутат Госдумы РФ Анатолий Грешневиков

кого: «Василий Иванович никуда не ушел. Я каждый день чувствую, что он рядом - с нами...» Запомнились слова председателя правления Союза писателей России Николая Иванова о вкладе наших соотечественников в мировую литературу: «Русские писатели в литературе приватизировали совесть...» Н. Ф. Иванов рассказал, как однажды он на родине Василия Ивановича, в Тимонихе, взял себе на память полено из поленницы, сложенной еще руками Белова у бани. Николай Фёдорович хотел его отвезти к себе на Брянщину и сделать оригинальным экспонатом литературного музея, но решил расколоть на лучинки и раздать своим коллегам - в память о поездке.

Известный писатель и сценарист Александр Юрьевич Сегень (кстати, автор нашего журнала - ред.) поделился трогательным воспоминанием: «Когда вышел мой роман «Поп», мне пришло письмо от Василия Ивановича. Оно было написано на клочке обоев. Оказывается, Белов ночью прочитал свежий номер журнала с моим романом и пишет: «Саша, что ты со мной сделал?! Я впервые за много лет так не плакал. У меня не было бумаги, и я на клочке обоев пишу тебе. Я давно не пил, а из-за тебя, подлеца, даже... выпью за твоё здоровье». Это как грамота мне была...»

Когда А. Ю. Сегень работал в журнале «Наш современник», к нему в редакцию во время приездов в Москву с раннего утра приходил Василий Иванович: «Однажды он был очень не в духе. И при виде меня

Московский вечер собрал близких людей из беловского окружения, закрепившихся в столице, но продолжающих помнить о «безнадёжно вологодском» Белове...

Прозаик Александр Сегень, роман которого заставил Белова плакать

так сказал, указывая на меня: «Вот мой главный враг!» - «Ну вот! Спасибо. Почему это я враг?» - «У писателя всегда главный враг - редактор». - «Ну, Василий Иванович... Мы каждое ваше слово вылизываем, несем его к читателю, и за это такая благодарность?!» Потом он ушел, а вернулся часа через три и сказал: «Саша, прости! Враг у меня один - это язык мой, потому что он мне столько врагов нажил, сколько никто другой...»

Александр Юрьевичу очень запомнился этот случай: «У Белова всегда живое слово совмещалось с глубоким смыслом. Он никогда просто так слова не говорил... Смотрите, какая мысль: язык - самый главный враг, потому что он наживает врагов. Поэтому ненавидят нас за него - за этот русский язык...»

Слова Александра Сегеня о чистоте языка прозвучали как итог всех рассуждений на вечере (выступили также поэтесса Полина Рожнова, депутат Госдумы Анато-

*Василий Иванович никуда
не уходил. Я каждый день
чувствую, что он рядом - с нами...*

*Анатолий Дмитриевич
Заболоцкий,
кинооператор*

лий Грешневиков) и как наставление молодым писателям: «А ведь самое главное - чистота и неоскверняемость (есть такое хорошее русское слово). Не оскверняйтесь!».

Галина Степановна Кострова, передавая сотрудникам музея-квартиры Белова письма из архива мужа - поэта и переводчика Владимира Андреевича Кострова (1935 - 2022), отметила: «С Василием Ивановичем мы очень дружили, он часто у нас бывал дома. Мы живем недалеко от трех вокзалов. Он приходил рано с вологодского поезда. Боялся, что Аню разбудит. С Володей у

них были удивительные отношения. Володя работал в «Новом мире» с ним над выпуском «Канунов»... Володя его безмерно любил, обращался к нему на «ты», но при этом всегда уважительно: Василий Иванович...»

Одно из переданных писем - личное. Белов советовался, стоит ли публиковать свои стихи, которые три года пролежали в издательстве, но так и не были напечатаны. По словам Г. С. Костровой, В. И. Белов был очень скромным, но требовательным к себе, не решался без дружеской поддержки публиковать сборник. Из письма: «Может, и правда графомания? Я очень доверчиво отношусь к твоему вкусу и вкусу Галины Степановны <...> Взгляни беспристрастно и как можно строже!». На свои сомнения Василий Иванович получил такой ответ по телефону: «Вася, ничего не надо править, как есть, так и печатай».

Галина Степановна, много лет проработавшая в «Молодой гвардии», хорошо знала и Белова, и его тексты, ценила воло-

О. С. Белова с дочерью и внучкой поэта Ивана Лыцова, друга Василия Белова

годского прозаика и была согласна с мнением мужа: *«Так и ты, мой Василий Иванович, / Через годы в бессмертье плывешь»...* (Из посвящения В. И. Белову на 75-летие).

По-учительски обстоятельным и эмоциональным было выступление Ольги Сергеевны Беловой, которая коротко, но ёмко рассказала о дружбе В. И. Белова с В. М. Шукшиным, В. П. Астафьевым и В. А. Гаврилыным. Она однозначно определила роль деревни для русских писателей в 1960 - 1990-е годы: «Все те, кто жил в деревне когда-то, и все, кто приезжал туда на короткий срок, те годы и те дни запоминали надолго... Почему? Один священник обратил внимание: здесь ближе Бог, земля ближе к небу. Человек соприкасается с землей, небом, и потому запоминает на всю жизнь эти моменты отдыха, тихой жизни.

Всех этих писателей объединяет одно - они детство провели в деревне среди природы и в скромной избе... Этими соками детства, этими впечатлениями, этой жизнью простых людей пропитано их творчество и настроение...

Русская литература славится на весь мир. И вышла она из деревенских усадеб и изб. Всё оттуда. «Деревенщики» затронули глубокий пласт русской жизни. Эти писатели прекрасно владели художественным языком, который посылается свыше. Никакая огромная работа не сделает человека великим, если оттуда (от Бога!) не посылается талант, а «деревенщики» все хорошо владели языком... Они все - продолжатели традиций русской классической литературы!»

Завершали встречу дочери писателей Сергея Викулова и Леонида Патралова - Полина Викулова и Ольга Гурьянова, прочитавшая отцовское стихотворение «Родная сторона» (Василию Белову):

*Седой дымок над крышею тесовой,
крик дергача в некошеной меже
и тихий звяк воротного засова -
ну почему всё копится в душе?..*

Писатель Николай Иванов

Московский вечер в одном месте собрал близких людей из беловского окружения, закрепившихся в столице, но продолжающих помнить о «безнадёжно вологодском» Белове. И к слову будет сказать, что именно на этом вечере произошло знакомство Ольги Сергеевны Беловой с дочерью и внучкой поэта Ивана Васильевича Лысцова, который на протяжении долгих лет дружил с Василием Ивановичем - начиная с 1959 года, с поступления в Литературный институт. «Неужели вы Ванины?» - удивилась Ольга Сергеевна.

Так продолжились беседы о писателях, о известном и неизвестном Белове в московском особняке на Старокопюшенном переулке...

Эльвира ТРИКОЗ,
сотрудник музея-квартиры В. И. Белова
в Вологде, кандидат филологических наук

По белу свету

Вместо предисловия

...Я вспомнил одно видение. В два часа утра. Увидел, как встает из земли, без лучей и сиянья, огромное алое солнце. Такое бывает только в начале июля. Черные крыши домов, застывающая листва, пролетающий с мышью в когтях хищный филин.

Нет. Земля подбиралась не к собственной смерти. Шла она - к воскресению. И спасёт ее, я уверен был, тихий свет, разливающийся над миром. Православный народ называет его «Божья милость».

- Такое местечко, под названием Глебовское, я время от времени и посещаю, - сказал я Белову. - Это родина нашего юного друга.

Белов улыбнулся:

- Уж не Саши ли Цыганова?

- Вот-вот.

- А почему ты вспомнил о нем?

- Это необъяснимо. Наверно, голос услышал. Оттуда, где люди в клетке. То есть в лагерной зоне, где не только охранные вышки, овчарки, бараки, но и ломающиеся судьбы. Несколько раз я бывал у Саши в гостях. А в первый раз - в зоне. Даже там выступал среди заключенных. Он, наш Саша, как воспитатель колонии, куда ушёл, чтобы помочь невиновным, год за годом там пребывал. Тем, кто попал в эту клетку, пытался вернуть ту рискованную жизнь, которая на краю. Что бы не было в ней последнего шага...

...Уплывая в очередной раз из Тотьмы в Вологду, Белов крепко пожал мою руку. И сказал как бы от имени всех, о ком беспокоился, как о братьях:

- Рубцов, Романов, Коротаев, Багров, Цыганов... Каждый из вас имеет собственный стиль. Каждый по-своему видит всё, что около и вдали. И проявляет себя через собственную работу. Кто о ней судит? Пришедшее время. А в нем - тот самый, кто хотел бы прочесть нас не только глазами, но и душой. Слово писателя знай гуляет по белу свету, помогая всем страждущим в постижении крена жизни, особенно в наши дни, когда рядом воинствуют ложь, обман, блуд и зависть. Но ведь и ты присутствуешь в этом мире. Чего ждать от тебя?

- Первым делом того, что ты должен быть как опора, на которой и держится наша жизнь, - молвил я.

Белов вздохнул:

- О, как нам не хватает этой опоры... А где найти ее? Только в своем народе. Именно в тех, кто всегда рядом с нами...

Сергей БАГРОВ,
лауреат Всероссийской литературной премии
имени Н. М. Рубцова «Звезда полей» и Всероссийского конкурса
современной прозы имени В. И. Белова «Всё впереди»

8 марта нынешнего года прозаику Александру Цыганову исполнилось 70 лет. Родился писатель в 1955 году в Вологодской области, в деревне Глебовское недалеко от Ферапонтова, в местах, о которых Н. М. Рубцов сказал: «...что-то Божье в земной красоте». После окончания Ферапонтовской средней школы служил в зенитно-ракетных войсках стратегического назначения. Окончил филфак Вологодского пединститута. Длительное время работал в местах лишения свободы с осужденными за тяжкие преступления. Живет в Володе. Автор прозаических книг, изданных в центральных издательствах страны, в том числе в Северо-Западном книжном издательстве, «Молодой гвардии». Член Союза писателей СССР с 1989 года, с 1991 года - член Союза писателей России. Рассказы Александра Цыганова не раз публиковались в нашем журнале, а во втором номере «Вологодского ЛАДА» за минувший год напечатан очерк Александра Александровича «Нужен ли Вологде Есенинский

парк?». Материал вызвал немало откликов. А. А. Цыганов - член Высшего творческого совета Союза писателей России. Лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе, Гран-при фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба», Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Слово». В первом номере юбилейного для писателя года редакция представляет читателю избранную прозу Александра Цыганова. Поздравляем нашего постоянного автора с важной вехой в жизни и желаем новых замыслов - и сил, чтобы эти замыслы воплотить.

Александр Цыганов

Оборона Таланихи

РАССКАЗЫ

ПОД СОСНОЮ ПОД ЗЕЛЕНОЮ

*Только Родина чёрно-русая
Разобралась сама во всё.
Насмерть сильная, насмерть русская,
Насмерть с Богом своим вдвоём.*

Надежда Мирошниченко

Внутри этого чистого и сухого подвальчика с заманчиво наставленными за буфетной стойкой разнокалиберными кружками Слава-Разведка готов сидеть день-деньской, взашей не выставят. А случайное припоминание своей пустой однокомнатной панельки всегда заставляет без усталости пялиться в законное пространство, за которым всё давно и безнадежно промокло, точно кому-то незатейливому понадобилось, чтобы эта невпечатляющая картина мозолила глаза без конца и края.

- Разведка! - с привычной насмешкой кричат ему обитатели подвального помещения, успешно скрашивающего дни мужского отдохновения. - Слышь, Разведка? Ещё не всех врагов повязал? Колись, боец!

И, правда, было: заикался Слава-Разведка о боевом прошлом, разве грех в своей компании друзей-товарищей помянуть? А у нас без этого не могут, прозвище без клея и приклеилось. Никому и в голову не взбрёт, что ветерану этого заведения довелось ещё шустрым детдомовским питомцем отметиться в десятках ходок во вражеский тыл вместе с разведкой. И по нынешний день он такой же натуралист: впустую не подступись, как бы невзначай ответной отдачей не замутило. Рядом с фронтовиком и не поставь: известно, там уже иных нет в помине, остальные и двух шагов без помощи не сделают.

Сам жилистый и стремительный, с прожигающим синим взглядом на красном обветренном лице, Слава напоминал человека без возраста: эти живчики и помоложе за пояс заткнут, только держись. К тому же и лишнего слова без нужды не вытянешь, как таких против шерсти не погладить.

- Качнём на руках, крутой, - кто кого? - не унимается уже под вечер какой-нибудь любитель питейного подвала, держащий общее мнение, что настоящим воякой тут и не пахнет. - Завалишь - проставлюсь!

Но в Славе точно какая-то особая сила: взглянет на весельчака так, что, кажется, тот на мгновение отразится в его неподвижных зрачках, быстро очухаешься. И опять, словно пусто вокруг, в свою молчанку играет, порой даже не шевельнётся. Попробуй разберись, что на уме у людей.

Только ту компанию в пятнистой униформе, не на шутку захотевшую распазгаться возле его столика, едва не сдуло, лишь Разведка, привстав, сделал неуловимое движение руками, невидимое со стороны оживившихся зевак подвального помещения.

И неизвестно, чем это могло закончиться, если бы всех не отвлекла телевизионная дикторша с обзорными новостями на первом часа: немеркнувший рупор современной информации талдычит здесь на железной подвеске без передышки. В верхнем экранном углу красной пульсирующей строчкой было написано: «Об этом говорит мир».

А для здешних посетителей такие известия действительно стали новостью: скоренько обитатели подвальчика и подтянулись к орущему на полную мощность размашистому телевизионному экрану.

- «Выруби прохожего!» - так называется смертельная игра, ставшая популярной у обезумевшей от безделья молодёжи, - размахивая руками, вещала черно-волосая смуглая женщина. - Она возникла в Америке и Великобритании, где молодые люди выбирают первого встречного и отправляют приговорённого в нокаут, а затем выкладывают видео в интернет. Жертвами нападения становятся более слабые: женщины, дети, старики. Количество погибших растёт с каждым днём. По сообщениям, международное сообщество не в состоянии справиться с возникшей опасностью, - не останавливаясь и отчего-то косясь в сторону, бесперебойно строчила смуглая дикторша. - До сих пор неизвестно фактов отпора этому катастрофическому насилию!

- Туши свет, - только и молвил сосед по столику Славы-Разведки Быстров, новоиспечённый военный пенсионер со скорбным малоподвижным лицом. - А давно ли, куда ни ткнись, кругом свои да наши были. - И, как будто самому себе, задался безнадёжным вопросом: - А как теперь жить?..

Но вновь появившаяся на экране смуглая телевизионщица своей очередной информацией окончательно сразила не только отставного госслужащего:

- Новость с пометкой «срочно!» - напористо взмахнула она руками с той стороны экрана. - Отныне в зоне риска и наша страна, - закатив подведённые глаза, продолжала дикторша. - Подобное жестокое развлечение произошло в Кстове: на подростка напал житель этого города. Юноша получил тяжкие травмы и чудом выжил. Нападавший был задержан и признался, что ударил ребёнка без всякой причины. Возбуждено уголовное дело!..

Дальше слушать эту говорунью посетители пивнушки не пожелали. Сбросившись, сколько кто может, они сдвинули несколько столиков и проворно обернулись за буфетной снедью, снабдив небогатый салатный ассортимент внушительно-горячительным подкреплением.

Как и полагается, вопросы первостатейной важности всегда в объединяющем месте обсуждались не с бухты-баракты, а неторопливо, с толком и расстановкой. И уже перед закрытием эта из ряда вон выходящая новость привела единомышленников к общему решению: необходимо об этом в срочном порядке известить самого президента.

Пусть нашенькие депутаты и займутся делом: и так без конца из столицы не вылезают. Там и будет сподручней самого главного увидеть, под боком командует. Кто, как не он, - давно всех к ногтю прижал. И без того сейчас весь мир перед ним на цыпочках ходит, всякий знает. Лучше и искать - не найти. Мужик с головой, больше никому с таким делом обернуться.

А через недельку - ныне и все дни в один бесконечный слились - опять праявил отсюда Слава-Разведка, как всегда, в свою унылую сторону - никому не нужный, одинокий. Даже в этот «день спецназа», как теперь именуется их законный праздник, - Разведка снова молчком высидел на одном месте до самого вечера. И не притронулся ни к чему, крошки не взял, просто в стенку перед собой устоялся. Тем временем во дворе прозрачно-кружевными лепестками, как по ниточке спустившимися с поднебесной высоты, закружился вперевёртку и первый снежок, безутешно-долго плавая в неподвижной осенней стыни. Но вскоре подзатих, превратившись в лохматые белые хлопья, густо усеявшие липкую сырую землю.

Перед этим военному пенсионеру со скорбным лицом, приятелю Разведки по подвальному помещению, вновь захотелось переброситься парой слов на вечерней посвежелой улице. Торчит у перехода, беспокойная душа: курнул на дорожку и бубнит без умолку, не остановить. Всё ещё не давали человеку покоя последние телевизионные известия, хоть тресни.

Но Разведке вся болтовня была поперёк горла: не для мужика языком впустую молоть, голову себе забивать. Чуть что, сразу и лапки кверху - в жизни и почище этого бывает. Он молча сдвинул пониже выдавшую виды кепку и, махнув рукой, отправился проторённой дорогой в сторону дома.

Невелико и добираться: загрузился в подручный транспорт у перехода, а там, оглянуться не успеешь, и нужная остановка, маршрут известный. Слава, не мудрствуя, удобнее запахнул в потёртую, фуфайстого вида куртчонку, удачно влез в битком набитый троллейбус и покатил в свои края.

Как только людям и неймётся, лишь бы чужих насмешить. Сразу на выходе у конечной остановки вовсю месили грязь несколько молоденьких злых соплюнов, крику - на всю улицу не убраться. Наверное, весь день на весёлой ноге провели и к вечеру что-то не поделили, а кругом - вперемешку с бурым снегом жижа

нагольная, негде ступить. Потому и, спрыгнув с троллейбусной подножки, пассажиры, как зайцы, без раздумий бросались врассыпную - кто куда, подальше от этого места.

И Слава-Разведка тоже не стал судьбу испытывать: благоразумно, боком обошёл разбушевавшуюся молодяжку, ещё оглянулся на всякий случай. А следом, стараясь не оступиться, по-за остановке выбрался на тропинку в горушку, где возле старинной рощи не одно десятилетие и торчала его панельная девятиэтажка.

В своё время все уши пропели: рвались этот дальний городской край сделать показательным на весь белый свет, даже на центральном телевидении разрезвонили. Но всё без толку, и по сей день это место остаётся таким же «спальным» микрорайоном, каких не счесть по нашим городам и весям. Окончательно «убитая» дорога с обеих сторон была дружно сжата хрупко-серыми панельками, стыковые швы которых ещё густо промазывались краской: странно, что такие сооружения и поныне сами собой не рассыпаются.

А изначально освещённый безжизненно-матовыми отблесками фонарей, этот угол невольно наводит на размышления, что сюда даже по необходимости не то что заскочить, а нелишне и вкруговую обернуться. Но таковое положение дел во все не препятствовало аборигенам в свободное от трудов праведных время совершать оздоровительные прогулки: здешним окраинным воздухом дыши - не надышишься.

Представив, как опять он окажется на верхотуре девятого этажа в пустой обрыдлой комнате, Слава остановился внизу у тяжёлой одомофоненной двери и нерешительно, в раздумчивости пожал плечами. Вроде и неохота - холодрыга, зуб на зуб не попадает, а всё равно ноги еле не сами понесли к последнему подъезду, такое иногда проскакивало.

От угла дома, через растоптанную слякотную тропку, давно уже успешно торговал напротив видавшего виды гаража круглосуточный новомодный магазин, всякой всячины на любой вкус хватало. Чтоб тот же вечер скоротать, когда на душе кошки скребут, невелик грех было и подсогреться: всё время скорее пройдёт.

Слава-Разведка так и сделал, а обратно у дверей на улицу лоб в лоб и разошёлся с тремя молодыми крупными парнями, даже оступился. Будто холодком обдало, любому не по себе станет.

Все трое быстроглазые, как на подбор, во всём тёмном, то и дело зыркают - исподлобья по сторонам посматривают. Не поймёшь, каким и ветром таких гостей занесло. Не свои это были, точно: тех можно и наперечёт узнать. У Разведки глаз - алмаз, с фронтальных времён приметный, увидит, - острее шила пришьит.

Ещё и одеколоном дорогушим на версту от всей троицы разит. Да и машина их здоровенная, как танк, рядом на магазинных задворках чернотой поблескивает. Больше всего на каких-то военных смахивают: впору дураком последним быть, чтоб о местных заикаться.

«С какой стати эти орлы у нас оказались? - походя подумал Слава-Разведка, остановившись у гаража, магазинную покупку в куртку засунуть. - Только таких субчиков здесь не водилось». С его стороны всё как днём видно, а самого и не различить сразу, - придётся приглядываться.

В это время из дверей появилась старая согнутая женщина в больших очках - соседка; с его хозяйкой, царство небесное, бывало, чай раньше распивали. С некоторых пор опять стала к ним захаживать: за какой-нибудь оказией заглянет да знай себе молчит за чайным столом, а то и носом поклоёт невзначай. Только такие по-

сиделки тоже и Славе стали не лишними: отчего-то делалось спокойней и не зацепистей, порой уже сам дожидался молчаливую гостью. Нынче она, бедная, еле душа в теле, и тянет снова одиноко свою хозяйственную сумку, через раз отдыхает.

А дальше и моргнуть, казалось, Разведка не успел, чтобы понять, что произошло. Один из быстроглазых вдруг стремительно, одним махом прыгнул и со спины нанёс старой женщине такой удар, что её просто с ходу выкинуло на обочину. И готово: был человек, и не стало, только голова, будто у пластмассовой куклы, подпрыгнула на дороге.

Слава даже посудину из рук выронил, не успел в карманном месте пристроить. Бутылка грянула о железный гаражный поддон: и нехотя услышишь, как разбилась, только звякнуло. А кругом - ни единой души не видать и не слышать, ровно все вымерли, лишь одна нагольная стынь, следом ещё снег пошёл, в косяк стал заваливать.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, - мелькнуло у Разведки, так против воли и замер. Если честно, едва не трухнул поначалу. А перед глазами лишь соседка стоит - как она там, всё ли ладно. Скорей бы ушли, да помочь. Припомнилась и телевизионная говорунья: получается, не обманула. - Уж не моя ли сейчас очередь на тот свет отправляться?..»

Теперь ясно, что приезжие не случайно выбрали эту безлюдную городскую окраину, чтобы после о них и слухом не слышали. С головой продумано, не с пустого места прилетели. И они решили от жизни не отставать. Может, тоже занемоглось: поиграть в эту игру захотелось.

Между тем чужаки, на чуток затаившись, стали осматриваться: неладное почували. Один из них, поднеся ладонь ко лбу, ещё в упор, против света, взгляделся в темноту, весь наизготове. После, сунув руки в курточные карманы, с хрустом расправил плечи и уже по-хозяйски спокойно, отрывисто распорядился:

- Иди сюда.

Разведка понял, что его нашли, больше никуда не деться. Похоже, его дорога нынче была прямым ходом за соседкой, что кур во щи попался. Всего исхозают - или прибьют, или изувечат, куда понятней. А кому охота на старости лет в калеках оставаться, и воды будет некому подать. Да как бы, чего доброго, и похуже не придумали, у этих не заржавеет.

Меж пальцев тут не проскочишь, и впустую тоже напрасно торчать, быстро сцапают. Надо бы их поскорей отсюда увести, от греха подальше убрать, ведь кругом люди есть. Скольких ещё могут, как нечего делать, положить, знать, таким только нечистый и ровня. А самому Славе сразу обратно сюда на следок и вернуться: своих в одиночку не бросают, не дело. Будь, что будет, а дальше - куда кривая выстрелит.

Но как только он выпрямился у своего ненадёжного гаражного прикрытия, так всего и окатило ледяной, давно такого не водилось. Сразу надо было охаркиваться, когда двери кому ни попадя настезь открыли. Того гляди, голову отныне, как курёнку, у своего порога свернут - и хамкнуть не успеешь. Тогда уже точно до упора во всё живое зубами вцепишься, коль жизнь мила. Тут и один, да будешь с овин, хотя отродясь лишь на себя надеялись. И Слава, двинув желваками, снова на дорогу глянул, где по-прежнему в лёжку лежала соседка: жива ли хоть та?..

Тогда-то, не покидая его, словно кто-то неведомый и оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто вживую, заодно добавил спокой-

ствия и сил, чтоб в коленках не дрогнуло. И Разведка понял, что надо делать. Даже если он успеет добраться до крайнего подъезда, внутрь можно не попасть, кругом все двери на железных запорах, прижмёт человека - и то не откроют. Зато уже на свету, под подъездным фонарём, разом и оставят на дороге без разговоров: кому лишний язык нужен.

А коль удастся проскочить сбоку, по-за тёмной стороне своего дома, и оттуда тропкой к роще - недолго и оторваться, - в другую сторону этих гостей увести. По-другому их отсюда не выманить. Глядишь, ходу за ним сгоряча дадут, а в саму глухомань никто даже носа не сунет, откуда любой местный с закрытыми глазами выйдет и не обернётся.

Между тем давно было пора действовать, потому что приезжие, наконец, не торопясь, двинулись в сторону гаража. Но Разведка уже бесшумно, краем, что ближе к дому, успел переместиться к тропке, тёмной стороной пробрался. Затем, не чуя собственных ног, одним духом проскочил возле дома, а дальше прочавкал ботинками через дорожную слякоть и, рукой подать, перед носом замаячила сама роща - даже не верится. Только рано было радоваться, не по-таковскому вышло. Оказалось, от самого магазина приезжие с ним, как кошка с мышкой, забавлялись, самих себя тешили.

К этому времени, кажется, на последнем дыхании, Слава и до горушки в самой роще добрался. Вся в высоченных сказочных деревьях, раскиданных вокругую, летом совсем залюбуешься. А сбоку, сразу с дороги, как дозорные, ещё в старом малиннике бдительно замерли тополь с сосной, издалика видно. Рядом хвостиком пристроился и жиденский еловый подрост, с прошлой весны голову заподнимал. В таком месте только расти и остаётся, во все стороны свободно, никто не помешает.

Изведённому временем до схожести с натуральным крестом узловатому широченному тополю было бы лишним скрашивать одиночество своей вечнозелёной подружке-сосне: на её ладном прямом сучке во весь рост, как на подтягушке, местная мелюзга любит силой друг с дружкой хвастаться, особенно тёплой порой.

Только беглец было отпышкался, а за спиной и смех: от такого не дождёшься радости. Разведка обернулся, а это гости, один другого здоровей, следом в горушку поднимаются. Самый последний из них ещё и на мобильный телефон записывает старика, всюю ребятам весело. Получается, так и снимали, как он, не хуже молодого, во все лопатки от них наярывал, лишь пятки сверкали. Дожил до тюки: как у настоящего труса вышло, теперь лишь глазами хлопать остаётся. Стыдоба одна, и только.

- Слышь, чухан, - внезапно перестав смеяться, негромко и лениво окликнул первый заезжий. Это он оставил Славину соседку на дороге лежать. - Сейчас мы тебя резать будем. - У него пропал всякий интерес к этому старику в одежде с помойки: сам не свой стал, головой завертел напоследок, все они такие. Чтобы не пропустить, как всё будет дальше, ещё и мобильник на него наставили, - того совсем с лица извело, раньше бы не кончился.

А сам Разведка как хорошенько глянул: какие это ребята - давно мужики, где и глаза свои раньше оставил? Лучше к таким не соваться: кокнул и не поморщатся, одним взглядом нарушат. Или чем-то опились, а может, уже совсем изнутри вымерзло. Случаем, не из той породы, что людей на тот свет отправляют? Развелось этих бандитов, как собак нерезаных. Своё дело сделали: отсиделись, где

потиху, и опять шакалить. Ничего не боятся, как ныне эти майдановские: везде хозяева. Всех за горло взяли, никто не пикнет.

А что по телевизору давеча толковали, как молодяжка вусмерть бьёт чохом налево да направо, так этим приедем такая игра и будет вместо забавы. Как передышка. Поди-ко, под шумок и захотели размяться. На кого-нибудь поохотиться, чтоб кровь в жилах не застоялась. Тогда с каких рыжиков их ещё сюда принесло?..

Знатьё бы с самого начала, могло и по-иному обернуться. А у них не понарошку зашаяло чужую душу на покой отправить. Всё продумано. И так уже понятно, не первый он у них в руках. Худо дело: и ботинками в землю запопинывали, в карманах у себя зашарили, совсем невтерпёж людям стало. Бросятся сейчас, не повезло ему.

- Слабо - один на один? - сказал тогда Разведка. И откашлялся: - Давай, кто первый? - И - быстренько спиной к тополю, чтоб эти бобики не успели с тыла обойти. Никто не мог видеть изменившегося взгляда на его красном обветренном лице: похлеще, чем у этих молодцов сделалось. И сам он стал схожим с той самой пружиной, что тронешь невзначай - в ключья разорвёт.

Все жили в себе передёрнул, огнём весь взялся. Не ты - так тебя; и тогда тоже, в те давние полсотни разведчиковых рейдов за линию фронта, не бывало другого спасения. На раз жили - и не таких жуков близко видали да через себя кидали. Если на то пойдёт, хоть одного, а без глотки оставит, силёнок ещё хватит.

Приезжие в тёмном, услышав старика, заготовали: дайте им достойных, с каждым по-мужски и поговорят, лицом к лицу встретят. А этот всё время, как заяц, бегал, теперь у дерева, что пёс шелудивый, дрожит - собаке и смерть собачья. Навсегда проучить следует, чтобы другим стало неповадно.

Отвечать надо: во все времена так было. Сейчас и с этим то же самое будет. Прямо у дерева, сам выбрал - добежался. И на телефон ещё записать, правильно это. Все знают, что настоящий мужик никогда ничего не боится и потому всегда должен за себя постоять.

Издали от леса, со стороны окружной дороги, было слышно, как несмолкаемо летели машины: изо дня в день туда и обратно без отдыха выли. А здесь, в застывшей мерклой полутьме, приезжие ещё накинули на себя капюшоны и, оживлённо жестикулируя, наскоро переговорили между собой. Видать, наскоро подвернувшаяся под руку новая затея сразу изменила планы гостей, которые вскинутыми ладошками дружно приветствовали друг друга.

Затем один из быстроглазых, что за старшего, прикинул на глазок расстояние от себя и до тополя, одобрительно тряхнул капюшонистой головой. Довольный был. Похрустывая снежком, он неспешно отшагнул дальше, чтобы удобнее было. И деловито достал из куртки остро блеснувший в крепком чехле ножик с овальным сечением рукоятки да двусторонней заточкой клинка, вся ручка в узорах.

В страшном сне бы Славе не привиделось, что это удумали с ним сотворить. Конечно, если пугнуть не захотели по-настоящему. Ведь такое и в ум нормальному человеку не придёт. Взять - и живую душу запросто на тот свет отправить, ни за понюшку табаку. И тогда хуже всего - даже боком не дотянуться ему будет до этих быстрых гостей - не дадут. Больно хотелось в конце не опозориться.

А коль вправду решили сразу под деревом устрять - и незачем им лишние хлопоты. Наверное, раньше редко мелочились: было бы с кем возиться. Заодно потом и самим глянуть интересней, как этот приговорённый станет дёргаться,

хоть будет что с мобильного смотреть. Не о том ли теперь, перебивая друг друга, они быстро и говорили?..

И Слава-Разведка ещё крепче замер у изогнутого наподобие креста широченного дерева, одни желваки на скулах заходили. По-звериному притаив дыхание, онемелый, он не сводил закалённого взгляда от противника: и раньше мало каши ели, чтобы его на арапа брать.

А старший из гостей, нетерпеливо мотнув головой, как прицельно на бросок ножичек узорный вскинет!.. Играючи и без замаха - легонько, почти незримо. Но в долю секунды раньше пружиной уже откинуло Разведку от тополя прямо к сосне - как тут и был!

Только быстроглазый тоже не льком шит - в мгновение ока и молнией у дерева очутился, моргнуть не успеешь. Чтоб вслед за попаданием успеть ещё по саую рукоятку и к дереву этого беглеца пригвоздить, всем наука будет.

Выходит, для того это дело и затевалось, потому что остальные только взвизгнули горячо. С такого веселья сначала и не разобрали, для кого всё страшно и скоро закончилось этой порой в дальней роще, минутное дело.

Глаза, как надо, разули вечерние зрители, а их старшего в тот момент, точно мигом наскочившего на что-то острое, изогнув, носом сунуло перед тополем и в тряску враз заколотило - во все стороны заизводило. По-другому и не бывает, если сразу поскользнувшись, он едва не растянулся на сыром снегу, а потом напрямиком всей глоткой на свой ножик и напоролся - как не живал на свете.

А сам жгучий ножичек напрямиком и срикошетило от этого дерева остриём вверх. И его с овальным сечением рукоятка, тюкнувшись в гущу прошлогодней листвы, ещё комлем уютно устроилась в крепкий снежок, плотно села. Как по чьему-то заказу вышло. И надёжно штырилось перед прошловековым тополем блестящим лезвием: доведись, целое колесо из строя выведет.

Приезжий с размаху и нарвался на это остриё, даже пискнуть не успел. Глотку у него всю насквозь и просадило, сам налетел покользя. Ещё с земли он пытался отдёрнуться, но куда такущей машиной нормально двинуться, готовенько попался. Здоровущий, в куртке нараспашку, пузом по земле ездит вовсю и царапается. Следом ещё захрипел изо всех сил. Потом руки у него в стороны выдернуло, пару раз ногами в заданных штанинах дрыгнул, в горле громко взбулькало - тотчас весь дух и вышел на волю. Под самим деревом, куда, как в живой тир, загоняли для последнего вздоха Славу-Разведку, и затих он в тусклом сумраке, не шевельнётся.

Уразумев происшедшее, другой чужой так во всю голосину рявкнул, словно маленькое помутнение нашло. Огромные его кулачищи молоткасто сжимались да разжимались - и, ничего не замечая, он ещё глазами шарился по сторонам, как будто желая прожечь всё живое кругом.

Меж тем его младший собрат, уставясь в мобильник, снимал с телефона безостановочно: похоже, тоже оцепенел. А молоткастый напарник, зачем-то глянув вверх, встряхнулся и решительно ткнул указующим пальцем в сторону замершего Славы-Разведки.

Тот у соседней сосны, в своей ознобкой маломерной куртяшке, и бровью не повёл. После случившегося с их главным он лишь попригнулся, всё так же не сводя застывшего взгляда от остального противника. Весь в слух ушёл: знал, что для него ещё всё впереди.

А второй из заезжих уже места не находил, донельзя раскалился. Во что бы то

ни стало следовало немедленно стереть с лица земли этого старика, задушить его голыми руками. Чтобы о нём ни слуху, ни духу не было. И, ставши весь вне себя, он разом, наподобие зверя, вздыбился в полный рост, мимолётно заслонив собой остатки ненадежного осеннего света. И в несколько невероятных прыжков всей своей тушей обрушился на Славу-Разведку, изготовившегося возле сучковатой сосны с кучерявой верхушкой.

Но Разведке снова удалось в очередной раз голову не подставить. Той же пружиной, что и впервозазку, его опять опережающе отщёлкнуло в сторону. Стремительно и хлётко, точно оружейный затвор сработал. Такое раньше как дважды два получалось, он с малолетства был крепок в ногах.

А теперь - старость не радость, и не устоял Слава на своих двоих, не сообразив, как на земле очутился. Думал, и не подняться уже будет в этой снежной грязюке, когда уклонился от нападавшего, еле отпыщкался. Даже едва не зевнул, как на него кинулись, до нутра охватило.

В эти минуты и саму рощу охлестнуло таким необъяснимым рёвом, от которого в пору и крови в жилах стыть. Не было ли уж сейчас это кому-то последним часом на земле - кого за живое не возьмёт? А может, в этот день и вовсе смешалось небо с землёю на белом свете?..

Но Разведка умом не потерялся и хотел уже с земли на ноги вскинуться: он и там был готов любого рвать до последнего. А то шевельнуться не успеешь, как добьют: такое без задержки делается. И с чего ещё атаковавший его чужак сразу с деревом впривалку ткнулся и не двигается: тоже в голову не идёт, что с ним?.. Совсем на сосне, как пьяный, висит, не двинется. Почему-то ещё ни с того ни с сего и похолодело кругом: еле слышно сделалось, одна лишь луна сверху жёлтым светом обливает, стынью студит.

В то мгновение вдруг совсем и дошло до Славы-Разведки, что незваному гостю не только не шагнуть - отныне и вовсе не двинуться. Окончательно сделалось понятно, что нет его больше, а рядом с деревом лишь что-то тёмное осталось. В голове не укладывалось: такое и думать - не придумать, но и этому приездему подфартило не чище, чем главному быстроглазому.

На тот самый сосновый сучок, что был за Славиной спиной, и налетел противник со всего разгона, лишь Разведка в сторону отклонился. Тютелька в тютельку мужик приложился, а прыгал он будь здоров: попадись под горячую руку, и мокрого бы места не осталось. Больно ему со своими кувалдами не терпелось старика в порошок стереть, всё на свете забыл.

А на этом сучке, прямом и крепком, ещё местная ребятня силой бахвалилась - в самый раз был на высоте человеческого роста. Правой стороной и всадились сюда приезжий. С полного маха, как на шампур, всем обличьём наделся. Всё у него вместе с глазом и протекло с этого боку, только не впечаталось. Подобием чёрной маски, что мастика стало, совсем залило. Как тогда здесь всему нашему нутру и не крикнуть да всю оставшуюся силу напоследок не вырвать?..

Но дальше Славе-Разведке не дано было видеть, как последний из тёмных поддел с ботиночного носка встававшего с земли старика. А следом, отбросив ненужный мобильник, которым он безотрывно снимал, чужак без промедления и вцепился в горло человеку, чтобы навсегда покончить с тем, чего не смогли сделать оба приезжих. Торопился: от этого непонятного старика можно было в любую минуту чего угодно ждать. Неужели с такими и совсем ничего не делается?..

А у Разведки уже судороги начались, ноги по бокам заподёргивало, дыхание пошло на убыль и стало тише, медленней. Быстроглазый, дожимая, сдавил сильнее, и тотчас у старика предсмертно, в полную ширь, распахнулись неподвижные глаза на обветренном лице с редкой щетиной.

В эти секунды он и очнулся: внезапно дало в нос чем-то чужим, бритвенно полоснув всего его запахом невымытого тела и псины. А кто-то неведомый, что давеча подмогнул у гаражей, и успел показать Разведке, как его напрочь, без остатка добивали.

Намотав на цепкий молодой кулак Славину тесёмку ещё от родительского нательного крестика, оставшийся приезжий и докручивал её на стариковской шее уже совсем до конца, до последнего вдоха. И тут всё, что оставалось в Славе, ходуном заходило: как-то это было уж совсем не по-русски - последний бой проигрывать.

И тогда - спаси и помилуй! - сжав пальцы в подобие лап, он с обеих сторон снизу вверх с такой силой долбанул на хлопок чужака по ушам, что тот, взвизгнув, пробкой отлетел в сторону. Похожее сравнится разве что с разорвавшейся рядом гранатой, в два счёта можно оглохнуть. Кто повоевал на своем веку, лучше всех это знает. А пострадавший от подобных мероприятий временно лишается воли, оставаясь уже не человеком, а получеловеком, такому не позавидуешь.

Не потому ли самый последний из гостей, после этого заполошно обежав павших товарищей, и устремился с вытаращенными глазами на дорогу к магазинным задворкам, где наискосок от запасного входа мерцала их огромная, не свотишь, чернеющая машина.

И дальше, не давая себе отчёта, он прыгнул на хозяйское место, сразу взяв такой разгон, что на въезде на кольцевую дорогу не справился с управлением, где его по первому снегу и выбросило на огромной скорости за самую обочину. Там, в скомканном, как ненужная жестянка, внедорожнике и обнаружили, кому это положено, последнего быстроглазого. У него, скорчившегося на огромном машинном сиденье, в глазах, разжатых задолго до внезапного смертельного удара, навсегда застыл самый настоящий ужас...

А Слава-Разведка, недвижимый, продолжал глядеть высоко вверх, словно отыскавший там, наконец, кого-то самого родного, безотрывно манившего его отсюда, от этой одинокой сосны на голой зябкой земле, - к себе, в долгожданный покой и отдых.

НОЧЬЮ МЕСЯЦ ПЁК

Памяти мамы

Летней полночью она вдруг пробудилась от непонятного и яркого, как днём, света, казалось, заполонившего всю избу от самого подполья и до верхушки крыши. С трудом поднялась с кровати и, держась за деревянную переборку, добралась до передней комнаты к окошку.

Даже сквозь тюлевою, пообтрепанную от времени занавеску её едва не оттолкнуло этим световым пучком, точно захотевшим проникнуть в самую человеческую душу. Но, несмотря на преклонный возраст, она по-прежнему была не из робкого десятка и, торопливо перекрестясь, взгляделась через шторку в это диковинное ослепляющее свечение.

Прямоком издалека, от самого Иткольского, над всем бескрайним лесом всё равно что вживую пекло, - настолько беспощадно светило там от зависшего в тени месяца, выглядевшего каким-то болезненно зримым и совсем жёлтым, навсё прозрачным.

Причём вёл себя месяц странно: постоянно двигаясь то влево, то вправо, он внезапно срывался вперёд, играя светом, и вновь так же стремительно возвращался на своё неприкаемое место.

«Месяц-то как разошёлся, - опухло хозяйку жилья, когда она вернулась обратно на купленную ещё покойным мужем кровать. - Вовсю пекёт: может, холодно будет».

И сразу неведомым образом её унесло туда, в пору самого настоящего лютого холода, когда ещё с тремя малолетними сыновьями-погодками им зачастую доводилось даже полуодетыми спасаться зимними вечерами на морозных задворках собственного дома от вечно пребывающего во хмелю хозяина, способного запросто спровадить хоть кого вздумается на вечный покой. Может, потому самый младший как-то настолько крепко простудился, что вскоре незаметно и истаял, а остальные ребята, лишь встали на свои ноги, сразу покинули эти края; и больше о них не было ни слуху ни духу, даже об отцовской кончине ничего не ведают.

И только мать в родимой до последнего травяного проулка Славянке продолжала неустанно охранять для них свой дом, теперь оставшийся единственно жилым в этой когда-то большой и весёлой деревне.

Между тем сейчас который день вовсю парило: воздух в избе был пугающе тяжёл, не давая толком раздышаться, и в этом мареве всё кругом чудилось сырым и неясным, зыбким. Но даже это не сравнилось бы с той тяжестью, что сызнава в который раз обрушилась на неё, накрывая удушующим пологом прошедшего, но никогда не забываемого...

В ту пору она здесь же, в спальне, лишь на полу, на старых фуфайках, решительно закрыла своих спящих крошек от взмахнувшего над ними топором своего незабвенного хозяина; и с той минуты, внезапно став белее белого снега, её цыганисто-вьющиеся волосы навсегда сделались длинными неряшливыми нитями, не сразу промываемыми даже речной проточной водой.

«Окстись с Богом», - только и сказала она тогда, так посмотрев ему прямо в глаза, что он, хвативший смертельного лиха ещё в армейском прошлом и накрепко, до беспамятства друживший с горькой, опустил губительное железо и, наконец, впервые для себя отшагнул назад.

Но уже давно, не первый год, это самое железо, оставленное на случай нужды, и пребывает неизменным спутником у её одинокого изголовья: нынче, куда ни ткнишь, везде не до покоя, - повсюду случаются лихие люди, не то время нахлынуло.

И в этих некогда светоносных краях, теперь без разбора, сплошняком зарастающих бурьяном да непобедимо-дикой крапивой, больше уже никогда не разыграет на всю округу знаменитая кирилловская трёхрядка, всё кругом пошло на ветер.

И незамедлительно, будто в подтверждение этого, из привычного вневременного состояния её чутко вернул обратно какой-то сторожкий и одновременно отчётливо-законный звук, только это уже было не забытьём, а самой обычной явью. Сейчас там, на избных задворках, что-то безотрывно и осторожно копошилось: может, кто-то чужой в самом деле задумал сотворить что-нибудь неладное с её жилищем?

А тогда с какой стати вторично приносила сюда нелёгкая чужих мужиков с какими-то бумагами, пока она, не в шутку осерчав, уже надумала начальству пожаловаться, чтобы неповадно было кому ни попадя соваться, куда их не просят?.. И ныне, опять-таки поднявшись с кровати, ей пришлось, от греха подальше, на шарить в изголовье ту самую поржавевшую, когда-то сокрушительную железягу. После чего медленно, шаг за шагом, она двинулась по избе, к выходу на крыльцо, не выпуская из рук расхлябанного, отполированного годами топорщица.

А заочно-серебристое свечение уже успокоенно, с лунным равнодушием разлилось на всё окружающем, безрадостно показывая скудное комнатное убранство вовсе безликим и тусклым, безжизненным.

Даже случайный отсвет, знобковато скользнувший с улицы в прихожую, где она снимала литой ржавый крючок с запираемых на ночь дверей, только мимо-лётно, ровно нехотя коснулся седой негнущейся женщины в исподнем, с широко расставленными, немигающими глазами.

Зато крупная, лопаткой, завёртка в крытом тесном крыльце отмыкалась за просто и свободно, выказывая взору летнюю улицу - удушающе-глухую и пыльную, давно безлюдную. Здесь, на воле, во всеохватной призрачной темени слегка шелестели березовые листья в палисаднике, а еле угадываемая деревенская дорога была, как всегда, на все стороны тиха и одиноко пустынна.

Привычно, для отпугивания всякого лиха, она сначала обстукала обухом передний угол избы и шагнула было к отводку с покосившимся штакетником, туда, к задворкам дома, но невольно замерла на месте.

Перед глазами разом, едва не въяве, и встала эта самая улица, кажется, ещё вчера со всей округи заполненная гостями, от души гулявшими от одного края и до другого, век не забудется. Веселее выборов, даже самих «майских» праздников, отмечалось лишь главное деревенское торжество - «Девятая», - девятая пятница после Пасхи.

До самого утра, до первых заположных петухов гуляющий люд почём зря обмахивался белоснежными, сводившими с ума своим нездешним запахом густыми ветками сирени, тогда ещё буйно разросшейся до самого князька их дома, по-хозяйски расположившегося посередке праздничной деревни.

В бледно-серой крепдешиновой юбке и ситцевой, всю расшитой голубыми листочками кофте, и она неожиданно для самой себя в одночасье вылетела на перепляс с закадычными подружками, поначалу долго не решаясь. Но только дошло до дела - и в новых, из парусины, синеньких туфлях, гордо вскинувшись и всплеснув руками, она лихо пошла дробить возле своего цветущего огорода по вытопанной добела тропке.

В теперешнюю пору один лишь Святой Дух и остался тут, а по здешней дороге с двумя десятками нежилых домов заскочит сюда в горку разве что продуктовая автолавка, да ещё раз в неделю сельсоветская «помогалка» покажется: наскоро подсобить немощной женщине по её немудрёному хозяйству. И она, беззвучно шепча родные, спасительные для всякого крещёного слова, открыла заскрипевший отводок и в обход, шажками направилась на задворки, хотя с той стороны избы подозрительное копошение уже подзатихло, больше не слышалось.

И при дневном свете было бы нелегко двигаться этим огородом: недолго оступиться либо вовсе растянуться, моргнуть не успеешь. Захваченный в полон вездесущим сорняком и, в полный рост, розовыми кустами иван-чая, он

был наподобие ловушки из-за прожорливо вылезших из-под земли многочисленных корней, что повсюду расползлись заматеревшими, длинными щупальцами.

Но она, держась самой стены, обшивки дома, опять же неторопливо обошла громоздкую в темени избу и оказалась у хлева на задворках, откуда тотчас обдало её легкой беглой свежестью, с заброшенных и пустых деревенских полей нанесло.

А ещё под горушкой, в самой низине их огорода, одинёшенько притулилась баня, кособокая и никому не нужная, отрезанная от большой дороги полусгнившим забором из ольхового и берёзового кольца.

Бог знает, когда и каким ветром были занесены сюда, на задворки дома, летучие семена вишни, рябины и черёмухи с яблонями, но нынче они волшебным образом превратились в небольшой, сказочно-живой сад, не только радуя глаз, но и надёжно закрывая дом от любой непогоды.

А рядом, втесную к самой стене, присоединилась ещё ладно выструганная широкая лавка: еле успел хозяин до своего ухода управиться, даже кустик красной калины посадил, долго возился.

И потом, до последнего дня, его самого отчего-то неудержимо тянуло в это нелюдное покойное место, где из знаемой лишь им молчаливой жизни всё одно, что насквозь, была хорошенько видна вся их округа. И особенно - тот край Пятницкого кладбищенского заворота, где с незапамятных пор покоился, по его образу и подобию, самый младший, единственно любимый сын, что, не успев толком порадоваться на белом свете, в одноразку и свернулся на его руках, навсегда уже вынув отцовскую душу.

А обнесённая сверху и с боков тёсаными досками, эта лавка была ещё уютно обита войлоком и заботливо обустроена для подзголовья диванной спинкой, лучшего места для отдыха и не найти.

«А как у нас дювья-то стало, - даже с какой-то забытой радостью подумалось ей тогда. - Ведь стойно в раю: только бы жить да жить».

И именно с этой вольной райской стороны она однажды в многолетней давности и увидала будущего суженого, разве такое забудется?.. После своей демобилизации он сразу и появился у них на гулянке, подпало как раз к девятой пятнице после Пасхи.

Из-за реки, со своих неблизких иткольских краев, как в той знаменитой песне, он тоже в защитной гимнастёрке и «спустился с горочки»: невысокий и ловкий, в фартовых хромовых сапогах и лихо заломленной военной фуражке на черноволосой голове. А когда ещё с шутками и прибаутками очутился с переплясом в их круге, так взглянув на неё, разом вспыхнувшую в своей ситцевой расшитой кофте, что подружки и сами быстренько уступили место этой не по-деревенски баской паре.

С того самого дня для неё больше не было никого дороже: этому лучшему на свете улыбчивому иткольскому парню из дальней, с десятков домов Дорогуши она отдала на всю жизнь весь жар своего молодого и верного девичьего сердца.

В это время сюда к ней, на крайку дома, заглянула с другого боку неугомонно-прозрачная луна и, наскоро облив всё вокруг холодным светом, вдруг наткнулась на подготовленный костерок: в двух шагах от остановившейся хозяйки был, такой и немудрено с ходу прозевать в темени.

Оставалось только поднести огонь к умело собранному стожку из нажористого сушняка да прочего дворового мусора, и тогда уже в два счёта было бы тут одно

пустое место. Всё говорило о том, что кому-то уже совсем неважно стало, хоть кровь из носу, понадобится нынче нарушить это жилище, сравнять его с землёй.

Придя в себя от увиденного, она мёртвой хваткой сжала надежное длинное топориче и, осмотревшись, изо всех сил прислушалась к любому мало-мальскому шороху. Но долгая, не нарушаемая даже птичьим посвистом подлунная тишина этой зыбкой летней ночи подтвердила, что если кто-то и был в их заулке, то успел быстро и незаметно раствориться в неизвестном направлении, вспугнутый бесстрашной хранительницей дома.

И тогда она, потихоньку отдышавшись, решила, что куда больше отсюда не денется: несмотря ни на что, будет обязательно находиться в своём огороде хоть до утра, до самого рассвета, сколько понадобится.

И, продолжая всё так же нашёптывать спасительные, столь нужные каждому крещёному слова, она решительно села на хозяйскую лавку, держа крепко-накрепко, как солдат оружие, своё поржавевшее железо на длинном и тяжелом топориче.

В последнее время и без того уже больно много развелось желающих за чужой счёт поживиться - не своё к рукам прибрать; так, сама того не ведая, она, может, и насовсем сумела в этот день отвести неминуемую беду от их осиротевшей, сполна обезлюдевшей Славянки.

А на недосыгаемой высоте загадочно спящего в этот предрассветный час мироздания, не иначе как ей в подмогу, на смену уже бойко не пёкшей луне, внезапно светло и ясно распахнулось бездонное небесное покрывало. И торжественно запереливалось на всю округу серебристо вспыхивающими празднично-звёздными иголками.

И где-то далеко внизу, в самой благодатной глубине этого неповторимосветящегося мира, на одной маленькой и вгустую переполненной земле, отныне увиделся осиянный уголок и для одинокой женщины в белом одеянии, что с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше.

НЕУГОДА

Маме

Не знаю, ничего не знаю: хожу, стойно сама не своя. Вот так иду, да как поведёт, как ошатит, маленько не паду. Так остановлюсь, постою немного, схохотну про себя-то: ровно пьяная, разве дело. Да и дальше потихоньку побреду. Вот и выползала эдак всю жизнь, с одной почтой целых двадцать годков маялась. В любую-то погоду: туда десять вёрст да обратно эстолько. И на пенсию уж вышла, а всё не сидится дома, да ещё одна в придачу осталась, ведь батько-то у меня... Тошно и говорить. А на людях всё спокойней. Порой с газетами добредёшь к вечеру, у людей свет в окошечках горит, только у нас тёмным-тёмно. Сумку брошишь в угол, полежишь на диване, кружак-то отойдёт, дак снова на ноги - и давай скотину обряжать. А та знай себе орёт во дворе: поди, на всю деревню слыхать, так перед народом стыдоба, прямо неважно.

Недавно уж больно сильно окружило: тоже пенсию по домам разносила, да как на грех запнулась и головой-то прямо об угол дома угодила, дак ничего не упомяну, ну. А много ли мне надо: когда ещё нашему старшому годик был, пилили с батьком дрова на берегу, а напротив Вася Доровской с Нюрой тоже наладились полenni-

цу ставить, да чего-то и разодрались. Они и до сих пор через день да каждый день пазгаются. Вот Вася сгрёб полено - и в Ньюру им, а я возьми да торкни бабу в сторону, так мне только плашмя и угодило. Сперва думала, что добром обошлось, а видать, хорошенько навернуло голову: с того времени всё к земле долит и долит...

И этот раз тоже в себя маленько пришла, а возле Лидииного огорода лежу - и какая-то женщина незнакомая, в первый раз и бабу вижу, меня с земли подымает. «Ушиблась?» - спрашивает. «Ой, говорю, милая, ведь из памяти опрокинуло, даже в глазах рябит. Да ты-то кто, и узнать не могу?» - у ей интересуюсь. «Да по делам я тут, - отвечает. - А сейчас Лидиин дом продаю. Тебе, часом, не надо?» - а сама глаз с меня не сводит. Я и думаю: «А куплю, чего не купить? Хотя сыновьям после отдам. А то один за синие моря укатил, другого и не выговорить, куда унесло. Хотя бы не на войну, упаси Господи. А так пускай наезжают да живут. Всё больше видеть стану». И говорю: «А сколько, матушка, стоит изба?» - «Да всего шесть тысяч», - отвечает. Как с проверкой какой. И взгляд у ей больно какой-то... не знаю. А не замечала такого у людей. И говорю ей: «Ладно: шесть так шесть». И сама, значит, придивилась: ведь у меня на книжке ровно эстолько и набирается.

Будто в воду поглядела. Копеечка к копейке, по рупчику, так и откладывала, сколько могла. Да разве своим ребятам жалко, для их и живёшь только. А нам ещё в зарплате на днях добавили. Денежки-то прибавили, а в Воробино ходить отменили: экий крюк отнесло. Не с ума как хорошо. А женщина эта и маячит опять: «Так зайди в дом-от, посмотри. Понравится ли?»

Я захожу, а чего и глядеть: я у Лидии не раз бывала, когда десятником на сплаву работала, она ещё бухгалтером в конторе числилась, так добро у товарки в доме, чего и глядеть, не знаю. Зашла, а Лидия сама из-за перегородки выглядывает. Хороши дела. Хотя давно и не виделись, а слыхала, что она в последнее время и не хаживала на улицу, на ноги не подымалась, как парализовало всю. А тут, гли-ко, молодухой вылетела: «Чего, матушка?» - «Да вот, Лидия, - говорю, - хочу твой дом купить». - «Нет, милая, - Лидия и говорит, - я ишшо сама тут поживу маленько». - «Хорошо, хорошо, - я-то и отвечаю ей, - ну и ладно, Петровна, я ей всё: Петровна да Петровна. Ладно, говорю, Петровна, живи, сколько душе твоей угодно, я и в другой раз куплю. Не горит».

Вот, рожонье мои, как головой-то ей качнула - даже в шее больно сделалось, - да тут и проснулась. На диване опять лежу врястяжку. Ни рукой, ни ногой не шолохнуть: всё онемело. Насилу и отпышкалась. На работе своим потом рассказываю, а они мне: ой, ой, у Лидии-то ведь сорок дней не прошло со смерти, так потому и не допустила к себе. Это и ладно, что дом не продала да за собой не поманила, значит, жить долго будешь. Коли так, и добро, а как запомывала, что Лидия померла, - не упомяну, ой, тоже...

Бабам-то своим я в другодни и рассказала, а этот-то раз в себя пришла - за дровами сходила, печку затопила, эко запотрескивало, скотину напоила-накормила, а сама умом-то и думаю: дай хоть на печку заберусь да маленько согреюсь, чего-то иззяблась вся. Только это я забралась, ещё вздремнуть не успела, а возле горки-то у меня, кто бывал, крещёные, знают, в самый раз напротив русской печки - прямо-то на глазах! - воронка завертелась-завертелась, всё у меня разом помутилось, слёзы вон выступили, и отереть ещё не успела, а оттудова девочка беленькая, экая пригожая, вылетела - и к печке, ко мне подходит. Я одной рукой о полати опёрлась, понять не могу: откуда здесь и воронке быть, пол у нас гладкий, а следом и дошло: ведь подпол тут, только половиком закрыт, не сразу догадка возьмёт.

«Да ты кто, милая? - у девочки и спрашиваю. - Больно уж и пригожая». А у нас на горке куколка стоит, в платице беленьком, с косичкам, на эту и похожая, только у здешней волосы длинные да лёгкие, как пушинка. Да и свету в избе прибавилось, это у нас зачастую бывает - то совсем тускло, еле-еле пилькает, а то в глазах заломит, как теперь. А девочка снизу головку подняла на меня и отвечает: «Я бог Наташа». Думаю, кто-то меня разыграть захотел: к Катьке Яшкиной, сказывали, гостя приехала недавно, а сама-то ещё не видывала, так чего не подшутить над старухой, ведь не обижусь, всякий знает.

И опять вопрос задаю: «Так ты откуда, бог Наташа?» - «С того света», - говорит. Ласково отвечает, а голосок тонюсенький-тонюсенький, только не звенит. «А хорошо там?» - меня и саму интерес берёт. «Хорошо, хорошо!» И такое у меня доверие к ней тут получилось, не высказать, начисто всё забыла. «А нельзя ли мне побывать там, хоть глазком глянуть, пока жива-то?» - «Можно, можно, как нельзя: тебе за твою доброту всё можно». Берёт меня под ручку, мы с ей к воронке этой, где подпол, подходим, опять как снова завертело, волчком нас закрутило, как и под полом очутились, не углядела. А там светлым-светло, не хуже, чем днём, да батюшко мой свет с мужиками в подполье проводил, отчего и не быть светлу.

Вот девочка подходит к какой-то белой полочке, берёт с ей и надевает мне на голову экую-то шапочку круглую, как моряцкая с виду. Я, было, опешила: откуда здесь одежке да полке-то быть? Да, видно, свет проводили, так разное-всякое оставили. Идём мы, идём с Наташей-то, за руку всё держимся, а вокруг нас, невдомёк как и оказались, детки бегают, да такие хорошие, пригожие, в баской одежде, аккуратные, играют и поют: «Ла-ла-ла. Ла-ла-ла». Сомнение меня взяло: неужто подполье у нас такое большое и гладкое, не должно и быть, а дети всё сбивают с мысли - дарят и дарят мне подарки. Только чего, и не упомяну, сразу забываю, память совсем дырявая стала. А детки поют да поют: «Это за твою доброту». А грех кому и обижаться: вон мамашу-то и обстираю, и в баню свожу, намою, чего в магазине куплю - пополам разделю, - ничего не поделаешь, раз сама под старость лет ослепла, совсем худо видит. Хоть и живёт с сыном, а меня за дочку считает.

Да за всех кряду сердце-то тоскует: гли-ко, чего на свете творится, уж кровь пути кажет. А вот следом за детишками подходит ко мне какой-то, и не выскажешь сразу, только на нашенских ни на кого не смахивает. Весь с обличья тёмный, голову на сторону воротит, а сам норовит с меня эту шапку сдёрнуть. «Бог Наташа, - и спрашиваю тогда, - а зачем он это делает?» - «А хочет тебя на этом свете оставить», - Наташа и отвечает мне эдак ласково.

«Ой, матушка ты моя, - говорю, - а с кем я скотину-то определю, ежели?» Только это выговорила, а гляжу - никого уже кругом и нет. На печке лежу. Вот-те раз. Видно, вздремнула - и привиделось. Ладно, вниз слезла, а в печке давно прогорело. Только бы мне пошевелить, и клюку уж изладилась взять, а в прихожей у меня две собаки стоят: наверно, за дровами-то ходила, так двери не докрылись. А собаки обе разные: одна чёрная, другая ближе как серая. Лапы здоровенные у обоих, да на передних ещё чего-то белеет, стойно часы прикреплены. Большие такие, вроде компаса похожие. Отшагнула я в сторону, а со сна ещё маленько не в себе. Пригляделась внимательней, а не блазнит: стоят и стоят. Батюшки-светы, царица небесная - гляжу, это ведь те, что о прошлом годе забегали! Ну, те, правда, приснились, а эти оба-два рядом стоят, только что есть не просят. Грудастые, лапы расставили - и на меня смотрят, принесла нелегкая не вовремя.

Я возьми и спроси их, нет бы прогнать: «Дак вы к добру или к худу?» А чёрный, недолго думая, прямо так человеческим голосом и взлаял: «К худу, к худу!» - «А к какому худу-то?» - спрашиваю. Думаю: будь что будет. Раз уж не набросились, теперь и подавно не сожрут. «К тюрьме, к тюрьме», - другая, серая, так же отвечает. Что и деется: ни дохнуть да ни глотнуть. Оне и о прошлый год, когда снились, то же самое говорили.

Вот и не верь снам: ведь батька-то моего и верно забрали недавно в казённый дом, не разобрались. Ребята большие ночью в двери ломятся: «Открывай, такой-сякой, вина выноси!» У мужа-то день рожденья был, вот и принесла лёгкая гостей: поди, думали, у нас тут винный завод. А сами и без того пьянущие, не высказать, пьянее самого вина, чем и опились, не знаю, да теперь в себя льют всё, что течёт. И вот ломятся, бьются в двери: того гляди, что на приступ эти озорники пойдут.

И вышел батько-то на улицу, хоть отговорить, может, и обумятся люди, а те на него с кулаками. И чего там приключилось, Бог знает, а только утром один и помер, кровью истёк, кто ему сунул - толком не дознались, не определили. До утра под окошками народ бегал да ором орал, меня саму из ума вышибло, после этого и забрали моего, начальство на машине приезжало. Была в районе, у следователя по фамилии Семёновский, тот лишь зубы скалит: «Будем твоего дедка сажать, а ребят не тронем - ребята хорошие, а дедко старый, своё отжил». Поплакала я, ой, поплакала, один Бог только знает, как плакала. Потом, правда, от батька весточка была одна: «Вышлите, Валентина Кирилловна, мои вставные зубы, что в зеркале лежат, да фотокарточку Вашу».

Вот как. Раньше-то и слова, кроме как Валька, не слыхивала, а то знай только оборачивайся, когда костерить почём зря принимался. А тут, гли-ко: Валентина Кирилловна, да ещё на Вы. На старости лет в такой чести оказалась. Вот. А больше сам не писывал, так не знаю, на чего и подумать...

И здесь тоже кобель-то серый как протянул свою лапу в угол, а там батько мой стоит! Тут я и догадалась сразу, что опять мне привиделось: кто же самого оттуда, из казённого дома, без разрешения вызволит?

Ну вот, рожонные мои, поднялась я с места, расчесала волосы взад-вперёд, после села на стул возле зеркала да руки вот так и свесила. А голова всё шумит и шумит, прямо гудом гудит. В людях говорят, что на урода всё неугода - и у меня не чище выходит, хотя крещеная отродясь была. Вот и не знаю сейчас: то ли я опять сплю или снова живу?..

Беда с этой и жизнью-то.

КЛЮКВА

Он был рад, что ушёл от остальных ягодников. Хотелось быть одному. Тем более что выходить обратно со всеми на душе не лежало: за ягодным болотом притаилось тихое озерко, где у него давно ещё была припрятана лёгкая сухая лодочка, на которой, переплыв озерко, после можно спокойно за какой-то час дошагать до своего дома.

Места эти, конечно, хожены-перехожены. С детства и до старости: как-никак, а уж семь десятков недавно стукнуло. Время промелькнуло, как та самая птичка, что теперь стремительно порхнула с кустика на ветку, оглянуться не успел. В лесу на все лады чиликало, трещало, посвистывало.

Солнце светило тускло, было ветрено и холодновато. Перед болотом на косогоре густо шумел осинник: с одной стороны листья были красны, с другой - маслянисто блестящие, зеленели.

Он вдруг остановился, удивившись тому, что как бы со стороны увидел себя: в чёрной стеганой фуфайке с крупными пластмассовыми пуговицами, с зелёным рюкзаком за спиной и двумя эмалированными ведрами на руке, в синей восьмиклинке, выбритого до гладкости и со странной улыбкой озирающегося кругом... Ещё не легче!

Он передёрнул плечами и, выгашив из кармана брюк алюминиевый портсигар, торопливо закурил, нехотя разгоняя сизоватый, в завитушках дымок. Затем двинулся дальше, покачивая головой: непонятно - точно прощаешься с чем-то или с кем-то, а под сердцем калёной иглой знобяще держится самый настоящий страх...

Он густо прокашлялся, отгоняя тяжкие думы и, сильно раздвигая кусты, вышел к укромному болотцу.

Чуть ли не перед самым носом вертушкой пролетела сорока-трещотка. Но и без её вести было ясно, что здесь ещё не ступала нога ягоdnика и что кюквы нынче видимо-невидимо. Бери - не оберёшься.

Он вздохнул во всю грудь, уже легко и свободно. Потом, раскатав резиново скрипевшие бродни до пахов, опустился на колени и принялся обеими руками сноровисто и быстро собирать в эмалированное ведро лаково красневшую, тугую и спелую кюкву.

За делом он, как и всякий истинно работающий, забывался. Ягод было так много, что глаза невольно страшились, а руки - делали. Болотный мох упруго пружинил под резиновыми сапогами, под коленями чуть колодезно холодило...

Он вспомнил, как в детстве тоже вот так же елозил здесь, на ягодах, вместе с деревенскими, была и Надька Сурикова, без неё и гулянка не гулянка, всюду успевала. Он высypал ей тогда из своей банки-посбирушки все ягоды, а когда ребята увидели и стали дразнить, выхватил у Надьки ягоды и кувырнул их в мох. Как там и были...

А позже, на вечеринках, Надька всё поглядывала в его сторону и, встречаясь с ним взглядом, краснела... Потом взяла да и выскочила за парня-жердину с Цветкова, ягоды, что ли, припомнила... Худо ему тогда было - впервые почувствовал, в которой стороне сердце: там палило и жгло так, что... Женился и сам... на одной тут. Из соседней деревни. Женился и женился. Значит, надо жить было. Только уж больно женушка сварливой да жадной оказалась, что просто диву давался, откуда у неё это?... Одно время слух ходил, что она в детстве, в голодные годы, у родной сестры срезала с пояса хлеб в мешочке.

Конечно, говорить, так до всего договоришься, но если верно знать не знаешь, так и вины нет... Что бы там ни было, а однажды он не застал жены дома - и след простыл. Позже узнал, что удула куда-то к дальним родственникам: тайком списались, те пообещали у себя в городе работу денежную, ну и двинула новое счастье искать.

Бог с ней. Как говорится, кто старое вспомнет... А только с тех пор так бобылём и живёт. Привык. Даже нравится - тебе никто не мешает, и ты никому поперёк дороги не стоишь. Милое дело. Имеется и хозяйство: корова, пара овец, даже держит небольшую пасеку. Мёд - не последнее дело для здоровья. А когда обращаются деревенские за помощью - не отказывает, всегда поможет, даже больше сделает, как в чём-то виноватый.

Может, понимает, что люди сторонятся его порой оттого, что такой вот молчун, каких свет не видывал, а за работой, глядишь, и перекинешься с челове-

ком словом-другим, всё веселее... Хотя, что ни говори, а один - он и есть один. Одной-то рукой и узла не затянешь...

Он и не заметил, как набрал первое ведро. Даже с кленьком. Доверху, только обратно не сыплется. Встал, не в силах сразу разогнуться, тихонько постоная, выпрямившись в пояснице.

Неожиданно вновь опухло леденящим холодком под сердцем, оно сжалось и затосковало. Он сердито скрипнул зубами. Снова размял твердыми коричневыми пальцами папирозину, затянулся так, что резцы нижних зубов до боли впились в прикушенную губу.

Дела... Дела выходили, как сажа бела: чем больше думалось да вспоминалось, тем муторнее становилось на душе, словно и впрямь на прощание вся жизнь заново вспоминалась, сначала и до конца...

Тяжело передвигая крупными желваками, он вложил полное ведро в рюкзак, затянул на новую прочную веревку и, заметив место, оставил под белой в чёрных подпалинах берёзой зелёный рюкзак с эмалированным ведром, полным ярко-рубиновой клюквы. Второе ведро набиралось труднее, ломило в спине и шее, бросало то в жар, то в холод, а раз он, неловко повернувшись, кульнул носом в мох и коротко, скороговоркой ругнулся...

Он и не почувствовал, как наступил вечер, в воздухе тонко похолодало. Перед лицом висела прозрачная золотистая паутина, и он вспомнил, что ещё так и не перекусывал. Достал из кармана газетный свёрток, развернул его: пара красных помидоров и свежепросоленных огурцов, мягкий с хрустящей корочкой хлеб, густой медный чай в бутылке с капроновой пробкой. Перекусив на скорую руку, он вскоре досбирал и второе ведро, но уже без желания, по необходимости и через силу.

В груди жгло и покалывало, гудом гудела голова. Он чувствовал, что так, пожалуй, никогда не устает. Удивляясь своей слабости, нашёл мету с ягодами, вздёргнул рюкзак за спину, подтянул брезентовые рубчатые лямки и, взяв в левую руку другое ведро, направился к озерку.

Под его ногами спичечно похрустывали сучки, а ветер теперь был тих, с мглыстым и далёким кругом солнца. Низко неслись тучи, как будто куда-то опаздывая. Одна остановилась над озерком и словно набухла, потемнела...

Он отыскал лодку в ольшанике, шумевшем чутко и тревожно, столкнул в воду. Аккуратно расположил на корме ягоды.

Ягоды... А ведь он звал про себя Надьку-то Сурикову ягодкой... Воно что, выходит, вот отчего и вспомнилось сегодня всё это, хотя, что всё-таки случилось на болоте, он так и не понял...

Ягодка, ягодка сладкая, ягодка горькая... Он оглянулся по сторонам, точно кто-то мог подслушать то, что он думал, затем надвинул кепку низко на лоб и удобнее сел за вёсла.

И в третий - уже в последний раз за сегодняшний день - он ощутил под сердцем укол, - раскалённый, огненный, нестерпимый...

Он ещё успел подумать, что так, наверное, устал на ягодах и, приложив руку к сердцу, вскинул голову: тёмная, набухшая туча стремительно и мягко обрушилась на него, заслонив собой белый свет.

И он, привстав, ничком рухнул прямо в ягоды, выбросив перед собой сразу ставшие безвольными изувеченные работой крупные и тёмные руки в изжёлта-зелёных набухших венах.

Ваня Кляпов и Кузьминична жили не тужили возле махонькой, с гулькин нос, речушки - неглубокой, спокойной. Но весной эта малоприметная чуточная речонка так расходилась, так буйствовала, что Ваня, сколотив плотик, плавал на нём еле не под самыми окнами своего домика: собирал годные для хозяйства дощечки, буксировал брёвна к бережку. «У доброго хозяина всё к месту», - говаривал он. Ваня - добродушный старичок, маленький, неказистый, в любое время одет в неизменный свой полушубок, серую, потерявшую счёт времени шапчонку.

Он - вечный труженик, безотказный работник; даже в своих жатных, на девятом десятке годиках, потихоньку колушается на скотном дворе, чистит лотки на ферме. По старой памяти зовут его односельчане Ваней. Наверное, за ясную младенческую улыбку и совершенно безобидный характер.

Кузьминична - полная противоположность хозяину: рослая, с длинными руками и мужским басовитым голосом. Услышит случаем, как малолетка какой окликнет её хозяина Ваней, отведёт говорившего в сторону и негромко, обстоятельно поясняет: «Какой он тебе, милоч, Ваня?.. Ты ждал его с германской пять годков? Плакал кажинную ночь?.. Не-ет, милоч, он тебе Иван Иванович».

Соседствовала с ними Поликсена - смиренная одинокая старушка. Поликсена была постоянным гостем у Вани Кляпова и Кузьминичны. Они сидели втроём долгими вечерами, вели неторопливые разговоры о нынешнем житье-бытье. Потом Поликсена ткала половики (в этом деле она дока). Частенько гадала на картах: предсказывала судьбу. Так и жили.

У них нередко занимали деньги: у стариков хоть немного, но всегда имеется в запасе на «чёрный день». Приходила соседка помоложе, жаловалась: «По-прижало: не обессудьте, Кузьминична, выручите». Кузьминична, испокон веков державшая деньги при себе, говорила: «Ваня, у самих-то хватит до пенсии?.. Ну, так дай тогда».

Часто просили их попасти деревенских коров: в нескольких дворах ещё держали животину. Старики не отказывались, только платы не брали.

- Да зачем нам деньги?.. - сердился Ваня. - Гроб, что ли, будем им оклеивать? Огородик бы вот осенью вспахали. Самим-то уж неумоготу.

К осени Ваня заболел. Ещё летом жаловался на боль в груди: сказывалось тяжёлое ранение, полученное в конце войны под самым Берлином. Ваня останавливался посреди горницы и, вобрав воздух, ждал, когда внутри поотпустит. Затем совсем слёг. Кузьминична мигом слетала за доктором на центральную усадьбу. Тот пришёл: молодой, уверенный. Долго простукивал, прослушивал хрипло дышавшего старика. На прощание прописал лекарство, рекомендовал покой. Но вскоре направил старого человека в город.

В больнице Ваня тосковал по Кузьминичне. Почти ничего не ел. Жена навещала часто, рассказывала о доме, о том, о сём. А когда Кузьминична уходила, он смотрел ей вслед и тяжело вздыхал: видел Ваня, как разом постарела Кузьминична за эти дни, что он лежал в больнице...

К Новому году Ваня умер. Угаснул тихо, спокойно. Как и жил. Похоронили его солнечным морозным днём на деревенском кладбище. А через неделю Поликсена заколотила свою покосившуюся избушку и перешла к Кузьминичне. И стали они жить вдвоём.

Всё бы ничего, но иногда Кузьминична неожиданно начинала громко плакать, вспомнив своего Ваню. Просила: «Старик, а старик! Прости, что, бывало, ругала да подтыкала. Прости меня, глупую, а... Ваня?..»

Поликсена уговаривала: «Перестань, милая, все там будем».

Товарки свыклись друг с другом за это время. Вечерами усердно пили чай, вспоминали прежнюю жизнь.

И уже дул с запада ветер, и была в нём сила ранней весны, преодолевающей зиму. Тронулся лёд. Старушки подбодрились, посматривали в окошко со щелеватыми наличниками, следили за проплывающими бревнами. Избушка оказалась опять подтопленной весенним половодьем.

Кузьминична всплакнула, вспомнив, как орудовал этой порой её родимый, милосердный Ваня. И вновь её рядом, заботно успокаивала сердобольная Поликсена.

А вскоре с высоты поднебесного птичьего полёта всё кругом ангельски защекотало ласково-золотыми искристыми лучиками. И, как когда-то в невозвратном уже тридевятиом времени, опять-таки наступили длинные-предлинные дни, и хлынуло - конца-краю не видно - много солнца в распрекрасно-безоблачной ослепительной синеве. В кутерьме не знающих устали пернатых певцов ожила по-хорошему земля, и от проклюнувшихся в первой зелени проталин денно и ночью струился нагретый густой пар.

Старушки сидели теперь под окнами на разогревшейся, от века безветренной завалинке. Сонно грелись в этой райской благодатной теплыни да изредка говорили ничего не значащие слова.

СВОЙ СРОК

*...Там на картошке с хлебом
Я вырос такой большой.
Николай Рубцов*

Домой мне удалось вырваться как раз к уборке картошки. Вдвоём отцу с матерью было уже тяжело вато пластаться на огороде, а садили они с прежним расчётом, как в лучшие дни, когда за домашним столом вместе со мной хороводились ещё двое братьев, Игорь и Николай, двойняшки-«боевики», служившие сейчас срочную на чужой стороне...

Было раннее утро, когда мы, позавтракав, вышли к нашему огороду. Я всю жизнь не перестаю изумляться родительскому истовому трудолюбию!

Сразу же возле дома - сарайка из добротных, аккуратно подобранных плах, под дрова - их доверху. В летнее и раннеосеннее время отец расшибает обшивку сруба через плаху, чтобы дрова там не застоялись-не залежались, не подгнили, чтобы ветерок оставил в них первозданную свежесть и крепость, тепло.

Слева ещё две сарайки: под сено первая, а другая - хлев для коровы Мурашки, нетёлки Красавки и пяти ухоженных, точно после химической завивки, овечек.

И всё это сколочено-сделано на славу, надёжно и ладно. Ни щёлочки лишней, ни гвоздя ненужного. Заглянешь в сенник - дух захватывает, в сено опрокинешься, а сверху, на поперечине, веники, как птицы, висят. Глубже вздохнёшь - зубы сведёт от запаха лугового, духовитого...

Огурцы уже собраны с парника, и я отыскиваю один, завалившийся среди блёкнущих глянцевиных листьев, и ем, как яблоко. Во рту - свежесть мяты, и поднимается вдруг, невесть отчего, чудесное настроение.

Высокие листья чеснока макушками связаны в шалашики, а горох уже повял окончательно и развешен, как бусы, на ольховые палки.

За картофельными грядками - яма для картошки. На сухом бугре и с крышей, точно у финских построек. Две ступеньки в земле, а перед входом в яму, куда подлезает с полным ведром, - деревянный настильчик. Внутрь вполз на четвереньках: вокруг такой же деревянный пол, чтоб рассыпáть картошечку, провеивать её, а уж в самой яме - квадрате два на два - три отсека, тем же материалом вымощены: в одном - стоять, в другом на зиму картошка, и в последнем - на семена.

Когда урожай убран полностью, в «стоячий» отсек ссыпается та же деловая продукция. А мелкая и с дырками, порченная, собирается в отдельное ведро и относится в хлев, во дворике которого сколочен сусек для скотины. Всё рассчитано и продумано с величайшей экономией. Ничего лишнего.

Мы с отцом закуриваем по первой перед трудом праведным, а мать уже начинает, наклоняется над боровком, ей не терпится. Лопата по самый черенок по-датливо входит в грядку, отваливается куст: тяжело и мягко...

Чувствуя неожиданное радостное волнение, я подсказываю к матери. Хватаю куст и встряхиваю: бело-жёлтые клубни весело срываются на землю и наперегонки скатываются в боровок.

- Не-ет, ты погляди-ко, - смеётся отец и с удовольствием потирает руки. - Чисто поросята!

Он забирает у матери лопату и становится во главе грядки: это его законное место, как и за столом - напротив окна; табуретка под столешницу задвинута старая, со щербинами, но отец дорожит ею, перевёз ещё из старой деревни, Клёнова, где прошли его детство и молодые годы.

Так и работаем: отец копает, а мы с матерью собираем. За огородами - поляна, по которой легко разбежались несколько голенастых рыжих сосен с кучерявыми зелёными верхушками. Над ними красным пятном - солнышко, светит ясно и негрейко. Небо - синь синью, ни облачка лёгкого. На душе никаких заботушек, голова на редкость светлая...

Время не замечается, а всё тело давно налилось крепкой и уверенной силой, дышится полной грудью.

...Отец копает, мы собираем, затем я хватаю полные вёдра и разношу их по назначению. Мельком поглядываю по сторонам: мои односельчане тоже не терпят времени даром - то в одном, то в другом огороде копошатся, не разгибаясь, на грядках; кое-где домовито курится дымок...

- Тихая моя родина! Ивы, река, соловьи... - вполголоса шепчу я, торопясь с пустыми ведрами обратно; как же верно сказано: родина лечит! Душу твою, думы твои успокаивает, чтоб потом они, обновлённые, стали чище и выше! И так не к месту пришло: не знаю, когда и как уйду из жизни, но что с памятью о родных и родине, - убеждён. Но сейчас об этом ни к чему. Всему свой срок.

Отец тем временем распалил костерок, подбросил сушняка, и бесенятами заплясали язычки огня...

Мать, аккуратно расчистив в пожоге место, высыпает грудку картошки, накрывает её ведром, теперь можно не беспокоиться - не подгорит-не сгорит; притихший было огонь вновь облегчённо и весело затрещал. А мать раскладывает на разостланной клеёнке огурцы, помидоры, грибы, хлеб. Отец соорудил из досок скамейку, и мы садимся обедать.

Картошка горяча и необыкновенно вкусна! Хрустим огурцами, под рукой краснущие помидоры, свежего копчения рыба и солёные грибы в стеклянной литровой банке...

И тут мать как-то непонятно встряхнула головой и резко обернулась: открыв отводок, к нам торопливо шла почтальонша тётя Вера с разбухшей брезентовой сумкой.

- Господи-господи-господи... - заклинанием забормотала мать, возвышаясь над нами. - Уж не с ребятами ли чего-о-о-о?..

У отца, снизу уставившегося на лицо её, немо повело рот. Я молчал.

- Вера, матушка, - протянула руку мать, - чего это? Чего ты идешь-то?..

Тётя Вера остановилась, оглядела нас - и вдруг всё поняла, заголосила:

- Да что ты, Ольга, что ты-ы-ы! - замахала руками. - Чего тебе в ум-то взбрело-о-о?.. Да ведь вам письмо от ребят-то, письмо-о-о!.. Что ты, что ты! Это я уж по-соседски: дай, думаю, занесу, обрадую! А вы-то, матушки мои, воно что!.. - тётя Вера нервно достала приготовленный конверт, торопливо протянула... Мать обеими руками сжала письмо в комок и через мгновение, словно очнувшись, бережно расправила. Прочитала - и засмеялась, заплакала:

- Скоро, милые, домой обещаются, ой-ой-ой, да и медалями-то, пишут, обоих-то наградили, слава тебе, господи-и-и... живы-здоровы!.. - Неловко села на лавку, склонила голову набок, вглядываясь в строки письма. - Гляди чего... Пишут: поди-ко, картошку уже убираете; до чего, мол, мама, картошки-то охота, сил нет, так бы до отвала и наелись... - Мать только теперь посмотрела на нас с отцом, протянула письмо. - Да ты садись, девка, - пригласила тётю Веру. - Заодно и перехватишь с нами, а то всё на ногах да на ногах...

- И то верно, - почтальонша не стала дожидаться дополнительного приглашения и взяла картофелину, перекатывая её из руки в руку. - Ты погляди-ко: ведь обоих медалями начальство наградило, надо ж такое!.. - подивилась она братьям. - Вот чего наши-то ребята делают!

Мы с отцом молча прочли письмо, затем закурили...

- Ольга, - чуть осевшим голосом окликнул отец. - Помнишь-нет Олёшу-то Шольского?

- Но, - не сразу откликнулась мать, подсовывая тётю Вере банку с грибами. - А чего?

- А он картошки всю жизнь не едывал, - усмехнулся отец: - «Не еда это, - говорил, - а одно... недоразумение».

- Недоразумение... - сощурилась мать. - Да мы - сколько себя помним - живём на картошке. Стар и млад на ней выросли. Без картошки - стойно без рук: хоть стой, хоть падай. И силушки не прибудет, онемееет. Да тут и говорить-то об этом - только воду в ступе толочь!.. А Олёша-то, грех худым словом покойника вспоминать, сам с гулькин нос и прожил-то. А всё отчего - картошки не едал!.. Вот что я скажу.

- Ну, ты уж тут загнула, - с сомнением возразил отец. - У него, сказывают, рак был...

- Да только и кот-то у него не чище был, - вспомнив что-то, встрепенулась и тётя Вера, - помидоры всё у соседей таскал. Надо же такому удумать: кот - и помидоры ворует! Правда, после хозяина-то тоже куда-то сгинул, как в камский мох провалился: ни слуху, ни духу...

- Ага, ну ладно, - поднялся со скамейки отец, видя, что почтальонша закончила есть. - Докопаем - да и добро, хоть душа на спокойе.

Тетя Вера, поблагодарив, ушла доразнашивать почту, а мы занялись своими делами.

Как-то враз потемнело всё кругом, и тотчас разгонисто, без промедления, подул во весь опор резкими порывами холодный хлёсткий ветер...

- Ой, да и работы-то с боровок осталось, - с сожалением глянув в темнеющее небо, проронила мать и, как заклинание, заторила, обращаясь к крепнувшему сиверку: - Вй-ихорь, вй-ихорь, жена твоя не онуча: не надо ветру, не надо ветру!..

Но все же где-то на небесах не удержалось и прорвалось, и закрапал, усиливаясь и усиливаясь, дождь. Копать вскоре стало невозможно, но у нас уже всё было закончено, успели.

Картошка выкопана. Матери на сегодня осталось ещё подоить Мурашку да накормить животину, и сейчас мы с отцом будем носить пойло во двор, а потом всем скопом поставим самовар и обязательно просидим за чаем до полуночи, будем вслух читать и перечитывать письмо от братьев-«боевиков» и ещё о многом таком проговорим, чего наболело на сердце... Нам всегда есть о чём поговорить.

Мы подходим к нашему дому и моем сапоги в корыте со светлой дождевой водой. Затем у порога дружно вытираем ноги, и мать, прежде чем войти в дом, поворачивается к нам и, весело потрянув головой, - куда только и усталость делась! - неожиданно задорно поёт:

*Эх, картошечка, картошечка,
Какая тебе честь!
Если б не было картошечки,
Чего бы стали есть?*

- Молодец, мать, - крутнул головой отец, - тогда пироги станем печь - с начинкой! - И добавил, засмеявшись: - Из картошки!

ПОМЯНИ МОЁ СЛОВО

И хотя с пустого огорода вдруг сорвался осенний ледяной ветер, он не спешил заходить. Стоял в какой-то рваной фуфайке и, подняв голову, вглядывался в чёрное окно избы. Потом медленно, на ощупь, вошёл в дом и с трудом потянул тяжёлую, обитую войлоком дверь: в коридор, опавнув хлебным теплом, вырвался избный дух.

Но из лунного полусвета передней комнаты никто не показался навстречу, и он, стоя у порога, позвал несмело, тихо, с неуловимой растерянностью:

- Мама.

Ему пришлось ещё раз окликнуть, потому что простоволосая, в годах, женщина, неслышно появившись, смотрела больше неузнаваемо, чем испуганно, прислонясь к дверному косяку.

- Мама, - с тоской, хрипло повторил он. - Это я. Помнишь?

- Бог с тобой, - придя в себя, наконец отозвалась хозяйка, слабо махнув рукой. - Не знаю, чего тебе надо. Вон возьми хлеба, да если хочешь, картошки дам.

- Я не хочу есть, - ответил он уже спокойно и без обиды, понимая, что его принимают за обыкновенного попрошайку. - Мама, это правда я. Неужто не узнала? Я же обещал вернуться - и вернулся. Помнишь, как я всё время говорил: «Помяни моё слово»? От тебя и научился.

Женщина снова долго молчала, затем, когда он, не дождавшись ответа, повернулся к двери, спросила неуверенно, как будто что-то припоминая:

- Может, самовар тогда поставить?

Но он уже вышел и, не разбирая дороги, заспешил через огород прочь из этой деревни прямо на бетонку, словно человек, потерявший самое дорогое и ещё толком не знающий, где это могло произойти.

Женщина, оставшись в одиночестве, наклонилась к окну, затем, оглядываясь вокруг себя, пододвинулась к застеклённой фотокарточке на стене и, вздохнув точно после непосильной работы, скрестила руки:

- Или совсем из ума выживаю, или взаправду моему парню даже там тошно без матки. Видно, пора собираться.

А он, скоро отшагав в другую сторону километра три, подошёл к лишённому уличного освещения посёлку, угадываемому лишь по обманчивым лунным очертаниям домов, и приблизился к одной из барачных щитовых построек, где в глухой болотной поселковости не осталось даже гавкунов - четвероногих домашних питомцев.

В это время на крыльце домика, хлопая широкими голенищами сапог, появилась молодая женщина, светловолосая, с капризными припухлыми губами, и, кутаясь в наспех накинутую пальтушку, заторопилась под навес к дровянику. Не доходя до места, она остановилась, тревожно оглядываясь по сторонам и не различая в темени того, кто был рядом и старался оберегать её даже от собственного дыхания.

- И ты не узнала, - с той же затаённой тоской печально прошептал он. - Никто меня сегодня не признаёт. Наверно, потому что темно. Даже сам сначала заблудился. В чужой дом попал да ещё другого человека за мать принял. А почему теперь стало везде темно?

- Да который уж год, как по вечерам не дают света. С кого и спросить, не знаем. Как слепые бродим, дальше своего носа не видим, - так, словно она говорила сама с собой, и с каждым мгновением поражаясь этому происшествию, ёжась, неуверенно ответила молодая женщина.

- Ты не беспокойся, - снова осторожно, одними губами заговорил он, робко отводя свой взгляд. - Я ведь, правда, не обижаюсь, что не дождалась меня. А что вышла за него, так это и хорошо: он ведь ещё со школы не спускал с тебя глаз. Понимаешь, сейчас всем трудно, вот он и выпивает иногда. Ты уж не держи на него зла. Главное, он мужик заботливый, не даст тебе с дочкой пропасть. Вот помяни моё слово. Ты только потерпи ещё немного.

- Господи, да что такое творится, - заголосила женщина, отступая к крыльцу, и, запнувшись, едва не растянулась. - До чего со своим дураком долаешься - заговариваться начнёшь. Вершись всё головой с этой и жизнью-то!.. - И она, запамятовав, для чего была на улице, скоро захлопнула за собой дверь - сначала железно скрежетнул крючок, а следом брякнул и засов. Немного погодя, быстро-быстро, и в самой квартире потух свет.

Постояв с поникшей головой, он провёл руками по лицу, зябко запахнул свою неказистую бушлатную поддегушку и, ниже надвинув шапку на глаза, выбрался из этого посёлка.

Некоторое время он растерянно топтался на развилке двух дорог, после чутко насторожился, видно, услышав, наконец, одному ему ведомое, и без раздумья, чуть не вприпрыжку припустил к лесу, откуда глухой студёной стеной уже вовсю

наносило предзимней стужей. Но он, ничего не замечая, торопился всё скорее и скорее, пока налетевшие порывы вселенского ветра, казалось, внезапно не подхватили его и, завертев в своём гибельном вихре, скрыли из вида.

Одному лишь небу ведомо, как преодолелись два десятка километров за время, равное человеческому вздоху, только в деревню на горушке он подоспел к сроку, стоя у нужного дома уже из последних сил.

Чуток отдышавшись, он было шагнул к крыльцу, как, поскользнувшись, ничком ткнулся в стылую грязь, а только успел подняться, откуда-то из-под горушки и появилась машина, шаря перед собою яркими фарами. И тотчас на миг выявилась на нём, вся в рваных дырах, будто от выстрелов, какая-то зелёная бушлатная фуфайка и шапка с вмятиной от кокарды и с оторванным ухом.

Неожиданно освещённый с головы до ног, он лишь изумлённо, по-детски приоткрыл в испуге рот и тут же, как вспышка, исчез - скрылся в своём ослепительном свете, ровно никого здесь и не бывало, только отчётливо проявилась светлая дорожка к самому крыльцу.

Машина, остановясь и газуя, выпустила из крытого кузова женщину с сумкой на боку, как у почтальона, и сразу заурчала во тьме, а женщина прошла по светлой тропинке и забарабанила в дверь. Не достучавшись, она торкнулась в коридор, а после привычно вошла и в саму избу.

- Хозяюшка, ты где? - задорно крикнула она. - Дома? Ставь давай самовар на стол! Принимай гостей!

Но никто не откликнулся на её голос. Тогда она заглянула в переднюю комнату и, нащарив включатель, зажгла свет. На старой кровати с железными шариками лежала поверх одеяла женщина. В какой-то застывшей, казалось, тишине ещё медленнее тикали настенные часы, висящие над хозяйкой дома.

- Ты чего это, девка? - удивилась почтальонка. - Зову, зову. Язык, что ли, отнялся? Да у тебя, гляжу, и в избе-то вроде всё выдуло?

Только женщина продолжала молча лежать без движения, хотя по её лицу было ясно, что она всё понимает, что говорится.

- Да что с тобой стряслось-то, тётка Вера? - уже всерьёз стала пугаться почтальонка. - Всё ли хоть ладно-то? Ты чего всё молчишь да молчишь? Не заболела случаем?

Но видя, что хозяйка дома продолжает только неподвижно смотреть перед собой, она засуетилась - забегала по комнате в поисках хоть каких-то лекарств, принесла с кухни воды и хотела напоить лежащую женщину, но всё было напрасно - та продолжала оставаться пластом. А вода лишь пролилась на выказавшийся нательный крестик, и это окончательно довело почтальонку.

- Ведь утром ещё всё слава Богу было, - запричитала она, опускаясь на стул. - Господи, и машина-то с рабочими ушла, знатье бы, дак за врачом успели обернуться...

И, покачиваясь на стуле, она прижала к лицу руки, причитая и охая.

- Я-то, дура, торопилась, думаю, вот обрадую-то!..

Тут она оборвала саму себя, огляделась кругом:

- Ой, тётка Вера, да я тебе главного не сказала, - схватив свою дерматиновую сумку с почтой, она перевернула её вверх дном и, вытряхнув газеты, выхватила полоску серой бумаги. - Тебе ведь телеграмма! Из самой Москвы послали!

По лицу лежащей пошли судороги, и она дёрнулась, как будто под током, после на её щеках появились пятна, а сама она стала постепенно, прямо на глазах, наливаясь живительным светом.

Скоро женщина, пытаясь открыть рот, прерывисто задышала, поводя глазами из стороны в сторону.

- Счас, счас, - бестолково суетилась почтальонка, разворачивая листок и читая, как человек, недавно обученный грамоте, - по слогам, громко и неуверенно: «Ваш сын нашёлся тчк настоящее время находится излечении городе Москва тчк представлен правительственной награде тчк Колточник».

- Дождалась, - точь-в-точь эхом донеслось от приподнявшейся на подушке женщины. - Пришел... Господи.

Она говорила словно в забытьи, с перерывами, тяжело дыша и глядя в одну точку перед собой.

- А ведь смертушка моя рядом была... Легла вздремнуть - и не повернуться - руки-ноги отнялись, хотела кого крикнуть, а всё онемело. Чую уж, как и сердце-то еле-еле стучает... - Тётка Вера передохнула, прислонясь к спинке кровати. - И тут вижу, как въяви летит навстречу мой парень, откуда-то издалёка, во рваной фуфайке, стойно арестант какой, и вот чего-то мне кричит, всё зовёт. Слова-то уж больно знакомые, а понять не могу... - Она снова передохнула, хватая воздух открытым ртом. - Только после этой весточки и отлегло немного. А следом ты прибежала в дом. Вот помяни моё слово, скоро и сам, рожающее сердце, ступит на родное-то крылечко.

Тётка Вера заплакала было, но сразу остановилась.

- Ой, матушка ты моя, а взаправду выдуло в избе: давай-ко хоть затопим столбянку. Да и самовар надо вздуть, у самой во рту маковой росинки не было. Поди-ко, надо снова жить, коли такое дело.

И она с трудом сползла на пол, после, держась за стенки, останавливаясь едва не на каждом шагу, направилась на кухню. Тем временем почтальонка живо растопила печку-столбянку и захлопнула чугунную заслонку.

Вскоре обе женщины сидели за столом и неторопливо, с блюдечек, пили чай. За спиной у них гудело и трещало в печке, а на окошке возле старинного резного комода шевелились цветные ситцевые занавески.

Сама почтальонка перестала то и дело незаметно посматривать на тётку Веру, и они в который раз уже за вечер дружно изучали телеграмму, обсуждая каждое слово, перебивая друг друга.

А хозяйка, вовсе ожившая после чая, налила по очередной чашке и опять, не утерпев, взялась за бумагу.

- К примеру, сейчас начальник, - она, не отрываясь, зачем-то стала на свет рассматривать дорогой листик бумаги, и её пальцы беспричинно завздрагивали, - написано Колточник который: он только военными верховодит, или уж над всеми дадена власть?

- Тут, матушка моя, слушай, всё по полочкам разложу... - бойко, как будто дожидаясь именно этого вопроса, наладилась объяснять товарка и для пушей убедительности даже прихлопнула по столу, но, как на грех, сглотнула горячего чая и, обжегшись, в сердцах махнула рукой: - А понеси водяной всех и начальников: я ведь не Свят-Дух и наших-то ребят с ними не крестила.

Обе женщины расхохотались и одновременно, не сговариваясь, скинули на плечи шерстяные платки: в избе к этому времени заметно потеплело.

ЕРПЫЛЬ

Памяти бабушки Катю

Он пришёл сюда калёным зимним полднем под большое вьюжное завывание. Кругом было бесприютно-стыло и мёрзло, пусто отсвечивали дорожные наледи под промороженным огрызком небесного светила, красновато вжато к самой земле низким и глухим небом.

А всеохватные снежные космы, в свою очередь, как на привязи, серебристо-прозрачными извивами плавали под крышами задубелых деревенских домов, поддерживаемые трубно гудящим заунывным ветровеем.

И где-то головокружительно высоко, из космической мрачной теми, словно в какое-то наказание, изредка вбрасывало к нам сюда немерянными гулками ударами, кем-то вгонявшим в самое нутро земной тверди всё, находящееся под суровой небесной опекой.

Но, перекрывая этот вселенский разгул, совсем уже неведомо из какой и где уживаемой бездны нет-нет и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримого малютки, вековечно и одиноко страдающего по обычному, никогда неизбывному участию, нашему теплу.

И вот посреди такого неистовства, поперёк сердёкки этой жизни, он долго вглядывался то в одну, то в другую беспросветную сторону, стараясь угадать - определить нахождение того самого фонарного столба с самодельным алюминиевым абажуром, всегда брякотавшим, с утра и до вечера задиристо настукивающим от любого неказистого ветерка.

И на новенькую сосновую верхотуру которого он ещё с мальчишеским бесстрашием единственный из всех и взбирался тогда на проволочных ненадёжных креплениях, вообразив себя монтажником-высотником. И откуда, осветив насовсем, однажды ему открылся вдруг во всей красе, казалось, весь мир, - недосыгаемо-небесный и одновременно ублажаемый, с нескончаемым лучистым днём.

Но, кажется, что его нынче окружило, не с той стороны вывело куда надо: рядом с его детской абажурной памятью всегда бок о бок - надёжно и защищаемо, как впаянный, стоял ещё вросший в землю родовой бабкин дом, с места не строишь. А теперь вместо этого перед глазами, залепляемыми снегом, лишь несдвигаемой юлой крутило что-то белесо-неосызаемое, стремительное, как будто нарочно не давая хода туда, куда его так неукротимо тянуло.

Только он вскоре хоть неуверенно, но опознал своё безлюдное местопребывание и, пригибаясь, двинулся насквозь продуваемой улицей, краем павловского огорода с его горбатым, алебастрово отполированным сугробом, и держась малозаметной заячьей тропы, в сторону самого Пятницкого озера.

А оттуда, из-под голы горюшки, безнаказанной ракетной стеной взмывали в вышину свистяще-снеговые густые потоки, либо уже замерзавшие на лету, а может, и на раз поглощаемые кем-то невидимо-яроственным, заполонившим всё на этом лобном деревенском юру, точно на последнем жизненном круге.

Неужели вправду было, что когда-то одним летним вечером ему довелось идти отсюда, с ночного костра, в ту пору ещё скликавшего со всей округи позубоскалить на пару-другую часов устосавшуюся, за день до одури наработавшуюся молодяжку, - знаемо ли теперь кому-нибудь это время?..

Тогда ещё в густом соловьином воздухе тусклые искры пожара светлячками перемигивались у озера, а в береговых сырых кустах без устали кричала какая-

то ночная птица - может, потерявшись, либо вовсе накликающая кому-то неминуемую беду?.. Но близ его широкого плеча на провожаемой тропинке была та самая приезжая ферапонтовская гостья в голубенькой кофточке, рядом с которой он, известный всей округе своей зимогористой непоседливостью, сразу стал настолько другим, что не только не осмелился на неё взглянуть, но даже не в силах был связать двух самых обычных слов...

А она, отчего-то зябко кутаясь в свою душистую кофточку, всю дорогу как-то виновато молчала, думая о своём, ровно никого не было рядом. Но потом тихонько, точь-в-точь говоря себе самой, то ли напела, то ли просто нашептала еле угадываемое слухом: «А ты всё спрашиваешь меня: люблю ли тебя?..»

Неизвестно, к кому относились уже тем навсегда незабываемым вечером пронесённые наподобие молитвы слова: то была их первая и последняя встреча. Наутро она неожиданно исчезла обратно в свои городские края, даже ни с кем не попрощавшись. И до сих дней необъяснимо, какая тайна заставила тогда раз и навсегда умчаться отсюда эту совсем странную, говорившую саму с собой городскую гостью?..

Но зато его самого, в поисках лучшей доли жившего в северном промороженно-шахтёрском месте, с тех пор ещё настырней и безудержней манило сюда - в слабой надежде хотя бы однажды встретиться взглядом с той, не приснившейся ему молчаливой спутницей на соловьиной тропинке их далёкой и невозвратной юности.

С годами это чувство стало глуше и реже напоминать об удивительной жизни в бабкином доме, заменившем родительский, и какого ещё нигде не бывало и больше никогда не будет. Хотя сам он уже давно, немало времени не переступал его порог, незаметно выросши из вчерашнего зелёного юнца в разворотистого представителя сегодняшнего дня с натуралистским, почти немигающим взглядом. И, не дотянув с целый десяток лет до христового возраста, умудрился с головой окунуться в иные, одному ему известные радости, отвернувшие его принудительно надолго даже от мысли о спасительной дороге к самому светлomu на свете уголку.

Только одно он всегда знал твёрдо: если допустить, что, случись в этой жизни невозможное и небеса сами собой разверзнутся, следом ещё земля уйдёт из-под ног, а всё окружающее и вовсе валом провалится в преисподнюю, - кто высшую волю переволит?.. Но и тогда - успеет ли он чудотворным образом оказаться в здешнем краю, - в любое время дня и ночи на дощатом кухонном столе его обязательно будут ждать прикрытые газетой воздушные умопомрачительные тобочки - пышные ноздреватые пироги, в добавку с горячим душистым чаем, настоящим на лесных травах его вечно родной и улыбчивой, всё понимающей бабкой...

А крытая простым тесом бабкина изба на самом деле через какие-то сотни шагов словно бы его дожидалась, внезапно возникнув у самой дороги, хоть рукой дотрагивайся. Вплотную, едва не по самые окна занесённая подсинённо-обледенелым крошевом, стояла она, только и выказав на всегдашнюю особу высокую крутое крыльцо с покосившимися сосновыми перилами.

Гологоловый, укывшийся от неистовавшей круговерти под капюшонистым воротником новомодно-красной куртки, он поначалу даже не поверил глазам, неожиданно обнаружив, что её входные двери были как бы показательно, внахлест перекрыты парой длинных берёзовых палок, а на медной дверной ручке висеть висел - основательно пристроился - амбарный чёрный замок.

Из нутра линиях и стылых оконных рам, фигурно облепленных мёрзлыми неживыми узорами, веяло леденящей пустотой, а сами они чудились привнесён-

ными из какой-то одинокой и страшной, уже непоправимой сказки, отныне чудовищно обратившейся в непредсказуемую жуткую действительность. И только теперь всё увиденное сошлось - окончательно стало в нём той самой правдой, от какой никому и никогда не удастся и в землю уйти, и на небо взлезть, никуда больше не деться.

Между тем столетняя стынъ, вытягивая живую душу на волю, настолько недвижимо сковала его самого, будто уже единично определяя те последние уготованные минуты, что означены любому и каждому лишь по особой разрядке свыше. В это время, едва не задев, мимо него ещё непопускаемо пронеслось подобием шаровой молнии нечто снежно-непонятное, адски ухнувшее внутри вьюжного, спрессованно-злого клубка, и скрылось в конце Яшкиной улицы.

А разве когда-то не от того самого заулка дядиного дома с резным забором было выбегано бесщётно раз этой тропкой на купанье к знойному берегу для тогдашней ребятни ещё самого синего на свете их Пятницкого озера?.. И видел ли в другом разе кто-нибудь из его ровни это самое место нынешним, безнадежно заснеженным, от края до края сравнявшимся с мутным невидимым горизонтом, с неизменной беспощадностью и завершающим во время оное всякие земные пути?

И тогда откуда не шутя, а взаболь взялось на ум, что наглухо закрещённые входные бабкины двери являются отныне определением последней человеческой дороги на этом свете? А если перед ней, и без того вечно страдавшей глазами, скажем, однажды просто взяли и распахнулись двери дядькиного дома с этим узорным забором, - ведь без веры любая жизнь мертва.

Сколько помнится, всю дорогу её, несговорчивую, и так постоянно зазывали к своим да нашим перебраться, чем у себя в одиночку маяться: всего-то было через две избы в этом ряду перейти. А по-другому не могло бы стать: даже ему, бабкиному гостю, разве тоже не были, как родному, всегда рады?..

Кажется, ничего с той поры не изменилось в этом доме: так же в щелевато продуваемом коридоре поблескивающе мерцали на настенной полке стеклянные банки и резко отдавало слежалостью от старой конской упряжи, приткнувшейся возле рукодельного громоздкого шкафа. И, торопливо шагнув коридорным затхлым входом, он, безотчётно запнувшись, затем без стука отворил тяжёлую филенчатую дверину.

А хозяйева всё равно что не отходили от своего порога: стояли друг подле друга в полутёмной прихожей и, молча глядя на вошедшего, спокойно ждали, когда тот заговорит, - какое-то слово скажет. Но первой не выдержала хозяйка: тётка уже хорошенько состарилась и, перевитая в поясище полушалком, была неповоротливо низка, подслеповато щурясь широким добрым лицом в изведённых глубоких морщинах.

- Ой, ты, батюшко рожоньй, - угадываемо повглядевшись, нараспев завыводила она, покачивая головой. - Да откуда Господь-то тебя в наши края сподобил, ведь кругом белого света не видать!..

- Вышло так: по пути было, - простуженно-хриплым голосом неопределённо отозвался гость, неотрывно глядя перед собой. - Надо, чтоб сразу сюда и обратно было, - невразумительно повторил он, продолжая напряжённо-выжидательно, не моргая, смотреть на дверной проём в большую избную комнату.

Но сам хозяин - дядька - оказался ещё скор на ногу, всюю уже шуродил: без лишних слов вызволил из русской печки утрешнее варево, а на кухонном столе рядом с горкой хлеба в цветастой тарелке появился и внушительно-гранёный ста-

кан с пакетным свежесваренным чаем. Сквозь оконную застиранную занавеску блёкло пробивало уличным светом, по-домашнему отражаясь на электрически-блескучем самоварчике с дутыми боками и уютно выказывая гнутый стул с жёлтой полированной спинкой.

- Соловья баснями не кормят, - по сохранившейся крикливой привычке ещё с работы на скотном дворе, ершисто громко вразумил дядька на кухонном кутке подоспевшую хозяйку. И в том же голосистом духе без всякого передыха уже досталось самому гостю, отчего-то оставшемуся на месте: - Прошу к нашему шалашу: в ногах правды нет!

Но он сразу осёкся, недоумённо повернувшись к хозяйке, только что руками по привычке не развёл. Хоть все глаза прогляди, но с перворазку не признавался на свету в этом смуглом бровастом парне в рубашке с оторванной пуговицей тот, знаемый с детских лет их сегодняшней гость, впригибку шагнувший на крохотную кухню с подкапывающим в углу умывальником.

Вдобавок ещё у него на руке между указательным и средним пальцем было изображено - нашлось место пяти заметно выколотым фиолетовым точкам, угадываемо означающим пребывание в местах не столь отдалённых: кому-то у нас нынче по-другому думается? А от виска к щеке у него ломано скользнул - оказался и свежий шрам, невольно подталкивающий любого к безрадостной уважительности при виде коротковолосого обладателя этой буйной головушки на крепко развёрнутых плечах.

- Было дело, - понимающе усмехнулся он, перехватив невольный взгляд домашних, а потом с неосторожной размашистостью оказался на гнущем, угрожающе скрипнувшем стуле и для чего-то ещё отдельно выговорил: - Было дело под Полтавой. - После уже медленно, неторопливо обглядев тесное кухонное пространство, он даже с каким-то негромким удивлением немногословно заключил: - Надо же, правда, как тогда всё осталось. - И, словно удостоверившись в правоте сказанного, вновь осмотрелся кругом, но уже наскоро, с цепким запоминанием.

И вдруг его взгляд, казалось, остекленел, сделался совсем безжизненно-отрешённым. Среди старых выцветших карточек, давно прикреплённых по всей стене, с самого края была заботливо вставлена ещё одна: из простенькой деревянной рамки, светло улыбаясь из какой-то другой солнечной жизни, на него, в пёстрой летней кофте, смотрела во все глаза его навеки молодая бабка в своём любимом, ловко повязанном ситцевом платке.

Но он всё одно ещё, не веря, обернулся - скинулся сгоряча в сторону жилой комнаты: там, рядом с хозяйской половиной, помнится, всегда соседствовал домашний закуток, ожидаемо представлявшийся местом заслуженного бабкиного отдыха, лучшего бы не придумать. А хозяйка, лишь вздохнув, поправила на столе клеёнку с выставшей едой, понимающе покивала:

- Который год, батюшко, на иткольском кладбище лежит: наш век невелик, бабьи города не строятся. - И, помолчав, тихо досказала: - В Крещение, горемычная, и преставилась у нас здесь: хоть не намучилась, и то слава Богу...

- Хотя бы дома тогда оглядеться, - после этого выдал из себя заметно побледневший гость и, не притронувшись к угощению, лишь наскоро сделал несколько чайных глотков, всё ещё ищуще оглядываясь по сторонам. Вслед за тем, выпрямившись во весь рост, он размашисто шагнул опять в прихожую и уже оттуда в наспех накинутой капюшонистой куртке решённо-просительно договорил: - Мне бы там всё увидеть надо.

- А от тех ворот давно поворот, - скороговористо отмахнулся молчавший до селе дядька, едва поспевая следом. - Больше ноге нашей там не бывать: давно всё продано да другим отдано, - говорливо сверлил он своего безмолвного слушателя ещё зорко глядящими глазами-буравчиками из-под лохмато-треугольных стоячих бровей.

Но его обычная разгонистость была прервана тёткой, успевшей позади беззвучно, одними губами отчитать того за лишнюю языкастость, пока она следом семенила за вовсе сменившимся с лица и лишь кивком головы простившимся гостем.

А напоследок ещё входная дверь, настезь распахнутая от неудержимо-ветрового выхлеста, пружинисто захлопнулась с обратной припечаткой, оставив её, простоволосую, на выюжном крыльце в одной домашней безрукавке. И тогда, захлёбываясь от сносящей с ног непогоды, боясь, что не доскажется самое нужное, она захваталась из последних сил за рукав ухнувшего, ступившего в снеговину путника:

- Не небо ли с землёй смешалось, Господи, - задыхалась тётка, не успевая как надо выговорить. - Батюшко, ведь ждала она тебя, слышишь, - качала она головой с путающимися на гудящем ветре седыми длинными волосами. - До последнего дня, рожонный мой, одного тебя звала...

Только её слова, летуче подхваченные вовсю разошедшимся уличным бесчинством, думалось, окончательно поглотили и остальное кругом, а заодно походя смахнули позёмкой и остатние следы недавнего гостя, будто растворившегося за пилёными зубцами их огорода.

А для него, закалившегося в знаменитом шахтёрском посёлке с названием, что у металла серебристо-белого цвета, не тускневшего на воздухе, разве могло ещё быть какое-то препятствие на пути к самому дорогому и невозвратному, чуждому им в последнее время, как во сне, так и наяву.

И ему, вскоре безоглядно оказавшемуся за деревней на дороге в сторону последнего бабкиного упокоения, где только ангелы ходят рядом с невидимыми людьми, не могло уже быть важным, почему это ветер, небось, почище самого демона и бьёт сегодня в лицо, а вчера он дул в спину.

Кровь из носа, хоть по воздуху, да нужно было преодолеть это невзъёмное ныне расстояние от того самого озера, где звенело неколь его детское эхо и до останков иткольской кладбищенской часовни, прямо к неприметному родимому бугорку, где ночь и звёзды, птицы и травы, насекомые и деревья, - это всё соседи и друзья, постоянные спутники и собеседники, и где уже никому не следует искать понимания.

Но где у вечного молитвенного креста можно просто броситься в ноги, в искренней надежде услышать готовной душой чьё-то тихое прощение, милосердно дарующее дивно-благодатный покой, пусть даже на один сердечный стук, хоть ненадолго.

Неизвестно, как случилось дальше с его неприкаянной душой, но уже после никто не видал его в этих краях: может, человеку вовсе обрыдло - не захотелось боле показываться во враз ставшем для него навсегда постылым месте. Только одному лишь его ангелу-хранителю было ведомо, что загнанный в пятый угол ерпиль - так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру - потому и сунулся сюда, что больше уже нигде и никогда его так не любили на всём свете.

6 июня 2015 - 15 июля 2023 - 18 декабря 2024

ОБОРОНА ТАЛАНИХИ

Памяти В. И. Белова

В небольшой деревушке, в стороне от главной дороги, летнее утро: солнечно, свободно, безветренно. В просторной светлой избе, что с краю деревни, сидела за кухонным столом старая Катерина Глебовская и вприхлёбку пила чай из блюдечка. И вскоре увидела через раскрытое окошко, как её загородой, которую она окашивала с утра, быстро, будто восвояси, пробрался чужой толстый мужик.

Почуввав неладное, Катерина выглянула на волю, а тот уже и с глаз долой пропал. Старуха с оханьем поднялась, чтобы из передней поглядеть, куда это молодец посвистал. А он уже тут как тут - в дверь, не торкнувшись, без спроса вошёл. Стоит, только что притолоку головой не подпирает: набылчился, борода лопатой, у самого носа два круглых бойких глаза, в майке и трусах до колен цветных, ноги, будто тумбы, все волосатые, вдобавок ещё в тапках кожаных без носок.

- Чего тебе, милоч? - немного оробев, спросила Катерина. Согнутая, в линялом ситцевом платье, она была этому гостю еле не по пояс. - Воды надо или избой обознался?

- Да мы, бабка, реставраторы, - неожиданно тонким голосом ответил парень, а сам по стенкам нет-нет и зыркнет, даже в большую комнату хотел без хозяйки двинуться, но на дороге была Катерина и не думала отступить.

- Реставраторы мы, - снова повторил он. - Иконы ходим реставрируем, лучше делаем, - незванный гость только не выпевал. - А то и купить можем. Денег-то надо, бабушка?

- А кому они не нужны, - смиренно ответила Катерина. - Да только продавать-то у нас нечего. А если воды не надо, так иди, батюшко, куда шёл: мне сено грести пора. Иди с Богом.

- Ну, смотри. - Парень шумно вздохнул и отправился восвояси: в коридоре, слышно было, приложился головой о дверной верхник и крепко выругался, после скоренько слетел вниз.

А Катерина не на шутку встревожилась. Она вспомнила, как в прошлом году, зимой, тоже шастали в этих краях какие-то гости. Пошныряли они по деревне, а потом в избе у Миши Дёмушки пропали иконы, а ещё не стало медного самовара вместе с домоткаными половиками. Самих-то хозяев давно уже не было на белом свете, только летом из города детки сюда наезжали.

А теперь опять какие-то чужие с утра пораньше ходят-шерстят, - говорят, делают так, что иконы станут лучше, чем были, где это видано?

Катерина, ойкая, не пошла огребать сено, как задумала, а напрямик, на всякий случай затворив дверь палкой, наладилась навестить Анюту Мишкину.

Солнышко на улице жарило во всю ивановскую, в воздухе, не утихая, палило зноем, а толстая бархатная пыль жёлтым покрывалом лежала на земле, и парярых куриц, вспархивая, пыталась в неё зарыться и отдохнуть, но у них не хватало пороха.

Катерина проворно надвинула на глаза платок и заросшей тропкой выбежала из своего заулка, вгустую затянутого иван-чаем, а по дороге встретила товарку, которая с коромыслом и вёдрами направлялась к колодцу за водой. Она пересказала Анюте Мишкиной всё, что знала, а в горячке и от себя лично кое-что скороговоркой добавила.

Анюта, ещё бедовая и сухожильная, но робкая отроду, захваталась за голову уже на серёдке рассказа, собираясь обратно, но скоро вернулась, качая головой.

А из-за дома, где этим летом жил городской Витька-офицер, появилась ещё одна деревенская старуха, Лидия Аропланиха, ходкая, скорая на ногу. Следом катил велосипед десятилетний, в конопушках, внучонок Сашка, гостивший у бабки все каникулы.

Оказалось, что и у Лидии Аропланихи были непрошенные гости, так же уговаривали показать иконы. С толстым круглоглазым парнем был, тоже в трусах и майке, ещё один здоровый мужик. Это полушёпотом поведала Лидия своим подружкам, то и дело оглядываясь по сторонам.

- А я ихнюю машину видел, - вдруг выпалил десятилетний Сашка. - Она у скотного двора стояла.

Старухи вперегонки кинулись к парню за разъяснениями. Но толку особого не вышло: тот лишь добавил, что видел собственными глазами, как эта «тойота» уехала обратно.

- Вот что, бабы, - сказала тогда Лидия Аропланиха, - как ведь, дьяволы, уехали, так и вернуться. Это они узнавали всё. Про нас-то. Есть ли что в домах. Да кто живёт. Мало им, бесам, зимусь всё у людей повытаскивали, теперь и при ясном дне уже папоротки распускают. Не к добру это, ой, не к добру.

- Ну-ко, Сашка, - она дёрнула внука за ухо. - Садись вон на лисапед свой да едь до центральной-то усадьбы и этим милициям там позвони. Всё обскажи. Гляди, не забудь чего у меня.

- Ладно, - буркнул внук. Он проворно забрался на велосипед и понёсся с горюшки на большую дорогу. Задание парню явно понравилось, и он даже ненароком едва не задел валявшийся с давних пор возле обочины указатель с названием деревни.

Выворачивая на дорогу, Сашка несколько раз вильнул рулём, затем, отдуваясь и переваливаясь на раме, с усердием закрутил педалями в сторону центральной усадьбы.

А старухи всем гамбузом направились в избу к Катерине Глебовской. Лидия Аропланиха ещё по дороге забежала к единственному деревенскому мужику Ване-Лейте, прозванному так с холостяцких лет. Было, допётся - шевелиться нет сил, а всё равно ещё охота, вот и кричит: «Лейте, лейте!»

Прозвище так и осталось, хотя Ваня давно уже Иван Иванович, и ныне, не обращая особого внимания на возраст, каждый сезон поддежуривал в соседней деревне на ферме, а в остальное время помогал своим старухам по хозяйству.

Вскоре все сидели у Катерины на кухне, чаёвничали. В центре стола был сам Ваня, высокий синеглазый старик с лысой головой. Он выглядел недовольным, привыкнув в жару часик-другой вздремнуть, но он же и надоумил, как надо делать дело.

- Оне, верно, опять придут. Не сегодня, дак завтра. Не сойти с этого места, - откашлявшись, заявил Ваня. - Вот что, бабы, а надо кучей всем держаться, скопом. Пять домов в деревне, а раз в месяц друг с дружкой поздоровкаемся. А на эту милицию жданки малы. Да вон бы ещё Витьку-офицера на подмогу-то кликнуть. Он парень провористый.

Старухи, переглянувшись, громко, вслух стали вспоминать Витьку-офицера. Выяснилось, что тот впервые появился в деревне с год назад, но до сих пор о нём ничего толком не знают. Из дома почти не выходил. Старухи считают: пьёт много, вот и на улицу не показывается.

Та же Лидия Аропланиха быстренько скомкала в руках прежде баской - в цветках, а с некоторых пор штопаный-перештопаный, выдавший виды передник:

- Пораз, бабы, видела в огороде, не от ума худой: волосы экие беленькие, одна кожа да кости на мужике, а вся животина стойно бороной проехана, куда и с добром.

Для деревенских жителей яснее ясного, что вернулся Витька-офицер с недавней войны. Зачем ещё тогда человеку всё время ходить в военных штанах и высоких зашнурованных ботинках, даже в жару? Правда, грех обижаться, со всеми мужик обязательно поздоровается, но к разговорам не пристаёт. Оттого его немного и опасаются. Но сейчас, может, без него и не обойтись. Поэтому от имени схода Катерина Глебовская и наказала Ване-Лейте:

- Иди, Ваня, ты как-никак тоже мужик, поладите. Позови самого-то сюда, лишняя подмога не помешает.

Старик без слов встал из-за кухонного стола и ушёл выполнять поручение, а старухи, оставшись в одиночестве, опять поставили самовар.

На кухне было тихо и прохладно, в самой избе свободно гудели вечерние мухи, по-хозяйски летая из комнаты в комнату, а в переднем углу в паутинной мохнатой сетке уныло торчало старопрежнее радио, умолкшее само по себе уже Бог знает сколько времени.

Все к этой поре мало-мальски пришли в себя. Во-первых, прибывший внук Лидии Аропланихи Сашка доложил, что начальство он оповестил, и там, как поосвободятся, обещали выслать наряд для проверки.

У парнишки, радёшенького от выполненного поручения, рот до ушей и трещит, как сорока. Потом убрался кататься на велосипеде, наскоро пережевывая выданный своей бабкой магазинный пряник.

Обнадёжил и вернувшийся Ваня, скупо сообщив, что Витька-офицер согласился заглянуть на огонёк.

- Будет, бабы, мужик, - уважительно кивнул он лысой головой, - этот не обманет.

Потихоньку всё кругом успокаивается. В воздухе заметно посвежело, и пахло вечерней росой, в деревенском озерке то и дело слышались заманчивые всплески играющей рыбы, а сразу за домами, возле близкого леска, розовело и меркло небо, медленно угасая; откуда-то со стороны центральной усадьбы изредка доносились, как если бьют по наковальне, ржавые монотонные звуки.

Тем временем деревенские жители уже справились с задуманным как следует. Сначала они долго спорили, где положить вилы, тяпки и грабли, чтобы в нужное время всё оказалось под рукой, после будет поздно.

А Ваня-Лейте, выворотив из огорода, возвратился с большим осиновым колом. Единогласно было решено, что в избе весь инвентарь оставлять нельзя, ежели дойдёт до дела, поэтому приготовленное уложили прямо возле крыльца Катеринино дома.

Все понимали, что сегодня у них, не дай Бог, и до беды недолго, да только дальше своего дома деться некуда: теперь уже будет, как будет. А ждать незваных гостей и можно именно с этой стороны: всё видно, ровно на ладошке. И мимо не проскочат, если на самом деле кому-то в ум взбрёт ехать сюда.

Старухи дули уже не первый самовар, немного успокоенные, потому что у крыльца на низкой лавке, заросшей пыльным подорожником, сидели и курили городской Витька с дедком Ваней.

Витька-офицер, крепкий, белобрысый, с хрящеватыми прозрачными ушами, сначала зашёл в избу и, как деревенский, запросто поздоровался со всеми, а потом мужики ушли смолить.

Со старухами остался лишь внук Лидии Сашка и от безделья играл с кошкой: дразнил её, поддергивая верёвочку с привязанным на конце цветным фантиком, но кошка не поддавалась на обман, а только лениво жмурилась, хитровато поглядывая на горожанина.

Сашке надоело баловаться в избе, и он выбежал на волю, но скоро заскочил обратно, крикнув, что в деревню едет машина.

Все старухи будто разом обмерли. Смирная Анюта Мишкина, как от тычка, даже с хлопаньем еле не ткнулась в блюдечко с горячим чаем, захваталась за клеёнку на столешнице.

- Едут, едут, - неизвестно чему ликуя, подпрыгивал Сашка. - Машина, что и утром была. Вон она, вон она!

У Лидии Аропланихи хватило ещё соображения глянуть из окна - не ушли ли куда мужики по надобности?

Но Витька-офицер уже встал и неторопливо, стойно спросонья, потягивался, а Ваня, приставив ладошку к глазам, вглядывался на приближающуюся в лёгкой вечерней пыли машину.

В просторной кухне хозяйской избы, справа от русской печки, в углу крепко держится старинная икона Спасителя. Она тут с незапамятных времён, несчитанное количество десятилетий передаётся по наследству от дедов и прадедов. На своей памяти Катерина Глебовская сюда и на дух близко никого не подпускала. Говорит, не для безделья её здесь держат, не игрушка, чтобы глаза всем мозолить, ещё смолodu строга была хозяйка.

- Господи, благослови! - торопливо перекрестившись на золотящуюся в кухонном углу тёмную икону, Катерина оглянулась на товарок, и старухи, одна за другой, тихонько потянулись на выход.

Они осторожно спустились с высокого крылечка и сели на лавку у дома: чему не хотелось верить - случилось и происходило ровно в забытии или тяжёлом сне. Бабы смирно сидели, сложив на передниках раздавленные работой руки и глядя перед собой.

Машина, тёмно-синяя, сверкающая, плавно покачиваясь, что лодка на волнах, остановилась напротив Катеринино дома, бесшумно распахнулась тонированная дверца, и оттуда на землю твёрдо ступила крупная волосастая нога в кожаной тапке.

Вылез и сам парень, утрешний, с узко поставленными бойкими глазами, борода лопатой.

- Ещё раз, - весело крикнул бородатый, - всем привет на сто лет!

- Доброго здоровьица, - по-хорошему откликнулся дедко Иван. Он по-прежнему из-под ладони наблюдал за происходящим, не двигаясь с места.

Следом за первой дверцей открылись и остальные. На улице оказалось четыре человека, все молодые мордатые мужики, одетые под стать бородатому весельчаку.

И тут из кабины неожиданно появился ещё один человек. Он был не таковский, как остальные гости: в белоснежном дорогом костюме, рубашке с блестящим галстуком и в узеньких очках, за которыми не видно глаз, а широкие скулы, недобро выделяясь, охватывала злая, в завитушках, щетина недельной непробритости.

- Что, бабы, - по-прежнему весело бодрился бородатый парень, - как с иконами-то? Мы ведь помочь хотим.

На деревенских мужиков он глянул равнодушно, как на пустое место: это ещё что за сбоку припёка?

- Зря отказываетесь, - не отставая, напирал бородач и хитро подмигивал. - У вас икон много, солить их, что ли? А мы денег дадим ещё больше. Хоть завались!

Старухи на скамейке переглянулись между собой. Но тут Лидиин Сашка подбежал было к машине, и Аропланиха, заводив длинным белым носом, зашипела рассерженной гусыней и погрозила парню кривым согнутым пальцем. Мол, смотри у меня, не балуйся без разрешения.

Бородач, восприняв эти действия как угрозу, изменился с лица:

- Бабки, - пожимал он бугристым кулаком, - Реставратор шутить не любит! - и глазами на этого, в очках, опасно показав, а после запустил свою лапу в бороду: мошкара, вися столбом, липла и не давала покоя. И поскрёб всего ничего под шерстатым горлом, а борода возьми да отпади - липовая оказалась!

- Господи, - едва не в голос всполошились старухи. - Отведи, боженька!

- А ведь нарушат нас, - поднимаясь, вдруг заголосила обо всём догадавшаяся Лидия Аропланиха. - В нашей-то деревне. За тем и приехали!

Но сейчас только двое здесь знали - лишь два человека по-настоящему понимали, чем может всё закончиться, если один другого не опередит: Витька-офицер и чёрный молчун в очках, на которого показывал бывший бородач.

С самого начала они исподволь, незаметно приглядывались друг к другу и, в какой-то момент, встретившись взглядами, всё поняли, что надо было понять. Ясней некуда, что пути у таких людей обычно пересекаются там, где многое решается вовсе не при помощи мирных переговоров.

Молчаливый уже сунул руку во внутренний карман белоснежного пиджака, но Витька, опередив, ткнул пальцем куда-то за его плечо и крикнул:

- Этот с тобой?

Молчаливый главарь в злой, завитушками, щетине маленько повёл головой, но Витьке-офицеру и этого хватило за глаза и уши. Вдруг выбросив перед собой руки и подтянув ногу, он в тот же миг неувовимо её выпрямил: неведомая сила хрястнула молчаливого о машину, даже очки слетели на землю.

Старухи на лавке голосили, будто бы на них клином сошёл свет, сбились в кучу. А в это время Ваня-Лейте, до которого, наконец, дошло, что дело пахнет керосином, без раздумий хватил приготовленный кол и, размахнувшись им, молчком направился к стоящим у машины мужикам.

Похоже, незваные гости немного растерялись. Видно, происходящее никак пока не укладывалось в буйные головушки приезжих, наверное, немало повидавших в свои ещё молодые годы.

Они еле-еле успели примостить поверженного молчуна на ноги, и того мотало из стороны в сторону, поэтому он одной рукой держался за скользкий машинный бок и тряс головой, приходя в себя.

И тут вдруг с лавки, поднявшись в полный рост, стали надвигаться на них вооружённые граблями, тяпками и вилами простоволосые деревенские старухи. Они уже очнулись и шли без слов, спокойно, решительно, готовые, если, не дай Бог доведётся, стоять и насмерть, до конца.

Приезжие, неуверенно подхохатывая, запереглядывались, толкая друг друга в бок локтями. Они и правда не знали, что теперь делать, ведь не отбивать же почки у этих деревенских развалюх, у которых и без того песок сыплется.

Липовый бородач первый, кашлянув, отодвинулся. За это время никто не произнёс ни слова - ни с той, ни с другой стороны.

- А-а-а! - внезапно закричала Катерина Глебовская и бросилась с вилами на перевес прямо в медленно отходящую кучу чужих гостей: те и сами не заметили, как начали слегка тесниться.

А старуха тыкала и тыкала вилами перед собой, глядя широко открытыми, ничего не выражающими глазами и, не переставая, кричала, как будто уже предсмертно, как это делают лишь женщины в нестерпимую, жуткую минуту.

Тут приедем действительно стало не по себе. Один из них скрипнул зубами и, стуча кулаком о кулак, со свистом сплюнул в сторону.

А недавний бородач, устрашающе топнув ногой, словно из пистолета, в упор прицелился в людей знатным указательным пальцем:

- Стоять, - зарылся он во всю глотку, закатывая круглые глаза, - иначе всех здесь и завалим! - Видно, на испуг хотел напоследок взять взбунтовавшихся не-впопад стариков, но не тут-то было.

Не на шутку разгоряченный, с трясущимися руками, Ваня-Лейте больше времени даром не терял. Не раздумывая, он со всего размаха шмякнул колом, как его душеньке угодно, но получилось мимо. Кол плашмя попал в землю, а сам Ваня, не удержавшись, сунулся следом. Но сразу оказался на ногах и, пригнувшись, как в бою, бросился вперед.

Кажется, парни уже и взаправду ничего не понимали. Просто им в голову не приходило, что именно сейчас делать. Поэтому, развернувшись, боком, они медленно потянулись к леску; сначала как бы ускоренным шагом, играючи и нехотя, но ничем не объяснимый страх, бодро настраивая на здравые размышления, подгонял кодлу, направляя к близкому спасительному леску.

Впереди держался молчаливый «реставратор» в белоснежном костюме, нынче изрядно запачканном после принудительного падения на пустой деревенской улице. Он на ходу опять попытался что-то выдернуть из внутреннего кармана, но Витька-офицер, бежавший с края легко и пружинисто, не подкачал и здесь, не из той породы.

Подпрыгнув, он стремительно достал ногой хребтину «реставратора», и тот, кувырнувшись, вновь оказался на своих двоих и припустил так, что даже обогнал личный состав подчинённых.

- А-а-а! - неотступно выла Катерина Глебовская, стремящаяся вперед с вилами наизготовку. Не отставали от неё и Лидия с Анютой. Рядом, припадая на ногу, верным оруженосцем продвигался дедко Ваня, а кол он теперь держал совсем как винтовку, наперевес, из рук не выпустит.

«Реставраторы» толпой, как бы в шутку, добежали до опушки леса, а дальше, негромко матерясь, скрылись от греха подальше в самой чащобе, попав в непроходимый бурелом, над которым грозной тучей вяло колыхались полчища гнуса, в мгновение ока поглотившие беглецов.

Догоняющие остановились. Оказалось, что кроме Витьки-офицера, все подчистую выбились из сил. Анюта Мишкина, которой вовсе было невпродых, только махала рукой, выговаривая: «Ой, Господи-батюшко, ой, спаси-сохрани!..»

А дед Иван, опершись на свой кол, безразлично, с полураскрытыми глазами поглядывал в сторону леска, тяжело дыша, - не прежние годы.

Рядом Лидия Аропланиха отваживалась с Катериной Глебовской: что-то ей шептала, заодно потихоньку вытаскивая вилы, которые подружка продолжала держать намертво.

Только Витька-офицер, притопнув каблуком, деловито расчистил землю своим литым военным ботинком, а после отошёл туда, где подшиб главаря, как раз возле пруда, вгладкую покрытого пленчатой зелёной тиной.

Словно ничего и не произошло, он спокойно попинывал кочки, внимательно исследуя место вокруг сражения. Затем, наклонившись, поднял что-то сталисто блеснувшее и с лёгким прищуром повертел в руках, после, не раздумывая, бросил находку в пруд, лишь сбутькало.

А ополченцы, сопровождаемые Ваней, охая и причитая, возвращались обратно к себе домой.

- Пойдём, Витя-батюшко, хоть чаю поставим, - слабым голосом позвала по дороге Катерина Глебовская, и у всех поднялся дух: слава Богу, наконец-то баба заговорила, как все добрые люди.

Возле машины приежжих столбиком стоял конопатый Лидиин Сашка и, отворив рот, изумлённо смотрел на деревенских жителей. Казалось, он на время лишился дара речи при виде того, что произошло на его глазах.

И Витька-офицер unbedingt и легонько возьми да подщёлкни Сашке под подбородком - как это у него ладно вышло?

Дедко Ваня снова сложил весь сельхозинвентарь возле крыльца, и все поднялись в избу. А пока шли, по дороге решили, что ночью на всякий случай не надо спать, в любое время сюда могли вернуться из леса любители старины.

- Наше дело такое, - степенно молвил Ваня-Лейте, - не привыкать, отдежурим. На том свете вдосталь налёжмся.

Ночь, белея ромашками, стояла тихая и тёплая: затянутый дымкой, бледно-голубой свет бережно окутывал деревню, и она точно парила, недосыгаемая, в воздухе, а тишина была такая, что слышно, как всплескивает вода в самой низине деревни в маленьком, блюдечком, озерке, которое можно за несколько минут свободно переплыть туда и обратно.

Все деревенские снова расположились на просторной хозяйской кухне. Катерина Глебовская, включив свет, достала из кухонного, засиженного мухами шкапа зелёную бутылку и молодцевато, экое диво, со стуком водворила посреди стола:

- Ну-ко, Ваня, распечатывай давай: за тобой в этом деле ровни не водилось!

Но тот всех удивил, отказавшись от дармовой водки: «Не, бабы, сёдни не в то горло полезет». Да и верно, не стал прикладываться.

А Витька-офицер даже чаю не захотел: чтобы за дорогой пригляд был, к окошку в переднюю комнату собрался. Тут Лидия-то Аропланиха, до чего у бабы язык долгий, возьми и скажи Катерине:

- Откуда у тебя и взялось, девка: гли-ко, ведь чуть городских гуляк совсем не нарушила. Мы и то перепугались.

Катерина Глебовская помолчала, а потом и говорит тихонько:

- А я, бабы, и верно думала, что Якова-то своего спасу, успею.

- Ково? - прихлопнула себе ладошкой лицо Анюта Мишкина. - Господь с тобой, матушка, ведь твой-то хозяин ещё в курском огне сгорел, что ты!

- А вот верьте-нет, бабы, - Катерина, низко повязав, поправила ситцевый, в красную горошину платок, потом виновато улыбнулась всем своим маленьким коричневым личиком. - Будто сама война и приглянула въяви, и мой Яков, покойная головушка, там один-одиношенёк, а его какие-то незнакомые, все страшные такие, окружают да окружают. Ведь из памяти меня вышибло, в глазах отемнело, уж не держите обиды-то, сама не рада...

У подружек и отлегло на душе. Лишь Лидия Аропланиха, не удержавшись, подтвердила со вздохом:

- А война, что как не война идёт: горит всё кругом синим огошком, это Господь за грехи наши горемычные наказывает.

Витька-офицер, опустив голову, скоро вышел в переднюю комнату и сел к окну. Никому не ведомо, какие он думы думал этой бессонной летней ночью под заоконный стрекот кузнечиков и тихий шёпот зелёной травы.

Только под его острым кадыком порой сухо щёлкало, да какая-то нетерпимая, идущая изнутри немочь сводила иногда шею, и она мелко, напряжённо и долго подергивалась, туманя глаза и увводя от слуха затихающие разговоры стариков, дружно укладывающихся на ночёвку прямо на большой Катеринойной кухне. Ещё его выводила из себя капающая из самоварного крана вода, вбивая в голову раскалённый невидимый гвоздь...

Наверное, и домучили Витьку-офицера эти калёные боли. Он подзабылся то ли долгим, то ли коротким сном, но очнулся вдруг: где-то за околицей ворчливо буркнула машина. Витька лихорадочно потряс головой и, морщась, глянул на свои наручные со светящимся циферблатом: лечь - не встать, ведь утро! А за окошко-то, наклонившись, сунулся: нет машины городской, как приснилась.

Он мгновенно, по-кошачьи, вспрыгнул на ноги и на цыпочках вынесся из избы, мельком глянув на кухню: там вповалку приткнулись под образами на лавках те, кто ещё накануне едва не лишился последних годков жизни, и спавшие теперь без задних ног, а десятилетний Сашка посвистывал носом на русской печке, подложив под голову кулачок.

Витька-офицер, пригнувшись, неслышно обежал вокруг избы и, выскочив на середину улицы, с ходу всё понял: безрадостные ценители древности, верно, дождавшись, когда в деревне заснут, и явно покусанные до необходимых вздуостей полчищами гнуса, уже не мечтали о какой-то мести.

Они просто спасали - кáтом спровадили свою машину вниз с горюшки, а дальше, до дороги, видать, из благоразумных соображений дотолкали её руками, после чего их след и простыл. А что это тогда уркало с той стороны, куда они уехали, - может, всё-таки вернуться решили? У этих отморозков ума хватит, народ известный: без царя в голове, всего видали-перевидали.

И Витька, энергично растирая ладонку о ладонку, привычно стал разогревать руки. Он решил встретить это уркающее подалее от деревни, по дороге к центральной усадьбе, и всё будет как надо.

Но Витька-офицер не добежал какого-то десятка метров до брошенного указателя с названием деревни, чтобы здесь, как полагается, и встретить приезжих, как опять уркнуло, не ослышишься. Может, гром гонит? А что: дальше уже дышать нечем, столько времени с неба палит напропалую.

Но нет, со стороны центральной усадьбы, навстречу ему, коробчато подпрыгивая, бойко бежала, выражаясь по-современному, полицейская машина, поднимая утрешнюю светлую пыль.

Витька-офицер медленно поднял руку. Он стоял посреди дороги, широко расставив ноги в высоких шнурованных ботинках, - крепкий, уверенный, безоглядно надёжный.

- Э, мужик! - высунулась из окна тормознувшей машины рыжеволосая голова водителя. - Дело пытаешь али от дела лытаешь?

Витька не стал объясняться с красноречивым водителем, даже не глянул в его

сторону. Поговорил он, да и то вполголоса, с вышедшим на волю капитаном, в чём-то неуловимо напоминающим самого Витьку. Такой же спокойный, крепко сбитый, немногословный.

Тот слушал, покачивая головой, раз даже неверяще хмыкнул, но после они перекурили и за ручку попрощались; полицейская машина, развернувшись, лихо укатила в обратном направлении.

Оставшись один, Витька раздумчиво постукал носком ботинка по сухой, в мелких камнях земле - напротив, едва не на обочине, вверх тормашками валялся указатель с названием места.

Деревенский заступник, расправив плечи, с удовольствием, до хруста потянулся и, зевая, скорее по привычке, наскоро поставил этот указатель с надписью «ТАЛАНИХА. 0,5 км», - приткнул с краю дороги на прежнее место. Даже для того же порядка он обтёр ещё своей широченной ладонью от старой ссохшейся грязи и само название - слово, как известно, издревле всегда означающее счастье, удачу.

А ведь год уже здесь Витька-офицер бывает, но как будто впервые название это услышал, из головы начисто вылетело. Честно говоря, когда жильё покупал, мало и интересовало, не спрашивал. Брал по знакомству, со слов, верный приятель так и сказал напоследок:

- Первая деревня от дороги, - и, подняв указательный палец, ещё схохотнул от души: - И живи, как у Христа за пазухой!..

А между тем сейчас здесь было и на самом деле начало такого, в птичьем посвисте, утра, когда человеку невольно кажется - кто бы ещё это видел, - что именно от этих маленьких деревянных домиков с крохотными баньками в густой зелёной траве да синего озера-блюдечка, овеванных теперь волшебным небесно-золотым светом, и начиналась когда-то сама земная жизнь.

КОНКУРС ·

При белом свете вологодской прозы

70-летию Александра Цыганова был посвящен областной творческий конкурс «При белом свете», который провела в первом квартале текущего года Вологодская областная универсальная научная библиотека.

В нем могли участвовать все желающие не младше 10 лет. Номинации: «Сочинение по произведению писателя», «Сочинение о родине «Улица моего детства», «Книжная иллюстрация».

«Писателем, одаренным духовным видением» назвала А. А. Цыганова доктор филологических наук Людмила Яцкевич, а Василий Белов считал книги Цыганова «талантливыми» и «достойными любого внимания» (В. И. Белов, «На взлете»). Ряд рассказов Александра Цыганова включен в программу факультативного курса школ Вологодской области.

Победители получили дипломы и призы. Работы призеров конкурса «При белом свете» опубликованы на обложке номера нашего журнала.

Итальянец в Вологде

Помните фильм «Приключения итальянцев в России»? Его герои были в нашей стране гостями не столько нежеланными, сколько неуместными: ни они наших людей не понимали, ни наши люди - их... Глядя на мучения итальянцев в самом прозападном городе нашей страны, вряд ли можно было себе представить, что кто-нибудь из европейцев смог бы прижиться в одном из самых, наверное, патриархальных городов России... Оказывается, ничего подобного! Уже долгое время живет и работает в Вологде итальянский шеф-повар и кулинар, и вполне счастлив здесь. Секрет в самом главном в жизни любого человека - в вере. Антонио Рицци - не только специалист высокого класса, он прежде всего - христианин. И определяет его важнейшие жизненные шаги именно христианская совесть, а не финансовое или общественное положение. Об этом говорят публикуемые нашим журналом материалы.

КАТОЛИК СТАЛ ПРАВОСЛАВНЫМ

В конце января нынешнего года митрополит Вологодский и Кирилловский Савва совершил чин присоединения к Русской Православной Церкви католика Антонио Мария Бруно Рицци - итальянца, проживающего в России с 2000 года. Чин был совершен после Божественной литургии в Воскресенском кафедральном соборе Вологды.

«Что же побудило человека, родом из жаркой Италии, стать неотъемлемой частью Русского Севера и православия? - написал владыка Савва в своих соцсетях. - Конечно же, зов сердца и Божий Промысел. Дело в том, что Антонио, который теперь наш брат во Христе, живет в России с 2000 года. И за это время он постепенно проникся и русской культурой, и русскими традициями, а особенно - красотой наших богослужений и степенной тишиной величественных храмов святой Руси. Да и могло ли быть иначе, когда Святая Фиваида Северная так богата примерами благочестивых подвижников?

Решение было принято Антонио совершенно серьезно и осознанно. И я, не только как архиерей Русской Православной Церкви, но и как друг, со всей ис-

Митрополит Савва совершает чин присоединения к Русской Православной Церкви Антонио Рицци

кренностью, всем сердцем рад за него и от всей души поздравляю с этим замечательным событием в его жизни!»

Публикуем беседу Антонио Рицци с журналистом Петром Давыдовым. Известный кулинар рассказал о своей жизни, об отношении к нашему краю и к христианству. Беседа состоялась еще до присоединения к Русской Церкви, но из разговора становится понятным: этот важный шаг Антонио был подготовлен всей жизнью итальянского шеф-повара.

ГЛАВНЫЙ РЕЦЕПТ АНТОНИО

Антонио Рицци, один из ведущих шеф-поваров России, больше 20 лет живет на Русском Севере - в Вологде. Антонио не только не тоскует по теплой погоде Ломбардии, откуда он родом, но уверен: тепло на душе может быть и на Северном полюсе. И главное в этом - душа.

- Да, когда-то я был ресторатором, но потом прекратил этот проект. Сейчас я занимаюсь другим, а именно: стараюсь имеющийся у меня опыт направить на то самое импортозамещение, о котором так много говорят и которое так необходимо России сегодня. В 2014 году, когда страна впервые в новейшей истории столкнулась с необходимостью обрести независимость от поставок продуктов из стран, ранее называвших себя «партнерами», я понял, что есть дело важнее открытия ресторанов. Многие говорили, что это невозможно, что Россия не сможет жить без новых «ножков Буша», но мой опыт доказал обратное: здесь вполне возможно, несмотря на все трудности, производить собственную продукцию. Можно и нужно!

Например, колбасы: мы создали свою линию колбасного производства. Затем решили вопрос с сырами, консервами. А сейчас занимаемся разработкой кондитерской линии. Заметьте, это не какой-то мега-проект: все работает только и исклю-

чительно на территории небольшой Вологды и области.

- Что же нужно, по вашему мнению, для решения такой сложной задачи?

- Решимость, я думаю. Решимость и радость от работы. Скоро уже будет полвека, как я работаю в этой сфере, и ни разу за все время я не пожалел о сделанном выборе. Причем моя профессия не передалась мне по наследству: отец у меня был финансистом, директором банка в Милане. Но я решил пойти по другому пути. Пока получается. Школа, иезуитский колледж, а потом я сказал отцу, что не вижу себя в банковской сфере. До сих пор благодарен родителям, Царствие им Небесное, за то уважение, с которым они отнеслись к моему выбору, предоставив мне свободу в выборе профессии. И через много лет я оказался в России - сначала в Москве, а потом перебрался в Вологду.

«Кулинарная студия Антонио Рицци» в Вологде была открыта во время пандемии. Сюда приходят посетители, мои клиенты, и мы проводим обучение - вместе готовим самые разные блюда, изучаем рецепты, беседуем, смеемся, обсуждаем всевозможные проблемы. Сначала было мало гостей, потом заработало «сарафанное радио», люди узнали и стали приходить чаще и больше. Но я не хочу, чтобы «Кулинарная студия» стала неким коммерческим проектом: не хочу больше гоняться за рекламой, за количеством посетителей, за деньгами во что бы то ни стало - а это неизбежно наступит, если проект станет коммерческим. Понимаете, мне важно, чтобы у меня была радость, а не только деньги. Деньги-то - дело наживное, а вот как ты радость наживешь? И я не хочу, чтобы у меня были «клиенты» - хочу, чтобы были гости. В день я принимаю только одну компанию гостей, человек восемь, но им я посвящаю весь день полностью, и они действительно чувствуют себя как дома. Не нужен мне конвейер из кли-

ентов - мне нужны радостные гости! Мне кажется, это касается не только кулинарной сферы, но и вообще любого труда. Есть ценности важнее денег. Если, не дай Бог, ты поставил богатство на первое место в твоей жизни, мне тебя жаль: ты опустошаешь свою душу.

- В кулинарии важен вкус. Что такое настоящий вкус, Антонио?

- Вкус к жизни, к радости, к умению благодарить. Вот, встаешь ты утром: за окном - зима, воздух свежий, небо синее. Разве не повод для радости? Мне уже надоели вопросы, не скучаю ли я по теплоте и мягкому климату Италии: нет, не скучаю. Просто потому, что радость можно и нужно искать не в перемещении по глобусу, а в собственном сердце. Унылым я могу быть и в Милане, и в Риме, или где-нибудь еще, но радоваться самому, радовать других и благодарить Бога я могу и на Северном полюсе, и в старой доброй Вологде. Кроме того, у меня дети и внучка есть - как, спрашивается, я могу не быть счастливым?

Что такое настоящий вкус? Что это значит: по-настоящему вкусно? Думаете, я буду сравнивать разные национальные кухни и блюда? Нет, не буду. Вот в чем дело: за свою жизнь я, будучи неплохим, как говорят, шеф-поваром, убедился в том, что иногда (впрочем, довольно часто) обычный хлеб с солью оказывается вкуснее и полезнее, чем всевозможные кулинарные изыски с лобстерами, устри-

Антонио Рицци: «Понимаете, мне важно, чтобы у меня была радость, а не деньги. Деньги-то - дело наживное, а вот как ты радость наживешь? И я не хочу, чтобы у меня были «клиенты» - хочу, чтобы были гости».

цами и прочими морскими гадами. Полезнее и, главное, - добрее. Потому что с любовью, с радостью, часто с состраданием.

- Эти качества воспитываются?

- Конечно. Они должны воспитываться. Ребенок, существо, наверное, самое эгоистичное, при правильном воспитании получает те качества, которые и делают его человеком. Со временем он начинает понимать, что невозможно сидеть в дорожном ресторане и «наслаждаться жизнью», когда вокруг столько бедных, голодных людей, это будет ему претить. Он будет чувствовать страдания другого, будет пытаться помочь ему. И дело взрослого - стать таким мудрым педагогом, который приведет маленького человека к такому простому, но вместе с тем и трудному выводу: ты можешь быть счастлив лишь тогда, когда жертвуешь чем-то для ближнего. В принципе, это и есть любовь, наверное: суметь отказать от своих «хотелок», чтобы помочь другому. Поэтому когда мы с младшими ходим, например, по магазинам, я не упускаю случая, положить какую-нибудь сумму в ящик для пожертвований - это не хвастовство, а педагогика: младшие должны видеть добрые дела старших.

Я считаю, что главным наследством, полученным от меня, для детей будут не деньги, а именно вот это стремление радоваться, помогая другим.

Мы живем в странном, а может быть, и в страшном мире: здесь важнее иметь кредит, а не деньги, мнение о тебе, а не твое подлинное лицо. Какой-то призрачный мир, и призраки эти меня ничуть не радуют.

- Это касается западного мира или России тоже?

- России, к сожалению, тоже. Мы все страдаем от, я бы сказал, «ненастоящести». Скажите, где наши старые добрые семейные вечера за одним огромным столом, где родственные или дружеские посиделки, когда звучат шутки, льются слезы, играет настоящая музыка? Не-

ужели вы думаете, что только в Италии люди предпочитают встречаться в ресторане или кафе, а затем возвращаются в свой бункер, приобретенный в ипотеку? То же самое мы видим и в России. Так что моя задача - вернуть нас за старый добрый огромный стол на кухне. А уж какие блюда мы будем готовить, чтобы его накрыть как следует, - вопрос второстепенный: паста карбонара или блинчики с чевапчичи - да какая разница! Главное, чтобы, готовя эти блюда, мы становились ближе. Попробуйте, кстати, приготовить самые простые пельмени у себя на кухне, но только всей семьей - чтобы дети раскатывали тесто, клали в него мясо, опускали в кипящую воду, верещали от радости, когда готовые пельмени всплывают во всем этом кипящем бульоне, - какой, скажите, ресторан заменит это? Я могу дать тысячи рецептов итальянской или любой другой кухни, но без доброго общения друг с другом все это не будет стоить ровным счетом ничего. Вот как живут многие из нас: встал - пошел на работу - выполнил свои обязанности - полчаса посидел в кафе один или друзьями (а может, их и нет - как они появятся при таком образе жизни?) - ушел спать... Это что, жизнь, что ли?! А доброе слово, строгое замечание от бабушки или дедушки, дружеский юмор, ирония - это всё где? Какой-то антимир, если можно так выразиться.

- Получается, вы пытаетесь каким-то образом вернуть русских за старый добрый русский стол.

Митрополит Савва в гостях у Антонио Рицци

- Русских, итальянцев - кого угодно. И не только за русский стол: за любой! Лишь бы люди почувствовали себя людьми, говорили по-людски друг с другом.

- Знаю, что вы ездите на Донбасс, помогаете и нашим воинам, и жителям тех краев. Скажите, почему?

- Повторяю: я не могу устраивать пирушки по ресторанам, если вижу, что другие люди страдают, а моей стране (Россия - моя страна) нужна помощь. Поэтому лучше уж я съезжу на Донбасс, помогу чем смогу, проведу уроки кулинарии для военных поваров, чем буду греть пузо в отпуске где-нибудь на пляже. Всё же просто: можешь - помоги. Это и по-человечески, и по-Божески будет.

- Вы католик?

- Да.

- Но в Вологде нет католической церкви - куда вы ходите?

- В православную. Не вижу проблемы. Мы - христиане же, правда? Давайте относиться друг к другу по-христиански. Вот вам и рецепт, самый, кстати, хороший, от шеф-повара.

Беседовал Петр ДАВЫДОВ

Возрожденный Нижнедольский храм. 2025 год

Чудо в Нижнем Долу

В вологодском храме Рождества Богородицы на Нижнем Долу 9 марта нынешнего года, в Неделю Торжества Православия, настоятель храма протоиерей Александр Лебедев совершил Божественную литургию - первую после закрытия храма воинствующими безбожниками. Церковь стоит рядом с постоянно действующей выставкой деревянного домостроительства «Вологодская слобода», неподалеку - мост имени 800-летия Вологды.

Когда идешь от Красного моста вдоль берега Вологды, храм появляется на виду не сразу - река-то здесь идет не прямо, изгибается. И когда вдруг из-за поворота глазам предстает обновлённая церковь - не верится: многим вологжанам помнится, как выглядел этот храм, - настоящими руинами... Как удалось развалины превратить в прекрасный храм? Чудом, не иначе. Так и есть. Нынешний вид Нижнедольского храма - это чудо, сотворенное с Божией помощью. Бог помогает тем, кто идет Ему навстречу. Разве это - не пример Торжества Православия в нашей жизни?

НАЧАЛО ПУТИ К ЧУДУ

...Храм на берегу реки Вологды много лет находился в удручающем состоянии. После закрытия в 1930 году церковь не раз хотели уничтожить, но решили всё-таки использовать. Как сказали бы сейчас, власти включили мозги: поняли, что в заливаемой половодьем низине строить что-либо нецелесообразно, но и терять крепкую постройку рядом с рекой, которая в те времена еще была вполне себе транспортной артерией, целесообразно еще меньше... Под церковными сводами размести-

ли зеркальное производство, его сменила материально-техническая база управления по транспортному освоению рек, потом ремонтно-механическая мастерская хлебопекарной промышленности...

Каждый хозяин приспособлял здание под свои нужды - ломали, перекраивали, пристраивали... А потом и вообще бросили на произвол судьбы - отдали под охрану государства, которое в 1991 году перестало существовать. Оставшись без призора, храм постепенно и неумолимо разваливался. «Не было ни окон, ни дверей, ни крыши. Было все завалено мусором, человеческими отходами. Хулиганы выбили стекла и устроили в храме пожар, - с горечью вспоминает Роман Сипин, какой была церковь весной 2011 года. - Было устроено три этажа, на каждом - печки, для дымоходов пробивали дыры в стенах. Окна зачем-то частично заложили кирпичом...»

Такой Роман увидел церковь, когда проходил мимо с маленьким сыном. «Папа, смотри, церковь совсем загадили!» - сказал Егорка, и папа решил: надо что-то делать...

Долom наши предки называли низкий берег, затапливаемый при разливе реки. «Нижний» - потому что был еще и Верхний Дол, выше по течению, и на нем тоже стояла церковь Рождества Богородицы. Наличие деревянного храма Рождества Богородицы на Нижнем Долу историки фиксируют в конце XVI - начале XVII века. Позже стараниями прихожан была возведена каменная церковь, её главный престол - во имя Рождества Пресвятой Богородицы - освящен в 1779 году. Были здесь также престолы во имя Святитeля Николая Чудотворца и преподобного Григория Пельшемского, Вологодского чудотворца

Снимок начала XX века

Храм Рождества Богородицы на Нижнем Долу до начала реставрации

В будущем, 2026 году, храм Рождества Пресвятой Богородицы на Нижнем Долу отметит столетие со дня последней архиерейской Божественной литургии. В торжествах по случаю храмового праздника тогда участвовали несколько вологодских священнослужителей, двое из них - епископ Вологодский и Тотемский Александр (Трапицын) и священник Николай Васильевич Замараев - канонизированы Священным Синодом в сонме новомучеников и исповедников Церкви Русской. Нижнедольский приход готовится к этому знаменательному дню

А что тут сделаешь? Наверное, большинство из нас, на ходу пожалев испохабленный храм, махнули бы рукой и пошли по своим делам. Но - у Романа Ивановича руки не для того, чтобы ими в недоумении размахивать. Руки, считает он, надо приложить к хорошему делу... Нашлись единомышленники-соратники. Вначале взялись за то, что бросалось в глаза, - очистили от мусора храм и прилегающую территорию. Там, где был алтарь, Роман повесил лампадку, иконки. Крышу закрыли использованным баннером - чтобы в храм снег не падал. Оказывается, сделать можно многое в самом вроде бы безвыходном положении - если не ждать помощи откуда-то, а приняться за дело самим. Тогда и помощь придет...

В 2014 году указом митрополита Вологодского и Кирилловского Игнатия был образован Нижнедольский приход. Настоятелем владыка определил быть протоиерею Александру Лебедеву. Старостой стал Роман Иванович Сипин.

КАЖДЫЙ ШАГ - С МОЛИТВОЙ

Пришел настоятель Нижнедолского храма не на разоренную площадку: Роман с товарищами сделали немало. Но всё же церковь представляла собой далеко не живописные руины... «В акте технического состояния здания, который был нам вручен при передаче храма приходу, - вспоминает отец Александр, - чаще всего встречались слова «неудовлетворительное» и «аварийное»: состояние стен - аварийное, фундамент - в неудовлетворительном состоянии... И так далее».

Короче, нужно было не столько восстанавливать, сколько строить заново. Делать это отцу Александру было, как говорится, не впервой. Один храм он уже поставил: почти четверть века батюшка духовно окормляет женскую исправительную колонию № 1 в Вологде, где создано довольно странное положение: священник есть, прихожанки тоже, а вот храм - отсутствует. Так что пришлось взяться за строительство. А откуда у вчерашнего семинариста строительный опыт?

Впрочем, храм - это не сарай, не барак. Строительного опыта у отца Александра, может, и не было, но уже накапливался опыт молитвенный. «Без Мене не можете творить ничесоже» (Евангелие от Иоанна, глава 15, стих 5) - разве Спаситель сказал это только Своим ученикам?.. О помощи Христа в создании колонийского храма молились и осужденные женской колонии, и прихожане вологодского Покровского храма на Торгу (там отец Александр служил).

Хозяйственные заботы, между тем, шли своим чередом. Храм решили строить деревянный, материал заказали вологодским лесозаготовителям. А когда бревна были готовы, отец Александр с матушкой Марией, певчей Покровского храма, поехал в Вожегу - совершить молебен с чином освящения первого венца будущего храма. Лес, приготовленный к отправке, лежал в огромном складе, где слова молитвы звучали как-то по-особенному. Привычно давал возгласы батюшка, ему вторило звонкое сопрано певчей. В большом пространстве голоса не терялись, зву-

В таких условиях проходили молебны первых лет возрождения храма. Служит протоиерей Александр Лебедев, крайний справа - Роман Сипин

чали гулко, но всё-таки не так, как в церкви; нет, не чуждо - необычно. Тем не менее уверенно. Шел 2002 год, и в нашей стране в различных местах молитвы звучали всё чаще. Народ понемногу привыкал каждое жизненное явление сопровождать обращением к Богу, и молебен в лесном вожегодском складе был частью нашего общего приближения к Церкви. Как далеко кто на этом пути зашел - другой вопрос, ответ на него у каждого свой: но что дорога к храму стала вдруг для всех открытой - бесспорно.

Возведение храма в колонии на каждом этапе освящалось молитвой - и закладка, и установка куполов... 6 марта 2003 года архиепископ Максимилиан освятил храм в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» - именно в честь этого образа Пречистой был освящен тюремный храм, стоявший до революции рядом с местом, где находится современная церковь. Таков был первый опыт храмостроительства, и, как показало будущее, он пригодился спустя десяток лет.

С НАДЕЖДОЙ, В ТРУДЕ И В РАДОСТИ

В 2014 году вокруг Нижнедольского храма - точнее, вокруг его руин - в праздник Рождества Богородицы прошел первый крестный ход. И умиравший уже было храм стал оживать. С тех пор каждый год облик церкви изменялся к лучшему - возможно, не так быстро, как хотелось бы, но последовательно.

Как прошли годы возрождения, можно рассказывать долго. Вспоминается, что много лет собирались прихожане каждую субботу на молебен - а вокруг них день за днём руины становились Домом Божиим. Не забыть, как молились у святынь Северной Фиваиды за пределами Вологды; особенно памятно всем паломничества в Григорие-Пельшемский монастырь

под Кадниковом. В Нижнедольском храме есть престол во имя Григория Пельшемского, вологодского подвижника XV века; так что молились, можно сказать, небесному покровителю возрождавшегося храма на месте земных подвигов святого Григория.

Дело понемногу шло: искали благотворителей (и находили!), собирали пожертвования вологжан... В 2015 году кирпичный завод подарил приходу 9 тысяч кирпичей. А спустя несколько лет привезли из ярославского города Тутаева колокола, отлитые на пожертвования прихожан. Поднимать ввысь сразу их не стали - колокольня еще не готова; поставили звонницу в храме, и прихожане, большие и маленькие, изо всех сил радостно трезвонили.

А однажды осенью к храму вплотную подошла вода - река показала, на что еще способна... Как такое забудешь!

За это время Роман Сипин получил профессию реставратора и уже несколько лет трудится в Москве, возрождает к жизни столичные храмы. Нижнедольскому приходу Роман Иванович по-прежнему помогает - и трудом, и профессиональной консультацией, и финансами.

Рядом с храмом, поближе к речному берегу, поставили церковный дом. Здесь еженедельно совершали молебны, а рядом с молельней устроили спортзал: заниматься приходили и дети, и взрослые. Нашли место и для библиотеки, и ещё много для чего. Но - пришлось переносить дом на новое место, подальше от берега. Благоустройство прихода это событие не остановило, просто прервало на некоторое время.

Были неожиданные находки: в горах строительного мусора, вывозимых из храма, обнаружилось несколько белокаменных плит, бывших в прежние времена частью церковного пола. Каждую из них сохранили, бережно очистив; а когда стали церковные полы мостить уже современным белым камнем, сбережённые плиты смонтировали вместе

с ним - выложили часть алтаря. Так соединяются прошлое и настоящее...

Не станем вспоминать всё в подробностях; можно рассказать об этих годах коротко, двумя буквально словами: они прошли в труде и радости. Созидались ведь не только стены - созидался приход: за годы совместных трудов и молитв вокруг отца Александра собрались добрые, трудолюбивые, отзывчивые люди, разделившие с батюшкой и старостой труды и молитвы. Скрепила людей надежда - каждый чаял поскорее увидеть возрожденный храм и старался приложить для этого все силы. И даже немного больше.

КРЕСТ - КРАСОТА ЦЕРКОВНАЯ

В общем ряду событий нижнедолской хроники, каждое из которых по-своему значительно, выделяются те, что связаны с установкой крестов и куполов.

Церковь на Нижнем Долу была в общем ряду храмов, закрытых властями в 1930 году. Безбожники тогда прекратили бо-

Установка креста на главном куполе

Пока утверждали крест над храмом, молились все

*Церковь - как мамыны руки:
успокаивает, помогает прийти
в себя, вырваться из плена
суетных забот, переполняющих
каждого из нас, и всей душой
обратиться к думам о самом
главном в жизни...*

гослужения в двадцати двух вологодских храмах. Определить, как использовать внезапно освобожденные здания, должна была специальная комиссия, одной из целей деятельности которой было «изыскание для строительства кирпича путем разборки церквей». По отношению к нижедольской церкви комиссия от этого отказалась, как и от возможности приспособления «для культурно-просветительных целей», а также как общежитие. «Поэтому комиссия считает возможным отнести ее на слом», - говорится в решении о Нижедольской церкви. Голову власти включили, видно, частично. Бог милывал: храм не снесли, но купола и кресты убрали.

Около пяти лет отец настоятель с помощниками готовили храм к тому, чтобы вернуть на должное место «красоту церковную» - так называется крест в одном из богослужебных песнопений. И в самом деле - в церкви люди собираются для разговора с Богом, а ведь это и есть высшая степень красоты.

Вечером 1 июля 2019 года на главном куполе воссиял крест высотой в 3,5 метра. Установлен он на куполе, который возвышается над землей примерно на 22 метра. Увидеть, как его поднимают и устанавливают, собралось немало вологжан: прихожане вологодских храмов (не только Богородского), учащиеся катехизаторского отделения Вологодской семинарии, реставраторы. Как и полагается, настоятель храма совершил молебен с чином поставле-

ния креста на верх кровя. И пока длился подъем, молились все, кто пришел поучаствовать в этом долгожданном событии: пели тропарь Кресту Господню, «Богородице Дево, радуйся!», «Верую»... Торжественное событие в жизни Рождество-Богородицкого храма на Нижнем Долу произошло в год его 240-летия.

А 22 сентября 2024 года воздвигли купола с крестами на храмовой колокольне и над церковными приделами. Отец Александр не только руководил процессом, как положено настоятелю, - он сам и стропы крепил на куполах, которые поднимали с помощью автокрана, и помогал установить купола на крыше. Радостное действие сопровождалось колокольным звоном - таким звучным, что был слышен, наверное, и на другой стороне реки... Всё это напоминало прежние, доатеистические времена, когда, вспоминали старожилы, звон с колоколен прибрежных храмов катился по Вологде-реке едва ли не до устья...

ПЕРВАЯ ЛИТУРГИЯ

13 марта нынешнего года исполнилось 95 лет со времени печального события: в этот день здесь в 1930 году была совершена Божественная литургия - последняя перед закрытием храма. По Божией милости скорбную дату нижедольские прихожане отметили несколькими днями ранее - и не печалованием, а торжеством: 9 марта, в Неделю Торжества Православия, в храме вновь зазвучало:

- Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков!... - Начальный возглас Божественной литургии звучал в этот день по-особенному торжественно и многозначительно.

Служили в теплом храме, в приделе преподобного Григория Пельшемского поставили небольшой иконостас. Холодная часть церкви с главным престолом ждет великого освящения...

Перед Литургией отец Александр совершил благодарственный молебен на отвержение храма, освящение евхаристических сосудов и возложение антиминса.

На первую после почти векового перерыва Литургию собралось около двухсот человек. Почти все знакомы друг другу, так что служба получилась в каком-то смысле семейной - да ведь Церковь Божия и есть большая дружная семья, где все друг друга поддерживают и в беде, и в радости! Среди них - немало прихожан храма Покрова на Торгу, где отец Александр начал свой пастырский путь и служил больше двадцати лет - до последнего времени. Были и люди, начавшие церковную жизнь уже здесь, на Нижнем Долу, - ежесубботние молебны стали для них первыми ступеньками на пути к Богу.

Радость молящихся поддерживал вдохновенным пением хор, регентовала которым матушка Мария Лебедева. Пели увлеченно, молитвенно и очень красиво.

«Верую, Господи, и исповедую...» - впервые за 95 лет звучала в Нижнедолском храме эта молитва святителя Иоанна Златоуста

В этот праздничный день причащались около 70 прихожан

Службы в Рождество-Богородицком храме на Нижнем Долу совершаются в праздничные дни и еженедельно: в субботу - всенощное бдение, в воскресенье - Божественная литургия. Храм открыт ежедневно с 10 до 16 часов. Когда номер готовился к печати, ещё не был определен день великого освящения Нижнедольского храма. Предположительно он будет совершен после Пасхи Христовой

«Причащается раб Божий...»

Церковные службы утомляют и привычных вроде бы взрослых - порой люди на богослужениях переминаются с ноги на ногу... А уж как детям сложно простоять час-полтора на одном месте... Вот и мальчик рядом со мной приустал. Но не убежал на улицу, не пустился расхаживать по храму; прислонился спиной к маме - она рядом стояла, а потом положил себе на плечи мамини руки, погладил их ласково... И замер.

Церковь - как мамини руки: успокаивает, помогает прийти в себя, вырваться из плена суетных забот, переполняющих каждого из нас, и всей душой обратиться к думам о самом главном в жизни...

Праздничная Литургия пролетела почти незаметно. Наверное, потому, что скупающих «захожан» не было, искренне и горячо молились все. Около семидесяти человек причащались в этот день. Первым к Чаше со Святыми Дарами подошел тот самый мальчик лет четырех - пяти. За ним - парнишка постарше, уже без мамы: видно, причащаться для него - дело привычное... Что интересно, отец Александр у большинства причастников-детей имени не спрашивал - выходит, знает их всех.

- Дождались праздничка! - с радостной улыбкой поздравляли друг друга прихожане. Но, если подумать, что значит - «дождались»? Сидели в стороне?.. Таких, кто со стороны посматривал, приговаривая: «Что вы там тянете...», мне кажется, в этот день не было. День первой Литургии в возрожденном храме, как могли, приближали все прихожане: кто трудом, кто пожертвованием - и все, конечно же, молитвой. И приблизили!

Андрей САЛЬНИКОВ

Ладный мир на щедрой земле

Картины Георгия Попова

Иллюстрации
к статье Ирины
Балашовой
(стр. 129)

Деревенский праздник -
Девятая. 1980

Рокузэлл Кент в Гренландии, а я - в Слободе. 2003

• ИСКУССТВО

Пахарь. 1969

День рождения-2 (9 мая 1945 года). Из цикла «Времена года. Май». 2001

Вечерняя благодать. 1985

Сенокос. Цикл «Времена года. Июль». 2001

Щедрая земля. 1976

Сборщик брусники. Портрет Николая Рубцова. 2008

Жизнь на Земле. 2007

Игра в рэндю. 1992

• ИСКУССТВО

Ночь. С лёгким паром! (Из триптиха «Зима»). 1987

Одиночество на Толшме. 1996

Обоз в Солигалич. 2002

Усть-Толшменский перевоз. 2010

Кочки. 2005

Георгий Иванович Попов

Разговор о ладном мире

Юбилейная выставка Георгия Попова

Минувший год был юбилейным для одного из известных вологодских художников - Георгия Ивановича Попова (1939 - 2018): исполнилось 85 лет со дня его рождения.

Все годы своей творческой деятельности он пользовался неизменной любовью любителей живописи, которая не закончилась и с его уходом из жизни. Об этом свидетельствуют выставки. После смерти художника прошло восемь его персональных выставок: по две экспонировались в Вологодской областной картинной галерее (2018, 2024), в Тотемском музейном объединении (2018, 2024), в Тотемской

деревне Слободе, где создан музей художника (2018, 2019); кроме того, - в Даниловской картинной галерее (2018) и в музее Н. М. Рубцова в селе Никольском Тотемского района (2019).

Каждая выставка имела свою направленность, свой состав экспонатов. На юбилейной выставке Георгия Попова были собраны произведения художника из фондов трех музеев нашей области:

Вологодской областной картинной галереи, Вологодского музея-заповедника и музея-квартиры В. И. Белова в Вологде, а также из семьи Георгия Ивановича. Добавлю, что в областной картинной галерее прошло девять персональных выставок художника, начиная с 1973 года

Концепция нового выставочного проекта, посвященного творчеству Г. И. Попова, в новом здании Вологодской областной картинной галереи, заключалась в стремлении раскрыть роль народного творчества, природы Вологодского края, взрастивших этот удивительный, светлый дар. Всем известно, что тематика произведений Георгия Ивановича связана с жизнью северной деревни, которую он, родившийся в селе Красном Тотемского района, знал не понаслышке.

Поэтому произведения художника были окружены предметами народного быта из коллекции областной картинной галереи, которые он так любовно, со знанием дела изображал в своих полотнах.

Экспозиция строилась по тематическим и жанровым блокам: времена года, сельскохозяйственные работы, праздники, рубцовская тема. Были представлены натюрморты, пейзажи, жанровые сцены. В главном большом зале на центральных местах расположились шедевры мастера: «Щедрая земля», «Сентябрь», «Весенние хлопоты» - они определяют общий жизнеутверждающий тон творчества выдающегося художника. Живописным полотнам вторили предметы народного и декоративно-прикладного творчества: монументальные панно и скатерти работы знаменитых мастеров вологодского кружева; словно колонны, сверху вниз протянулись домотканые ковровые дорожки. Справа от центрального зала расположился камерный голубовато-белый зал «Зима», отчего любимая вологжанами картина «Лунная ночь. Ряженные» волшебным мерцанием тысяч снежинок притяги-

вала всех входящих. Разыгранная в многочисленных картинах на разные лады зима в разные периоды и состояния буквально завораживала: «Предзимье» (1985), «Ранний снег» (1981), «Обоз в Солигалич» (2002), «Зимняя радуга» (2011), «Последний снег» (1967).

Отдельный зал отводился натюрмортам и пейзажам Г. И. Попова летней и осенней поры. Разные варианты сцен сенокоса и стогования: «Сенокос в сентябре» (1981), «Сенокос» (1984), «Скирдуют солому» (1984), быта пастухов («Приют пастухов» (1983), «Рябина. Приют пастухов» (1989) - показали, как часто обращался к любимым мотивам народный художник. В центре экспозиции расположилась целая семья глиняных кувшинов - мал мала меньше, крынок, тарелок на полосатых ковровых дорожках, устилавших в прошлом дощатый пол крестьянских изб.

Известно, что Георгий Иванович сочинением стихов занялся раньше, чем увлекся живописью. Поэтому не удивительно, что его необычайно волновали как творчество, так и судьба Николая Рубцова. Попов ходил по местам, любимым Рубцовым, в селе Николе, писал этюды берегов реки Толшмы. Им создано два полотна, на которых изображен поэт. Это позволило сформировать на выставке целый зал с этой темой: «Вечер на реке Толшме» (1978), «Дорога Николая Рубцова» (1979), «Река Толшма» (1994), «Река Толшма. Перешеек» (1994), «Река Толшма. Омут над обрывистым берегом» (1996), «Крутая осыпь на Толшме (дорога Рубцова)» (2002), «Сборщик брусники. Портрет Николая Рубцова» (2005).

Отдельный зал посвящен графике Г. И. Попова. Не имея систематического профессионального образования, он, тем не менее, понимал важность точного рисунка, в котором достигал своеобразного совершенства, скрупулезно воспроизводя

Выставка Георгия Попова

с натуры силуэты деревьев, кружево ветвей. В фондах областной картинной галереи хранится 20 рисунков карандашом и фломастером, которые и были показаны. Собранные в одном зале, впервые они зазвучали как особая, негромкая, но задушевная мелодия.

Художник менялся во времени, открывая новые грани действительности: от яркой красочности переходя к полутонам, от натюрмортов и пейзажей двигаясь к сюжетным и крупноформатным решениям. В своих картинах он был чист, элегичен, просветлен, отождествлял себя с любимым литературным персонажем - борющимся за справедливость капитаном Немо из романа Жюль Верна (цикл картин о капитане Немо).

Проследивая творческий путь Г. И. Попова от самых первых опытов до произведений, совершенных по композиционной и колористической структуре, выде-

ля главное, хочется сказать, что он словно проиллюстрировал знаменитую книгу В. И. Белова «Лад». Ведь и для него крестьянский мир был образом идеального бытия, миром без недостатков. Поэтому и выставку назвали «Ладный мир Георгия Попова»

На выставке были представлены выдержки из этой знаменитой книги и стихи Попова. Память художника сохранила только хорошее, только то, что было гениально организовано в деревенском укладе жизни. Поэтому Попова так любили вологодские писатели; многие из них собирали работы художника, украшали картины Георгия Попова и квартиру В. И. Белова. И сколько еще таких домов в России, освещаемых его гармоничными, неповторимыми полотнами?!

Ирина Борисовна БАЛАШОВА,
кандидат искусствоведения

Георгий Попов. Частушки. 1999

Александр Пошехонов

Александр Алексеевич Пошехонов родился 23 января 1956 года в деревне Доронино Череповецкого района. Поэт. Член Союза писателей России. Автор более двадцати книг. Постоянный многолетний автор «Вологодского ЛАДА».

Лиры негромкие струны

БОЖЬЯ ВОЛЯ

*По неписаным законам
Душу я свою ношу,
Поклонюсь земно иконам,
Божьей Воли испрошу.*

*Божья Воля ходит в поле,
Божья Воля манит в лес,
Вот и к жизни Божья Воля
Разжигает интерес.*

*Не замкнулся, слава Богу,
Не кормлюсь с чужой руки,
Деревенскую берлогу
Не упрятал под замки.*

*Если честно поразмыслить -
Божьей Волей жив-здоров:
И силёнки не раскисли,
И далёк от докторов.*

*Если быть ещё честнее -
И во сне, и наяву
Не могу расстаться с Нею -
Божьей Волею живу!*

ВНУКУ

*То всё бегаешь, мой милый, -
Не уймёшь, не уследишь.
То, растратив резво силы,
Пригорюнившись, сидишь.*

*То глазком хитро и ловко
Мне мигаешь, и опять
С развесёлою сноровкой
Начинаешь убежать.*

*Старый малому - порука,
Малый старому - задор.
Поспевает дед за внуком -
Красный, словно помидор.*

*Дорогой мой непоседа,
Золотой мой человек!
Не поймёшь ты, что у деда
Поизбеган свой-то век.*

*Тянешь деда за собою
Вместе с дедовым былъём...
Хорошо, пока нас двое,
Хорошо, когда вдвоём!*

ГРУСТЬ

*Грусти предзимней мелодия тихая льётся,
И по душе растекаются волны покоя.
Только молиться да слушать себя остаётся,
Только страницы заветные гладить рукою.*

*Вот и настали минутки счастливые мира,
Уж суетою не грезят земные дороги.
Вот и поёт моя скромная, старая лира,
Вот и забыты как будто бывшие тревоги.*

*Жизнь на излёте, но это не новость,
конечно.*

*Всё преходяще в таинственных
безднах подлунных.*

*Жизнь на излёте - и всё-таки жизнь
бесконечна,*

Если созвучны ей лиры негромкие струны.

ДВА АНГЕЛА

*Мой ангел небесный,
Мой ангел земной
Мою озаряют дорогу.
Один называется
Мудрой женой,
А первый мне явлен от Бога.*

*Один разговорчив,
А первый - незрим,
Но оба при мне постоянно,
Чтоб я, непослушный
Чудак-пилигрим,
Не сгинул - ни сдуру, ни спяну.*

*Чем яростней время,
Чем горше года,
Тем больше я тих перед ними.
Пока я живу,
Они будут всегда
Святыми глазами моими!*

ДОМИК

*Мой домик келейный не терпит рутины,
С порога сметает любую хулу.
На стенах портреты, на стенах картины,
И лики иконные в красном углу.*

*Стол письменный рдеет в весёлом
простенке,*

*А тёплый палас греет ноги мои.
Любимая кошка сидит на коленке,
И слушаем мы, как поют соловьи.*

*И слушаем мы, как холодное время
То сеет надежду, то горечи жнёт.
И слушаем мы, как родная деревяня
Скрипит, но не знает, куда повернёт.*

*По ветру пылит насыпная дорога,
Машины бегут - то туда, то сюда.
Но мы не горюем, у нас, слава Богу,
Есть хлеб на обед и на ужин - вода!*

ДУМА

Памяти Виктора Лапшина

*В бестолковости нашей угрюмой
Я одной опечалился думой:
Как бы тьма не объяла навек,
Как бы мороком глума и злобы
Не скукожились храмы в труппы,
Как бы вовсе не пал человек*

*Ниц - перед цифрой, перед машиной,
Превращаясь в клубочек мышинный,
Весь готовый для опытов, весь
В красно-синих наколках на теле,
Где бы мглилось лицо еле-еле,
Но отчётливо дыбилась спесь.*

Нам не хочется в этом признаться,
Но идём семимильными, братцы,
Мы туда - в непотребство идей,
Где нет жизни ни благу, ни свету,
Где для радости «песенка спета»,
Где во всём верховодит злодей.

В бестолковости нашей угрюмой
В самый раз опечалиться думой
Всем, кто с разумом дружит пока.
Опечалиться и - вдохновиться,
Чтоб увидеть, как молятся птицы,
Как взмывают они в облака!..

МНЕ УЖ ДУМАЛОСЬ...

Мне уж думалось, скоро грома
Громыхнут, и пойдёт свистопляска...
А в апреле вернулась зима -
Не по времени грустная сказка.

Эта «сказка» не только у нас
Удивила внезапностью многих.
Завалило Алжир и Канзас,
Замело у французов дороги.

Очевидцы соврать не дадут,
Подтвердят даже в пьяном угаре:
Удивлённо верблюды бредут
По засыпанной снегом Сахаре...

Жизнь сдвигается то ли к концу,
То ли к некой большой переплавке...
Только всё же с утра не к лицу
Мне беспомощно ёрзать на лавке.

Не забыла лопату рука -
Разгребу я ночные сугробы
И пойду разгонять облака,
День весенний разведёрлся чтобы.

И опять будет всё как всегда,
Просто чуточку сдвинутся сроки -
Снег растает, и схлынет вода,
И откроются глазу истоки.

ПЕСЕНКА

Памяти
Ольги Фокиной

Не делю на полосы
Жизнь свою, скорбя,
А пою вполголоса,
Больше - про себя.

Где-то и нескладная
Песенка-судьба.
Но для сердца ладная,
Но душе любя.

Погляжу в оконышко
Вдаль, за косогор:
Скоро выйдет солнышко
Из-за синих гор.

Пташечки затренькают -
На крыло легки.
Заскрипят зобёнками
С утра грибники.

Хватят вольной волюшки -
Воздух что квасок,
Прямо через полюшко
Ринутся в лесок.

Лишний час не вылежу,
Следом поспую...
Песенку, коль выдюжу,
После допою!

ПРОСТИ

Памяти
Александра Романова

На горе Отчизны, на бедах Отчизны
Не выстроить счастья,
удачи не знать...

Идут чередою за тризною тризна,
И сердце устало друзей поминать.

Ненастное время стучится в оконце,
Не пустишь - само дверь найдёт
без труда.

*Потушит, как лампу, вечернее солнце,
И душу расстроит, считай, на года.*

*Сидишь над стихами, как трезвый
провизор.*

*Стихи, как пробирки, теплы на свету...
Ворчит новостями в углу телевизор,
А глянешь - увидишь одну суету.*

*И хочется в поле, в объятья покоя,
И хочется землю обнять и спасти.
К непаханой, к сирой прижаться*

щекую

И горько заплакать:

«Прости нас, прости...»

ПРОЩЕНИЕ

*Не милы мне стали угощенья
И подарки - все до одного.
Ненаглядной женичины прощенье
Мне сейчас желаннее всего.*

*Карусели жизни непутёвой
До небес меня не вознесли.
Жизнь прошла - не будет жизни новой,
Подвели с удачей журавли.*

*Попрошу приюта да водицы,
Да с надеждой гляну на жену.
И простую, верную синицу
Со своей ладони не спугну!*

ТАК ЛИ ЖИЛИ...

*Мы и покато́м катились,
И певали вразнобой.
А сегодня спохватились:
Так ли жили мы с тобой?*

*А сегодня, вспоминая
Бурный жизни водоём,
Говорю себе:
Не знаю,
Как мы всё ещё вдвоём?!*

*Ведь не жизнь была, а мука,
Ведь другие б разошлись...
А мы держимся друг друга,
Словно век в любви клялись!*

ТОКИ

*Зачернела дорога, размокла,
Поистаял весенний денёк.
У домишек оконные стёкла
Золотой оживил огонёк.*

*Наклонилась душа над кусточком,
Чутко слушает радостный гуд:
То во тьме по серебряным почкам
Предпасхальные токи бегут!..*

ФИНИШ

*И свои стихи перечитаю,
И стихи друзей прижму к груди...
В небесах давно уж не витаю -
Финиш показался впереди.*

*Зарастает прежняя дорога,
Новая крута, не для меня.
Но ещё гуляю, слава Богу,
По тропинкам прожитого дня.*

*Вечереет. Холодом наносит
В келью неказистую мою.
А душа всё так же песню просит.
Затоплю вот печку - и спою!*

ХОРОШО В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

*От окна к окну хожу
Да на улицу гляжу:
Хорошо в родной деревне,
Тут понятно и ежу.*

*В огородах (строго в ряд)
Вскопано по десять гряд -
Под лучок и под морковку,
И под всё, под всё подряд.*

Александр ПОШЕХОНОВ

*В каждом домике уют.
Птицы певчие поют.
Дел в деревне - под завязку,
Денег - куры не клюют.*

*Да и кур-то не содом,
Сыщешь дюжину с трудом,
Но зато петух отменный
Шпоры острит за прудом.*

*Шпоры острит, гомозит,
Во все горло голосит,*

*Работающих и ленивых
Поднимает, паразит.*

*Поспешу умыть лицо,
Да наброшу пальтецо,
Да повыйду по хозяйству
На родимое крыльцо.*

*Низко солнцу поклонюсь,
Да до хруста потянусь,
Да подумаю блаженно:
Вот она, святая Русь!..*

Георгий Попов. Сухона. У Слободы. Из цикла «Времена года». Октябрь. 2003

Елена
Саблина

Елена Сергеевна Саблина родилась в Вологде, закончила среднюю школу № 9. Занималась в студии художественного слова при Вологодском пединституте, посещала литобъединение под руководством Юрия Макаровича Леднева, работала художником-оформителем, публиковалась в вологодских газетах и журналах, в том числе и в «Вологодском ЛАДЕ». Автор сборников стихотворений «Птица над городом», «Нежная крапива».

Осенний дворик

*Я не трачу даром время,
Я несу земное бремя.
Я ему, как солнцу, рада,
Всё я делаю как надо.
А настенные часы
Ухмыляются в усы:
Тик-так, тик-так,
Всё ты делаешь не так...*

*Когда о Боге нам бубнят,
В него и впрямь поверить сложно.
Зато когда горит закат -
Не верить в Бога невозможно!*

*Тебя бы, Алёшенька,
Во ржи непокошенной,
В листве непорубленной,*

*В реке непогубленной
Свободно и пламенно
Любить до безумия!
Но в тереме каменном
Спокойной, как мумия,
Сидеть мне, Алёшенька,
Одной-одинёшенькой...*

*Он здесь, он жив, он зелен снова,
Мой великан, мой древний дуб.
Мне так ясна его основа,
И цель его, и плоть, и дух.
Как будто торс его шершавый
Все триста лет и триста зим
Моею кровью орошали
И сердцем нежили моим.
Я человек, но может быть,
Что в нашем мире многословном
Мне есть о чём поговорить
Лишь с этим деревом безмолвным.*

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Марине
Кулаковой

Потихоньку багровея,
Канет солнышко с небес.
И тогда ночная фея
Прилетит в дремучий лес.
Натянув в тугие пяльцы
Тонкий холст из тишины,
Станет сматывать на пальцы
Золотой клубок луны.
Вышьет дудочку и венчик,
Вышьет веточку лозы,
Вышьет тоненький бубенчик,
Вышьет крылья стрекозы.
А когда клубок растает,
Скажет мальчик у окна:
«Глянь-ка, матушка, светает!
Укатилась спать луна».

ВЕТЕР И ДВОРНИК

Вот вологодский старый дворик,
Где нет ни стражи, ни ворот.
Я рифм набитых не сторонник,
И всё же - где тот вечный дворник
Листву опающую метёт?
Наш дворник молод и прекрасен,
Как Бог, спустившийся с небес.
Вот только труд его напрасен:
Осенний ветер правит здесь.
Он с нашим дворником играет,
Он из ноздрей пускает пар
И листья лёгкие сдувает.
На подметённый тротуар.
Мол, что ты, глупое создание,
С метлой явилось ко двору?
Зачем очей очарованье
Метёшь, как мусор, поутру?
Никто в разгар осенней сказки
Остановить не властен их
Листвы языческие пляски
На тротуарах городских.

ВСТРЕЧА НА ДЕРЕВЕНСКОЙ ДОРОГЕ

По дороге деревенской,
Там, где дождь примял траву,
С ветерком, как с вальсом венским,
Польской панною плыву.
И у самого кургана
Вижу - вот тебе и на! -
Не царевича Ивана,
А лесного кабана.
Человечьими глазами
На меня взглянул кабан.
Человечьими словами
Объяснил мне, кто тут пан.
Я сошла с его дороги
Сохранив беспечный вид.
А навстречу мне двурогий
Чёрт из леса семенит.

Знает бабушкина старость,
Как кукушка ни кукуй,
Долго ль ей ещё осталось
Опирается на клюку...

Пусть под крышами мирные речи
Запиваются сладким вином,
Неспокойно душе человечьей,
Если ветер свистит за окном.

Не равняй луну с грошом,
А поэта с торгошом.

Не обокрасть поэта,
ведь всё его добро -
Лишь старая планета
И вечное перо.

Меня не мучили, не били,
Мне вовсе не желали зла...
И не любили.
Не
Любили.
И я ушла.
Но укололи слишком больно
Упреки, брошенные вслед:

«Да Бог с ней, с этой малахольной, -
И хороша, а пользы нет.
Она не рубит и не косит,
Проносит ложку мимо рта
И слишком часто произносит
Пустое слово «красота».
Ну что ж, живите так и сами,
Чтоб, провожая за порог,
Не говорили вам: «Бог с вами»,
А говорили: «С вами Бог».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ •

«Тихая моя родина» звучит по-бенгальски

В столице Бангладеш Дакке вышла из печати первая в мире книга избранных стихотворений Николая Рубцова на бенгальском языке.

Автор книги Шамсуддуха Таухид переводил с английского - русский он только начал изучать. По профессии он врач, а русской литературой увлёкся с детства. Со стихами Николая Рубцова врач-переводчика познакомил Евгений Спирин из Красноярского края, активный популяризатор русской литературы.

Первым переведенным на бенгальский язык рубцовским стихотворением стало знаменитое «В горнице». Шамсуддуха перевел его в августе 2023 года за несколько дней. А всего в книгу вошло 50 стихов.

«На протяжении двух последних лет я жил в мире поэзии Николая Рубцова, - рассказал Шамсуддуха Таухид. - Я благодарен моему другу Евгению Спирину, который помогал понять все тонкости лирики Рубцова, и дочери поэта Елене

Николаевне, благословившей меня на перевод стихов своего отца».

Губернатор Вологодской области Георгий Филимонов отметил: «Творчество нашего земляка находит отклик у разных народов. Это важный шаг в продвижении русской культуры за пределами России».

В ближайшее время издание представят на Международной Калькуттской книжной выставке-ярмарке. Поэзия Рубцова уже заинтересовала и других исследователей. В дальнейшем планируется подготовить цифровой мультязычный вариант рубцовской книги - на русском, английском, бенгальском и хинди. Как рассказал Евгений Спирин, есть мысль сделать и аудиоиздание. К проекту присоединился музыкант и поэт Бишваруп Саннял, который уже перевел 10 стихотворений Рубцова.

Шамсуддуха и Бишваруп мечтают посетить Вологодчину, возможно, уже на фестивале «Рубцовская осень».

Евгений
Некрасов

Евгений Викторович Некрасов много лет руководил лучшими газетами Вологодчины: в семидесятые годы - «Вологодским комсомольцем», с 1991 по 2005 год - «Красным Севером». Был Евгений Некрасов и редактором нашего издания - когда это был журнал для семейного чтения и назывался «Ладом», издавал его «Красный Север». Выйдя на пенсию, заслуженный работник культуры России Е. В. Некрасов издал более десяти поэтических сборников, не раз его стихи публиковались в «Вологодском ЛАДЕ». Надеемся, что еще не раз сможем радовать читателя его стихами, которые помогают нам задуматься над жизнью и, может быть, постараться сделать её чище.

Солянка под названием «ЖИЗНЬ»

* * *

*Слава Богу, опять дождался
милых сердцу улыбчивых дней.
В солнце мир поднебесный
купался,
восхищая добрых людей!*

*Так немного от жизни надо -
не давил чтоб сознание мрак
и не мучила душу досада,
что судьба сложилась не так.*

*Сладок миг зоревого покоя,
когда зреет блаженство в груди,
когда чувствуешь землю родною,
когда чист горизонт впереди!*

* * *

*Без падений - пресен вкусу взлётов.
Из ущелий - ощутимей высота.
И терпимей надоевшие заботы,
если есть заветная мечта.*

*А когда утрачены стремленья,
по привычной катишь колее, -
исчезает радость вдохновенья
в сладком, но приевшемся тепле.*

*Не дай Бог великих потрясений,
унижений, нищеты и бед,
Но уцербна жизнь без вдохновенья:
искры Божьей в ней,
восторженности нет!*

* * *

Нет жизни ничего вкуснее,
хоть много горьких в ней приправ.
Мы ждём похлёбки поострее,
с добавкой экзотичных трав.

Любовью круто посыпаем
кипящий жизненный навар,
Надежды щедро подливаем,
Кладём в котёл мечты нектар...

Ну, а заботы и тревоги...
Без них никак не обойтись!
И получается в итоге
солянка под названьем «жизнь».

* * *

Что прошло,
то часто мило... -
к концу жизни
догадался.
В ежедневности
постылой
обнаружить смысл
пытался.

Всё страшился нарушений
устоявшегося быта.
И вдруг понял с удивленьем:
в нарушеньях
НЕЧТО скрыто.

В необычности случайной,
в удивленьи,
в нервоотрёпке,
в настроении печальном,
в непогоде мокрой,
знобкой
Божий смысл
заложен тоже,
а не только огорченья.
Душу он бодрит,
тревожит
в повседневности теченья...

Главное,
чтоб дышалось вольно,
сердце чтобы
билося чётко...

Этого
вполне довольно,
на земле чтоб
жить в охотку...

* * *

Я с собою не лукавлю,
хрен за мёд не выдаю.
Если славлю -
так уж славлю.
Не люблю -
так не люблю.

Знаю: есть
искра́ Господня
за издёрганной душой.
Хоть во фраке,
хоть в исподнем -
остаюсь самим собой.

Пусть горька
земная доля,
солона по ней слеза -
Ложь не стану
нежно холить,
отводить себе глаза.

Я хлебнул
порядком горя,
и беду
в лицо видал.
Побывал
с властями в ссоре,
но угодником не стал.

Тяжело порою
очень
правду-матку
говорить...
Но не легче,

*между прочим,
не в ладу с собою жить...*

** * **

*Я мыслю сердцем часто
под натиском души.
Мне говорят:
«Напрасно.
Ты чувства придержи.
Рассудок
должен главным
в оценках
быть судьёй...»*

*А я всё соглашаюсь
с заботливой душой!*

*Порой её нюансы
туманны и сложны.
Но для судьбы конкретной
единственно важны...*

*Пусть нелогичным будет
на жизнь
«сердечный» взгляд.
Гуманный не осудит.
Другие - как хотят...*

** * **

*Ничего не осталось:
всё прошло, пролетело...
Только жизнь
Ещё держит
усталое тело...*

*Только жизнь?
Разве надо мне
что-то другое?
Только жизнь!
Только солнце!
И небо родное!..*

*Разве есть
во Вселенной
блаженнее счастье?
Жить мечтами своими,
любовью
и страстью...*

*Жить как Бог даст -
в любую земную эпоху.*

*Жить -
всегда хорошо!
Даже если и плохо...*

Леонид
Лешуков

Автор о себе. Я родился 3 января 1959 года в деревне Шалашнево Никольского района. Живу в городе Никольске. Стихи я начал писать в зрелом возрасте. Первые публикации состоялись, когда мне исполнилось пятьдесят лет. Мои стихи публиковались в периодических изданиях, в альманахах «Звезда Поюжья», «Никольска тёплый свет», «Он видел жизнь с Бобришного Угора», в сборниках «Рассветный час», «Белые птицы», «В начале было Слово», «Город нашей души», в журналах «Вологодский ЛАД» и «Автограф», в антологиях «Вологодчины свет золотой» и «В сиянии северных звёзд». Были изданы пять поэтических сборников и сборник коротких рассказов «Ну что, Петька, гроза будет?»

Синели, стыли вечера...

ПОЯС

*Малиновый пояс зари порубежной
меня привязал к тополям белоснежным
в сугробах посёлка в степном Зауралье.
А я ж в январе собирался в Маралье -
в страну эскимосов и жгучих морозов,
где клюква возрастает повыше берёзы.
Где катится солнце по тундре всё лето,
где море в туманы, как в платье, одето.
Где синее небо и белые снега,
и нет ни дороги, ни скрипа телеги.
Где белый медведь со своим малышкой
приходит на чай с вологодской сгущенкой.
И вроде то было, и вроде всё ново -
и в чуме поют и читают Рубцова.*

*И я соберусь, непременно приеду
в край беломошный во вторник иль в среду
к хорошим соседям и людям сердечным.
И я ведь хороший, лишь малость беспечный.
Я съезжу, покаюсь на родину к маме,
примчусь, искупаюсь в приобском тумане
И к шумному чуму и песням гортанным
приду в белоночь тропую долганов...*

ПОДИВИСЬ!

*В морозных узорах сады и дома:
Зима на угорах, в Поюжье зима.
То выстудит речку до самого дна,
то спляшет у сосен в кадрили она.
Невестою юной пройдет. Подивись!*

То к марту насыплет сугробы подвысь.
С морозу ли звёзды, иль стынет вода,
иль сутками трубы дымят в холода -
по нраву и ладен хозяйке снегов
уклад своенравный и правый таков.
В Шалашине сонном - в деревне моей
прошёл, наигрался февраль-ветровей.
Волшебные нити в накидки берёз
метели вплетают да колкий мороз.
Стукнет ли дятел и треснет ли сук -
слышится звонкий коклюшечный стук.
Плетутся узоры, гуляет январь
и ярко, и твёрдо, и мудро, как встарь.
Зима на Увалах, в Поюжье зима
ходит, и студит, и сводит с ума.
Хрустальною крошкой усыпана высь.
Веришь - не веришь, гуляй да дивись!

ТУМАН

Туман полночный догорал,
и ветер, в прихоти, играл
оранжевым резным листом.
Осенним, ноющим дождём
грозил цветистый окоём.
Холсты свои сентябрь писал,
костёр под вербою плясал.
Задумчивый молчал пастух.
Рассвет горевший вдруг потух
средь вод осенних и густых,
в сплетеньи ив речных тугих.
Казалось: осень шла не так.
Сбивался в поле кроткий шаг.
Мелькал роскошный сарафан,
девичий обвивая стан.
Дрожали кличи журавлей
над тихой родиной моей.
И логом росным, на звезду
души усталой, не в ладу
с моим упорствующим «я»
я шел в забытые края.

ЛИСТЬЯ ЛЕТЯТ

То ли лето пьянеет в заботах,
то ли ветры малинники гнут.

То ли в церкви отпели кого-то,
то ли вдовы в печали поют.
То ли праздник кулачного боя
догорел, что прибрежный костёр.
То ли мы потерялись с тобою
в суете недомолвок и ссор.
Неожиданный день светлоокий
закружил, завертел листопад.
Он такой же, как я, одинокий.
Мы тоскуем, а листья летят.
Отправляясь с подоблачной выси,
будто реквием вслед журавлям
иль посланием брошенных писем,
он вернулся, жалевший меня.
Мой сентябрь растилает неспешно
по садам дорогие ковры.
И молчит в камышах пересмешник,
и цыгане снимают шатры.
Мы тоскуем, а лето, встречаясь,
в сентябре поменяло наряд.
И простилось, рябины качая.
Только листья летят и летят.

Только листья летят и летят...

В ЧЕСТЬ И ЗА РОДИНУ

Защитникам
Отечества посвящаю...

Миновала смерть - и снова
собрала запас дневной.
- Ты живой? - гудит сосновый,
трёхнакатный за спиной.
Будут проводы и слёзы.
Потерпи, браток солдат.
Плачут раненые розы
в изголовьях ребят.
Смолкнут залпы над могилой.
Стихнут тосты в честь и за.
Ты войдешь в калитку к милой.
А глаза, глаза, глаза?!
Будут тропы, будут горки,
будет долгий путь домой.
Будет вкус настоек горьким.
Будет праздник, но не твой.

Будет вечер спать в качели,
свитой ивами в логу.
Будут ливни и метели,
и ковёр у ног в снегу.
Ты прошёл, прошёл дорогу!
За чертой смертельный бой.
Слава Жизни, слава Богу!
Ты живой, солдат, живой!

СОСЕДИ

Одинаково жили мы -
огород в огород.
И тропа у прожилины
по утину идёт.
На щеках под щетиною
давней грусти налёт.
Летом хмель над утинами
на тычинах цветет.
Ныне в разных покоях мы -
царство серых палат.
Не шинели над койками -
ночью раны болят.
Днём уснешь и забудешься,
отойдёшь от забот.
Ночью встанешь и блудишься:
Снится взорванный дот.
Пулемёт перегревшийся
остывает в кустах.
Рвёшь тельняшку исплевшую
и молчишь. Пустота.
Другу рану горячую
пеленаешь бинтом.
Жнёшь беду неминуемую,
как пырей под окном.
И в поту просыпаешься -
синий домик в глазах.
К шитой ране склоняешься.
Жарко капнет слеза.
Спит жена твоя тихая.
Пред иконой ли выть?
Как же горькое лихо ей
перемочь, пережить?
Одинаково жили мы -
огород в огород.
За еловой прожилкой
посеревший осот...

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Усталый вальс, восславив осень,
в мой сад простуженный шагнул.
И, словно гость прощаний поздних,
в качели ивовой уснул.

И кисть рябины наливная
краснела, к долу наклонясь.
И осень плакала смешная,
как будто девушка, стыдясь.

И в синей книге восемь строчек -
печаль прописана давно.
И звёзд холодных многоточье
просилось в тёмное окно.

А за окном, на перекрёстке:
и ночь, и нежности слова.
И встреча с милой у берёзки,
и кругом, кругом голова...

В ОКТЯБРЕ

В октябре в деревне стыло,
желтый лист, кружа, летает.
Время, будто вдруг, застыло
хрусталём речной воды.
Ворошу, тревожась, память,
четки жизни собирая
из окатышей надежды
в серых россыпях судьбы.

Перематываю давность
черно-белой киноленты,
размешав в житейской чаше
и любовь, и соль разлук.
В забытыи мне снится голос
хохотушки Ленки-Венки,
снятыя стрелы в черных перьях
и тугой лозовый лук.

Снится детство, снится мама,
первый шаг под теплым солнцем,
снится вечер, снится ветер
и всевластный мир дорог.

Образ бабушки в оконце, в кружевах
резных оконца,
и меня сманивший было
милый вятский городок.
Просьпаясь, тещу память, что давно,
давно забыто,
выплывающее кадром
в том потрёпанном кино.

Просьпаясь, прячу горечь, как альбом
чужих открыток,
пью алжирское, среди ночи,
с кислым привкусом вино.
И опять пишу, волнуясь, на листе
стихи-раздумья,
и ползет, к бокалу целясь,
серый мудрый тенетник.

Бодро входит полуночь, подгоняя
полнолуние,
и горит над белой книгой синий
гостовский ночник.
Время, кажется, застыло,
и меня бывшее тянет
к тайнам, к детству, к той далекой,
голубой моей мечте.

Может, тайны - просто повесть,
как с другим деленный пряник?
В нашем детстве все мы правы.
Те и эти, те и те!

ОЧИЩЕНИЕ

Нахальный ветер с Северов
холодной веткой по плечам
озябшим
хлестнул, играя.
Синели, стьли вечера.
И ноги пыльные роса
студила.
А мне всё чудилась жара.
Чужая.
И били в било в деревнях,
как в колокол, к молитве.

Я от калитки,
от скамьи,
от дум,
от дома,
от семьи,
от ссор, от славы, от похвал
по терпким травам прошагал.
По терпким травам молодым -
коврам плетёным среди лугов.
Ушел от праздности и слов.
Я болен был, но был не зол
и вот решился - и ушёл.
Два лога ладно миновал,
туман над травами сминал.
Спешил к Огашкиным ключам
и мелкой живности кричал.
Лесной воды желал, хотелось.
И пелось
свое, глухое, про себя.
Заря, косынку теребя,
легла к рябинам молодым,
низинным.
Мизинцем сброшена слеза,
и снова просится в глаза.
Звезда мигнула вдалеке -
в той, недоступной вышине.
Опять, наверное, не мне?
В туманном, вязком молоке
смешались звуки.
И только руки,
как оплот,
с водой державшие бидон,
покой хранили.
Менялись, будто сон, моря,
мои туманные моря.
И плыли.
Спала в рябиннике заря.
Я воду черпал из ключа,
душа металась, горяча.
Стекал с Увалов перезвон.
И свят, и чист. Не полонён.
Я мира, милости желал,
чтоб солнце вышло на Увал.
Я слушал звон, я сил просил
для милой Родины - Руси.

Андрей
Алексеев

Андрей Владимирович Алексеев родился в Вологде в 1960 году. С 1981 года и по сей день работает на Вологодском подшипниковом заводе наладчиком автоматических линий. Автор поэтического сборника «Сума любви» (2010), лауреат литературного конкурса им. Сергея Чукина «Душою чист» (2010), постоянный участник Рубцовских чтений в Тотеме в рамках ежегодного фестиваля «Рубцовская осень». Стихи публиковались в вологодских газетах, коллективном сборнике «Пространство любви создавая» (2012). «Вологодский ЛАД» дважды печатал стихи А. Алексеева.

Я здесь живу - и это важно...

*Как мне назвать, чтоб не обидеть,
Того, кто молодую рать
Учил Рубцова ненавидеть
И Фокиной пренебрегать?..*
Елена Саблина

*Согревшись, словно русской печью,
Словес вдыхаю волшебство.
Рубцовской, фокинскою речью
Свое врачую естество.*

*Все той же травушкой да ивой,
Речушек светлой живизной,
Густою зарослью крапивы,
Избушек древних кривизной.*

*И церквью с маковкой колючей,
И васильком по краю льна.
Где слову чище быть и звучней,
Чем здесь, где родина моя?*

*Вижу поле в снегу,
А по полю - седая позёмка.
Сумасшедше скребёт
Свой холодный подол о скирду.
А по краю полей, вдоль дорог,
В нераспаханной кромке
Беспризорных кровей
Придорожный сорняк на ветру.*

*Репец, лопухи,
Репец да седая крапива.
Это вечные спутники
Странников русской земли.
Никогда не увидишь
Их стебли согнутыми криво,
Никогда не услышишь
В их сторону слово любви.*

Семена упадут на бугры
Да в сырые низины,
Репеями уйдут
На собачьей, овечьей шерсти.
Приютят их опять, беспородных,
Дороги России.
И бродягам опять
Будет с кем разговоры вести.

Пыль веков, быль дорог
Подорожник листом укрывает,
Вечный лекарь идущих -
Земные поклоны ему.
В этом светлом краю.
Тихой грусти и песен хватает.
И молчит о своём
Придорожный сорняк на ветру.
Репей.
Лопухи.
Лебеда.
Да седая крапива...

2019

ПО СТАРОЙ КУБЕНСКОЙ ДОРОГЕ

Я шёл проведать милые углы
По древней старой Кубенской дороге.
И по тропе сквозь пыльные кусты
В сторонку сами повернули ноги.

И сразу стало как-то веселей
Расти траве и шелестеть берёзам.
И сам я зазвучал уже не в прозе
На широте распахнутых полей.

Густой июль. Тягучая жара,
Макушка лета - стрёкот и жужжанье.
Не уставая, в радостном купанье
В речной мели режется детвора.

Всего-то чуть по тропке, в двух шагах
От благостной асфальтовой дороги, -
А всё, как прежде, на своих местах -
По-русски всё, по-доброму, не строго.

Коза стоит на привязи к ольхе,
Вишнёвым глазом хитро хулиганя.
И слышно, как у церкви на холме
Стучат крестьяне, что-то починяя.

И надо-то свернуть от большака,
Поднять глаза, упёртые под ноги.
И улыбнуться, глядя в облака,
Тому, что всё у нас и есть, и много...

2010-2020

В СОГОЖЕ (ШЕКСНИНСКИЙ РАЙОН)

Опушка леса, поле, рожь
И синева небес.
Вдыхаю,
Чему и слов не подберешь,
О чём и выдохнешь едва ли.

Усталость где?
Нутро звенит.
Найти пытаюсь в поднебесье
Пичугу,
Что боготворит
Простое русское чудесье.

Качает травами река,
Стучит прохладой о каменья.
Лесов покатые бока
В обрывы свесили коренья.

Пою во славу борозды,
Рукой поглаживаю колос.
И нет душе моей узды,
И славен мой негромкий голос.

Макушки клевера подмяв
И затаив в груди дыханье,
Вдруг что-то важное поняв,
Считать не стану укушанье.

Нарву букетик васильков -
Их много здесь среди колосьев,
И по тропинке босиком
Сверну на чай к соседке в гости.

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Они договорились с ветром,
И тот, подняв их снова ввысь,
Прижал к холодным мокрым веткам
На миг. И снова бросил вниз.

Вот так когда-нибудь и в нас
Метнётся жизнь в последний раз.

«БЛИСТАЕТ, БЛЕЩЕТ
И БЛЕСТИТ»

Чудесна, чудна и чудна́
Судьба, нам Богом данная.
Какая есть, она одна,
Единственно желанная.

Грачи покружат за окном,
Ночь постучится палицей...
Не вспоминай о них потом,
К чему напрасно маяться?

Тебя рубцовская звезда
Теплом согреет с холода.
«Чудесна, чудна и чудна́» -
Любя, прошепчет Вологда.

«ОТЦЫ И ДЕТИ»

Вот так придёшь, через порог
Шагнуть решимости не хватит...
Таков твой жизненный итог -
Ведь каждый здесь свой счёт
оплатит.

Неумолимо жизни бег
На кожу сеть морщин накинёт.
Простой вопрос: «Простишь
иль нет?»
В подземном мраке тихо стынет.

Я не сужу. Нам Бог судья,
Свои грехи - свои страданья.

«Вологодский ЛАД»

Несёшь их ты. Несу их я
В тревожной мгле воспоминанья.

2002

Я был бы скульптором немножко -
Слепил бы памятник картошке.
А рядом травушки пучок,
Пусть всё как в жизни - сорнячок.

Ещё слепить для правды надо
Жука из штата Колорадо.
В консервной банке с керосином,
Пусть там поплавает, вражина.

Слеплю ещё вилок капустный,
Ядрёный, с жилкой белохрустной,
Который в правильном засоле
Да с постным маслом -
К стопке звонкой.

Добавлю к ним соседку Галю,
В лицо её я плохо знаю -
Она на грядках всё внаклонку,
В трико да выцветшей футболке.

Ну, в общем, я б увековечил
Весь огород, что лёг на плечи
Простому русскому народу,
И тот обрёл в труде свободу.

2007

Теперь всё ль вижу?
Ностальгия
Приносит отзвуки тугие,
Мне эхо из других эпох.
И звон святых колоколов
Всё очищает и прощает,
А я, того не замечая,
Бреду по набережной праздно.
Я здесь живу.
И это важно.

«Бедолаги сердешные»

Сцены из театральной жизни минувших лет

* * *

Недалеко от клуба посреди пустой деревенской улицы стояла большая, туго набитая хозяйственная сумка. Я огляделся - в избе напротив дверь подпёрта батожком, а хозяйка - у калитки, смотрит с любопытством на меня. Поздоровался, спрашиваю, у кого можно молочка купить. Прищурилась: «А ты кто будешь-то?» - «Да мы артисты, - отвечаю, - сыграем у вас спектакль и дальше поедem». - «Погоди-ко», - взяла у меня бидончик и засеменила в избу. Мигом вынесла молоко и полотняный мешочек с пирогами. Я достал бумажник, но она махнула рукой: «Ой, да не надо, не надо!» Поблагодарил, она перевязала платок, сложила руки на груди и вздохнула: «Ох, бедолаги сердешные...»

Шёл обратно и всё крутил головой, посмеивался: такие слова о моей профессии я услышал впервые. И только у клуба вспомнил об одинокой сумке посреди дороги. Ничего необычного в этом для деревенских не было: кто-то собрался в город, оставил на дороге знак, чтобы водитель рейсового автобуса остановился, по сигналу, подождал. Всё в их жизни просто и понятно.

* * *

У театра вижу «УАЗ-469». Подходящий транспорт для Вологодчины. Никогда не испытывал особого желания сесть за руль, но от такой машины не отказался бы, с дорогами в глубинке познакомиться успел. «Уазик» у театра - значит, скорее всего, на репетицию пьесы «Над светлой водой» приехал её автор, Василий Иванович Белов. Его родная Тимо-

ниха «за три волока», для него автомобиль - «не роскошь».

В этой постановке я занят не был - только что вернулся со службы в армии, и режиссёр Валерий Петрович Баронов предложил: «Лёня, у нас интересная работа, присоединяйся, будешь моим ассистентом».

Монтировщики собирали для спектакля «нашу» деревню Каменку. Конечно, зданию театра нужен серьёзный ремонт, на сцене всё делают вручную, штанкеты тягают канатами, за кулисами лежат чушки-противовесы, а поскольку всё левое ниже фойе занято буфетом, то в здании тесновато. Зато по-домашнему уютно, а главное - изумительная акустика в зале. На гастролях, а они были тогда каждое лето в июне и июле, мы всегда как бы вставляли на голосовые котурны...

Все очень ждали, что через два года, к своему 125-летию, Драма получит новый адрес на Советском проспекте, новое здание, современное оснащение сцены, но всё равно в груди что-то щемило...

А вот в Каменке ещё жить бы да жить. И не одному поколению. Но вышло постановление Совмина - и деревню переселяют как «неперспективную», только два дома жилых осталось: Трефёна (М. В. Шуко) ждёт Ванюшу из армии и никуда не поедет, а сосед Фёдор (В. В. Сафонов) просто знает, что без крестьянских рук земля «ивушкой да ольхой зарастёт начисто», и наотрез отказывается перебираться. (Сафонов это тоже прекрасно знает, в детстве был подпаском, и за стадом ходил, и траву косил).

Именно такие заросшие поля я видел через сорок лет, но не в Советском Союзе, а после того, как уже по России прокатилось цунами «оптимизации». И пересе-

лять не надо, зачем тратиться. Конечно, не только об этом пьеса: деление на перспективных и неперспективных, своих и чужих - это обстоятельства, а проблема глубже. Но первое время мы играли спектакль лишь «дома» - в Вологде и области, где авторская и народная боль особенно понятна. В сельских клубах была особая атмосфера - история Ивана (А. Михасик) и Даши (Л. Филиппова), Трефёны и Фёдора, история Каменки для зрителей была не театральной придумкой, а частью их жизни.

Вскоре я заменил в роли Георгия актёра, уехавшего из Вологды.

Мой Георгий приезжает с отцом-полковником из города в Каменку порыбачить и ... ломает жизнь Ивана и Даши.

Слова «Мы выжили отсюда всех» подводят черту под историей Каменки. Всё так. Но в последней картине пьесы Иван и Даша заняты своими переживаниями, а Георгий прежде всего думает о сыне. Не будет Георгий выяснять, кто «биологический отец», а просто будет растить и воспитывать своего Ванюшу. Сынок полковника становится настоящим мужиком. Он способен на осознанный поступок и готов за него отвечать. Всё это тоже есть в пьесе. Именно так я и выстроил жизнь моего Георгия.

Василий Иванович посмотрел спектакль. Зашёл ко мне в гримёрку. Помолчал. Разглядывал меня с явным интересом. Потом буркнул: «Я это не писал». Видимо, я настолько спал с лица, что он хохотнул,

Спектакль «Севильский цирюльник» на сельских гастролях

в его глазах запрыгали весёлые чёртики, и с детским озорством он произнёс: «Но это интерпресно!»

Когда кампания «неперспективных» стала потихоньку сходить на нет, «Светлая вода» поехала и на большие гастроли. В Кирове телевидение заключило договор с театром на съёмку спектакля, и редактор озадачил нас: надо сокращать, записываем на бобину, на всё про всё есть два часа, не больше, так что два эпизода уберём. Как раз те, в которых «политика» - почему обезлюдела Каменка, что мы всё потеряем, разорив и уничтожив «Каменки» России.

Хорошо, ладно, спорить не стали, но этим же вечером провели тщательнейший хронометраж спектакля, и я принёс на ТВ радостную весть: уместимся с запасом, времени хватит и на титры, и на переходы, и на что там ещё. Так что записали полностью.

* * *

Спектаклем «Над светлой водой» по пьесе В. И. Белова театр открыл интереснейшую страницу в своей жизни - сотрудничество с Вологодской писательской организацией. Всероссийское театральное общество организовало двухгодичный творческий семинар, руководителем которого был Оскар Яковлевич Ремез - режиссёр, педагог ГИТИСа. В своей книге он писал: «На первое занятие собрались незнакомые мне молодые артисты Валерий Жуков и Любовь Филиппова, Людмила Агафонова и Анатолий Михасик, Светлана Слобожанинова и Альберт Вербец, Леонид Рудой и Светлана Трубина. Тут же Марина Владимировна Шуко, народная артистка, тоже участница семинара, и шестидесятилетний Иоасаф Александрович Дворников, пожалуй, самый молодой из нас, душа, организатор и энтузиаст нашего семинара. Вскоре я вдруг понял - в нашем театральном деле нельзя оторвать

Леонид Рудой в спектакле «Дневник Анны»

педагогику от постановки спектакля. И я решаюсь поделиться не осуществлённой ещё мечтой - поставить готовую уже инсценировку «Евгения Онегина». Труднее, пожалуй, материала для работы не выберешь. Я вижу, как загораются глаза. Всем нам боязно и интересно».

Много-много позже мне сказали в театре: «Вы не осознаёте своего положения» (намекали на недавно присвоенное мне звание народного артиста). Я, признаться, немного опешил: дескать, что - щёки надувать? Почему для многих это нормально, само собой разумеется - ответа у меня нет, но думаю, что за последние годы мы заметно очиновничились, главным в жизни становится не кто ты, а какой у тебя ЧИН. На «онегинском» семинаре мы были без чинов, самой прилеж-

"Мой Гений"
В роли Батюшкова
Л. Рудой

ной и дисциплинированной участницей была народная артистка Марина Владимировна Щуко.

Монтировщики просто молодцы, очень быстро убрали вечерний спектакль, приготовили всё для ночного прогона, невысокий белый станок окружают теперь вместо кулис листы с почеркушками и рисунками А. С. Пушкина. Вообще все цеха молодцы - готовы костюмы, с женскими причёсками всё в ажуре, заряжен реквизит; свет пока дежурный, проблем не будет, в театре - ночная тишина, все разошлись, остались только «семинаристы» и необходимые работники цехов. Сегодня особенно важно чётко начать, мы договорились прогнать без остановок даже при очевиднейших ляпах, сейчас зазвучит грибодовский вальс ми минор, из рукописей Пушкина выйдут Ленский, Зарецкий, затем Онегин, Зарецкий почтительно сочувственно осведомится: «Покойника

похоронили?», Онегин рассеянно ответит: «Попы и гости ели, пили...».

Даю команду помрежу, в этот момент в зрительный зал заглядывает Марья Николаевна, наша театральная буфетчица, вопросительно замирает. Я мотнул головой - дескать, можно, валяйте, только тихонечко; она присела на краешек сиденья, в смысле - я только глянуть, и прогон начался. Через пару минут Марья Николаевна пристроилась поудобнее, ещё через пару расстегнула шубку, почти сразу же скинула её и расположилась основательно. Прогнали на удивление неплохо, вот и финал. Онегин мучительно вспоминает строки из письма Татьяны: «Вообрази: я здесь одна, никто меня не понимает, рассудок мой изнемогает, и молча гибнуть я должна...» Любопытно, какое впечатление у нашего Первого Зрителя? «Ой, - отвечает, - хорошо-то как, интересно-то как, вот только...» - «Что только?» - «Да Жуков-то ведь брюнет, а Ленский блондином с голубыми глазами был». - «Голубушка, - говорю, - Пушкин написал: «И кудри чёрные до плеч». Выясняется тут же, что поэму она «проходила» в школе, никогда не читала толком, но по радиоточке на своей кухне не раз слышала арию Ленского из оперы. Ассоциации понятны: трагическая смерть - тенор - блондин с голубыми глазами...

* * *

На субботнике мы прихорашивали театр перед Днём Победы. Алексей Серёжкин уложил хлам в кузове грузовика и спрыгнул на землю, да так лихо, что... получил перелом ноги. А ему через несколько дней играть премьеру, ни много ни мало - купца Хлынова в «Горячем сердце» Островского. В репетициях у него получался расчудесный медведь, который присел отдохнуть, не подозревая, что уселся на теремок с живыми обитателями. Я-то в этой роли с какого боку?

Марина Щуко в спектакле «Над светлой водой»

Михаил Ильич Резцов, режиссёр спектакля, никуда не торопился, спокойно, обстоятельно перестраивал сцены Хлынова и, естественно, всё успел сделать. В свите Хлынова, которая следовала постоянно за мной (даже мебель не нужна была, захотел - сел не глядя, живое «кресло» тут же готово), в свите этой был «барин с усами» - Иоасаф Александрович Дворников. Его фундаментальные спокойствие и оптимизм задавали тон всей хлыновской шутовской разгульной команде: дескать, не волнуйся, Лёня, всё нормально, сдадим спектакль, поедим на село, потом большие гастроли, до нового сезона всё осознаешь, освоишь...

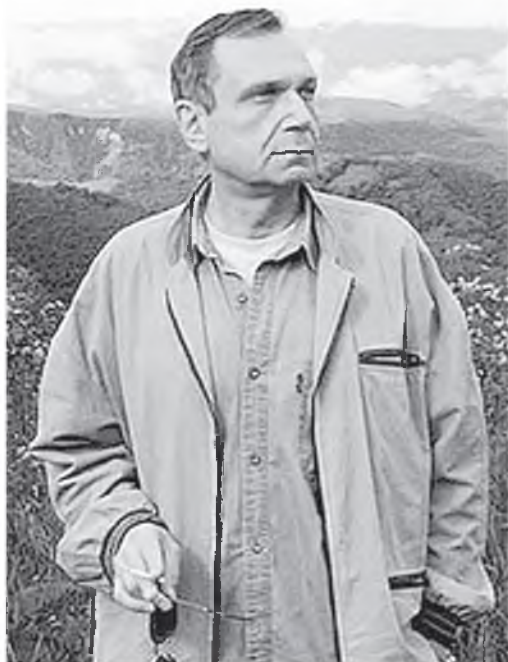
Иоасаф Александрович вообще обострённо понимал слово НАДО. Как-то приехали мы в клуб, а грузовичка с деко-

рациями нет, зрителей - полно. Что делать? Попросили Дворникова задержать народ, и он почти два часа не формально, а на самом деле «держал» зал. Перед спектаклем он обычно часок отдыхал. Вытянется на койке во весь свой внушительный рост, положит на мощную грудную клетку транзистор и спит. Если кто-нибудь выключит приёмничек, сразу открывал глаза: это зачем меня беспокоят? - включал музычку и снова немедленно засыпал.

В «Горячем сердце» есть эпизод, где Хлынов провожает гостей, возвращается в сад и говорит: «Уехали». Здесь Резцов придумал ПАУЗУ. Понять эту паузу мне помог В. А. Гиляровский, который писал о прототипе Хлынова: «Последний раз я видел Мишу Хлудова в 1885 году на собачьей выставке в Манеже. Огромная тол-

Алексей Серёжкин и Владислав Сафонов в спектакле «Над светлой водой»

Режиссёр Михаил Резцов

па окружила большую железную клетку. В клетке на табурете в поддёвке и цилиндре сидел Миша Хлудов и пил из серебряного стакана коньяк. У ног его сидела тигрица, била хвостом по железным прутьям, а голову положила на колени Хлудову».

Пауза была выстроена просто - собственноручно, это этюд на внимание к кругам предлагаемых обстоятельств: после грандиозной попойки я просыпаюсь под кустом в своём саду, рядом - никого, во всём саду - никого, всюду - НИКОГО НЕТ... И с протянутой, просящей рукой очень тихо, очень протяжно произношу: «Уехааалиииии...»

* * *

Мы забрались в автобус, похожий на вездеход десантников, и ехали по пробитой колее через глухой лес, временами по гати. Гать проседала, пружинила, под колёсами чавкала и урчала, как голодное брюхо, болотная топь. Ехали налегке, взя-

ли только костюмы и реквизит. Наконец, дорога взяла круто вверх, резко просветлело. Вскоре в величавом сосновом бору на поляне показались вагончики. Добрались.

Нас ждали. В одном из вагончиков - красный уголок. Подшивки газет, журналы на столах. Мы быстренько переоделись: надо успеть сыграть до сумерек, светить нечем. Столы вынесли на улицу, сомкнули, накинули на них брезент, из ящиков соорудили ступени на помост. Сцена готова. Сейчас здесь, на площади Севильи, встретятся влюблённый граф Альмавива и плут Фигаро. На двух лавках уже сидели зрители - все двенадцать работников лесного участка...

А началась эта история в районном отделе культуры, где я сверял маршрут наших гастролей. Там меня и настиг директор леспромхоза: «У нас есть передвижной участок, - громыхал он, - для санитарной чистки леса. Люди работают вахтовым методом, живут в вагончиках, клуба нет, но спектакль ваш надо им показать». - «А где играть? Да и не проехать, наверное», - возражаю, опасливо поглядывая на его ручки (что тебе две кувалды). «Сейчас проехать вполне возможно, транспорт обеспечим. Условий нет, так придумайте что-нибудь, вы же творческий народ! Мы всё оплатим. Будут проблемы в районе - поможем. Но съездить на этот участок надо обязательно. Им что, всё время лопатами да топорами махать? Они что, не заслуживают театр посмотреть?»

Спектакль прошёл просто на ура. На обратном пути все мы привычно дремали, может, поэтому гать проскочили незаметно.

А как-то бригада актёров в распутицу застряла в Устье - оказалась, так сказать, на карантине. Участок от села Архангельского до Сокола был совершенно непролазным, случалось, что трактор приволакивал на молкомбинат только оторванную цистерну, а сам молоковоз оставался в толстом

слое жирной непросыхающей глины. Водитель отдела культуры проникся сочувствием к нам, усадил всех в «уазик-буханку», благо бригада была небольшая, и повёз в обход дороги. Мы продирались через чапыжник какими-то партизанскими тропами, на одном отрезке ехали вперёд боком, взбираясь из колеи наверх и соскальзывая вниз, так сказать, плыли баттерфляем. И проплыли-проехали!

Между прочим, эти тропы партизанские были хорошо наезженными.

* * *

Вместительная шкатулка из жести, в таких леденцы продавали. Внутри припаяны перегородочки. По секциям разложены: зубная щётка, зубной порошок - зеркальце, два кусочка мыла (туалетного и хозяйственного), помазок, станочек для бритвы, пачка лезвий «Спутник», ножнички маникюрные, пилочка для ногтей, расчёска-ножницы, иголки, катушечки с разноцветными нитками, горсть пуговиц, щётка одежная - баночка гуталина, обувная щётка - шило, плоскогубчики, кусачки, напильнички - связка ключей(?)...

Этот совершенно уникальный набор - всё движимое и недвижимое имущество некоего бомжа. Бомж отморозил себе ноги и лежал на отделении моего друга-врача.

Вот такой же аккуратненький, побритый, при всех пуговках бомж мыкался в пьесе В. И. Белова «Сцены из районной жизни. По 206-й». Слово «бомж» тогда ещё не было на слуху так, как сегодня, и Василий Иванович в списке действующих лиц написал: ЧНЗ. Человек Неопределённых Занятий.

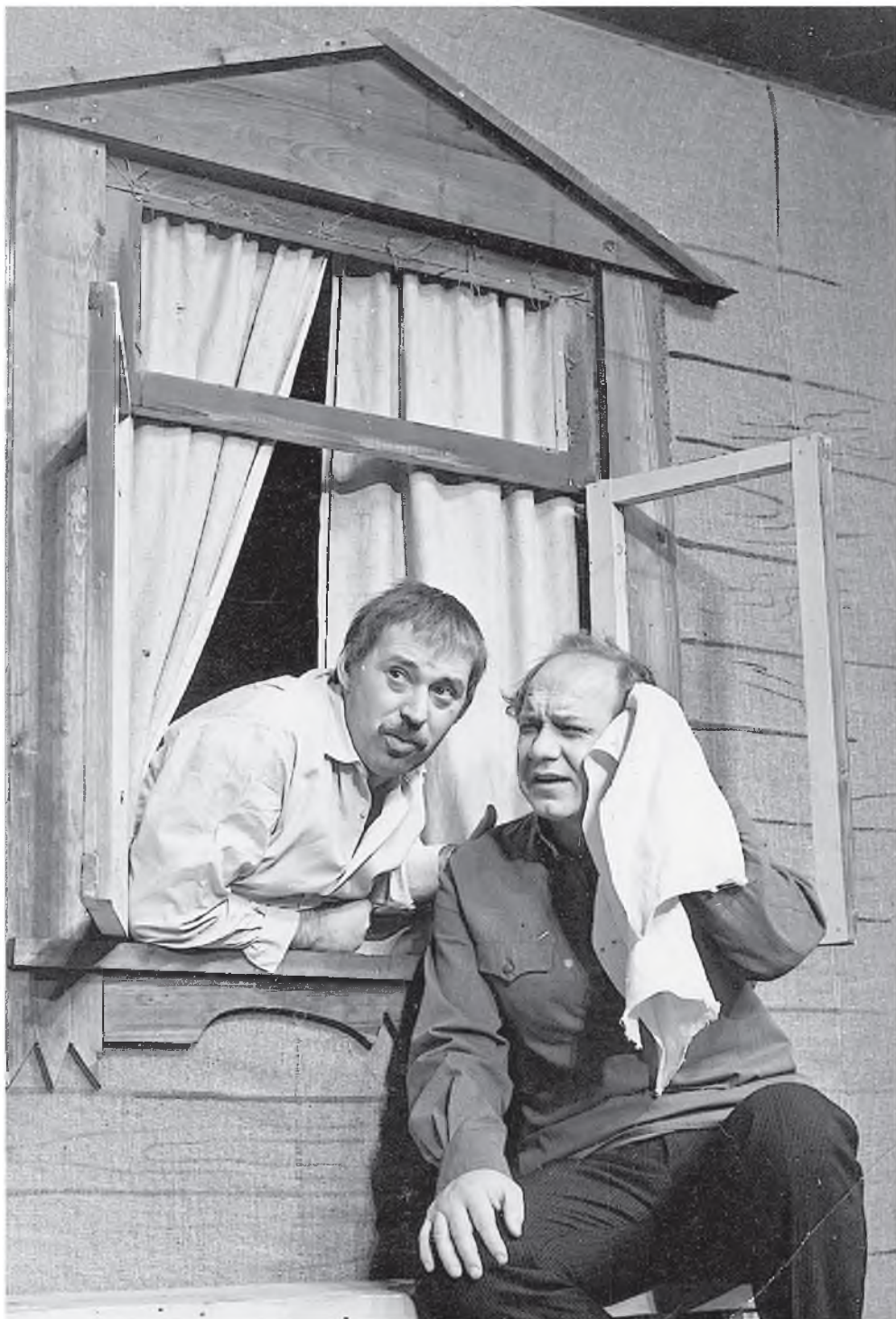
Ставил пьесу Леонид Георгиевич Топчиев, который до этого был актёром и режиссёром МХАТа, а в 1975-м стал главным режиссёром Вологодского драмтеатра. Первым делом он отсмотрел все наши спектакли и - народ пошёл учиться. Пром-

птова и Вербицкая из ГИТИСа преподавали сценречь и сцендвижение, постановочной части помогали освоить новую технику спецы из МХАТа. В афише театра: В. П. Астафьев - «Черёмуха», А. А. Грязев - «Всего два дня», В. И. Белов - «Сцены из районной жизни».

Сейчас довольно часто в театрах ставят «по мотивам», особенно классику. Думаю, что гораздо плодотворнее понять - почему и зачем автор рассказал свою историю. Когда Белов приходил на репетицию «Сцен...», можно было уточнить даже детали. Так, в пьесе после любовной сцены журналистки (артистка Косматова) и прокурора (артист Рудой) следует сцена журналистки и журналиста (артист Михасик), и тоже любовная! «А что тут непонятного, - пожал плечами Василий Иванович, - сегодня с одним, завтра с другим. Современная молодёжь. А вот почему Пухова играет Лазарев? Пухов - танкист, а у Виктора комплекция не очень подходит». - «Пухов. Лёгкий, как пух, пластичный», - возразил Топчиев. Белов кивнул головой: «Да, конечно. У нас в деревне был абсолютно лысый мужик. Его все звали Кудрррреватый».

События «Сцен» в итоге неумолимо приводят героев пьесы в исходную точку, образуя замкнутый порочный круг. В финале Человек Неопределённых Занятий (артист Добросов) смотрит на проходящий пассажирский поезд и спрашивает: «И куда они все едут?» За неделю до премьеры Топчиев поделился со мной: «Есть убедительная просьба финальную фразу убрать». Понятно - «Есть мнение». Но без этих слов спектакль скособоится. Да и Белов на это никогда не пойдёт, это тоже понятно. Выход нашли, и ЧНЗ в последней сцене сказал: «И куда они все ЕЗДИЮТ?»

Премьера спектакля «Сцены из районной жизни» состоялась 14 октября 1977 года. До 8 декабря 1991 года оставалось четырнадцать лет...

Александр Семёнов и Алексей Серёжкин в спектакле «По 206-й»

* * *

«Яковлич, в рубке никого нет...» - «Угу...» - «Да ты сам посмотри...» - «Щас. Шнурки только поглажу!» - «Я серьёзно!» Не отстанет ведь. Приподнял веки: виден только самый верх рубки, скосил глаза - лицо Саныча вполне себе встревоженное. Да что же это такое, а ведь придётся... поднялся и - о ужас! за штурвалом НИКОГО НЕТ!

...До Великого Устюга мы добрались по воздуху и первым делом принялись сколачивать декорацию, которую распилили, чтобы впихнуть в самолёт. Тут и узнали, что никуда дальше не проехать: половодье, дороги раскисли, так что пожалуйста на речной маршрут. Чудненко. Остап Ибрагимович на «Скрябине» по Волге, а мы по Сухоне на ПТ, он же пассажирский теплоход, он же «Потерпи, Товарищ». Хотя мне прямая выгода: не надо вставать в семь утра, чтобы утрясти детали с транспортом, поскольку после восьми уже никого не застанешь (я согласился взять на себя хлопоты бригадира). Плывём себе и плывём. Погода прекрасная, бригада вся на палубе, ловим солнышко, загораем. Но плыть без рулевого мы не договаривались. Тут в голове картинка полыхнула: при погрузке команда какой-то ящичек протащила, в глазах у всех троих был замечен специфический огонёк. Кинулся вниз, в салон, и точно - тот самый ящичек, на нём на дощечке лук, солёные огурчики, плавленые сырки, хлеб, вокруг голубки наши воркуют, «фугас» распечатывают (были такие огромные бутылки с плодово-выгодной отравой). На моё краткое энергичное обращение рассудительно отвечают: «А здесь прямой участок реки, штурвал закрепили, куда мы денемся?»

В первой же деревне нет света. «Ну и что», - успокоила завклубом. Соорудили рампу из керосиновых ламп, за кулисой на столике - ещё лампы, все персонажи

спектакля выходили с личными светильниками, зрелище было просто завораживающим. А, собственно, какую сцену видели зрители в доэлектрическую эпоху?

Немного погодя бригада узнала о пустой рубке, потом вспоминали: «Плыли мы на Летучем Голландце...

* * *

«Мой адрес - не дом и не улица», - мелодично выпевают «Самоцветы». В салоне «Волги» тепло, три пассажира клюют носами. Впереди главный художник театра Вилен Васильевич Нестеров, при его габаритах он только там и может сидеть, сзади - режиссёр Валерий Петрович Баронов и я. Глубокая ночь, мороз, лобовое стекло забивает снежная крупа, сплошная темень кругом, трасса Череповец - Вологда абсолютно пустая, ездить в такую погоду дураков нет. «Заботится сердце, сердце волнуется...» У нас под ногами что-то крякнуло-хрюкнуло-взвизгнуло, и «Волга» замерла в седловине перед долгим подъёмом. Водитель погромел ключами под машиной и обречённо махнул рукой.

Минут через двадцать Баронов прохрипел: «Вилен, дай нож!» - и стал остервенело пилить шнурки на своих ботиночках. Ясное дело - придётся идти, замерзать никому не хотелось, а мне ещё и нельзя, утром репетиция в театре, а к вечеру надо вернуться на спектакль в Череповец. Одолели подъём, оказалось - до Чернеево всего ничего, километра полтора. Стучим в первую же избу, отозвалась хозяйка, судя по голосу - возраста солидного. «Пустите обогреться», - взмолился Вилен Васильевич, в ответ: «На мехдвор ступай, они всю ночь котёл топют». - «А где это, ГДЕ?!» И из-за дверей: «Дак вон тамотко!»

Какие-то здоровенные мужики ночью колготятся на крыльце - в принципе понять бабульку можно, в принципе-то... «Тамотко» довольно быстро отыскалось,

и окоченевшие зомби ввалились в котельную, молча ринулись к огромному баку с горячей водой, буквально облепили его... Жуть.

* * *

У околицы наш автобус поджидали три ухоженные собаки с крутыми ядрёными хвостами крючком, не гавкали, сопровождали до клуба - значит, село крепкое, весёлое, клуб - чистый. Так всё и оказалось, даже сцена оборудована - конечно, в меру возможностей. Завклубом объяснила, что председателя не будет, он занят, но если нужно повидаться, то дом его недалеко.

Когда на крыльце появился хозяин, я даже охнул: ко мне подходил настоящий Алексей Михайлович Серёжкин, уже и переодеться успел на спектакль - мы привезли «Над светлой водой» Белова, где у Алёши была роль председателя колхоза. Настоящий председатель оказался таким же крупным, ширококостным, такое же лицо добродушное, такая же лёгкая походка, вот только на щеке рваный шрам (у меня ещё мелькнула мысль, что медведь лапой отмахнулся). «Без вас, - говорю хозяину, - не начнём, и рассчитаться по договору надо бы...» - «Да нет, - отвечает, - у меня сегодня баня намечена, а с оплатой - до магазина дойди, там продавец всё порешает». Оторвал от газеты, которую держал (растопка?), клочок, пристроил его на калитке, что-то написал там карандашиком, протянул мне: «А то давайте все в баньку, попаритесь, отдохнёте, а концерт завтра представите?» Банька... Домашняя... Хорошо бы...

В магазине за прилавком снова очень «сурьёзный» мужичок в чёрных рукавниках и ермолке, переставлял товар на полках; на лавке сидела суровая старуха, на другой - три молодки в праздничных сарафанах, терпеливо ждали. В дверях возник дедок в опорках и зимней

ушанке (я не придумываю!), просёк ситуацию и потихоньку подсел к старухе. Та задумчиво вздохнула, подняла голову и... буквально уткнулась в рыжую щетину и огромный, с синими прожилками нос... Молодки отхохотались, и одна из них проговорила нараспев: «Сидела, отвернулася, давай поворотимся...» (забористую прибаутку цитировать в полном виде, простите, не могу), все трое сверкнули ярко-синими глазами и опять залились-зазвенели. Мужичок в ермолке прочитал записку, аккуратно сложил и упрятал в карман обрывок газеты и выдал мне необходимую сумму, всё это - молча.

«И разбудят меня, позовут журавлиные крики...» Песню Рубцова в спектакле пел баритоном Серёжкин. Пел, немного подражая Шаляпину. Подражал, думаю, скорее подсознательно, у него было особое отношение к великому артисту, отношение ученика к УЧИТЕЛЮ. Алексей Михайлович собирал шаляпинские грампластинки, дома у него на отдельной этажерке стояли книги о нём. А вот в разговоры о профессии Алёша не ввязывался, отшучивался: «Выйди вовремя на сцену, похлопочи лицом, расскажи текст, желательно - с некоторой горячностью...»

Обаяние его было абсолютным. Какую работу ни дай - правда будет за ним. Как-то в современной пьесе назначили Серёжкина на роль «отрицательную» - план не выполняет, бузотёр, выпить не дурак. Два раза передельвали, но всё равно было непонятно, почему этого симпатягу и добряка гнобят всякие правильные зануды. Спектакль пришлось снять с репертуара. Да и в жизни Алёша мог осерчать, кричать, гневаться, но через пяток минут остывал, пыхтел, глаза - виноватые...

В «Светлой воде» Серёжкин так же пыхтел, виновато отводил глаза, когда понукал Фёдора, по пьесе - своего отца, немедленно уезжать из Каменки.

Никак не могу вспомнить, в каком районе Вологодчины видел такое: небольшое голое, ни кустика, поле, посредине пологий холм, на холме стоит одинокая блочная пятиэтажка. (В стареньком деревенском клубе объяснили, что на холме строят центральную усадьбу. Может, всё-таки пошутили?).

На селе мы начинали не раньше, чем хозяйки коров подоят, потому спектакль закончили уже затемно, но хвостатенькие нас дождались и проводили до самой околицы.

* * *

Сижу на лавке в добротной крепкой избе, жду хозяйку: договорился брать здесь молоко, иногда и домашний творог. Далековато, конечно, километров пять от театральной дачи, но ближе нет. Зашла суровая на вид, сухонькая, жилистая старушка в плюшевом жакете (принарядилась, а как же), молча кивнула на моё «Здравствуйте», прислонилась спиной к печи, греет годами натруженные руки (по вечерам уже ощутимо зябко).

Помолчала и очень веско, не глядя на меня, проговорила: «Я в городе тоже бывала. В городе-то. Не понравилось мне. Каблуцками-то цок-цок, да двери-то всё отпирает-запирает, да цок-цок... Не понравилось... У нас в деревне раньше народу много было, народу-то, все работали... А теперь только отдыхат приезжаут (это, стало быть, про меня). А раньше работали все, а потом, может, слышал, стали кулачить. Кулачили, кулачили, вот хозяев-то и не стало. Не стало...»

30 сентября 1979 года мы записывали в Череповце на телевидении спектакль по пьесе В. И. Белова «Над светлой водой». В финале Георгий (Л. Рудой) сидит во дворе за столом, его отец (В. В. Верхорубов) в глубине, у ворот, Трефёна (М. В. Щуко) уходит в дом. На сцене отец и Трефёна

были у меня за спиной, но в павильоне ТВ выгородку поставили так, что я видел Трефёну. Она с поклоном попросила прощения за всё, поднялась на крыльцо, задержалась, опёрлась спиной о дверь, смотрит перед собой... На крыльце стояла та самая старуха, которая «в городе тоже бывала», не хватало только плюшевого жакета, та же поза, те же огромные, с узловатыми пальцами, готовые к любой работе руки, те же тёмные, невероятной глубины глаза, которые увидели ДРУГОЕ. Она решилась на что-то и очень тихо ушла, аккуратно притворив за собой дверь.

...Через несколько дней Вологда прощалась с Мариной Владимировной. Уже смеркалось, но люди шли, шли и шли.

* * *

Я поднялся на четвёртый этаж, постучался, приоткрыл дверь и заглянул в кабинет главного режиссёра Александра Иосифовича Попова: «Можно?» За столом сидели двое: хозяин кабинета Попов и какой-то молодой мужчина с выразительным и очень бледным лицом. Он внимательно смотрел на меня, и Александр Иосифович оторвался от бумаг: «У тебя срочное?» - «Школа просит провести встречу, можно мне опоздать на вечернюю репетицию минут на тридцать?» Попов что-то прикинул: «Можно даже на час, там до тебя много работы». - «Спасибо», - и я прикрыл дверь.

Месяца через три, когда шли прогоны спектакля «Мой гений» по пьесе В. Аринина и В. Кошелева, режиссёр Геннадий Соловский рассказал мне, что, когда он и Попов обсуждали примерное распределение ролей (примерное, так как Соловскому ещё надо было познакомиться с труппой), на главную роль было несколько кандидатур, и тут в кабинет заглянул актёр, переговорил с главрежем и исчез. «Да вот же он», - показал Соловский. «Кто ОН?» - не

понял Попов. «Батюшков!» Геннадий Сергеевич утверждал, что именно так я был назначен на роль Батюшкова.

Соловский предложил «простое» решение спектакля: мы расскажем о нескольких днях жизни Батюшкова, о нескольких его ПОСТУПКАХ... Приехал к нему сосед-помещик, просит продать молодую дворовую девушку, дело обычное: и продавали, и в карты проигрывали, но Батюшков категорически отказывает. Все - продавали, он - нет... В Отечественную войну 1812 года он просил направить его на фронт, ему отказывали, берегли поэта, тем более что в 1807 году Батюшков был тяжело ранен в Восточной Пруссии. Но Константин Николаевич добился своего и под началом генерала Раевского с боями дошёл до Парижа. Вполне мог служить где-нибудь в Петербурге... Поэт любил Анну Фурман, они даже обручились, но он понял: Анна его не любит, она считает, что по каким-то причинам ДОЛЖНА выйти за него замуж, и Батюшков возвращает Анне обручальное кольцо...

На выпуск спектакля приехал руководитель постановки Игорь Олегович Горбачёв (художественный руководитель Ленинградского театра имени Пушкина). Посмотрел прогон, снял свой элегантный пиджак, засучил рукава, позвонил в Ленинград, перенёс все свои дела, и несколько дней мы жили в театре: после утренней репетиции перекусишь, чашик подремлешь, глотнёшь горячего кофе, который в огромной кастрюле разносил по гримёркам наш замечательный замдир Николай Николаевич Губенков, он же НикНик, и - вот она, РАБОТА!

На последней генеральной я не выдержал: «Игорь Олегович, завтра - сдача, когда же монолог займётся?» - «Лёня, монолог - финальный, что тут ещё репетировать?» - «Да, но...» - «Хорошо. Выходи вот сюда. Говори». Говорю. «Стоп. Уходи. Стоп. Повернись и сделай шаг вперёд, и

ещё один, медленно, договори до конца - и уходи. Понял?» - «Понял!»

На сдаче спектакля я вышел вперёд, единым махом всё сказал и ушёл. Горбачёв (он был наверху, у осветителей) подпрыгнул, завис, как в хорошем балетном прыжке, и... А вот что он оттуда сверху провозгласил, вернее, просипел, я передавать не буду. Не буду, и всё. Вот так.

И, наконец, премьеры. У меня давно обривалась привычка перед началом потрогать руками мебель, реквизит, декорацию, стул чуть-чуть сдвинешь - и он уже твой, родной, это ты его сюда поставил. Зрители шумели как-то необычно, я прислушался - и вдруг отчётливо понял: они никогда не слышали голос Батюшкова!

Тело вмиг заковенело, пальцы еле сгибаются, ладони холодные, мокрые, липкие. Даже не понимая толком, что делаю, по узкой и крутой лестнице поднялся на самый верх... коридор, повернул, ещё коридор, вошёл к нашим мастерам по свету... справа у маленького столика сидит Игорь Олегович (он свои премьеры смотрел от осветителей), увидел меня, глазом не моргнул: «Будешь?» - и, не дожидаясь ответа, налил кофе в белую чашечку. Я подсел, помолчали, сделали по глотку, курнули, Горбачёв спросил спокойно: «Начнём?» Я встал, голова ясная, лёгкое тело, мягкие и тёплые ладони - и пошёл на сцену...

В XIX веке выражение «Мой Гений» означало буквально «Мой Ангел-хранитель».

* * *

Плавленный сырок «Дружба», луковица, пакетик супа быстрого приготовления, пучок зелени. Что из этого можно сварить? Мне понадобится рецепт. А вот для Виктора Алексеевича Лазарева это был не вопрос. Он не готовил, он колдовал. Нацепит фартучек чистенький и колдует, да

ещё деликатно беседует с продуктами: дескать, так не жмёт? а эдак удобно? И - готово нажористое вкусненькое блюдо. Конечно, это опыт областных гастролей, но и, безусловно, талант.

В 1979 году, когда наши две семьи решили часть отпуска провести вместе на даче театра, я надеялся перенять у Виктора какие-нибудь кулинарные хитрости. Однажды утром встал пораньше (договорились идти по грибы), сделал пару шагов... и очнулся уже в вертолёте. Было очень весело, анекдоты рассказывал, попутчики из медслужбы поглядывали озабоченно, потому что хихикал только я сам. Позже узнал, что Лазарев несколько километров бежал через лес, чтобы вызвать мне машину скорой помощи...

Чувство правды и, как мы говорим, вера в предлагаемые обстоятельства были у него в крови, невозможно представить себе, что Лазарев наигрывает, врёт. Он тонко чувствовал природу смешного: выйдет на сцену, сделает небольшую паузу, и в зале тут же пробегают смехок ожидания. Виктор не смешил специально, он как бы отстранялся от абсурда, нелепостей, не улыбался, в глазах какая-то усталость, а зрители смеялись...

Очень наглядно проявилось умение Виктора Алексеевича распорядиться минимальными средствами в его Диогене (постановка Евгения Минского). Практически весь спектакль сидел Диоген в своей бочке, вокруг стая стервятников пиарилась на человеческой боли (очень даже сегодняшняя тема, не правда ли?), и когда голова выныривала из убежища и Диоген очумело всматривался в окружающих, всё прекрасно было видно, всё понятно, всё читалось.

Сколько Остап брал в Васюках за игру в шахматы в клубе «Картонажник»? А сколько в Пятигорске за вход в Провал? В любой момент мы с режиссёром Резцовым могли задавать друг другу подобные во-

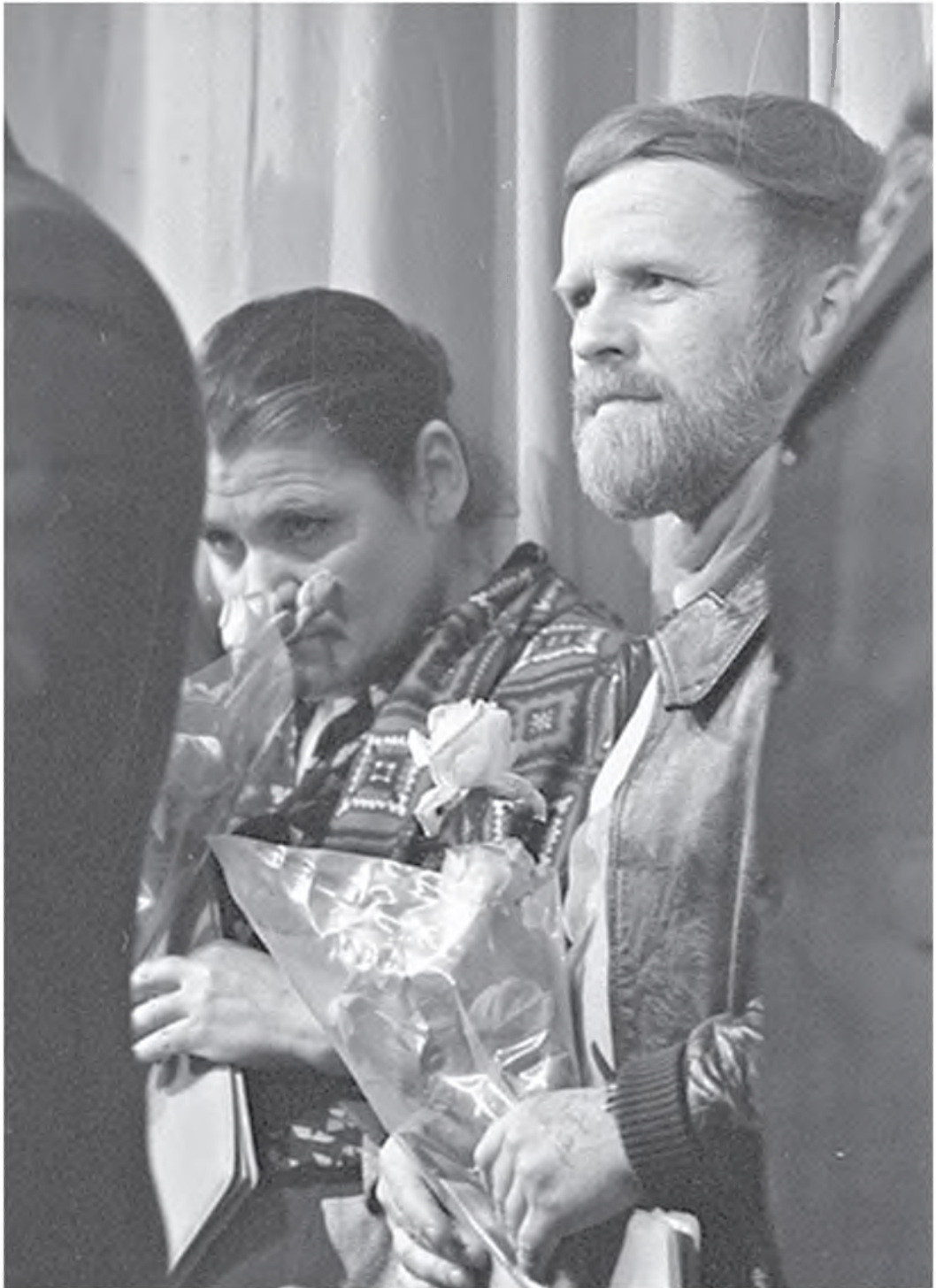
просы - хороший способ от репетиционных проблем отстраниться. Миша вообще довольно плотно обдумывал постановку «Двенадцати стульев», прикидывал распределение ролей, и знаю точно - там всегда фигурировали Лазарев и Рудой. Увы, не было тогда в труппе театра Остапа Бендера, а когда появился, Резцову оформляли документы на стажировку в Ленинграде. Не суждено...

Я загружал в пакет свои вещички (грим, зеркальце и т.д.), когда в гримёрку зашёл Лазарев, вздохнул: «Значит, правда - уходишь...» И негромко, очень искренне: «Лёнь, а может, не надо? Потихоньку образуется всё. Оставайся, не уходи...» Вот что это было? У нас с Виктором Алексеевичем сложились хорошие, крепкие профессиональные отношения, но чтобы, как говорят, на короткой ноге - такого никогда не было. И вдруг - «не уходи...»

* * *

В 1989 году меня пригласили в труппу Гродненского драмтеатра.

Репетируем «Чайку» Чехова, ставит Миша Резцов, я - Тригорин. До премьеры несколько дней. Сцена Тригорин - Нина (2-й акт) «не идёт». Резцов «лютует», я - в трансе. Идёт генеральная, сцена в очередной раз - мимо, враньё сплошное, тупой наигрыш. Миша объявляет перерыв, все уходят, я остаюсь на сцене, сижу в кресле, вяло сочиняю весёлые рифмы: кто же у нас бездарь тупой? - это, конечно, Лёня Рудой... и т.д., и т.п. Резцов сидит напротив на стуле, рот перекошен, глаза налиты бешенством. Пауза. Хорошая, содержательная пауза. Потом кричит: «Работаем, все на сцену!» Собрались все. Стоят. Понимающе молчат. «А где Рудой? - вопит Резцов. - Ему что, особое приглашение нужно?!» И смотрит при этом прямо на меня! Говорю тихонько: «Я, вообще-то, здесь...» Робко так, осторожненько говорю. И тут

Василий Белов на премьере спектакля «Над светлой водой»

он меня увидел! Боднул кого-то головой, что-то промывчал - и: «Поехали дальше!»

После репетиции оставил меня: «Ну, что будем делать? Переносить премьеру? Кому-то другому дать эту роль? Кому? Вообще отменять этот спектакль? Что делать? Что?» - «Не знаю. Я что-то пропустил. Что-то важное очень, простое, но определяющее в этой сцене. А что - понять не могу».

На следующей репетиции это что-то нашлось. Простое, но - определяющее. Реплика Чехова. Вот она: «По заднему плану с озера в дом проходят Аркадина и Тригорин». Вот так! Это - во время сцены Сорин - Нина. Далее Нина - Треплев. И только после этого выходит Тригорин. Не от озера, а из дома! Какие там, к чёрту, сапоги и удочки?! Переделся в дорогу. Знает, что Нина - здесь, у беседки (или увидел, когда шёл в дом, или от Маши). Пока Аркадина чемоданы собирает - улизнул. В руках записная книжка, карандаш... Творит. Большой писатель земли русской. Светило. И рядом - хорошенькая наивная, чистая девочка. Это, братцы, совсем другая история. Уболтал старый ловелас молоденькую. Вот только побриться не успел. И это раздражает...

Пока работал в Гродно, были подписаны Беловежские соглашения. Поначалу думал, что поменялось название, а страна сохранилась, но со временем сообразил, что теперь живу за рубежом. Только в 1994-м сумел вернуться в Вологду. Сразу бросилось в глаза: на всех киосках, ларьках и на многих окнах первых этажей появились массивные прочные металлические решётки...

* * *

На сцене - добротная ухоженная русская печь, лежанку которой разделяет перегородка, на полу перед печью проведе-

на белая черта, она разделяет весь дом. Перегородка и черта - это государственная граница, она прошла через большое село, расколола его на две части, одна часть ушла на Украину, другая осталась в России. Семейные неурядицы Старика и Старухи, которые живут в этом доме, разбухли до межгосударственных конфликтов. За домом - две вышки с будками, между ними перекинут мостик. Пограничный пропускной пункт и таможня. В будках несут службу два брата; одному родители написали в свидетельстве о рождении «украинец», он учился в украинской школе, другому - «русский», и закончил он русскую школу. Но черту нарисовали так, что украинец оказался в России, а русский - на Украине, вот они и зубрят уставы, украинец - на русском языке, русский - на мове, время от времени выходят из будок и переругиваются. «Ах ты, хохол, такой-сякой!» - кричит украинец, «Ах ты, москаль, сякой-разэдакий!» - отвечает русский. Голова Рады решил, что одной черты мало, поставили забор из колючей проволоки, выкопали противотанковые рвы, проход по мостику - только по спецпропускам, строят Зону. Свободно бегают туда-сюда только сам Голова, на ходу созваниваясь с президентами разных стран, кланчит кредиты. По краям сцены два туалета, «М» и, естественно, «Ж». Чтобы навещать родных и друзей, Старик прорыл подземный ход между туалетами. Заходит кто-нибудь в кабинку «Ж» на Украине, а выходит, как ни в чём не бывало, из кабинки «М» в России. Тут ещё американец какой-то втёрся, говорит, что невесту себе ищет; его горилкой накачали и обчистили, мыкается теперь, на обратный билет гривны и рубли собирает. Внучок Старика попал в рабство, несколько лет вкалывал в кимберлитовой трубке безвылазно, добывал алмазы, бежал, но вот родной русский язык забыл напрочь, осваивает заново. В конце концов такая жизнь

Старика допекла, вспомнил он свою партизанскую молодость, выкатил из сарайки пушечку, которую прятал ещё со времён Ковпака, да и шарахнул прямой наводкой по всем этим таможнякам...

Ещё много чего абсурдного творилось в спектакле «Зона любви» по пьесе Сергея Алексева. Поставленная Михаилом Резцовым в «Русской антрепризе» в 1997 году, эта история воспринималась вологжанами и приезжими как абсурд, как клевета, как плод больной фантазии автора. Но насколько же она оказалась провидческой!..

Ещё в 1993-м Михаил Резцов написал мне: «Есть принцип, которому нельзя изменять: даже в чужих глазах нельзя становиться человеком второго сорта. Бог всё расставит как надо».

* * *

Я шёл на службу пешочком. Вологда прихорашивалась перед майскими праздниками. Повернул на Каменный мост и тут же увидел знакомую белую бородку. Белов стоял, заложив руки за спину, и, сощурившись, высматривал что-то в чистом, свежем апрельском небе. Я осторожненько обогнул его, чтобы не мешать, но Василий Иванович меня окликнул. Мы немного поговорили как бы ни о чём. После

моего Георгия в нашем общении нет-нет да и проскакивало что-то личное, как бы секретное: когда Белов смотрел на меня, всегда возникало странное ощущение, что он видит то, что понятно только ему одному. При этом в глазах Василия Ивановича всегда жило «чуждое, сладостное чувство новизны», о котором он говорил, вспоминая своё детство. Очень хотелось постоять с ним подольше, но надо было идти...

7 декабря 2012 года в кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы проходило отпевание В. И. Белова. Когда в центре храма я увидел небольшой гроб с телом усопшего, поразился: «Дитё малое... Ранимое дитё...» В жизни он всегда казался мне физически крупным человеком.

После обряда отпевания навалилась тупая, вялая усталость, я сидел около храма, пытался вспомнить что-то очень важное. И вспомнил! Это были слова из беловского рассказа «Душа бессмертна»: «Я одинок и свободен, я согрет, ноги обуты в тёплые мягкие валенки. И главное, никуда не спешу».

Не каждому дано ещё до своей старости понять, как коротка жизнь.

Леонид РУДОЙ

(Публикуется в сокращении)

Как чрезвычайно богат и разнообразен Русский Север, как много открытий дарит он при каждой встрече, как много впечатлений и размышлений! Необыкновенно мощная творческая сила снисходит здесь с небес на людей и проявляется то литературными, музыкальными и художественными произведениями, то ремёслами, народными промыслами и рукоделием, то песнями и былинами, то зодчеством или каким-нибудь ещё искусством. Ярким проявлением творчества на Севере можно отнести и театр.

Представьте: вы гуляете по старинной вологодской деревне девятнадцатого века, неспешно перемещаетесь по

деревянным настилам от одной огромной избы к другой, любуетесь конями на крышах, искусной резьбой наличников, высоким деревянным шатровым храмом, стоящим чуть поодаль, мельницами и амбарами, великанами колодцами-журавлями... За деревней шумит осенний лес, неспешно течёт речка, топят печи, в поле пасётся лошадь, у часовни дерутся два барана. Время от времени в деревне вам встречаются крестьяне в рубахах да сарафанах, спящие из дома в дом по своим хозяйственным делам. И тут с высокого резного крыльца старинной избы вас зазывают в театр. Позвольте! Театр? В избе?!

Да-да! Здесь нет декораций и нет сцены как таковой, да и незачем они, вы и так уже погружены в бережно и достоверно воссозданное пространство северной деревни с самого начала прогулки, а сейчас сидите в старинной рубленой избе, пахнущей деревом и смолой, на деревянных ящиках с подушками, укутавшись пледом. Драматический спектакль «Потерянный», действие которого через несколько минут начнёт разворачиваться у вас на глазах, - третий по счёту спектакль, поставленный в «Театре на повети» на стыке музейной и театральной деятельности. В основу пьесы, написанной научным сотрудником музея «Семёнково», заведующим научно-экспозиционным отделом Дмитрием Мухиным, легла документальная история крестьянской семьи Вологодской губернии XIX века. Оживить архивные документы и факты, познакомить зрителя с достоверным отрывком из истории Российской империи, найти вместе со зрителем параллели и актуальные проблемы тогда и сейчас, поразмышлять над вечными ценностями и такими понятиями, как семья, ответственность, совесть и долг, - вот задача, которую поставили перед собой сотрудники музея. Деятельность сотрудников «Семёнкова» выходит далеко за рамки должностных обязанностей, и это вызывает восхищение!

Спектакль увлекает с первых минут. Уютный полумрак повети, протяжные фольклорные песни, сплетни и страшилки деревенских соседей, и вот вы уже невольно начинаете проживать роли вместе с актёрами. По сценарию, в деревню, в которой живёт некая крестьянская семья, состоящая из матери, сына и невестки, приходит извещение о неожиданной находке в больнице другого города старшего крестьянского сына, пропавшего двадцать лет назад, с требованием оплатить счёт за лечение. Семья затягивает пояса и оплачивает счёт, однако сын не возвращается в родной дом, зато приходят новые и но-

«Театр на повети» находится в буквальном смысле на повети старинной избы, памятника деревянного зодчества XIX века. Здесь нет декораций и нет сцены как таковой, да и незачем они, вы и так уже погружены в бережно и достоверно воссозданное пространство северной деревни...

вые счета. Каждое новое извещение вызывает всё больше споров и сомнений в семье, действительно ли сын болен, или мошенники используют его имя.

Всего час длится действие спектакля, но в этот час внимание ни на секунду не прерывается. Великолепная игра актёров заслуживает высокого признания! В спектакле задействованы сотрудники и волонтеры «Семёнкова» и только одна профессиональная актриса. Деревенские соседки чудо как хороши, каждая из них выглядит хрестоматийно по-крестьянски, но какие же они разные по характеру. Невозможно было поверить, что играют их не профессиональные актрисы! Единственную мужскую роль в постановке, роль младшего сына, играет сам сценарист и научный сотрудник музея - Дмитрий Мухин. Самую сложную, эмоциональную роль матери исполняет актриса Вологодского ТЮЗа Лариса Кочнева. Ей превосходно удалось передать переживания за судьбу взрослого сына, которого она не видела много лет, чувство вины, страдание, отчаяние и безумие.

Эмоциональное напряжение нарастает весь спектакль. К концу спектакля становится понятно, что документальная разгадка тайны так и не найдена, и старший сын домой не вернется, а на передний план

выходят тайны души и очень сложные чувства, которые могли испытывать реальные фигуранты архивных документов. Финальная сцена спектакля незабываема! Мечущаяся по сцене безутешная мать, на которую свалились переживания о потере сына, сжимает голову до боли, впадает в безумие, распахивает ворота повети на улицу и... уходит в никуда, рыдая, вслед за старшим сыном... Эффектно! Внезапное переключение на иное пространство, солнечный свет, который в этот момент врывается в дом, свежий воздух с улицы помогают разрешить напряжение и отпустить на волю эмоции. Слезы... Спустя минуту актёры выходят на поклон.

Браво! Прекрасная, живая и настоящая работа актёров, которые горят вдохновением, смогли так искренне прожить судьбы чужих людей и поделиться этим со зрителями. Час познания глубины жизни

и себя в этой жизни. Час человечности. И это, безусловно, заслуга режиссёра - заслуженного артиста России, режиссёра МХТ им. А. П. Чехова Павла Ващилина, которому удалось раскрыть сценические таланты непрофессиональных актёров, придать пьесе драматическую форму, правильно расставить акценты и поставить качественный спектакль в предельно сжатые сроки - всего за три недели!

Надо отметить, что спектакль родился на стыке дисциплин, одна из которых вполне может противоречить другой. Но данный опыт сотрудничества музея и театра, несомненно, дал исключительно положительные и любопытные результаты и имеет полное право на существование и развитие.

Яна СТОЛЯРОВА,
Москва
Фото автора

Создатели спектакля «Потерянный»

О летчике-герое - книга для детей

В издательстве «Древности Севера» вышла книга «Наши самолеты над Берлином» (6+) - адаптированная для младших школьников биография известного летчика Евгения Преображенского.

Это издание стало вторым в серии для детей «Вологжане - верные сыны Отечества» - этот проект поддержан Президентским фондом культурных инициатив. Первая книга проекта - «Дорогой верности. Рассказы о поэте Сергее Орлове».

Книга «Наши самолеты над Берлином» рассказывает об уроженце Кирилловского уезда, летчике Евгении Преображенском - под его командованием эскадрилья советских бомбардировщиков нанесла первый бомбовый удар по Берлину в 1941 году. За этот подвиг Евгений Преображенский был удостоен звания Героя Советского Союза. Издание приурочено к 115-летию со дня рождения Евгения Преображенского (1909-1963) и к предстоящему 80-ле-

тию Победы в Великой Отечественной войне.

Автор книги «Наши самолеты над Берлином» - землячка героя Ирина Суворовская. «Мы изучали архивные документы, читали мемуары штурмана, - рассказывает Ирина о работе над книгой, - встречались с односельчанами Преображенского, с сотрудниками музея и краеведами. Каждому факту искали документальное подтверждение. Несмотря на то, что это книга для детей, которая должна быть легкой и интересной, мы постарались сделать её максимально содержательной».

Вместе с Ириной над книгой работала художница Надежда Леонтьева. Надежда отметила, что до того, как создавать иллюстрации, она долго изучала исторический материал - от цвета купола храма в Волокoslавинском в те годы до вида кабины самолета Преображенского. Всё это помогло сделать иллюстрации максимально достоверными.

Сборник с ёмким названием

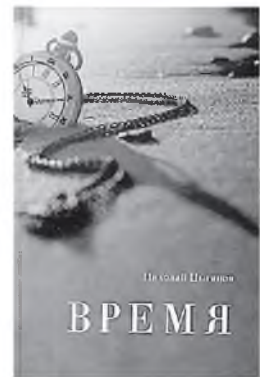
Вологодское издательство «Родники» в текущем году выпустило сборник стихов «Время» талантливого поэта из Кириллова Николая Цыганова. Это уже третья книга поэта; сборники «Пела скрипка» и «Дорога» тоже вышли в издательстве «Родники».

Родился Николай Александрович Цыганов в 1960 году в деревне Глебовское, недалеко от Ферапонтова. Об этих местах Николай Рубцов писал: «... что-то Божье в земной красоте». Живёт поэт неподалёку от родимых мест - в Кириллове.

В стихах новой книги Николая Александровича красной нитью проходит тема о необратимости земного времени. «Есть ли такие миры, где время можно повернуть вспять и подправить своё прошлое или изменить?» - задаётся поэт извечным вопросом нашей души и сам же отвечает, что самое главное время - то, в

котором человек живёт сейчас.

Стихи Николая Цыганова публиковал «Вологодский ЛАД», они печатались в московских журналах «Костёр» и «Юность», а также в антологии стихов о Вологде разных веков «В сиянии северных звёзд». Н. А. Цыганов - лауреат премии имени Станислава Мишнёва «Под синим небом» (дважды), а также премии имени Нины Груздевой «Твоё имя» (дважды). Удостоен кирилловский поэт и областной литературной премии имени Сергея Чухина «Настроив душу на добро...».

Сундучок с семейными историями

В какой-то момент своей жизни я поняла, что являюсь обладательницей интересных вещей, и каждая из них таит в себе какую-то историю. Об этих вещах захотелось узнать побольше. И рассказать о них тоже захотелось.

Елена Владимировна Пологих у своего чудесного сундучка

Я собрала их вместе, но положить было некуда. Тогда в нашем доме появился старинный сундук. Я сложила в него вещи - и почти сразу узнала о чудесном стихотворении Дмитрия Кедрина:

*Бывало, в детстве я в чулан залезу,
Где сладко пахнет редькою в меду,
И в сундучке, окованном железом,
Рабочий ящик бабушки найду.
В нем был тяжелый запах нафталина*

*И множество диковинных вещей:
Старинный веер из хвоста павлина,
Две сотни пуговиц и связка спиц,
Я там нашел пластинку граммофона,
Что, видно, модной некогда была,
И крестик кипарисовый с Афона,
Что, верно, приживалка привезла.
Я там нашел кавказский пояс узкий,
Кольцо, бумаги пожелтевшей десь,
Письмо, написанное по-французски,
Которое я не сумел прочесть.*

*И в уголку нашел за ними следом
Колоду бархатных венгерских карт,
Наверное, отобранных у деда:
Его губили щедрость и азарт.
Я там нашел мундштук, зашитый*

*в замшу,
На нем искусно вырезан медведь.
Судьба превратна: дед скончался
раньше,
Чем тот мундштук успел порозоветь.
Кольцо с дешевым камушком - для няни,
Таблетки для приема перед сном,
Искусственные зубы, что в стакане
Покоились на столике ночном.*

*Два вышитые бисером кисета,
Гравюр старинных желтые листы,
Китовый ус из старого корсета, -
Покойница стыдилась полноты.
Тетрадка поварских рецептов старых,
Как печь фриштык, как сдобрить
калачи,*

*И лентой перевязанный огарок
Ее венчальной свадебной свечи.
Да в уголку за этою тетрадкой
Нечаянно наткнуться мне пришлось*

*На бережно завернутую прядку
Кудрявых детских золотых волос.
Что говорить, - неважное наследство,
Кому он нужен, этот вздор смешной?
Но чья-то жизнь - от дней златого
детства
До старости прошла передо мной.*

«О, да это про мой сундук!» - подумала я. Зубов в стакане нет, но многое из перечисленного имеется. Кедринское стихотворение я всегда читаю в начале выступления с программой «Истории старого сундучка». Что же это за вещи, какие у них истории? Расскажу о некоторых.

Начнем с духовного. Библия 1882 года. В русском переводе, изданная в Синодальной типографии. Это первая Библия нашей семьи, моих родителей. Появилась она у нас в начале 1980-х. В то время не было в продаже книг религиозного содержания. Порой верующие доходили до того, что покупали атеистическую литературу, например, книгу Ем. Ярославского (настоящая фамилия Губельман) «Библия для верующих и неверующих», вырезали оттуда цитаты с евангельским текстом и аккуратно наклеивали на тетрадные страницы.

У моих родителей, которые в то время начали интересоваться верой, были в Ленинграде верующие и одновременно высокообразованные родственники, которые помогли им достать настоящую старинную Библию. Эта Библия произвела на меня, еще ребёнка, неизгладимое впечатление: от книги пахло стариной, а среди пожелтевших страниц я нашла с неизвестно каких пор засушенный цветок ириса. Мама сказала, что ирис - символ вечности, и положили его сюда не случайно. Потом я узнала, что ирис символизирует дружбу, и такие цветы могли дарить мужчинам.

Или вот еще одна старинная книга. К сожалению, отсутствуют первые и последние страницы, неизвестны название, автор, год издания... В книге описы-

На снимках автора - настоящие сокровища из семейного сундука. В этих вроде бы мелочах хранится время...

ваются паломничества по историческим местам. При подробном изучении становится понятно, что автор - популярный в XIX веке православный писатель Андрей Николаевич Муравьев, а книга называется «Путешествия по святым местам русским». Также в книге я нашла вложенные старые письма, вырезки из газет. По пись-

мам я поняла, кому эта книга принадлежала - одной нашей родственнице, верующей старушке из деревни в Шекснинском районе, которая любила читать вот такие старинные книги. Засушенный цветочек клевера воскресил в моей памяти воспоминание. В 1980-х мы отдыхали с родителями летом в этой деревне. Как-то идем из леса - и видим: немного не доходя до деревни, эта бабушка пасет коз и овец на лугу (скот жителей деревни пасли по очереди все деревенские). Сидит старушка на камне, читает старинную книгу; рядом козы, овцы, поля, и такое умиротворение кругом!

И ещё очень умилила меня заметочка, вложенная в эту книгу, - письмо из рубрики «Нам пишут». Названия газеты нет, а время, скорее всего - начало 90-х. Заголовки заметки - «Вам грустно? Пускайте мыльные пузыри». А вот полный текст. «В газетах пишут, что мы плохо живем. Врут! Они просто не умеют жить. А мы с дедушкой радуемся каждый день. Например, сегодня дедушка пошел на почту мимо магазина, а там - спички давали, и он около двух часов простоял в очереди. Зато узнал столько новостей! Пришел домой радост-

В вологодских школах, музеях и библиотеках экскурсовод Елена Пологих выступает с программой «Истории старого сундучка». Кроме того, со старинными вещами Елена Пологих знакомит участников занятия «Сундук историй» в рамках проекта «Интересная фамилия, или Увлекательная генеалогия для всей семьи», который реализует для вологжан общественная организация «Держаться корней»

ный, довольный и веселый. А вот вторая радость на сегодня: дедушке по талону дали половинку куска мыла за февраль. Мама от него отказалась, на одну стирку не хватит. Мы с дедушкой придумали, как его использовать. Положили в стакан, налили теплой водички, размешали, взяли две трубочки и стали пускать мыльные пузыри. Если бы вы могли видеть нашу радость на лицах, это трудно описать. Говорят, что в жизни счастья нет, - не верьте, его надо находить в любой обстановке.

Моё письмо к вам мама прочитала и обозвала меня экстремистом, а что это такое - ни я, ни дедушка не знаем».

Есть в моей коллекции и вещи приобретенные. На моём экскурсоводческом пути - множество «дубовых» историй: дуб в Основской роще, дуб в Ермолове, дуб на улице Рубцова в Вологде, будударные чернильницы в музее «Мир забытых вещей», в которые наливали чернила из галлов - дубовых чернильных орешков... Так что я просто не могла пройти мимо антикварной вещицы - броши с изображением дубовой ветви. Эта брошь конца XIX века (Европа, серебрение). Присматриваясь к ней, начала вспоминать символику дуба. Сразу вспомнился библейский Мамврийский дуб (кстати, есть у меня и частичка этой святыни, привезенная друзьями со Святой Земли). И такой факт: однажды мы были в Крыму на Троицу, и там в храмах вместо привычных нам берёзовых букетиков освящали дубовые. Изучив «дубовую» символику подробно, я узнала, что в христианстве дуб - символ Христа как силы и стойкости в скорбях, твердости в вере и добродетели. И вообще дуб - это символ мощи, крепости и долголетия. Очень широко это могучее дерево представлено в геральдике, и броши, подобные той, что попалась мне на глаза в антикварном магазине, были распространены в XIX веке, а поскольку символизировали мощь и величие, то могли считаться мужскими украшениями.

Маленькая записная книжка - память о Людмиле Григорьевне Яцкевич, маме автора статьи

Для меня дуб - символ истории, связующая нить между прошлым и настоящим. Вологодские дубы, о которых я упомянула, столько всего видели, они сохраняют в себе многие тайны!

Еще одна приобретенная вещь - антикварная визитница-поднос (начало XX века, Европа). Расписана очень нежными цветами, имеет фигурные ручки, небольшая по размеру. Подобные подносы для визиток находились раньше в приемной каждого приличного дома. Здесь посетители оставляли свои визитные карточки. Интересно, что визитками называли в старину не только визитные карточки, но и фотографии небольшого размера - визит-портреты, а также и мужские костюмы, приличествующие для нанесения визитов в приличные дома.

А вот старинные коробочки, которые мне подарили родственники. Эти вещицы обитали в старом доме в Псковской области. В них долгое время хранились гвозди. Но изначально у них было более

Сложно сейчас представить, какие люди оставляли свои визитки на этом старинном подносе...

интересное предназначение. Одна из них - это аптечная коробочка. На ней выгравирован герб и название препарата - пергидроль (перекись водорода). Крупно выгравирована фамилия - Э. Б. Гандин, присутствует надпись: «Литейная аптека». Поинтересовалась в интернете. Действительно, был такой Эммануил Борисович Гандин, работал провизором, а затем магистром фармации в аптеке на Литейном проспекте в Петербурге. С 1906 по 1916 год был управляющим этой аптеки. Есть на коробочке и более поздняя бумажная наклейка, на которой можно с трудом различить надпись, сделанную чернильной ручкой: «Жженые квасцы. Присыпка для пупка».

Остальные две коробочки - из-под чая, тоже дореволюционные. В них был чай известного товарищества чайной торговли «В.Высоцкий и К». На одной - надпись: «Поставщики Двора Его Императорского

Высочества Великого Князя Николая Михайловича и Его Величества Шаха Персидского. Основной капитал 10.000.000 руб. Годовой оборот 35.000.000 руб. Чай нашей фирмы имеются во всех лучших магазинах Российской Империи. При покупке наших чаёв просим покупателей обращать внимание на точность нашей торговой марки КОРАБЛЬ, заявленной правительству, и требовать чай Высоцкого с Кораблём».

Упомянутый Николай Михайлович, я так понимаю, - это тот, который жил у нас в ссылке в Вологде в 1918 году. А если открыть коробочку, на крышке с внутренней стороны - надпись «ПРЕЙСЪКУРАНТЬ» и названия чаёв, одно другого краше: «Царский букет», «Индийская роза», «Серебристый ароматный»...

Есть в сундучке вещи, связанные с памятью о моей маме, Людмиле Григорьев-

не Яцкевич, - она была доктором филологических наук, профессором, членом Союза писателей России. Умерла мама в 2022 году. Недавно нашлась маленькая записная книжечка из маминого детства, и там её детские стихи. Написала мама их, когда ей было лет 14 лет, а то и раньше, в 1950-е годы.

Хранится также альбомчик в плюшевом переплете, исписанный более поздними юношескими стихами, а помещен альбом в старую картонную папочку с завязками, с профилем Гоголя. Первый снег всегда волновал поэтов, интересно, что все пишут о нём по-разному. Было и у мамы стихотворение об этом явлении, она его написала в 18 лет.

*Первый снег, очень страшно, не надо.
Как трепещут снежинки. Смятение.
Суетливы они - не резвы -
Мы ещё летаем в высь!
Но упали, исчезли в грязи...*

*Первый снег, как тебе ненадёжно!
Как земля беспощадна и зла.
Для тебя ничего не возможно,
Но тревожна твоя белизна.*

*Первый снег, за тобою снега,
И разгулы метелей и вьюги,
Но беспомощность эта твоя
Будет чудиться в зимние сумерки.*

Мои бабушка и мама были хранительницами памяти воина и поэта, нашего семейного героя Владимира Калачева. Он был маминым дядей, бабушкиным братом. Родился в деревне Шекснинского района. Бабушка хранила его стихи, письма, книги, подписанные ему известными по-

*Интереснейшая, увлекательная,
познавательная встреча -
«Истории старого сундучка».
С каждой вещью связана
история, судьба человека.
О многом могут рассказать
и часы, и чайные коробочки,
и милый мишка... и удивительное
другое содержимое волшебного
сундучка. Благодарна Елене
Пологих за уникальный проект...
Рекомендую. Полезно и взрослым,
и школьникам!*

Ирина Семенская

этами того времени, такими как Всеволод Рождественский, Александр Прокофьев, переписывалась с череповецкими и шекснинскими школьниками, занимающимися краеведением. Мама пошла дальше - она всё систематизировала и издала книгу о Калачёве «Стихи. Письма. Воспоминания». Благодаря этому о Владимире Калачёве многие узнали. Его письма, стихи, фотографии, письма писателей к нему - всё это хранится в моем сундучке, и я рассказываю вологжанам о воине и поэте.

Изучать истории старинных семейных вещей очень увлекательно. Одна история цепляется за другую, иногда это помогает лучше понять историю нашей страны.

Елена ПОЛОГИХ,
член межрегионального
Союза краеведов

Премьера рубрики

Открывая в журнале раздел, посвященный «новым деревенщикам», редакция «Вологодского ЛАДА» представляет читателям доклад (в сокращении) одного из видных представителей сообщества - прозаика Натальи Мелёхиной на «круглом столе» по «новой деревенской прозе», который состоялся на форуме национальной премии «Слово» в Москве. Наталье Михайловне, постоянному автору нашего журнала, на взгляд редакции, удалось не только подметить основные черты, характерные для произведений авторов «новой деревенской прозы», но и наметить пути развития сообщества.

Вел встречу прозаик Максим Васюнов, лауреат конкурса имени В. И. Белова «Всё впереди» 2022 года. Кроме Натальи Мелёхиной, в обсуждении приняли участие Елена Антипова (Нижний Новгород), Андрей Пиценко (Краснодар) и Екатерина Блынская (Москва). Заметим, что Андрей Пиценко и Елена Антипова - финалисты премии «Слово», а Андрей Пиценко стал победителем беловского конкурса «Всё впереди»-2024. Участники разговора считают, что «новая деревенская проза» - это не проза «деревенских о деревне». Это направление - продолжение классического русского реализма на каком-то новом витке его развития. Нельзя не отметить, что новый раздел журнала отнюдь не исключает публикации в «Вологодском ЛАДЕ» произведений о жизни деревни, написанных не членами сообщества. Редакция ведет отбор не по тематике произведения или по членскому билету автора. Главный (да, пожалуй, и единственный) критерий - качество письма.

Картина Георгия Попова «Лунная ночь. Ряженые». 1983

Наталья
Мелёхина

Наталья Мелёхина - прозаик и критик из Вологды. Родилась в маленькой деревне Полтинино Грязовецкого района, окончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства Вологодского педагогического университета. Сотрудник вологодской газеты «Вологда-РФ». Лауреат нескольких литературных конкурсов.

Автор семи книг прозы, в том числе документальных исследований о героях Великой Отечественной Александре Панкратове и Сергее Орешкове.

Некоторые рассказы Н. Мелёхиной переведены на китайский и арабский языки. Прозу Натальи Мелёхиной не раз публиковал «Вологодский ЛАД».

Феномен не периферийный, а цивилизационный

Развитие темы деревни в прозе 2000 - 2020 годов

Для десятилетия с 2000 по 2010 год характерно постепенное угасание как читательского, так и писательского интереса к тематике деревни. Это, конечно, не значит, что она вовсе исчезла из художественной литературы, - заметим, что в указанный период продолжают творить классики Василий Белов (1932 - 2012) и Валентин Распутин (1937 - 2015), и хотя, безусловно, их самые главные, великие произведения к этому моменту уже написаны, оба прозаика публикуются, ведут общественную деятельность.

В этот же период появляется огромное количество произведений, подражающих прозе Астафьева, Абрамова, Шукшина, Белова, Распутина. В сознании читателей закрепляется стереотип: деревенский прозаик - это либо классик из школьной хрестоматии, либо бездарный эпигон. Огромная часть молодых читателей утрачивает на какое-то время интерес к теме деревне. Возникает ситуация, которую, на мой взгляд, ярко выразила поэтесса Наталья Усанова, уроженка города Харовска: «У нашего поколения с детства воспитали стой-

кое отвращение к традиционной российской культуре и к авторам, выросшим на её почве. Неприятие подготавливалось всей закостенелой системой образования и культуры. На всех праздниках извечно мелькали в тему и не в тему напаянные народные костюмы, песни в деревенском стиле, пляски «а-ля рюс». Только сейчас я начинаю понимать, что во всей этой паскудной показухе от подлинной народности была одна форма, а содержания не было. До содержания этого копать и копать».

Активно публикуются воспоминания о деревне, чаще всего о деревенском детстве, разнообразные художественные произведения, цель которых - мемориальная. Все эти тексты обращены в прошлое. Они фиксируют для потомков образ ушедшей в небытие деревни, начиная примерно с периода, предшествующего коллективизации, и заканчивая серединой 80-х годов. Современная сельская жизнь, современники-сельчане либо не фигурируют в таких текстах вовсе, либо упоминаются вскользь. Чаще всего персонажи - предки автора: бабушки-дедушки, прабабушки-прадедушки и даже пращур.

Очень популярными становятся сообщества в соцсетях и форумы, посвященные конкретным деревням, часто уже не жилым. Скажем, форум жителей города Мологи, затопленного Рыбинским водохранилищем, и близлежащих сёл.

В это же десятилетие выходят две книги, в которых, на мой взгляд, проявились тенденции, действующие и в данный момент. В 2006 году издательство «Вагриус» выпускает повесть «Земля Гай» Ирины Мамаевой, молодой карельской писательницы. В центре повествования - не бабушки-дедушки, а современные жители лесного посёлка Гай. Речь идёт о ликвидации лесного посёлка в середине нулевых годов. Один из героев Ирины Мамаевой - журналист, и писательница включает в повествование тексты его статей для местной газе-

ты, чтобы показать контраст между селом, которое существует в представлении общест-венности, сформированном СМИ, и реальным положением дел. Ирина Мамаева демонстрирует: к 2006 году деревня, село - это terra incognita для большинства горожан в наступившем XXI веке.

Вторая важная книга - это роман Бориса Екимова «Прощание с колхозом», опубликованный в 2005 году. Писатель соединяет в повествовании несколько эпох деревенской жизни, начиная от коллективизации, но не замыкается в прошлом и даже делится мыслями о будущем села. Писатель ориентируется не только на сельчан, но и на аудиторию, имеющую о жизни деревни представление весьма и весьма отдаленное. Таким образом, ещё начале наступившего века прозаики отметили разделение читательской среды на два слоя: сельчан, которым ничего объяснять не надо, и горожан, которым объяснять надо буквально всё до мелочей, поскольку многие из них уже к 2000 году жизнь людей в Турции или Египте представляют лучше, чем жизнь своих же соотечественников в деревне.

Почти пятнадцать лет назад, проанализировав тенденции современной литературы, профессор, доктор филологических наук Владимир Николаевич Шапошников отметил: «Современная литература есть литература городского аспекта и пафоса. Впечатления о деревне, имеющиеся нечастые, - дачные, сторонние. Они, по сути, тоже городские. И просторечие - это речь города». Владимир Шапошников зафиксировал точку крайнего падения интереса к деревенской теме.

Проходит буквально несколько лет, и писательница Ольга Славникова, говоря о литературе, представленной на премию «Дебют», вдруг замечает: «Деревенская жизнь снова оказалась востребованной». И она права: прямо на наших глазах деревенская тематика вновь вернулась на страницы тол-

*Деревня вовсе не для деревни,
ее голос крайне важен в хоре
современности. Если хотите,
то ее необходимо навязать
обществу, как и разговор о ней...*

*Андрей Рудалев,
критик (Архангельск)*

стных журналов и книг, в премиальные списки, и появились авторы нового поколения, которые по-новому её интерпретировали. Среди этих писателей: Моше Шанин, Андрей Антипин, Андрей Филимонов, Наталья Ключарёва, Алексей Шепелёв, Алексей Траньков, Ольга Гришаева, Игорь Корниенко, Максим Васюнов, Артём Попов, Анастасия Астафьева, Наталья Мелёхина и другие.

Всё чаще и чаще обращаются к теме деревни не только прозаики, но и поэты. Так, вологжанка Ната Сучкова в 2011 году выпустила книгу стихов с провокационным названием «Деревенская проза». Упомяну Ирину Кемакову из Архангельской области. Нельзя не назвать мегапопулярного среди сельчан поэта-песенника Игоря Растеряева. Они все родились в конце 70-х - начале 80-х годов, их детство пришлось на время распада СССР, а юность - на те самые нулевые, когда тема деревни находилась на периферии литературного процесса. Большинство этих авторов (разумеется, не все) выросли в деревне, а некоторые и сейчас продолжают в ней жить. В начале десятых годов XXI века они вступили в литературу с той темой, взволнованно рассказывая о том, что волнует их больше всего, - судьба деревни, судьба ровесников, живущих в этой деревне.

На большое количество авторов, так или иначе касающихся темы деревни, обращают внимание критики. В 2019 году в «Новом мире» выходит статья Андрея Пермякова «Незабытое, не очень старое», где

он анализирует сложившиеся тенденции, а в 2023 году критик Андрей Рудалев собирает писателей-«деревенщиков» ради принятия «Манифеста новой деревенской прозы». Видный российский критик обращает внимание на то, что и деревня, и Россия в целом сильно изменились; для того, чтобы описать происходящие процессы, нужна новая деревенская проза.

«В современной литературе деревня - зачастую территория отверженности, место хтони, нечто маргинализованное, заброшенное и присутствующее на обочине жизни. Но это совершенно не так, это взгляд поверхностный и свидетельствующий о том, что литература в последнее время крайне отделилась от того же простого человека, не старается его понять, а только лишь оперирует штампами. Необходимо также раздвинуть рамки. Деревня вовсе не для деревни, ее голос крайне важен в хоре современности. Если хотите, то ее необходимо навязать обществу, как и разговор о ней, потому как она вовсе не периферийный феномен, а фундаментальный, цивилизационный», - считает Андрей Рудалев.

И до, и после принятия манифеста «новые деревенщики» борются с многочисленными стереотипами.

Стереотип первый - «деревенщики» не любят город». Считается, что авторы, так или иначе обратившиеся к деревенской тематике, не любят заодно уж и за границу. Конечно, это не так. Современные авторы не исключают ни городскую, ни «заграничную» тематику из своих текстов. Возьмем Михаила Калашникова: у него есть рассказ «Последние дни в Помпеево», который остро ставит вопрос, почему молодёжь уезжает из деревень, - и в то же время есть роман «Город об одном дне», фактически признание в любви к Воронежу, где и живёт прозаик.

Стереотип второй - «в деревне живут одни старики, и те скоро умрут, и писать будет не о ком». По поводу этого клише

очень ёмко и точно высказался прозаик Артём Попов (Северодвинск) в статье «Пчелы и паразиты» («Наш современник», № 8 за 2020 год). Действительно, постоянно слышишь: «Деревня давно умерла, а вы всё ещё паразитируете на достоянии классиков...» К несчастью, многие литературные критики оторваны от реальной жизни в деревне XXI века, многие из них всё ещё представляют себе село таким, какое описано в беловских «Привычном деле» или «Ладе». Но оно существенно изменилось. Приходится подчёркивать, что в нынешних деревнях была, есть и будет молодёжь... Другой вопрос, что это будут за люди, будут ли они ощущать себя крестьянами, наследниками беловского «Лада», обретут ли они счастье на родной земле?

Стереотип третий - «из деревни все бегут, и все мечтают попасть в Москву, об этом и пишут «деревенщики». Критик Андрей Пермяков в своей статье «Незабытое, не очень старое» решил проверить это клише фактами Росстата и сделал вывод: «Парадокс, но сельское население у нас практически не уменьшается: до 1989 года шло непрерывное сокращение, затем всё стабилизировалось на уровне 25-27% от общей численности страны». На самом деле массовый отток населения из деревни в города по социальным, жилищным и финансовым причинам почти прекратился с началом 90-х. Сейчас молодым людям бежать из деревни либо некуда, либо незачем. Переселиться из деревни в город в наши дни невероятно сложно. В пример приведу рассказ Артёма Попова «А может, к чёрту любовь?». В основе сюжета - любовные отношения между молодой женщиной, счастливо переехавшей в город, и трактористом из деревни. Героиня, ставшая в небольшом городке помощницей прокурора, воспринимается односельчанами едва ли не как небожительница.

Стереотип четвертый - «деревенщик» обязательно «читает мораль», то есть при-

бегает к агрессивному дидактизму, не терпящему никаких возражений. Не встречала «моралей» в творчестве своих коллег. «Что такое хорошо и что такое плохо» и так каждый человек понимает с детства; другой вопрос, хочет ли и может ли он потянуть тяжёлое бремя порядочности... Если ты родился в деревне, то уже в раннем детстве осознаешь, что есть вещи, которые сам не исправишь, потому что человек мал и бессилён перед глобальными историческими процессами. И как в этом противоборстве с историей не очутиться внезапно на стороне зла против своей воли даже - это тоже тема для актуальной деревенской прозы. К примеру, очень жёстко такие вопросы поставлены у Андрея Филимонова в романе «Головастик и святые» или у Алексея Шепелёва в книге «Мир-село и его обитатели».

Стереотип пятый - «деревенщики» не признают новаторства в искусстве». Признают. И сами становятся новаторами, не зря ведь классическая «деревенская проза» стала именно «новым явлением» в литературе XX века не только России, но и других государств. Приведу пример - проза Игоря Корниенко, лауреата премии Василия Шукшина. У него есть роман-круг «Бездомные комнаты»: в нём с чего начинается повествование, к тому и возвращается в финале. Корниенко придаёт «кольцу» почти магический смысл, соединяя и деревенскую прозу, и магический реализм.

Новаторский подход мы видим у Андрея Филимонова. Представьте, что Виктор Пелевин решил писать деревенскую прозу по шукшинско-беловскому канону, - и получите роман «Головастик и святые». Раз уж большая часть читателей не знает реальностей современной деревни, то вот и ответ Филимонова: деревня Бездорожная - место действия в романе, словно находящееся в ином времени-пространстве. В некой пустоте, как в пелевинском рома-

не «Чапаев и Пустота». Вместо села на карте страны зияет «незнакомое пространство непонятного размера», населенное непонятными людьми с непонятной речью, непонятными обычаями и образом жизни. Автор показывает: русская деревня для России 2017 года, когда вышел роман, как бы есть, но ее как бы и нет.

По-прежнему практически не осмысленным остаётся огромный пласт фольклорного и иного культурного наследия деревень. Здесь простор для новаторства у «новых деревенщиков» невообразимо велик! Показателен цикл стихотворений Леты Югай, который так и называется - «Записки странствующего фольклориста».

С 2017 года Ирина Суворовская, живущая в Кирилловском районе (теперь это округ), плотно занимается общественным проектом «Шалга. Хроники исчезнувшего края». Писательница собирает материалы об утраченной местности, объединявшей более двадцати деревень на севере Кирилловского округа. «С бывшими жителями Шалги, а также с потомками этих жителей мы говорили и продолжаем говорить на совершенно разные темы - от истории местной церкви до рецептов шальской кухни», - поясняет Ирина. Логичным продолжением краеведческой деятельности Суворовской можно считать сборник «Двенадцать странных историй», куда вошли мистические истории, рассказанные земляками. У них, как это ни странно, даже нашлись архивные подтверждения.

Какие направления, на мой взгляд, будут наиболее актуальны в современной деревенской прозе? Конечно, в первую очередь, - экологическое. Всё чаще и всё ожесточеннее крестьяне (и не только, конечно, они) протестуют против хищнической вырубке лесов, мусорных свалок в заповедных лесах и лугах, отравления водоёмов и земель, запустения полей, жестокого использования животных

как расходного материала на гигантах-сельхозпредприятиях...

Предполагаю, что деревенской прозе по-прежнему будет присуще глубокое и болезненное переживание гибели традиционной культуры, описанной в беловском «Ладе», - а вместе с тем и тревожный вопрос: формируется новая культура новой деревни или нет?

Разнообразные вариации могут появиться в социальной проблематике. Одна из самых ужасающих тем - высокая смертность молодых людей в деревне, а также низкий уровень жизни, отсутствие «социальных лифтов», в том числе в виде миграции сельчан в город - удаётся ли им стать «крестьянами» в полном смысле этого слова?

Больно ударила по деревне оптимизация, её негативные последствия ещё не раз отразятся на жизни сельчан. Об этом явлении и его последствиях и сейчас пишут многие (в том числе и я); звучит она в рассказах Анастасии Астафьевой и Артема Попова. Надеюсь, наверняка не оставят коллеги эту тему и в дальнейшем.

Не может не отразиться в деревенской прозе тематика СВО, особенно с учётом того, что мобилизация коснулась не только молодых жителей села, но и поколения примерно сорока-пятидесятилетних сельских жителей, имеющих боевой опыт чеченских кампаний. Здесь показательны романы Екатерины Блынской «Время ласточек» и «Пойма».

Как в городе, так и в деревне люди не перестают искать ответы на вечные вопросы о смысле и ценности жизни, о природе добра и зла, о вере и безверии, о войне и мире и о возможных исторических путях развития своей страны. И это еще раз подчеркивает: деревенская тема нынче востребована. Отражение этого общественного ожидания читатели найдут в публикациях «новых деревенщиков».

Пиценко *Андрей*

Андрей Валентинович Пиценко - победитель Всероссийского конкурса имени Василия Ивановича Белова «Все впереди» минувшего года. Писатель родился в 1979 году в Краснодаре. Окончил юридический факультет Кубанского государственного аграрного университета. Рассказы, главы повести «Жизнь необъятная», очерк публиковались в российских журналах, на сайтах «Вологодский литератор» и газеты «Завтра». Живет в Краснодаре.

Последний день тысячелетия

*Гортань их - открытый гроб;
языком своим обманывают,
яд аспидов на губах их.*

Ап. Павел. Послание к Римлянам, 3:13.

1

Стиснутая лесами, посреди векового могучего сосняка, что розово румянится на всходящем или заходном солнце, молочно белеющего березняка да осинника, неспешно петляя, несёт свои воды река Шумилиха. Без малого четыре столетия назад, во время Смуты, на невысоком мыске по правому берегу Шумилихи объявился народ. То были люди из Грязовецкого края, оставившие свою деревню, разорённую и дотла сожжённую зло разгулявшимися казаками атамана Баловня. Так,

на отшибе, и появилась здесь деревенька, и над названием долго не думали - Погорельцы. Лесом пробавлялись: от него строились, добывали пропитание, угревались. Но с ним же шла и тяжкая борьба: веками погорельцевские мужики артельно рубили, жгли, корчевали лес, сажень за саженью расчищая землю под пашни. Сколько пота пролили они в здешние земли - поди, ещё на одну Шумилиху наберётся.

Почти четыре столетия жила деревня Погорельцы. Много повидала она радости и горя в чередё спокойного труда и

смутных да ратных времён. Прореженная вдоль и поперёк в Великую Отечественную, непонятно кем и почему признанная в начале шестидесятых «неперспективной», заморенная реформами новой власти, деревня подошла к своему пределу, пределу века и тысячелетия. Зимой девяносто девятого года в Погорельцах встретили всего три жителя...

Антипычу приснился странный сон. Будто сам он старик, а деревня - точно в его детстве, гуляет на Петров день. А он отчего-то в нижнем конце деревни, один-одинёшенек, и спешит он улицей вверх на полянку, что на угоре, за конторой. Уж на угоре в Петров день завсегда душа ликует: там чинные да к сватовству ведущие хороводы, захватывающие дух качели, задорные плясовые. На гулянье пестрит угор праздничной, самолучшей одежей. Взойди на него - и песней он тронет сердце, поманит румяной девичьей красотой, раззадорит хмельком и молодецким ухарством, все заботы детскими забавами развеет. Мужики и парни с ребяtnей, поди-ка, уже и в лапту да бабки играют. И не играют даже - сражаются! Ведь сколь девчат-то на них глядит! О-ох! Всем там сейчас радостно! В предвкушении заходится сердце Антипыча и словно толкает его вперёд. Поскорее добраться ему на угор хочется, а не выходит - ноги непрочные, словно кисея. И воздух какой-то густой, тяжёлый - точно не посуху идет Антипыч, а против течения по стрелю загребает. Весь уж взмок, а и половинны не одолел. На пыльной улице только совсем уж ветхие, сухонькие старики на брёвнах сидят. Сообща и каждый своё без слов вспоминают. Завидев Антипыча, понимающе кивают головами, старушки его мелко крестят, шепчут чего-то. Иных Антипыч никогда в деревне и не видал. Откуда они тут? На праздник, к родне, чтолича?

Задыхаясь, добрался Антипыч до полянки, стоит вот теперь, дух переводит. Народу - страсть! Кто-то замахал руками, и разом смолкли песни, хороводы распались. Ребяtnя и та присмирела. Тихо-тихо сделалось. И все смотрят на Антипыча до того пристально, что и не поймёт он: то ли в невиданные начальники выбился, то ли натворил делов каких. Отчего это встречают его так? К Антипычу спешит, чуть ли не бегом, Митроха-председатель. Подскочив, вроде чего-то говорит. Но слова его словно застревают в воздухе, снова густом и тяжёлом, и слышатся спустя мгновения. В первую секунду Антипычу потешно: Митроха, будто рыба какая, беззвучно рот разевает.

- Вот, Павел, а мы уж тебя ждём. Видал? Почитай вся деревня тебя провожать собралась, уважили, гулянье какое устроили, - доходят до Антипыча Митрохины слова.

- Это куда провожать-то? - изумляется Антипыч. - С утра навроде никуда не собирался.

- На войну, Павел. На войну...

- На какую войну? - всё больше удивляется Антипыч. - Уж отвоевали в сорок пятом.

- Так она и не кончилась тогда, Павел. Нечто не знаешь?

- Ты, Митроха, перебрал никак? - сердится дурной шутке Антипыч.

- Во даёт! Перебрал! Антип Лексеич, растолкуй сыну, что ли?! - оборачивается Митроха к народу. И повторяет, усмехавшись: - Видали? Во даёт! Перебрал!

Народ расступается, и выходит к Антипычу его отец.словно аккуратными стежками, идёт он. Так он перед смертью ходил - бережными маленькими шажочками, опираясь на батог, тяжело сторбившись, будто в поклоне всему миру. Подойдя, задрал вверх голову, долго глядит на сына старческими выцветшими глазами.

- Верно Митроха сказывает. Тебя, Павел, на войну-то. В лекруты, стало быть, - произносит отец.

- Да какая, в самом-то деле, война?! Никакая в толк не возьму. Чего случилось, что ли? Не пойму я ничего. Тятя, да поглядите вы на меня! Уж восьмой десяток небо копчу. Какой из меня рекрут?! - еще больше удивляется Антипыч. - Я уж своё отвоёвывал давно!

Чувствует вдруг Антипыч смятение. А не обманывает ли он отца, Митроху-председателя, да и весь народ? Пытается оглядеть себя - впрямь ли он старик? Смотрит, и понять не может.

- Дак больше, Павел, и некому, - слышится тихий и печальный голос отца.

- Это как же некому? - Антипыч поднимает взгляд, а отца уж нет. Ещё вроде отголосок отцовых слов не успел улетучиться - а уж нет его. И Митрохи-председателя тоже нет. Никого нет. Ни души...

- Тятя! Митроха! Где вы?! - испугавшись, заблажил Антипыч.

И проснулся...

В избе было темно. Вокруг оконного стекла, расписанного бахромой льдистых узоров, мутно серел отсвет снегов, нисколько, однако, не освещая самой комнаты, но делая темень в ней совсем уж густой и неразличимой.

Сердце Антипыча торопливо стучало, казалось, выпрыгнуть собиралось. Чудилось, будто тюкало оно у самого горла, в висках же гулко сверчала кровь.

- Вот ведь, эко стучит, зараза! - со сна глухо произнёс Антипыч.

И после его слов, словно эхо сердцебиения, внизу, на полу, тоже что-то забумкало. Тихонько так, как бы виновато.

- И ты не спишь? - вздохнул Антипыч, поглядел вниз, в темноту. - Это я тут сам с собою беседу завёл. Спи, спи.

Полежал он ещё в тишине, поворочался. Сердце его малость поутихло, колошматить нутро перестало. Но теперь почув-

ствовал Антипыч, как стала наполнять его неясная, тягостная тревога, от которой несильно, но назойливо стало ломить в пояснице.

Антипычу и раньше сны такие снились, когда на войну его провожали, но были они какие-то невнятные, летучие. Проснёшься, попытаешь схватить памятью - а уж нет его, одни нестройные обрывки и остались. А сейчас вот ярко и разборчиво всё так пригрезилось, будто взаправду оно и было. Всей деревней, да на войну провожали. И одного его. Хотя, может, и нечего тревожиться? Всё равно зная нету, к чему он, такой сон. Зато вот с отцом, маленько, но всё ж поговорил. Обычно во снах глядел на отца и мать навроде как со стороны, и они его никогда не замечали, и так, чтоб хоть словом перекинуться - никогда не было, как бы этого ни хотел Антипыч. Всегда это Антипыча угнетало. А сейчас вот удалось поговорить. По имени назвал его тятя. Так и сказал: Павел! Почитай, лет сорок именем никто не прозывал. Тут уж хочешь - не хочешь: накатили воспоминания. Ну а коль разгулялась в ночи память, дело - табак! Поёрзал, поёрзал Антипыч - и сел. Привычно помял руками колени и полез с тёплой припечной лежанки на голбце. Нащупал ногой приступок, вниз шажок сделал, другой, вот и пола коснулся. Скрипнули половицы. Нашарил валенки, сунул в них ноги.

- Ничего! - сказал сам себе Антипыч. - Покурим, значит, и обратно, в тепло.

На полу снова что-то забумкало. Теперь уж часто и радостно.

- Что, Варнак, всё окаянничает по ночам хозяин, не даёт дрыхнуть? - усмехнулся Антипыч и нащупал выключатель. Зажёгся свет.

В углу, на половике, с пристальным прищуром глядя на хозяина, стучал хвостом об пол чёрненький кобелёк с рыжими бровками, белой отметиной на груди и рыже-белыми носочками на лапах.

- Спи, Варнак, спи, ничо, - махнул ему Антипыч, и кобелёк, готовый было сию секунду вскочить, теперь расстроено зевнул, положил голову на лапы и исподлобья, как бы обиженно, поглядывал на хозяина.

Папирос, тем более сигарет, Антипыч никогда не жаловал, курил только самосад. Про то говорил: «Баловство одно, свиристульки. То ли дело мой табачишко, горлодёр. Уж как проймет, всё нутро зашевелится. Опять же - и в мозгу с него прояснение». Вот уж с чем нужды никогда не знал Антипыч, так это с табачком. Растёт он летом себе дурноростом в огороде - знай себе собирай, суши да руби. А из давно заброшенной избы-читальни натянул газетных подшивок - уж куда с добром. Смолить не пересмолить.

Антипыч сел за выскобленный к празднику старый стол отцовской ещё работы. Провёл по нему рукой, ощутил приятные на ощупь, плавные ямочки от самоварных угольков и шероховатость множества щербинок - следы жизни большой некогда семьи. Чему-то усмехнулся, закивал головой, будто соглашаясь со своими мыслями. Зябко запахнул заношенную овчинную душегрею, надетую поверх клетчатой байковой рубахи, и принялся крутить «козью ножку» из пожелтелой газетной бумаги.

Антипыч закурил и, сгорбившись, прильнув подбородком к груди, зашёлся долгим, тяжело kloкочущим кашлем.

- Ох, зараза, вишь, как продрало, - откашлявшись, сказал Антипыч и замолчал. Он курил, уставившись перед собой взглядом, снова согласно закивал головой, беззвучно шевеля губами, будто повторяя какое-то слово.

- Да, так тятя и сказал. Павел, - теперь вслух произнёс Антипыч. И повторил по слогам: - Па-вел...

...Как и всем на войне, очень хотелось Павлу выжить. Подвигов совершить навряд ли довелось, но и не прятался, во-

евал честно. Вернулся с победой в деревню - а там бабье да стариково царство. Полюбило мужиков. Иной раз отчего-то совестно было Павлу в глаза вдовам да сироткам глядеть. Ведь он ни женой, ни детишками не обзавелся, к жизни не успел еще прикрепиться - но вот выжил. И вроде не за что себя корить, нет на нем никакой вины, такая доля выпала, но иногда накатывало: опустит глаза и шагает по улице, словно вор какой, будто жизнь свою он украл у кого. А Павла бабы да старухи иной раз провожали долгим взглядом. По-разному, казалось, на него глядели. Может, и вопрошали невольно: а мой-то чем хуже был? И у каждой на избе красная жестяная звёздочка, а то и не одна. Бывало, смотрел на эти звёздочки Павел, вспоминал парнишек и мужиков, и мнились ему их голоса: «Ты уж, Павел, того, за нас-то поживи, крепко поживи, ежели вот так оно довелось...» И хоть у него самого на избе две таких звезды и поныне имеются - двух старших братьёв забрала война, но он-то живёхонек вернулся. В первый послевоенный год выросло в нём ощущение, что отныне спрос с него будет таков: для чего, Павел, соколик ясный, ты возвратился? Для каких дел, для какой жизни? Кто, когда, как с него спросит - Павел не знал. Но потаённой, нутряной болью, от которой на душе как-то светло и одновременно горько делалось, угадывал Павел - во первую голову сам он с себя и спросит. И не зная точно, как поступать, только чувствуя, словно отвечая пред собой и перед всем миром, ломил Павел в колхозе до седьмого пота.

Наобособицу тогда не жили. Часто бывало, заходил к отцу или матери кто-нибудь из соседей вечер скоротать, чаю попить иль чем нехитрым одолжиться. А того чаще - за укреплением друг к другу ходили. Горе-то огромно навалилось, одному такую суму дюже тяжко мыкать, союзно - все ж полегче. Старики на табак на-

легали, молчали больше. Бабы вздыхали, тихонько смахивали слёзы да затягивали песни. И далёкая юдоль былого, немудрёно и вместе с тем непостижимо объятая песнями, соединяла в них вековечную и свою, такую близкую боль и тоску. Поэтому редкую песню дотягивали до конца в то время бабы - то и дело на плач сбивались. Бабы облегчались слезами, помалу жизнь брала вверх, и не вдруг, но выправлялся разговор. А уж как выправлялся, так, бывало, делились, у кого какое по хозяйству злополучие стряслось. Дескать, там вот подладить уж давно надобно, здесь подбить, тут упочинку сотворить, а кому её делать-то? Рук мужицких нет во дворе.

- Ничё, это мы враз соорудим. Завтра забегу, - говорил тогда Павел и непременно закуривал. Дело, значит, решённое. И правда, забегал назавтра и делал.

В сорок шестом Павел сосватал и привел в дом из соседней деревни красавицу Катерину. Потом, в год произвели молодые первенца, сына. В колхозе же произвели Павла в бригадиры, а деревенские вдовы и старухи - в наипервейшего своего помощника. Здоровьем Павла природа не обидела, да и помогать нравилось. Хорошо, счастливо на душе делалось, когда видел он людскую радость даже от самой немудрёной, плёвой подмоги. Магарьчей Павел не брал. Ежели намекали ему, скажем, на поллитру - обижался. На особо ретивых, бывало, и покрикивал. Поэтому, чтобы хоть как-то уважить Павла, стали величать его бабы по имени-отчеству: Павел Антипыч. К тому приладилась и Катерина, сперва озоруя, а потом уж и у неё в привычку вошло. А после смерти отца да матери имя как-то незаметно оттёрлось, осталось одно отчество. Так для всей деревни окончательно и сделался Павел, не прожив и тридцати годов, Антипычем. Да и нынче: в райцентре с чьей-то легкой руки в шутку стали деревню Антиповкой называть...

Антипыч докурил. Поглядел на старые настенные часы: два часа ночи. Пошёл к ним, тронул часовую гиричку, сделанную под еловую шишку, и улыбнулся. Когда-то давно у часов отворялась дверка и выскакивала кукушка. Ребятки, малые еще были, однажды любопытствовали, поглядели они на кукушку, что там у неё да как - с тех пор и дверца не открывается, и кукушка не кукует.

Рядом с часами висел отрывной, истончившийся до крайности календарик. Пазганул Антипыч с него листик, взглянул на последний оставшийся и вслух прочитал:

- Пятница, тридцать первое декабря, одна тыща девятьсот девяносто девятый год.

Антипыч провёл по буквам и цифрам жёлтым от табака ногтем, будто удостоверясь, не ошибся ли он, верно ли прочёл?

- Ну, брат, дородный ты был, а вот, поди, тоже схуднул, - глядя на календарь, усмехнулся Антипыч. - Одно в тебе тридцать первое декабря и осталось, а завтра уж и того не будет. Что, денёк, последний ты в году и остался. Эко тебе выпало! Не год заканчивать, и не век даже! Тыгаше..., тыча..., тьфу ты черт, хрен тебя выговоришь! Тыщачелетие! Всё вместе - одним разом! Во как фартануло-то тебе!

Антипыч обернулся к кобельку, уже задремавшему, и произнёс:

- Вот и дожили мы с тобой, Варначок! До нового тыщачелетия! Во как! Дожили! Ну, ты-то супротив меня мокроносый ещё.

Кобелёк открыл глаза, приподнял голову и, внимательно слушая, наклонил её сначала на одну сторону, потом на другую.

- Ладно, ладно, ты, Варнак, не обижайся на меня. Не мокроносый, это уж я дал чересчур, - примирительно продолжил Антипыч. - Мальчонок ты. Так и есть. Супротив меня - совсем мальчонок. Точно тебе говорю. Я, брат, знаешь, с каких времён по земле хожу? Ой! Я с двадцать шестого года! Твои прадеды тогда ещё в очере-

ди стояли, чтоб на белый свет заявиться. А вот живём да вместе хлеб жуём! Верно я говорю?

Антипыч щёлкнул выключатель, у приступка стащил валенки с ног и полез на голбец: на теплую припечную лежанку. Улёгся, снова долго ворочался, кряхтел и вздыхал. В ответ постанывала от мороза изба, будто старыми косточками, пощёлкивала промерзшими венцами. Иной раз, казалось, будто и она вздыхала - ей тоже было о чём вспомнить.

2

Утром, как сделалось поглядно, Антипыч встал. Покормив Варнака и наскоро позавтракав сам, старик засобирился. Кобельку, ринувшемуся было к двери в сени, дал наказ:

- Ты, Варначок, остаёшься на охране. Стало быть, за главного в избе! А я скоро буду - к Родиону забегу, малость по деревне пройдуся да поклонюся ей. В этом-то веке когда ещё сходишь? Правильно, брат, уж и не сходишь. Завтра, Варнак, уж другой век будет. Так-то.

Антипыч задумчиво посмотрел в небольшое зеркало, давно висевшее на стене и успевшее помутнеть от времени. Жалость тронула его. Суровый отходящий век выменял у него юность на войну, братьёв - на жестяные звёздочки. Но ведь и этот самый век подарил ему жизнь, родительский ладный догляд, добытую неохватными страданиями, священную Победу, неизбывную любовь к Катерине и детишкам. Что ж, нынче уж их, ребят, время... А в отражении зеркала на него смотрел старик, чьи усмешливые лучики морщин, и всё ещё голубые глаза, и широкий нос, и овал седой бороды - каждая черта его светилась ласковой и простодушной улыбкой. Седые волосы его, редкие и лёгкие, словно детский пушок, и удивлённо изогнутые дуги кустистых бровей при-

давали его лицу ребячью непринуждённость. Но присмотревшись, можно было увидеть, что в глубине его глаз таился тот отпечаток, какой оставляют многие печали долго жившего и немало повидавшего человека...

...Антипыч вышел за ворота и остановился. Под окнами, выходящими на улицу, у старых берёз, на двух чурках лежало бревно. Антипыч подошёл, рукавицей очистил часть бревна от снега. Старик снял рукавицу, провёл рукой по гладкому дереву - время отполировало его дождями, снегами, ветрами. Здесь, на этом бревне, давным-давно рассказывал про атамана Баловня и его казаков прадед Илья. И поныне помнит Антипыч тот летний вечер. Хоть и давно был он, но такие вечера - они уж для памяти, на долгую, короткую ли - но на всю жизнь. А ей, памяти, что шестьдесят, что семьдесят лет - делов-то секунда. И вот уже вроде ни зимы, ни стужи, ни снегов нет - куда что и девалось! Снова утревно на сердце, опять на земле тепло...

Красное солнце, будто оплавив за долгий день само себя, прячется за дальние, разом потемневшие леса. И всё вокруг розовое: небо, облака, даже пыль, что стоит над дорогой - недавно пастух пригнал с выгона коров. Посветлевшие избы кажутся помолодевшими: нежатся в закатном жёлто-красном свете и радостно румянятся оконными стёклами. На душе - будто праздник. В соседнем дворе весело зазвенел подойник. Бабы, встретившись у колодца, зацепились языками - теперь вот хохочут. Лягушки у реки и кузнечики в травах выясняют, чей хор громче. Где-то залился восторженным лаем звонкий щенячий голосок, оравой загалдели гуси, и тот же голосок сначала испуганно заверещал, потом обиженно твякнул и притих. Прадед Илья сидит на бревне, окутанный табачным дымом. Красными, слезящимися глазами глядит на правнука.

- Что, Павла, опять портки изорвал? Вот ить лешой! Портки-то беречь надобно. Ну-ко, батюшко, иди, порасскажу чего, - манит он узловатым пальцем с большим, жёлтым прокуренным ногтем. Руки у прадеда сильные, с задубевшей кожей на тяжёлых ладонях. У него густая и огромная, седая борода, усы же коричневые от табаку. Прадед богатырского роста, не усох к старости. Недаром был он в молодости гренадер, ходил в поход за царя аж на турка.

Подсаживаются соседи - старики да ребяшня, слушают. Слушает, замерев, и маленький Пашутка. Про злодея атамана Баловня, про его гулящих казаков, что жгли и грабили деревни и монастыри. Про то, как в Москве-городе подвесили того разбойника-атамана на крюк, за ребро. И страсть, как жутко, и не оторваться - до чего увлекательно прадед Илья рассказывает.

А потом, уж в сумерках, прадед вспоминает про турецкий поход, про какого-то даденного ему Ягория, но почему-то непонятно, неясно вспоминает. И всё вокруг лёгким таким делается и кружится. И чьи-то руки мягко, будто и не касаясь его вовсе, несут Пашутку в избу. Ночью снится ему страшный атаман Баловень. Он огромного роста, одноглазый, лысый, с седой бородой и ржавым крюком в боку. Манит он пальцем с большим, жёлтым прокуренным ногтем и голосом, в точности как у прадеда, говорит:

- Иди-ко, батюшко, иди, порасскажу чего...

...Антипыч поглядел вокруг. Утро выдалось погожим. Румяное солнце, будто только из печи вынутое неведомой хозяйкой, чуть поднялось над серыми зубцами заречных лесов, окрасило снега яркой, самоварной начищенной медью. В сквозном утреннем свете куржак на деревьях где занежился, зарозовел, а где и взыграл: за клубился белёсо или вспыхнул осенним золотом. В затенях, косо вытянувшихся

у изгородей, возле изб и амбаров, снег так приятно синел, что, как в детстве, хотелось попробовать его на язык. Старик встал с бревна и потопал по расчищенной тропинке. В совершенном безмолвии снег громко хрустел под ногами. У колодца тропинка закончилась, снег пошёл глубокий. Своего трёхдневного следа Антипыч не увидел, замело его начисто.

- Хорошо еще наст внизу, а то ходи - утопай по колено, - рассудил вслух Антипыч.

Нынешнюю зиму в Погорельцах встретили всего три жителя: Антипыч, ровесница его Настёна-Солдатка и Родька Суслопаров, мужик лет сорока пяти. Но Настёна-солдатка померла неделю назад, а Родька, хоть и родился здесь, но давно уж откоренился. Отслужив срочную, остался в городе, и с тех пор кружило его по свету, и нигде не нашёл он пристанища. И золотишко на Чукотке мыл Родька, и на траулере ходил в северные моря за рыбой, и в Сибири на буровых вкалывал. Промеж того сгоряча женился, сгоряча же, быстрехонько и разводился, и детей нажить ему не случилось. Имелась в его биографии «условка», что впаяли ему за пьяную драку. Наездами, раз в пятилетку, пока живы были родители, объявлялся Родька в деревне. Прибывал с деньгами, пускал пыль в глаза погорельцам, хвастался недюжинной своей биографией, непроглядно пропивался и уезжал, обычно гол как сокол. Как не стало матери и отца, запропал было, и вот объявился в конце осени. На вопрос Антипыча: «Надолго али, как обычно, дачником приехал?» - только махнул рукой и неопределённо ответил: «Поглядим».

«Нет, скоро ускачет Родион. Оно ему и раньше-то не сиделось, а сейчас и подавно», - рассуждал сам с собой старик, пробираясь по глубокому снегу к Родькиной избе. Остановившись, Антипыч оглядел опустевшую деревню, невесело вздохнул:

- Пошабашили, видать. Слезай, приехали...

Избы, раньше доверчиво, по-соседски жавшиеся друг к дружке, теперь стояли редкие, будто отшатнулись от былого. Какие из них разобрал в свою пору переезжающий народ. Иные же, вековые избы, стыдливо прятались в обмётанном куржаком дурноросте, без подлада гнуло их к земле, кособочило, раскатывало время. И уже не угадать постороннему взгляду, была ли тут изба, и какая она была? Многие из таких домов последние лет десять потихоньку пилили на дрова. Избы помоложе, почерневшие от дождей и снегов, тоже одряхлевшие, покосившиеся, с прогнутыми крышами, стояли заколоченными. Лишь резные наличники, где они остались, потускневшие, потрескавшиеся, но все ещё светлые и сказочно красивые, форсисто и несломленно глядели на безлюдную улицу. Во дворах, брошенных на потеху ветрам, что-то постоянно жалобно скрипело, неприятно хлопало, угрюмо грюкало. В верхнем конце деревни от крайней избы и вовсе осталась лишь скорбно почерневшая печь - пару лет назад бездомовники ночевали да спалили нечаянно.

Антипыч помнил каждую избу и того, кто в ней жил раньше. Проходя, останавливаясь и переводя дыхание, вспоминал вслух: «Вот тут Курковых изба стояла. Они её в семидесятых еще разобрали да в райцентр свезли. Здесь, значит, старушки Афанасьевны избёнка была. Ничегошеньки уж от неё и не осталось. Эта вот, со светелкой, в ней Митроха-председатель жительствовавал».

Антипыч добрался до Родькиной избы. Ворот уж давно не было, половины изгороди тоже. Старик поднялся на крылечко, кашлянул, постучал, оббивая снег, валенком об валенок. Прошёл в тёмные сени, скрипнул дверью.

- Здорово ночевал, Родион? Ты тут? - спросил Антипыч.

- Тута, - ответил хриплый голос.

В комнате пахло мышами, сыростью и плесенью. Разорные запахи долго пуствовавшего дома не успели ещё покинуть избу, но охотно сливались с кислым перегарным душком. Из-за печи, с лежанки показалась голова Родьки со всклоченными ото сна чёрными, словно цыганскими волосами и опухшим лицом. Родька уселся на лежанке, стал скрести под высоким, отвислым воротником свитера, тупо глядя то в пол, то на Антипыча. На столе лежали пустые бутылки, какие-то консервные банки, блюда, наполненное окурками.

- А ты чего, опять намок вчера? - усмехнулся Антипыч.

- Угу. Было дело, - Родька встал с лежанки и перебрался на табурет у стола. Плечи его передёрнуло. - Ух, зараза. Дали вчера копоты.

Родька сунул в рот сигарету. Неверной, дрожащей рукой он принялся чиркать спичкой, не попадая по боковушке коробка. Наконец прикурив, выдохнул табачный дым, скривился:

- Башка трещит.

- Дело известное, - тоже усаживаясь за стол, произнёс Антипыч. - Когда она у нашего брата не трещала, ежели вино так глушить? Отчего ей не трещать?

- А что, может, мы сейчас с тобой, Антипыч, это дело поправим, - Родька встал, подошёл к шкафу, достал оттуда бутылку и победно потряс ею. - И здоровье проясним, и праздник отмечать начнём. А? Чего теряться?

- Что ты, парень? С самого утра, что ли? - покачал головой Антипыч.

- А чего? - изумился Родька. - Бей врага его же оружием! Так что, по пять, как говорится, капель?

- Ты как хочешь, ая не буду, - сказал Антипыч. - Сроду поутру не пил.

- Ну как знаешь, - Родька уже распечатал бутылку, плеснул себе в стакан. - Знает, твоё здоровье.

Родька выпил, снова скривился, помотал головой. У него еще несколько секунд вверх-вниз походил кадык, так, что даже у Антипыча во рту собралась горькая слюна. Но потом Родька шумно выдохнул:

- Щас заживем! Ты чего пришёл-то, Антипыч? Я думал - праздник справлять.

- Дак чего пришёл. Ты, это, Родион, заходи вечером, посидим по-соседски. Всё веселей вместе. Новый год, и это, как его, тыща...

- Миллениум, - подняв вверх указательный палец, перебил старика Родька.

- Ага, и оно тоже.

- Забегу. Только надолго не обещаю, я в райцентре с мужиками забился. И девки будут, ну сам понимаешь. Но забегу. А то может, давай, чего тянуть? - Родька потянулся к бутылке.

- Не, лучше вечером. Чтоб всё чин по чину, - ответил, поднимаясь, Антипыч. - Ну, пойду. Так ты это... сильно-то не налегай, и заходи, обязательно заходи, Родион!

- Буду, как штык! Ежели Родька Суслопаров сказал - так и будет! Закон! - он убедительно чиркнул себя по кадыку большим пальцем и снова плеснул себе в стакан.

Старик вышел на улицу, вдохнул морозный, колкий воздух, покачал головой:

- Скоро и ускачет. Помается разок-другой с перепоею без магазина да ускачет.

3

В том, что Родька уж неделю беспробудно пил, Антипыч корил себя. Дело случилось так. Нежданно объявившись в деревне, Родька первым делом снимал доски, которыми были заколочены окна родительской избы, истопил баню. Зашёл в гости к старику, порасспросил про местное житьё-бытьё. Как показалось Антипычу, от услышанного Родька малость скис, хоть виду старался не подавать, и скоро ушёл к себе. Потом несколько дней тю-

кал во дворе топором, что-то, видать, подлаживал. И что удивило старика - не пил Родька вовсе. Не пил, пока не померла Настёна-Солдатка. Вот тогда и дал Антипыч промашку...

Настёна-Солдатка ещё с войны жила одна. Муж Настёны, Михаил, пропал без вести в сорок втором, а детей они нажить не успели - только месяц мужем и женой побыли. Получив извещение, она будто бы замерла и жила словно лишь внутри себя и своих горьких мыслей. При разговорах всё больше она молчала, смотрела в землю, едва заметно покусывала нижнюю губу, теребила пальцами конец платка. Но когда кто-то из баб уж после Победы назвал её вдовой, она с вызовом ответила: «Не вдова! Не вдова! Солдатка! Без вести пропал - дак ещё, Бог даст, вернётся». С тех пор и прикрепились к ней - Солдатка. Жила она тихо и старалась быть незаметной, неизбывное горе состарило Настёну раньше своих сверстниц. Когда стала увядать деревня и покатило народ счастье в чужих краях искать, у Настёны и мысли не возникло, чтоб уехать. И странное дело приключилось с ней: хоть никто её в Погорельцах ни в чём не попрекал, наоборот, жалели всегда Настёну и её вдовью долю, а вот чем меньше становилось жителей в деревне, тем живей делалась она в разговорах. «При народе вдовьей бабе как: больше скажешь - меньше поймут», - говорила потом Настёна.

Антипыч и Настёна, оставшись на всю деревню вдвоём, чем могли - помогали, и как умели, так укрепляли друг друга. Днями жили нехитрыми заботами, а вечерами попеременно ходили в гости, пили досыта чай, дивились новому, из телевизора слыханному, а больше вспоминали былое. Иной раз, правда, заводили разговоры о будущем, но сводились они к шутливому и горькому спору о том, кто из них первый умрёт. Тут уж каждый одеяло на себя тянул, доказывая, что непременно ему первому

помирать надобно. Однако, немного и поспорив, Антипыч каждый раз с резонами Настёны соглашался, говаривал: «Оно, конечно, девка - твоя правда. По уму - дак ты первой должна. Мне тут одному всё легче будет. Опять же, и дети у меня - есть кому досмотреть при крайности». Но тут же добавлял: «Да только выходит это по-нашему с тобой уму, а мы не больно-то всего и разумеем. Как Бог даст, так и будет».

Выдалось «по уму» - первая померла Настёна. За неделю до Нового года, в морозный полдень Антипыч заприметил, что Настёна с утра ещё не топила печи. Ёкнуло у старика сердце, помчался он к соседке и нашёл Настёну уже неживой, лежащей на высокой железной кровати под локутным, давно выцветшим одеялом. Разом истончившиеся, бескровные губы Настёны застыли в какой-то виноватой, едва заметной улыбке, мол, уж извини, сосед, выдалось по-моему, тебе выпало меня хоронить. Антипыч повздыхал подле неё и хотел уж рвануть в райцентр, в Васильево, да от переживаний совсем уж неверными сделались ноги. С трудом доплёлся он до Родькиной избы.

Родька обедал. Лишь в первую минуту он перестал жевать, а потом слушал старика навроде бы совсем безучастно. Не проронив ни слова, выскреб ложкой консервную банку, закурил. С минуту помолчал и заговорил, выпуская дым:

- Жалко Настёну-то. Но уж дело такое: всем помирать...

- Оно так, - согласился старик.

- Ты, Антипыч, вот что. Иди домой, - сказал Родька. - Это ж в Васильево надо? Такя сам смотаюсь. Снега нынче навалило - дорогу замело начисто. Так что ты уж домой иди, а я сгоняю. Кто теперь для таких случаев нужен? Медицина да милиция?

- Наверное, так, - ответил Антипыч. И добавил: - Мы здесь от порядков отстали...

- Ну вот, справками там всякими я и займусь, - поднимаясь, сказал Родька.

Пришлось Родьке помотаться в тот день. Но мужиком он оказался дошлым. По глубокому снегу добрался в Васильево и там уж носился от дома к дому: сначала заскочил к сестре Антипыча, Анфисе, чтоб она обмыла да обрядила покойницу, потом разыскал фельдшерицу, пожилую женщину со строгим лицом и добрыми, красными от постоянного недосыпа глазами. Забежал к участковому. Тот сказался больным, добираться в Погорельцы отказался, но пообещал, что как приедет фельдшерица, всё, что нужно, у себя пропишет. Нашёл Родька и водителя «шишиги», автолавки - на другой машине по нечищенной дороге в Погорельцы было не пробраться. Водителю, молодому вихрастому парню, Родька обещнулся за неурочный рейс проставить магарыч - две бутылки белой. Но водитель, узнав, что ехать надобно в Погорельцы, от бутылок отказался: «К Антипычу я и за так съезжу. И бабке Настёне уж последняя от меня помощь пусть будет». Отправив фельдшерицу и Анфису на «шишиге», сам Родька остался дожидаться их в Васильеве.

На следующее утро разыгралась метель, и Родька ввалился в избу к Антипычу, будто большой сугроб. От Родьки резко пахнуло колючим морозом. Он доволен был тем, что сделал хорошее дело и попытался улыбнуться, но красное лицо его, запущённое густым инеем на небритых щеках и вокруг рта, одеревенело от мороза. И вместо улыбки вышла какая-то свирепая гримаса. Осыпая на пол снег, Родька растегнул куртку, извлёк повлажнелую, оттого безжизненно повисшую бумагу справок, и сообщил:

- Всё! Можно хоронить!

- Это дело и без справок известное. Коли умерла, дак надо хоронить, - задумчиво ответил Антипыч. - Я в сарае тёсу нашёл, домовину сколотил. И крест сладил. А тебе, Родион, благодарствую за труды. Уж если б не ты...

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

- Ничего! - отозвался Родька. - Да вот, кстати. В сельсовете назавтра обещали двух людей дать - в помощь. Могилку выкопать. На сегодня не могут. Да и метель вон какая...

- Не надо никого, - тихо произнёс Антипыч. - Я уж сам выкопаю...

- Чего - сам? - напустился на него Родька. - Чтобы следом за Настёной окочуриться? Земля-то промёрзла, её нынче динамитом только и рвать!

- У нас завсегда было так: родова хоронит. Ежли родовой нет, дак соседи. Чай, тоже не чужими всю жизнь-то прожили. Ничего, выкопаю.

Родька скривил губы, не столько неодобрительно, а будто решаясь на что-то трудное. И, словно сам себе удивляясь, махнул отчаянно рукой:

- Ладно! Вдвоём сладим.

- Вдвоём сладим, - повторил старик. - Ты-то здесь свой. А чужих не надо. Ну, я сейчас тебе завтрак сварганю. И чайком попою.

- Не, Антипыч, спасибо, меня в Васильеве по высшему разряду приютили, - лукаво усмехнулся Родька.

- Дак пойдём, ждять тогда нечего, - встал Антипыч.

- Ох, какой же нынче пенсионер неспокойный пошёл, - сетовал Родька. - Ухайдокаешься - так мне тебя обратно, что, на закорках тащить? Может, всё ж завтра сгонять за людьми, а? Нет? Ну, смотри сам. А то ведь мы с тобой как те полтора землекопа. Глядел такой мультик али нет?

Антипыч ничего не ответил.

Кладбище было устроено недалеко от деревни, на холме, у развилки дорог. Из деревни его не было видно, зато с кладбища Погорельцы - как на ладони. Здесь, среди редких сосенок, елей и берёзок, в разные стороны устало клонились покрытые лишайником стародавние голубцы в снеговых шапках, почерневшие от времени и дождей кресты, сосредоточенные

лица глядели с давно выцветших фотографий на крашенных железных пирамидках.

- Да, Родион, - шурясь, сказал Антипыч, поглядывая на могилки. - Я теперь погост называю Большими Погорельцами. А деревню - Мальми. По количеству жителей. Да. Вот так нынче...

Деревня и заречные леса вначале ещё едва заметно серели, казалось, кружились вместе со снегом в неистовстве метели, потом и вовсе затерялись во всё усиливавшейся вьюге. Снег сек лицо, ветер перехватывал дыхание. Родька, вгрызаясь в промёрзлую землю, поначалу орудовал ломом торопливо, с лихим громким ёканьем при каждом ударе, но через время запалился, то и дело отваливался на снег, пригоршнями совал его в пересохший рот и растирал им лицо. Антипыч же работал кайлом, работал без спешки, но сноровисто, хватко, с едва слышным хрипом на взмахе.

Родька, отдыхаясь, глухим голосом предложил:

- Ты, Антипыч, перекурил бы.

Его занозило то, что вот он, на тридцать лет младше, а уж воздух ртом хватает, как рыба, и пальцы ломотой свело, и руки онемели, а старик всё шурует.

- Ещё пороблю, - выдохнул Антипыч.

- Вот силы у меня поболее твоего будет, а терпежу, видать, нету.

- Это ничего, - Антипыч откинул кайло и взялся за лопату. Согнувшись, помогая себе, подставляя бедро под лопату, принялся выкидывать комья мёрзлой земли. - У меня терпежу тоже не было, дак немец на фронте крепко научил. Ты отдохни, отдохни. Управимся. Настёне и окопчик-то небольшой нужен. Бывало, побольше рыли. Это ничего.

И Родька, не желая чувствовать свою слабость перед стариком, схватился за лом. Когда боль в промёрзших пальцах начинала казаться нестерпимой, Родька представлял, каково же пришлось на фронте Антипычу. Ему хотелось быть не сла-

бее, ему хотелось доказать, что и он смог бы воевать не хуже. И он какое-то время ломил, ломил яростно. Но снова силы отказывали ему, и опять лом ускользал из непослушных рук.

...Когда закончили могилку, Родька так устал, что, казалось, совсем не чувствовал рук. Старик, посреди разыгравшейся вьюги, весь занесённый снегом, с обледенелой бородой и заиндевельными ресницами и бровями, с его неведомо откуда взявшейся, будто стародавней, сказочной силой, казался Родьке каким-то лесовиком из бывальщин, слышанных в детстве. И только когда Антипыч попросил у него сигарету, трясущими пальцами взял её и не сразу попал ею себе в рот, Родька понял, чего стоила старику эта работа...

Раздавленный физической усталостью, Родька вдруг почувствовал неясно откуда набежавшую радость. В его душе совершался праздник, какого уж давно не было. Отчего посреди тоскливой серой вьюги, секущей лицо и перехватывающей дыхание, в его душе стало тепло и празднично, он и сам не мог себе точно ответить. Может, оттого, что остро ощутил давно не испытанное чувство нужности своей? Иль от давно забытого артельного труда на родной земле? Родька не мог ответить, да и ответ его не интересовал. Ему просто было хорошо. В деревню они вернулись посреди ранних мгlistых сумерек и собирались уж разбрестись по избам, как Родька вдруг протянул Антипычу сигарету.

- А ведь твоя правда, Антипыч! Ей-ей, хорошо, что сами управились! Хорошо! Вот тут хорошо! - он постучал себя в грудь, хотел ещё что-то добавить, но отвернулся и пошёл к своей избе.

И без этих слов перемена в Родьке не ускользнула от Антипыча. «Вот и поди разбери, чего оно: худо иль хорошо?» - думал старик.

Не ужиная, Родька плюхнулся на кровать и почти сразу заснул. Ему всю ночь

снились счастливые сны. Антипыч же забьлся лишь под утро - разламывалась поясница. Старик охал, вздыхал, слушал, как тоскливо воет ветер на улице, и думал о Настёне, о том, что одиноко ждала она могилы в нетопленном доме в такую холодную, беспокойную, длинную ночь.

Утром стало покойно. Выглянуло исхудавшее, бледное солнце, чтобы ещё разок поглядеть на Настёну и проводить её. От солнца как-то виновато и торжественно, будто слёзно поблёскивали снега. Было вокруг просторно и белым-бело. Все оцепенело и притихло, и лишь где-то траурно и застуженно кричала ворона. Настёна-Солдатка, не познавшая на своём веку материнства, в последний свой путь отправилась на детских санках, что давным-давно сладил Антипыч. Санки, сробленные для забав и радости, помнящие только искренний ребячий восторг, казалось, уныло пели полозьями: «Христа ради, Христа ради...», будто призывая Антипыча вспомнить, что уж никак не для похорон созданы они, и освободить от страшного груза древесно желтеющей домовины. «Дак такие уж нынче дела», - мысленно отвечал старик заунывной, просительной песне полозьев.

До кладбища добирались долго - мёстами, по сумётам, дорогу санкам приходилось расчищать. Отдыхиваясь, часто курили: у обоих со вчерашнего разломило спины. Добравшись, Антипыч с оханьем слез в могилку, очистил дно от насыпанного снега, сказав: «Вроде как негоже в снег класть».

Когда вырос на могиле земляной холмик, пересыпанный снегом, Антипыч укрыл его еловыми ветками, установил крест, прошептал молитву и сказал Родьке:

- Пойдём, Родион, ко мне. Помянуть надо бы Настёну.

Родька было замялся, но потом коротко и решительно махнул рукой:

- Пошли!

Недолгого его замешательства и не углядел Антипыч. Да и позже, выставив на стол с нехитрыми угощениями бутылку, не заметил старик вдруг засуетившихся Родькиных рук и глаз. Сам-то Антипыч до вина охотником никогда не был. Выпивать - бывало, и выпивал по праздникам, но себя во хмелю не терял. Вот и в этот раз, на радость Родьке, выпил три стопки - и рюмку свою отставил.

Поминки выдались не такими, какими их представлял себе Антипыч. Думалось ему, что поведут они с Родионом задушевный разговор, в каком не только Настёну вспомнят, а всем памяти хватит - и погибшему мужу её, и Родькиной, и Антипыча родове, а через то уж вдоволь повспоминают ранешнюю жизнь, какая бурлила в Погорельцах. Но Родька повздыхал-повздыхал, да и увел разговор в другую сторону. Есть он толком не ел, лишь хрустко и смачно закусывал соленым огурцом, то и дело курил и хоть наливал себе не помногу, но частил. Таким макаром Родька скоро запынял и взял Антипыча в оборот: принялся толковать о приисках, траулерах и буровых. Перебивать Родьку старику было совестно, да и всё ж занятно послушать, как люди живут в других, далёких краях. Но вскоре Родькины рассказы стали скакать с пьянок на гулянки, припоминать он принялся старые, нанесённые ему обиды да пьяные свои выходки. Хоть и много брехни было в его историях, Родька, сочиняя на ходу, сам тут же и попевал в рассказы свои поверить. Слушать их Антипычу стало тоскливо, и хоть кивал он головой и улыбался невпопад, а мыслями от Родькиной болтовни делался далеко.

Когда же бутылка опустела, Родька засобирался:

- Я, Антипыч, пойду. Коли так, теперь в Васильево сгоняю - уж разгуляюсь вволюшку! Теперь мне это дело плёвое! Поди, забыли тут, как навычен Родька Суслопаров

гулять? Ну, ничего, тряхнем, напомним! А ты - заходи! Душевный ты дед, Антипыч!

Он обнял старика.

Уже в сених Родька коротко и громко ахнул, и долго, витиевато выругался. Почувывший недоброе чувство в этой ругани, Варнак, дремавший было под столом, вскочил на лапы и залаял.

- Ладно, ладно тебе, Варнак! Не сердчай, - успокоил его Антипыч. - Ругался он не со зла. Он-то к городским квартерам привык, там у них двери высокие, хоть вприпрыжку заскакивай. А у нас, чай, не квартера, здесь двери пониже. Зайдёшь, выйдёшь, дак поклонись избе-то. Вот он, видать, с непривычки о притолоку головой и шмякнулся. Опять же, подпил. Тут это дело понимать надо!

Антипыч осёкся, и вдруг досадливо хлопнул себя по бедру:

- Вот ведь голова садовая! Ох, Варнак!! Он же в завязке, видать, был. Кто, спрашиваешь, в завязке? Даки Родион и был. Видать, потому и приехал сюда. И чего? А того, что я, дурень старый, получает, его развязал! Хозяин-то у тебя, Варнак, ой глупый уж стал! И не спорь! Кто опоил Родиона, а? Хозяин твой и опоил! И что теперь скажешь? То-то, и сказать тут нечего...

С того дня и загулял, крепко загулял Родька. Топором тюкать перестал, тюкал лишь вино. По несколько суток пропадал в Васильево, возвращаясь, отсыпался, похмелялся и снова уходил куролесить в райцентр.

4

Антипыч, дожидаясь Родьку, сидел за столом, у окна. Он любил вот так посидеть зимними вечерами, глядя на падающие за окном мглистые сумерки, синевой трогающие снега. У ног старика, свернувшись клубком, мирно посапывал Варнак. От печи, подбелённой к празднику, до-

вольно потрескивающей угольями, шёл жаркий, смолистый дух. Он мешался с тёплым запахом угретой на голбце овчины, резкой кислицей солений, терпким, пьянящим ароматом разнотравий, пучки которого висели на стене, и крепким табачным духом. Из стоявшего у двери платяного шкафа, неплотно закрывающегося чуть покосившимися от времени створками, веяло извечной крестьянской бережливостью: пахло старым деревом и столярным клеем, множеством давным-давно и аккуратно хранимых в нём вещей, влажно тянуло слежавшейся бумагой. Все эти запахи знакомы и милы Антипычу с самого детства, они каждый день пробуждают в нём радость. И как тепло, уютно и хорошо в такие вот зимние вечера. Родные запахи словно обволакивают Антипыча спокойствием, мысли старика текут плавно и будто дремотно. Наглядится Антипыч в окошко, и вот уж взор его неторопливо блуждает по дому. И касаясь каждой вещи лишь только взглядом, чувствует Антипыч её тепло: всё здесь дарит старику воспоминания. Уж на что, а на воспоминания дюже зажиточен Антипыч: поди-ко, семьдесят с лишком годков богатеет.

Но в этот, последний вечер уходящего века, уходящего тысячелетия старика томила печаль. Не давящая, не тяжёлая была эта печаль. Светла и смиренна была его грусть, светла и смиренна так, какой случается она обычно по осени, когда с неба слышатся прощальные песни журавлиного клина. Причину этого чувства Антипыч понять не мог. Оттого ли, что заканчивается день? Будут ещё другие, но именно такой уже никогда не наступит. Оттого ли, что завершается век? Век, в котором прошла вся его жизнь, такая долгая и такая, иной раз мнилось, короткая. Истончился век уж до крайности, до последнего листка в календаре. Оттого ли, что и сам Антипыч истончился - скоро и вовсе всем людям невидимый сделается.

Смерти Антипыч давно уж не боялся. Рассуждал он так: вот схоронили и супруги, Катерину, и отца, и мать, и прадеда уж давнёхонько схоронили. Но ведь помнит их Антипыч, каждый день вспоминает. Живут они в его памяти, значит, живут, в душе ли, на сердце ли. И вместе с ними памятью своей он вобрал и их память, в которой живут их деды и прадеды. Каким непостижимым и великим замыслом всё объединено Богом! Так и Антипыч станет жить - в памяти. И не только людской, но и в памяти родной земли. С каждым её комочком, с каждым кусточком и деревцем, со всякой живностью чувствовал он кровное родство, всё было любимым, и всё отвечало ему взаимностью. Он пахал землю - она разрешалась для него плодами. Он, как и его отец, учил своих и соседских ребятишек не разорять птичьи гнёзда, лазал по деревьям, устанавливая скворечни, вешал кормушки - и птички наперебой пели ему и ребятишкам свои волшебные, разноголосые песни. Он благодарно глядел на восходящее и заходное солнце, а оно, озоруя, сговорившись с берёзами, что росли у окон, наполняло избу мягкими и причудливо изменяющимися бликами, а души жильцов - подетски трепетной радостью. Каждая тропинка здесь исхожена и памятна Антипычу, в благодарности ли, в восхищении ли, благодатном уважении и почтении, везде оставалась крупица его души. Поэтому верил старик - и ему найдётся малый закуток в извечной, неувядаемой памяти родной земли. А значит, пусть и неосеяемая, но хоть какая-то частичка его через это сохранится в родимом краю. Тогда он, Антипыч, необъяснимо и незримо останется здесь, в этой сказочной, уютной для него глуши и так же будет любоваться этой тихой, нескончаемой жизнью, слушать мягкий шорох ночных дождей, предраассветные песни птиц и ласковый шёпот берёз.

Оттого ли грустил старик, что теперь, со смертью Настёны, вечерами не видно в соседских окошках огонька? Оттого ли, что мрачными тенями стояли избы и не желтело в их оконцах тепло жизни? Но ведь есть еще Родьки Суслопарова изба, хоть и не видно её. Ведь жив и Антипыч, стало быть, жива и деревня. Но на Родьку надежд не было. И старик думал, что он и родная его деревня закончат эту жизнь в один день. Деревня, побуждающая его жить и дышать, сделает последний вздох вместе с ним. И у обоих начнётся другая, незримая жизнь. Деревня медленно обратится в лес и, наполненная отрешённым покоем, укутанная прелым листом, заботливо увитая подлеском, укроется в сырой тени под сенью дерев.

Одиночество ли тяготило старика? Если бы ему задали этот вопрос, он, верно, не вдруг смог бы ответить. Но, почесав затылок, сказал бы: «Всёшки, по-моему, выходит так: на родной земле человек одиночкой быть не может. Верно я говорю, Варнак? Вон, гляди - машет хвостом. Одобряет, стало быть. Зимой, оно конечно, потише. Но раз в неделю автолавка приезжает. Мишка, что шоферит при ей, всякой раз уважит разговором старика. С людьми завсегда веселей... Нет, зимой тоже хорошо. Днём пойдёшь, в кормушку на берёзке сыпанёшь проса или сальца кусочек подвесишь. Потом глядишь в окошко на пташкину радость - и тебе удовольствие. Или снежок пойдёт: сидишь себе, чай попиваешь, дак диву даёшься - и откуда такая красота?! Когда, значит, крупный снежок валит - вовсе чудно. Они, снежинки, будто анделочки на землю летят-то. Хорошо-о-о глядеть-то! Утречком, бывает, выйдешь - снежок искрит! Чистый, нетронутый. Тропинок начистишь, снегу-то покидаешь, кровь разгонишь, запалишься. В избу вернёшься - тепло, хорошо. Дак и сонешь потом часок-другой. А уж как к весне дело, дак и вовсе нам с Варнаком хоро-

шо делается. Тут уж наша вольница! Всякая букашка, травинка - и та жизнью кипит. Только и поспевай примечать! А мы с Варнаком до всего интерес имеем. Бывает, пойдем в лес, залюбуемся, да и день долой. Ну и огородишко у нас, он тоже внимания требует. Летом, покуда дороги сухие, опять же, дачники ездят. А то гляди, дети с внуками в отпуск-то приедут. Внукам, им тут вовсе раздолье: и тебе лес, и река. В этот год, правда, не смогли приехать... Нет, нам тут с Варнаком ладно живётся».

И нисколько не слукавил бы старик в этих своих словах.

После смерти Катерины (дети к тому времени уж разъехались по городам) немногочисленные погорельцевские мужики и бабы стали поговаривать, что вовсе блажной сделался Антипыч. Хозяйство держать перестал, управлялся лишь в огороде. Про то говорил: «Я вот после фронта и курицы зарубить не могу. Катерина всё дивилась, дескать, как ты только и воевал, ума не приложу. Да. А теперь-то мне чего? Не больно много мне одному теперь и надо». И в огороде фортеля выкидывать принялся. Как-то углядели за ним: вскапывал Антипыч огород, вдруг остановился, лопату бросил и на коленях чего-то залозил по земле.

- Ты, Антипыч, никак клад нашёл? - окликнули его.

- Муравейник я нарушил! - отозвался старик. И, не обращая внимания на колкую болтовню, сокрушённо говорил уж сам с собою да с муравьями: - Ах ты ж, сколько трудов бедняги положили, и всё порушил... сейчас, сейчас, ребятки, я вот комья большие уберу, малость сподручнее вам будет откопаться-то.

То Настёна-Солдатка к Антипычу шла чаем одолжиться, да и встала как вкопанная: под окнами своей избы, у бревна, где любил он вечерами в тёплую пору посиживать, старик бодяки да сурепку высаживал.

- Ты чего это, Антипыч, робишь? - удивлённо спросила Настёна.

- А вот, сама видишь, сажаю, - ответил Антипыч.

- Батюшко, дак ведь сорную траву-то сажаешь! - дивилась Настёна.

- Знамо дело, девка, не пшеницу! - сказал Антипыч, глядя на пышные розовые цветки бодяка и солнечные, ярко-жёлтые кисти сурепки. - В огороде им не место, так я и думаю: чего зазря красоту изводить? Ну и решил - возле бревна-то и прикопаю. Оно так всем получше и будет. Мне на радость, да и вот им не пропадать...

То у колодца огорошил Настёну - закат рукав на рубаше и полез рукой в заросли жалицы. Вынув руку, обернулся Антипыч, довольный: - А-а-а! Словно мальцом побывал! За-а-амечательно жалит!

Так и жил «блажным» Антипыч. И невдомёк людям было, что только это отрёшенное созерцание и участие в тихой, маленькой жизни и помогло старику перестрадать смерть жены. Смотрел Антипыч в небо - и в облаках умел углядеть то зайчика, то медвежонка. Восторгался каждой букашке, её тихой жизни и дивился её прочному знанию своего земного предназначения. Варнаку, бывало, сказывал: «Вот, погляди, мураш! Нет, ты морду-то не вороти, ты погляди, погляди на пыхтуна! Таковую ношу тянет - и самого за ней не видать! Пыхтит, поди-ко, но тащит, не сдаётся! Вот прихлопну его рукой - из него и дух вон! И чего? Что, я с того себя да жизнь свою лучше понимать стану? Нет, Варнак, не стану. А он понимает. Ему сомневаться некогда. Или вон пырей у колодца. Уж топчу его, топчу, ты, бывает, подливаешь, и всё ему нипочём! Сила-то в нём какая! Тихая, неброская! Но - сила! Может, потому, что в них, вот в мураше да в пырее этом, только Божье и есть? А? Вот и думай».

Всякой поре радовался Антипыч. После удалого, громом буркотящего майско-

го ливня, тёплого ли летнего дождя отворял старик окна и вдыхал, вдыхал густой от запахов воздух. И всё было в нём: пресный дух насыщенной земли, и всякий раз диковинный, с хмельком, аромат умытых трав, и стронутая дождём из лесов смолистая горчинка хвои. И осеннему дождю, что по-стариковски мелко частил по крыше, тоже радовался Антипыч. Глядел на поникший дремлющий лес, окутанный, будто сизым куревом, на причудливые изгибы крадущихся вниз по оконному стеклу капель и сорванные ветром, жёлтыми сердечками прилипшие к оконцу берёзовые листья. Остались позади огородные хлопоты, в подпол ссыпана картошка-матушка, окрестные леса исхожены: хватит грибов и ягод. Думы о хлебе насущном утихли до весны. Неслышным делался дождь, всё на земле задумчивым, безмолвным казалось, исполненным тихой и сладкой печали. И ясно приходили на память, возвращались давно отжитые дни, и делалась былая жизнь проглядной, будто ровная степь. И словно очнувшись ото сна, сворачивая сигарку, старик с улыбкой на посветлевшем лице говорил Варнаку в такие моменты: «Скоро уж зимушка пожалует, покроет всё белым-бело, носы морозцем нам с тобой и пощиплет».

5

Совсем уж потемнел за окном вечер, когда Варнак наострил уши, встрепенулся и залился неустрашимым звонким лаем. Пролаяв, мотнув ушами, довольной мордочкой обернулся на хозяина, дескать, дело своё знаем, службу свою неусыпно бдим. Едва похвалил старик Варнака за усердие, как скрипнула дверь, и появился на пороге Родька. Был он уже на развезях, глаза его пьяно и мутно блестели.

- Вот! Обещался - и как штык! Закон! - громко заявил Родька и вынул из кармана бутылку водки.

Антипыч принялся собирать на стол, а Родька уселся у стола, стал разглядывать комнату. И хоть изба была тоже вековая, как и родительская, в какой ныне обретался Родька, и всё в ней, и мебель, и вещи тоже были старые, но здесь не вело барачной безуютной непрочностью. Во всём тут крепко чувствовалась давняя жизнь и даже давно позабытая Родькой тёплая, приятная устроенность. В подбелённой печи, в потёртых домотканых разноцветных половиках, в занавесках с маленькими цветочками, прикрывавших голбец, в помутневшем от времени зеркале, в аккуратном рядке чёрно-белых фотографий, что висели в простенке, во множестве баночек-скляночек и горшочков, какие стояли в посудном шкафчике, виделось тихое и ладное течение жизни. А ведь Родька помнил время, когда и в родительской, родной его избе было так же. Врохнулась в нём неясная обида. Отчего ж так случилось, что промотал он свои годы по казённым баракам, комнатам шумных общаг и каютам траулеров, не найдя нигде крепкого пристанища? «Если хочешь жить в уюте - ешь и пей в чужой каюте», - вспомнилась Родьке морская поговорка. «Вот и таскаюсь по чужим каютам полжизни. Бросить всё к чёртовой бабушке? Нет, брат, шалишь! Я ведь тут взвою через месяц. Моей душе простор, широта нужна! Кураж нужен! Я, в конце концов, не старик. Вот ему, Антипычу, сейчас понятно - ни куража, ни простора не надо. Почему ему раньше всё это не нужно было? Нет, не может такого быть! Это он врёт. Духу ему не хватило уехать. А мне теперь сказки плетёт - как прекрасно жить в родной деревне. Я вот, мол, намучился, пострадай и ты», - несвязные, пьяные мысли роились в Родькиной голове.

Той стороной рассудка, какую пока не взяло брыкливое, омутное вино, ещё понимал Родька, что в маете его совсем не повинен Антипыч. Ещё понимал, что

широта и простор в нём давно уж сузились до крикливых попоек. И потому вместе с пьяной, застарелой тоской раздражение подспудно, исподволь копилось в нём. Его раздражала даже маленькая, сантиметров в тридцать, давнишних времён искусственная ёлочка, скромно уютившаяся на лавке под красным углом, украшенная несколькими потускневшими шариками, клочочками ваты и блескучим дождиком. Родька отвернулся от ёлки, блуднул по избе взглядом и в углу за платяным шкафом увидел ружьё - «тулку». Позабыв про свои думы, тут же достал Родька ружьё:

- Ух! «Тулка!» Вещь!

- Дак отцова ещё. Довоенная, - подтвердил Антипыч.

Родька принялся вертеть «тулку» в руках, рассматривая со всех сторон. Вскинув ружьё, он уцелился в Варнака.

- Ты, парень, ружьишком-то не балуй, - старик рукой увёл стволы «тулки» вверх, затем и вовсе перехватил ружьё. - Заряжено.

- А чего заряженным держишь?

- Мало ли чего, - ответил Антипыч и положил «тулку» рядом, на лавку. - Нынче тут, бывает, народ ходит всякий.

Старик принялся рассказывать про то, что в последние годы стали объявляться в деревне какие-то бродяги с колючими лицами, равнодушные ко всему, испытые бездомники и искатели старины с плутватями, бегающими глазками.

- То ходят по домам, иконы или ещё чего ищут. Демидовых, в верхнем конце они жили, помнишь? Дак их избу и вовсе спалили. Бездомники, видать, ночевали, да и спалили.

Родька, рассматривавший в это время военную, висящую в простенке фотокарточку Антипыча, усмехнулся:

- Видал. Одна печь теперь торчит. Ты, значит, всё воюешь? Кому оно теперь всё нужно-то?

- Воевать не воюю. Однако не дело по чужим избам хозяйничать да тащить всё, что ни попадя. Ну, давай садиться, Родион.

Родька уселся и кивнул в сторону телевизора:

- Чего не включишь? Даже кружевом завесил. Не смотришь?

- Дак раньше смотрел, - произнёс Антипыч. Он поднялся, подобрал наверх кружевную занавесь на телевизоре и включил его. В телевизоре что-то защёлкало, не сразу появилась и чёрно-белая картинка: шибко раскрашенная девица, дрыгая оголёнными дородными ляжками, горланила нехитрую песенку.

- Во! - одобрил Родька, и уставился на девицу.

- А нынче, - Антипыч тоже поглядел в телевизор, - всё про чужое и говорят. Будто и не наше вовсе. Иной раз и не поймёшь, об чём толкуют. Новости, те, бывает, смотрю. Вот Катерина моя, Царствие ей Небесное, вот она последние годы вечерами глядела в него - не оттащишь. Тогда про Марьиванну эту ихнюю показывали.

- Марианну, что ль? - усмехнувшись, осведомился Родька.

- Во-во, её! Всё у неё там того, с мужиками чего-то не ладилось никак. Ага. Как вечер - дак Катерина сидит перед телевизором и слёзы льёт. Чего, спрашиваю, реветь? Оно понятно, бабе иной раз и пореветь-то надо. Дак ведь не каждый же день? А то распорядок у ней взялся: вечером - в слёзы. Так же, думаю, и свихнуться недолго. И бузу поднимал, и бранились мы с ней - ну видано ли где, чтобы целый год по вечерам про одно и то же в телевизор глядеть да сырость разводить? Всё одно: назавтра сызнава смотрит. Эх, а вообще ты не подумай, мы с ней жили-то ладно, душа в душу.

Родька привычным движением открыл бутылку водки, налил себе и старику:

- А что, давай, Антипыч, жену твою помянем? Хорошая жена у тебя была, Анти-

пыч. Я тётку Катерину - во как помню! Я её уважал всегда!

Выпив, Родька спросил:

- Слушай, а она тебя не ревновала? Ты ж, вон, сколько по вдовам побегал.

- Дак оно ежели с умыслом бегать, то и приревновать не грех, - пожал плечами Антипыч. - А я какую кому упочинку делаю - и дальше пошёл.

- Упочинки бывают разные, - засмеялся Родька. - Ну, признайся, давал, поди, жизни?

- Да ну тебя! Говорю ж - по хозяйству помогал.

- Врёшь ведь? - не унимался Родька.

- Не вру.

- Что, никакую даже к сведению не принял?

- Вот пристал, что смола! Не было ничего и в мыслях. А Катерина, она не то что ревновала, нет. Там поначалу другое было. Говорила, мол, у самих в хозяйстве разруха, то-сё поделывать надо. А ты, дескать, по чужим дворам носишься. Такиной раз и вздыхала: «Ну что, поночёвщик, садись, ужинать будем». Мать сказывала про неё: «Катерина-то по дому хлопочет, хлопочет, а сама всё в окошки поглядывает. Тебя высматривает. Уж как завидит, дак не ходит по избе - порхает».

Антипыч провёл ладонью по увлажнённым глазам.

- Эх, - выдохнул Родька и потянулся к бутылке. - Как моряки говорят: давай за тех, кто в горе!

Родька снова почти ничего не ел. Закусывал лишь солёным огурцом.

- Ты, парень, ешь, - наставлял его Антипыч. - Не то развезёт. Вот, обабков спробуй. Сам собирал да солил.

- Был бы дождик, был бы гром, нам не нужен агроном! - ответил Родька и засмеялся. - Давай! Грибы под это занятие я уважаю! Это дело законное!

Родька снова «начислил».

- Ой, не частил бы ты, Родион, - покачал головой старик.

- Антипыч, не переживай. Родька Суслопаров норму знает чётко! Закон! - и подтверждая свои слова, рубанул ладонью по воздуху. - Я ещё в Васильеве до утра гулять стану! Никак, целое тысячелетие проводим и новое встречаем! Такое - раз в жизни! Вот это - я понимаю, широта! Дым ко-ромыслом стоять будет! Ну, с наступающим, Антипыч!

Родька испытанным, лихим движением влил в себя водку, поковырял чуть обабков в тарелке.

- Бедовый ты парень, Родион! - улыбнулся Антипыч.

- Бедовый! Ух, бедовый! - сжал кулаки Родька. Был он уже в том состоянии, в каком и каяться хотелось перед стариком в своей бедовости, и взбунтоваться перед всем миром - какого это рожна он, Родька Суслопаров, бедовый? Он не хуже других!

Родька широко расставив локти, чуть наклонился к столу и подался вперёд.

- Ты вот мне скажи, Антипыч, но чтоб как на духу, - произнёс он и пристукнул кулаком по столу. - Вот как на духу!

Варнак, лежавший на половике, встретился и поднял голову.

- Я одного понять не могу. А через то и тебя не пойму, - прищурился Родька. - Ладно, Настёна. Всю жизнь одна прожила - ей деваться некуда. Но вот ты, Антипыч, чего отсюда не уехал? Дети-то к себе звали али нет?

- Пошто не звали? Звали. И поныне зовут. Только не хочу я никуда.

- Как так? - недоумевал Родька. - Один ведь останешься. Я-то уеду. Дело решённое. Тебе здесь чего теперь делать? Пропадать? А захвораешь - тогда как? Матушку-репку петь?

- Отчего ж пропадать? - удивился Антипыч. - Мне здесь всё радостно. И земля, какая вокруг, и леса, и Шумилиха наша, и воздух. Да что там говорить! Вон за окошком берёзки растут. Летом, знаешь, как начнёт солнышко в их веточках да листи-

ках играть, зайчиками пятнить-пятнить - и до того развесёлый свет в комнате, что душа, парень, ликует! Ни с какого вина не бывает такой радости, нет! Иной раз смотрю-смотрю, дак и запою - вот до чего хорошо делается! Сколь живу, а всё не насмотрюсь никак. Да... А ещё в конце мая у берёзки листочки-то молоденькие совсем, свеженькие, от пыли ещё не огрубевшие. Ветерок подует - и как она, парень, запоёт-зашепчет! Только и слушай. Они, деревья, по всякому, бывают, поют. И грустную, ближе к осени, случается, затянут. Но вот эдак раздольно, чисто - это уж только берёза в конце мая...

Антипыч закурил и продолжил:

- Нет, Родион. Мне отсюда дороги нет. Тут моя земля, тут Катерина моя, родители мои здесь. Их могилки досмотрю - рядом и прилягу. Вот ты говоришь, мол, захвораю, ежели. Хворать начну - дак шабаш. Чего ж. Прадед мой говаривал: «Примусь недужить - грешить перестану». А помереть мне вот тут - оно, брат, не страшно.

- Вот ты весь такой первосортный, - снова раздражаясь, проговорил Родька. - А о детях ты подумал? Им чего прикажешь делать: ихний папаша один живёт в глуши, а им подпрыгивай день через день - как он там, жив аль волки доедают?

- Я, Родион, и об этом думал, - ответил Антипыч. - Гостил я у ребят своих. Оне городские уж стали, со своим уставом. А тут я - старый пенёк лёг поперёк. От безделья у меня там завихрения всякие в мозгу делаются, им потом перед жёнами объясненья держать. Того и гляди, разлад пойдёт. Да и кварталы какие. Скворечни, а не кварталы - в них им самим ткнуться некуда. Друг другу пятки с ребятнёй топчут, а тут я ещё. Нет, парень, не дело это.

- А, живи, коли лешачить охота! - с досадой отмахнулся Родька. - Я вот покуражусь неделю и поеду. Завербуюсь, ничего, не пропаду! Ничего здесь нет, в глуши этой, Богом забытой. Ничего нет!

- Богом забытой, - тихо и медленно повторил старик и продолжил уже оживлённее: - Вот ты сам, Родька, как говорил, когда Настену схоронили: «Хорошо, что сами управились». Оно и вправду хорошо, что сами. И ты доброе дело сделал - помог. Видишь как. Доброе дело вышло - и душа-то твоя оттаяла тогда. Значит, не забыл Бог ни нашу землю, ни нас с тобой не забыл. С нами он.

- Не верю я! - зло процедил Родька. - Ни в Бога, ни в чёрта!

И потянулся к бутылке.

- И я не верил, - сказал Антипыч. - Дак на фронте припекло, грешного, - поверил...

Что-то Родька говорил старику, но он в это мгновенье не слышал слов.

6

Антипыч вспомнил свою двухэтажную школу и её директора, Якова Натановича, с фамилией, на которой всякий русский язык спотыкался - Тейтельбойм. На щеке его полыхал рубец от калединской сабли, а на неизменном френче - орден Красного Знамени. Всегда грозным казалось его смуглое лицо, говорил он громко (был он после контузии чуть туговат на ухо) и слова у него получались резкие, будто саблей вырубленные. Ребятишки пуще всего боялись получить выговор от Якова Натановича, но уроки истории его слушали с открытыми ртами, и не из-за страха - очень увлекательными были рассказы директора. Иной раз мнилось, будто Яков Натанович разит сверкающими чёрными очами ясно видимых им в этот момент врагов Отечества - шведов, французов, немец и, конечно, «беляков».

А когда явил Яков Натанович ребятишкам настоящее чудо - в васильевском клубе вместо уроков приезжий дядечка показал кино - «Чапаев», ох, какие сделались с парнишками перемены! И в бабки, и

в казаков-разбойников играть перестали, собираясь в ватаги, всё больше «сражались с беляками», а на уроках просили рассказать про Чапаева. Услыхав, что и у Чапаева был орден Красной Звезды, смекнули ребята: ведь Яков Натанович тоже герой! Вскоре его имя обросло всяческими военными небылицами - у детворы с этим быстро: сегодня напридумывают директору подвигов, назавтра уж сами в них верят. После того, бывало, даже спорили, кто сильнее - Чапай или Яков Натанович? И когда видели ребята Якова Натановича на улице, в школьном коридоре, или заходил он в класс, трепетали их детские сердца. Мечтая о подвигах, орлами, смельчаками и сами горделиво ходили парнишки - не чей-нибудь герой-директор, нашенской! Не знали ещё - и на их долю война припасена...

Павлушка, носивший пионерский галстук, повязанный не кем-нибудь, а директором, с замиранием сердца внимал всем словам Якова Натановича. О настоящих чудесах рассказывал директор: об аэропланах, летающих прямо по воздуху, о подземных железных дорогах, о создающихся электростанциях, дающих такую силу, которая больше, чем у сотен тысяч лошадей! Показывал газетные фотографии строящихся огромных заводов, читал о помощи голодающим, какую оказывает Советская власть.

Всё услышанное Павлушка с восхищением пересказывал дома. Кроткая и набожная мать иной раз боязливо крестилась:

- Прямо по воздуху? Страсть-то какая... Спаси и сохрани!

Голос её вздрагивал - от переживаний за неведомых людей, летающих по небу, у неё перехватывало дыхание.

- Мама, ведь Бога нет! - говорил ей Павлушка.

- Как же нет, сыночек, - тихо отвечала мать, и глаза её влажнели. - Ты хоть и

малый, а не говори такое. Грех это большой, сыночек.

- Это старорежимное всё! Пережитки. Нету Бога! Мама, ведь дурманили вас, - упорствовал Павлушка, повторяя слова Якова Натановича. - Попы дурманили. Они с царями заодно были. Сплататорам помогали! И сейчас они всё артачатся, союзничают с кулаками. Антисоветские они алименты!

- Ой, сыночек, - мать одной рукой держалась за грудь, другой касалась Павлушкиной руки. - Ты хоть про то при тятё не сказывай - ещё чего попадёшь под руку.

Павлушка увидел, как слезинка скатилась по щеке матери, ощутил в руке дрожь её пальцев, и стало ему жалко маму. Решил - больше таких разговоров дома не заводить.

Когда в Васильеве рушили церковь, Павлушка с ребятами тайком убежали туда - смотреть. Много пришло людей к церкви тогда. Кто просто поглазеть, а кто и проститься. Старухи беззвучно плакали, старики же всё больше под ноги себе глядели. Рванул заряд - и паперть, и шатёр заволокло серо-белым дымом (церковь была белокаменной), лишь золотистая луковка купола, вздрогнув, ещё блестела на солнце несколько мгновений, и вдруг протяжно и печально, будто живая, ахнув, сложилась она в последнем, до земли, поклоне.

Возвращаясь в деревню, муторно, дымно отчего-то было на душе у парнишек и, словно заглушая неясное чувство, хорохорились они друг перед другом, насмешничали:

- Ох и рванули! Только и дым пошёл!
- А бабки рыдали!
- Был бы Бог, дак помог!
- Дали попам по кумполу!

У ворот Павлушка встретил Федьку, старшего братана. Он наскочил, подзатыльник отвесил:

- Ты где запропал? За тобой посылали. Уж и на реку бегал, и за поскотину, и в лес - нигде нету! Где был?

Павлушка, напустив лихости, громко повторил слышанное от ребят:

- Глядели, как церковь рушили. Ох, Федя, как рванули! Только дым пошёл! Дали попам по кумполу!

Сказал - и вздрогнул: в приоткрытых воротах появился отец. Он тихо сказал:

- Ступай в избу...

И когда отгуляла лозина по оголённой сыновней «шумовке», отец так же тихо и грустно произнёс:

- Ты у нас, Павла, учёный стал. Про иропланы вон сказываешь да про всякое, к чему и подступиться боязно. Вот тебе и моё ученье: чего не ведаешь - не погань дрянным словом. А теперь ступай...

С той поры перестал Павлушка в Бога, как другие парнишки, лаяться, перед матерью прекратил разглагольствовать и научать, однако ж, глядя на её молитвенное усердие, втайне, не зло, но посмеивался. Потом и вовсе о Боге забыл: началась война. Работать стал Павел наравне со взрослыми - летом в поле, зимой на лесозаготовках.

Осенью сорок четвёртого, как исполнилось Павлушке восемнадцать, приспело и ему отправляться на фронт. В последние минуты прощания, чтобы скрыть смятение своё, неловко храбрился Павел, обещая родне, что возвратится со скорой победой. Угадав сыновнее чувство, мать подошла к нему и долго, будто стараясь получше запомнить, глядела на него поблёкшими, заплаканными глазами. Две казённые страшные бумаги на старших сыновей уж лежали в её сундуке. Мать взяла руку Павла, и в ладонь его что-то вложила, придержав пальцами. Едва слышно сказала:

- Ты уж, сыночек, не сердись. Возьми ладанку, в ней крестик твой, что не носишь. Коли не хочешь на шею, понятно, так не носи. Ты её в кармашек спрячь, и пусть себе лежит. Уважь, Павлуша, мать-старушку, уважь, роднёнький. Ведь один ты у нас из сынов и остался...

Не стал перечить Павел матери, шепнул лишь: спасибо. Сунул в карман и, чтобы самому не разреветься, поддал голосу:

- Ничего, поквитаюсь за братьёв! Отомщу! Мы уж добъём гадов!

Добивать немца довелось Павлу в Венгрии. Уже весной сорок пятого, в начале марта, у Балатона-озера попал его полк под страшную атаку немецких танков и мотопехоты. Торопливо и резко тявкали где-то сзади орудия, звонко отвечали им танки. Смердный дым, мнилось, выел всё небо, и земля не казалась Павлу твердью - его, не спавшего двое суток, колыхало в окопной грязной зыби. Он оттащил раненного взводного, лейтенанта Борю в боковую щель и долго пытался его перевязать. Руки Павла не слушались, лейтенант то часто перебирал ногами, то неестественно выгибался, жутко хрипел и скрёб пальцами по стенкам щели. Павел поднялся, чтобы оглядеться и позвать на помощь. И в это мгновение что-то беложёлтое ослепительно вспыхнуло, ожгло ему лицо, глаза, показалось, даже рассудок страшно ожгло. Дикая боль и отчаяние, и зловонный дым бешено закружились в дьявольской жёлто-чёрной пляске, и всё вдруг лопнуло искристыми брызгами и исчезло...

Очнулся Павел от холода. Шёл студёный мартовский дождь, и частые его капли шипели по лужам, примешиваясь к усталым хрипам далёкого боя. Не сразу понял Павел, отчего такая непроглядная тьма. Он пошарил рукой вокруг и ткнулся ею в стенку окопа. Словно острая льдина, уколола его страшная догадка - он ничего не видел. Павел прикоснулся к глазам: они были на месте, но под какой-то болезненно сочащейся, липковатой коркой. Но, может это просто грязь? Павел напрягся всем телом, пытаясь открыть глаза, но ничего, кроме боли, из этого не выходило. Он отнимал руки от лица, привычно пытаясь посмотреть на них, снова подно-

сил их к глазам и аккуратно ощупывал их. И чем больше Павел касался того места, где были его глаза, тем невесомее от ужаса делалось его тело. Он ослеп! Голова до тошноты разламывалась от боли. Может, это контузия? И тогда зрение скоро вернётся к нему? И ведь рядом должны быть наши! Они помогут!

Павел стал звать на помощь, но никто не отзывался. Может, его не слышат? Павел принялся искать свою винтовку, шарил руками вокруг. Вздрогнув, отдернул руку - рядом кто-то лежал.

- Лейтенант, ты? - прошептал Павел. - Лейтенант, ты живой?

Никто ему не ответил. Павел поводил рукой, коснулся лица - оно было безжизненно холодно. Павел нащупал часы на руке лежавшего. Да, это был лейтенант. Во взводе часы имелись только у него.

- Ты уж прости меня, Боря, - дотронулся Павел до руки лейтенанта.

Так и не найдя своей винтовки, Павел на четвереньках пополз по траншее. Он мысленно представлял себе профиль траншеи и полз к тому месту, где была землянка. Но землянки Павел никак не мог найти. Траншея местами была завалена землёй - видать, через неё прошли танки. Павел потерял все ориентиры и окончательно заблудился и выбился из сил. Он снова позвал на помощь и вдруг осёкся. Может, немец прорвался, и теперь он в ихнем тылу?! А ежели он сейчас накличет немца? Павлу стало страшно. Нет, он боялся не столько смерти, сколько того, что над ним, слепым и беспомощным, станут издеваться и потешаться. Он вдруг вспомнил, как играл с ребятами в бабу-куцу, когда ему завязывали глаза и весь мир волнующе превращался лишь в дразнящие звуки. Павел представил себе немцев, гогочущих над ним, не видящим и ползающим в грязи. Нет, он не позволит им просто так, за здорово живёшь, веселиться. Павел ощупал левый бок - подсумок на месте, в нём

гранаты - «фенюши». «Значит, не видать мне победы. А бой я приму. Рвану - и дело с концом» - подумалось Павлу. «Посмеётесь! Будет вам смешно!» - зло произнес он, словно встреча его с немцами было делом решённым. И ему стало жалко себя, своего безвестного одиночества, теперь уж наверняка пропавшей молодости и погибшей жизни, стало жалко павших братьёв. И особенно - маму. Припомнился Павлу её полный боли и надежды взгляд в последние минуты. Горький, покальывающий комок подкатил к горлу. Мама!

Вдруг Павел вспомнил о ладанке, что дала ему мама. Она была в кармане гимнастёрки. Озябшими пальцами он судорожно стал растёгивать намокший ватник, нашарил ладанку. Павел прижал её к груди, боясь потерять. Он пальцами нащупывал, угадывал очертания крестика. «Господи, спаси! Помоги мне, Господи! Помоги, Господи, мне снова увидеть! Не дай меня на поругание!» - принялся шептать Павел...

...Очнулся Павел днём. Он ясно понял, что день. Глаза не видели, но сквозь веки чувствовался дневной свет. Радость мгновенно сменилась тревогой потери: но ладанка была крепко зажата в онемелой руке. Павел перезабыл все молитвы, каким его в детстве учила мама. Он стал молиться, как умел.

На ощупь Павел выбрался из траншеи, пополз в ту сторону, где хрипела теперь передовая. Но будто с ним кто-то, как в детстве, играл в бабу-куцу: казалось, хрипы передовой слышались то впереди, то сзади. Павел сослепу угодил в какую-то воронку. В ней хоть немного перестал донимать промозглый ветер. Павел сжался калачиком на дне воронки, пытаясь хоть немного угреться. Он молился, впадал в забытё, приходил в себя, молился, и снова беспмятство избавляло его от холода и боли. Так прошли остаток дня и мучительно долгая ночь.

Весь следующий день Павел слышал шум двигателей, и казалось, до него долетали обрывки немецкой речи. Он пролежал этот день в воронке, жадно вслушиваясь в каждый звук. Ночью выбрался из воронки и долго полз по густой, вязкой грязи на звуки боя. Когда ему изменили силы, он снова свернулся калачиком и уснул лихорадочным, зыбким сном. И когда Павел проснулся, произошло чудо: он услышал такие милые, такие родные, самые обычные русские слова! Павел изо всех сил стал кричать, звать на помощь. Он встал на колени, снова кричал, целовал грязную ладанку, зажатую в руке, благодарил Бога и опять что-то кричал...

Павла нашли в двухстах метрах от траншеи.

- Какого ж ты полка, парень? - спросил его сильный голос, и кто-то сунул ему фляжку с водкой.

Отпив, прокашлявшись, Павел назвал номер полка.

- Да, довелось тебе, - сочувственно ответил тот же сильный голос, и кто-то вложил ему в руку сигарку. - Ты, браток, покури, покури...

В госпитале врачи, аккуратно возясь в его обожженных, слипшихся, коркой взявшихся веках, говорили мудрёными словами, а Павел вслушивался, боясь шевельнуться. Когда слышалось нехорошее в их хитрых фразах, Павел обмирал от ужаса, но потом чей-то строгий голос сказал:

- Ну вот, солдат, видеть ты будешь. Может, не так хорошо, как раньше, но будешь точно. А пока побудешь в повязке. Да, вот так.

7

- Чего ты, парень, говорил? - рассеянно спросил Антипыч у Родьки.

Родька склонил голову набок, глаза его были мутны, но в них заиграл чёрный, колючий блеск. Дурная кровь, что так долго

копилась от обид и неприкаянной маеты его, теперь взбродила и пенилась в Родьке.

- Ты вот про фронт сказал, мол, поверил. Ты за такую жизнь воевал? Вот она! За такую? А?! Пусто! Кругом пусто! Я поездил, повидал страну! Везде, Антипыч, пусто! - распаяясь, тут Родька сжатым кулаком постучал себя в грудь. - А ты? Ты ведь сыто и не ел толком никогда! Ты ж не знаешь! Богатым ни дня не был! А власть?! Это как же - отбоярилась она от нас! За что воевал?

- Как за что?! - старик повысил задрожавший от волнения голос. Дрожь эта против его воли собралась у сердца, и кровью её разнесло по всему телу. - Не мы на него войной пошли, а он! Он убивать, грабить пришёл! На нашу землю! Землю эту мои прадеды веками пахали и супостатам всяким холки мяли! Они эту землю слезами, кровью да потом, почитай, вглубь на версту оросили и в неё же легли!

- Пахали! - перебил его Родька. - Отец мой был природный пахарь... вот и допахались! Да! А в ихней Германии живут вон, по штрассам, ровнёхоньким своим, ездят! Чистота да порядок везде! Вон, по телевизору показывали! На фазендах живут, или как их, чёрт! Пиво пьют и в ус не дуют! Жизнь у них, понимаешь ты? Жизнь настоящая! А может, и у нас была бы!

- Что ж ты мелешь-то! Видал я ту жизнь, что для нас припасли! К фронту через полдержавы ехал - и везде ровно золу через сито протёрли!

Но Родьку уже несло, несло, словно падал он в какую-то бездну. И до подступившей тошноты мерзко ему было, и как-то сладко, плотноядно, как в драке, подзуживало - давай, бей, кольни ещё, выверни!

- А то, что дураки вы были! - крикнул он. - Упёрлись насмерть, осердили немца!

Антипыч прижал к груди трясущуюся ладонь, то ли жарко ему сделалось, пуговицу ли хотел расстегнуть, то ли душу свою пытался от Родькиных слов уберечь.

- Да, дураки! - не унимался Родька. - Руки бы вам в гору поднять, чтоб немца не злить понапрасну - и вся недолга!

Тяжело дыша, старик срывающимся голосом произнёс:

- Вот тебе Бог, вот порог! Уходи отсюда, подобру прошу.

- Что, нечем крыть стало? - кипятился Родька. Вовсю уже хороводили в нём бесы. - Теперь уж давай договорим, у нас теперь демокра-а-тия!

- А ты, Родька, мать, пожалуй, продал бы... Да, продал бы! - внутри у Антипыча клокотало сердце, звенела в голове кровь. - Вот что!

- Ты мою мать не трогай! - закричал Родька.

- И ты... не трогай! - задыхаясь, ответил старик.

Родька с перекошенным лицом что-то выговаривал Антипычу, но Родькин голос уплывал, делался глуше, будто доносился он откуда-то из подпола.

«Вот оно!» - подумалось Антипычу. Промелькнули перед ним звёзды на избах, лица братьёв, агония лейтенанта Бори. Вспомнились братские могилы, что оставляли за собой, по грязи и снегу, под огнём продвигаясь на запад. Увидел Антипыч лицо матери, в год сделавшееся старушечьим. Явились ему землястые лица баб, молчаливо возвращающихся с лесозаготовок, выполнивших непосильную дневную норму, выполнивших потому, что это нужно было стране, их мужьям на фронте, живым и мёртвым, и теперь расходившихся по избам и мучительно думающих, чем кормить голодных ребятишек. Антипыч вспомнил на этих же лицах слёзы радости и наивысшей скорби в первую годовщину Победы, такую счастливую и такую саднящую неутрахающей болью. Увидел Митроху-председателя, что вернулся с фронта без руки, бросившегося тогда перед бабами на колени. Отца, деда, прадеда вспомнил Антипыч.

«Вот оно!» - снова подумалось старику, и на ум пришли слова, давно и отчаянно сказанные самому себе: «Значит, не видеть мне победы. А бой я приму».

Антипыч схватил лежавшую рядом на лавке «тулку». Нет, не в Родьку целил он. Метил старик в то неясное и неявное, безликое зло, которое неприметно заползло из тёмных углов в души людские, застило им свет. Грохнул выстрел, кто-то грузно шмякнулся на пол и, взыв, засучил ногами ...

8

С серпа луны, остро заточенного, будто разбойничье лезвие, на землю струился тусклый, холодный свет. Антипыч остановился на верхнем краю деревни, поглядел на то место, где раньше стояла изба Демидовых. После того, как её спалили бездомники, от избы осталась только мрачно торчащая закоптелая, занесённая снегом печь. Вокруг печи вился бродяга-ветер. Он то высвистывал какую-то протяжную, сиротливую и печальную песню, то буянил, ухая куражливо, по-босяцки. Старик снял с плеча ружье и, придерживаясь за цевьё, медленно опустился в снег. Первый, ошеломительный приступ гневной боли прошёл, и теперь где-то глубоко внутри него, в груди, в животе, в коленях растекалась противная, ноющая ломота. Сидеть было легче - не подкашивались ноги, сделавшиеся ватными, непослушными, как в виденном им сегодня ночью сне.

- Вот к чему и снилось-то. Да. А мы с тобой, Варнак, и верно, как на войне, - сказал Антипыч и снова поглядел на печь, оставшуюся от избы. - Вот так-то, Варнак...

Но разговор с преданно глядящим Варнаком не облегчал Антипыча. Старик встал - теперь и сидеть сделалось невмоготу. Вообще всё сделалось тяжко: идти, стоять, сидеть, говорить, думать. Мысли

лихорадочно сталкивались одна с другой. Казалось, Антипыч физически чувствовал их столкновения - у старика болела голова. Правда была на его стороне. Но ведь в правде всегда сокрыта сила. А в том, что он совершил, не было силы, наоборот, Антипыч увидел слабость свою. И противоречие это вдруг потрясло старика. Насколько слаб, неведомо для самого же себя слаб человек! Антипычу давно казалось, что он понимал это. Но там, на фронте, он чувствовал совсем другое - насколько зыбка и непрочна жизнь человеческая. А в эту минуту он ясно осознал, насколько слаб человек помыслами своими.

- Господи! Укрепи, укрепи меня, грешного! Не зла я хотел! Укрепи, Господи! Укрепи меня, грешного! - глядя на небо, взволнованно просил старик.

Облегчение не приходило, Антипыч, тропя снег, решительно двинулся к дороге на Васильево. За ним, словно заяц, прыгал по следам хозяина Варнак. На дороге Антипыч увидел следы. И понял: это вчерашним вечером возвращался домой Родька...

Выйдя к развилке, Антипыч остановился, оглядел холм, на котором было кладбище:

- Вот, Катерина, вишь как, значит. Муж твой, ровно разбойник какой, посреди ночи в тюрьму пробирается. Дожил! Уж прости ты меня, Катерина! Это я душой ослабел без твоего догляду. Мне уж давно пора к тебе. Вместе, как раньше, оно было бы нам с тобой ладно. А один я - вон чего напроворил. Судить будут. И пускай. Коли уж так, что ж теперь... теперь уж не то страшно...

Старик оглянулся назад. Глаза его слезились на ветру. Внизу, в ночном сером мороке снегов без единого огонька оставалась родная деревня, и неясными тенями былого, уходящего тысячелетия, казалось, расплывались по снегу избы, будто раскатываясь венец за венцом.

Антипыч отвернулся и направился

в Васильево. Ни слов, ни мыслей, могущих взять всё случившиеся в один охват, не было.

И неожиданно для самого себя, словно пытаясь исторгнуть из нутра надсадную горечь, выдохнул Антипыч:

- Эх, дороги...

И дальше с простоном вывел:

- Пыль да туман...

И, будто обнажая душу свою морозу, ветру и суду человеческого, ломким от предсудорожного покалывания голосом дотянул:

- Холода, тревоги,
Да степной бурьян.
Знать... не можешь
Доли своей...

Голос Антипыча дрогнул, запнулся, по подбородку пробежала судорога...

9

Перед калиткой Анфисы долго отдыхал Антипыч. Варнак жалобно поскуливал у его ног. Он чувствовал - что-то нехорошее, тревожное происходило с хозяином. От этого непривычного ощущения и долгой дороги он тоже очень устал и не понимал, для чего хозяин палил в доме из ружья и теперь вот, ночью, они пошли в такую даль.

Младшая сестра Антипыча, Анфиса, с мужем перебрались в Васильево ещё в середине шестидесятых, как признали родную деревню неперспективной. Муж Анфисы несколько лет назад помер, и жила она теперь с сыном Стёпкой. Стёпка работал на лесопилке, слыл балагуром, первостатейным ходоком по бабам и по этой причине был не женат.

Когда Антипыч с Варнаком появились в их избе, Анфиса смотрела телевизор, а Стёпка вертелся у зеркала, видать, собирался отмечать в гостях.

- А говорил - не приду! - радостно затараторила Анфиса. - Оно и правильно, чего бирюком сидеть? И Варнака привёл. Ну, чего стал как неродной? Это у тебя там чего? Ружьё, что ли?

- Я, Анфиса, ненадолго, - ответил Антипыч, стоя в дверях. - Пушай Варнак пока у тебя побудет.

- А ты куда?

- В тюрьму... ну или куда там скажут...

- Ты чего такое городишь? - поднялась со стула Анфиса.

- Ну-ка, Антипыч, пойдем за стол. Расскажешь, - Стёпка засуетился, заиграло в нём любопытство.

Антипыч поставил у двери ружьё, наказал Варнаку лежать и прошёл за стол.

Говорил он неохотно и разговор с Родькой обсказал коротко. Анфиса поглядела на ружьё и, выпрямившись, поднесла руки к груди.

- Ну, а ты-то чего? - заторопила она Антипыча.

- Чего... а я возьми да и стрельни...

- Батюшки... убил?! Насмерть?! - выпалила Анфиса и, сама испугавшись своих слов, запечатала губы ладонью.

- Пошто убил? Нет, - ответил Антипыч.

- Покалечил? Да говори же, чего тянешь! - взмолилась Анфиса.

- Нет. Я ему поверх башки стрельнул-то.

Стёпка, было тоже напрягшийся, выдохнул, покачал головой, улыбнулся:

- Здорово, однако, отсалютовал ты ему. Основательно! А он чего?

- Да чего. Он со стула грохнулся, ногами засучил, сразу встать, видать, не мог, с такой-то неожиданности. Ну, вскочил, завопил чего-то - и наутёк, в чём был. А из сеней уж стал орать, дескать, ты у меня ещё ответишь, я тебя, мол, засужу, сегодня же тебя участковый в оборот возьмёт.

- А ты? - увлеченно спросил Стёпка.

- Анфиса, выключи ты его. Не поёт, а воеет, и без него тошно, - произнёс Анти-

пыч, кивнув на телевизор. И гневно за-
тряс пальцем в сторону экрана. - А ведь
это у Родьки ихняя грамота! Ихняя! Не-
нашенская!

Анфиса метнулась к телевизору. Ста-
ло тихо. Антипыч чуть помолчал и про-
должил:

- Значит, собрался, Варнаку говорю,
мол, пойдём. Ну и пошли. Думаю, пойду
сам да сдамся участковому. Мало ли, чего
Родька ему спяну-то наболтает. Мне оно
уже всё едино. А на вас посмеиваться нач-
нут, мол, Анфиски братан, Антипыч, под
вином в Родьку Суслопарова шмалял. Или
сыновья мои в отпуск с ребяташками при-
едут - это как же им такое слышать? Нет,
пусть оно по правде будет. Пусть по правде
судят. Ты, Стёпка, может, знаешь - дадут
то много?

- Ну, - с видом знатока почесал голову
Стёпка. - Хулиганство. Суток пятнадцать.
А ты скажи, мол, так случилось: слово за
слово, то-сё, Родька гадостей наговорил
и на меня в драку полез. Тебе он поверит
- ты ветеран! А Родька кто? Участковый
у нас - мужик хороший! Да и я словечко за
тебя замолвлю. Мы с ним рыбачим часто.
Говорю, хороший он мужик.

- Нет! - твёрдо ответил Антипыч. - Бре-
хать не стану, а как всё по правде было
- расскажу.

- Зря! - не соглашался Стёпка. - Я
тебе дело говорю. А может он и вправду
драться-то лез, а ты и забыл просто? Тут, в
драке, дело такое - не сразу и вспомнишь,
чего оно было.

- Нет, не было такого...

- Ты бы слушал, чего говорят тебе! - на-
пустилась на брата Анфиса. - Глянь, сидит
он, форсун старый! Тебе ж, как лучше, го-
ворят! А как загремишь в кутузку - тог-
да чего?

- Значит, за дело, - тихо сказал Анти-
пыч и глянул на Стёпку. - Ты знаешь, где
участковый живёт? Покажешь?

- Угу.

- Ну, пошли тогда, что ль? - встал Ан-
типыч.

- Прям сейчас? - удивился Стёпка.

- А когда?! Сейчас идти надо! - сказал
Антипыч и подошёл к Варнаку. Кобелёк
радостно застучал хвостом. - Ты, мой хо-
роший, не ходи за мной. Здесь будь. Вот
у Анфисы пока поживёшь. Верно говорю,
Анфиса?! Ты меня уж прости, Варнак, что
так вышло. Да, да, Варначок, придётся
тебе подождать меня. Так ты не грусти...

- Ой, - встрепенулась вдруг Анфиса. -
А что, ежели Родька, лиходеи этот, избу
тебе спалит? На них же, коли глаза поза-
ливают, уёма никакого нет!

- Не спалит, - отозвался Антипыч, ещё
раз ласково потрепал Варнака, взял ружье
и вышел в сени.

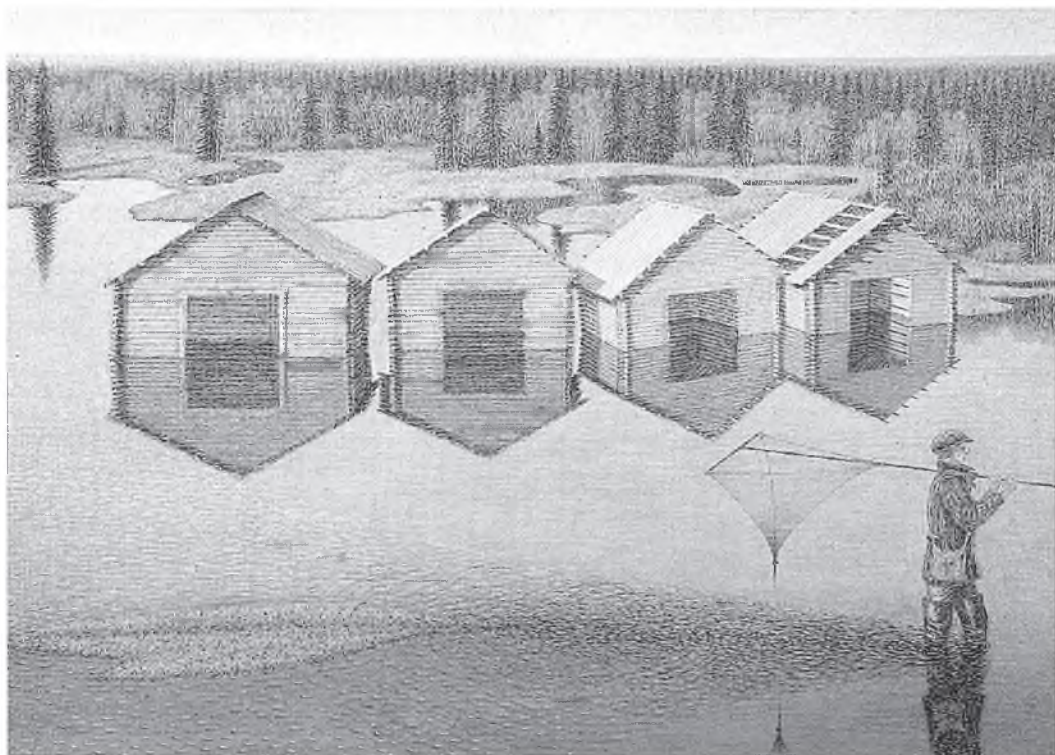
К участковому Антипыч со Стёпкой за-
явились в одиннадцать. Он слушал сбив-
чивый рассказ старика сначала хмуро,
потом и вовсе стал метать в Стёпку, сто-
явшего позади Антипыча, гневные взгля-
ды. Стёпка только и мог, что бессильно
разводить руками. Через пятнадцать ми-
нут участковым было объявлено: обоим
пока обо всём помалкивать, Антипычу
оставаться у Анфисы и считать себя под
домашним арестом до дальнейшего вы-
яснения. «Тулку» же участковый распор-
ядился оставить у себя.

...Родька, наутро проспавшись, пом-
чался к Антипычу и, не застав того дома,
рванул в Васильево. Встретил Стёпку,
навеселе возвращавшегося из гостей.
Узнав всё от него, помчался к участко-
вому и пообещал проставить тому ящик
«белой», чтобы он «позабыл» о словах
старика...

Антипыч ещё три года прожил в новом
«тыщачелетии», прежде чем перебрался к
супружнице своей Катерине, в «Большие
Погорельцы».

И если вдруг набредёт путник на глухое кладбище, устроенное на холме, если тронет его сердце умиротворённой тишиной, какая бывает лишь на погосте, то пойдёт он бродить по кладбищу. Может, оттого, что жив, незаметно для себя вольно, во все меха вдохнёт путник, а на выдохе шевельнётся в нём далёкое, неясное предчувствие вечного покоя и великой тайны. И станет тогда путник разглядывать старые, заросшие могилы, пытаясь по фотографиям, датам, именам понять, кто в них лежит, и какую они прожили жизнь. Тогда, на краю кладбища, посреди всеобщего травяного буйства,

неприменно увидит путник опрятно прибранную еловыми веточками, ладно обихоженную могилку, укрытую нежно игривой тенью двух берёз, растущих чуть позади, по обе стороны от креста. И, остановившись, заслушается ласковым шёпотом берёз, да и приметит путник петляющую, нахоженную тропинку, станет провожать её взглядом. Затеряется тропинка в зелени, вынырнет, пропадет снова в наступающем молодом прилесье. Тогда посреди дурнороста неохотно откроются взору редкие, согбенные потемневшие избы, и угадается: здесь была, а может, и есть ещё деревня...

Георгий Попов. Весна на наволоках.1995

Анастасия Астафьева

Анастасия Викторовна Астафьева родилась в 1975 году в Вологде. Член Союза российских писателей. В 2003 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького, в 2012 году - Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, специальность «киноведение». Рассказы и статьи Анастасии Викторовны печатались в вологодской прессе, в «Литературной России» и «Литературной газете», литературных журналах России. А. В. Астафьева - автор шести книг прозы. Лауреат специальной премии литературного конкурса «Чистая книга» имени Фёдора Абрамова и финалист литературной премии «Ясная Поляна» (2022 г.); обладатель золотого диплома XIV Славянского литературного форума «Золотой Витязь», ежегодной награды «Снежное перо» от журнала «День и ночь» (2023 г.); лауреат первой премии литературного конкурса «Новые амазонки», финалист премии им. Фазиля Искандера (2024 г.).

Кирюша

Каждый день, в одно и то же время, его одинокая длинная фигура появлялась на дороге. Шагал он медленно, запрокинув голову назад и чуть набок, словно всё время смотрел в небо, словно искал там что-то. Он даже не шагал, а шаркал, почти не отрывая подошв от земли, взбивая обувью пыль, если было лето, или снег, если стояла зима. Поэтому по самому краю грунтовки всегда тянулся странный, неровный, непрерывный след. Правила Кирюша знал и соблюдал неукоснительно: нужно идти навстречу машинам, не препятствуя их движению.

Гулял он ежедневно в любую погоду. Жара, дождь, буран, мороз, ветер - ничто его не останавливало. Зимой Кирюша был одет в один и тот же тёплый охотничий костюм

на синтепоне: брюки и куртка коричневого цвета, украшенные для маскировки золото-осенними листьями. Капюшон он всегда надевал на голову и плотно затягивал под подбородком, отчего и без того вытянутое бесцветное лицо его становилось совсем узким и бледным. Летом и в межсезонье он ходил в затёртых джинсах, заправленных в резиновые сапоги, в рубашке, ворот которой глухо застёгивал на тонкой шее, и длинной, похожей на пиджак, ветровке. Головной убор в тёплое время года не носил.

Вероника встречалась с Кирюшей в половине четвёртого, когда возвращалась с работы домой. Школа, в которой она шестой год трудилась учительницей начальных классов, находилась в соседнем селе, всего в полутора километрах от деревни,

где она теперь жила. После развода с загулявшим мужем Вероника вернулась под родительский кров. Пять лет назад ещё был жив папа, но уже тяжело болел. Похоронив его солнечным золотым днём бабьего лета, они с мамой остались вдвоём. Ребёнка за пару лет семейной жизни Вероника завести не успела, успокаивала себя тем, что у неё и так есть пятеро детей: три дочки и два сына - именно столько ребят обучалось в сельской начальной школе. Две девочки и мальчик в первом классе. Во втором - никого. Девочка - в третьем. И один мальчик в этом году заканчивал начальную школу. Молодых семей в селе осталось совсем мало и, хотя они стараются со всей страстью, восполнить демографический провал им не под силу. Школу уже дважды грозили закрыть, потому что на каждого ученика приходилась обслуживающая единица: директор, учитель, техничка, повар, истопник (при школе была своя мини-котельная). Потом решили объединить с садиком, где воспитывались ещё четыре разновозрастных ребёнка, и пока на этом успокоились. Но было совершенно очевидно, что в ближайшие три года в первый класс никто не поступит. Значит, количество учеников будет только уменьшаться. Конечно, может случиться чудо - приедет в село жить семья с ребятишками. Вон, в Рябиновку той весной явились таджики, сразу шесть учеников поступило в Рябиновскую школу. Но что это за ученики! Они даже по-русски не говорят, их сразу зачислили на спецобучение, возись с ними, вбивай в круглые, с колючими чёрными волосами головёнки алфавит и таблицу умножения. У них только старшая девочка очень толковая, усидчивая, сама читать научилась, помогает братьям и учительнице. Плакалась эта учительница на недавнем собрании, мол, как от стенки горох всё от них отлетает, а на десятилетней Фаризе, по сути, и держится всё это семейство, пото-

му что родители всегда на работе, а она и варит, и моет, и всю ораву пестует, да ещё и учится отлично. Чудо-девчонка: худенькая, маленькая, всегда, как у них заведено, с покрытой платком головой, в платье до земли, придёт и грустно так рассказывает, что у неё руки болят после вчерашней стирки, а младший брат, пока она готовила плов, удрал из дома, и она бегала по Рябиновке, искала его, плакала и дрожала от страха, что отец прийдёт. Учительница слушает её рассказы и сама плачет, потому что и хотела бы, да ничем не может помочь - свои законы у людей. Вероника тоже жалела бедную Фаризу и думала, что удочерила бы её, но ведь никто не даст от живых-то родителей. Даже опека закрывает глаза на всё, что творится в той семье, на их бедность и неустроенность. Чужой монастырь - чужой устав.

Сегодня Вероника возвращалась домой поздно. Вечерело. Моросил дождь. Серый ивняк, захвативший обочины дороги, плакал, тяжёлые капли срывались с его голых гибких веток и падали в чёрную палую листву. Потемневший хмурый ельник съёжился и замер. Вероника задумалась, а когда подняла взгляд от земли и отвела в сторону склонённый вперёд зонтик, то вздрогнула от неожиданности: на повороте к деревне стоял Кирюша. Его коричневый, в осенних листьях костюм почти сливался с природой. Только узкое лицо, обрамлённое капюшоном, белело в сумерках. Она и забыла про него, и не ожидала увидеть здесь в это время - обычно по парню можно было сверять часы. Сейчас начало шестого, скоро стемнеет, а он, значит, стоит и мокнет тут с полчетвёртого. Зачем? Холодно. Простынет.

Вероника никогда не знала - здороваться с ним или нет. Ей казалось, что Кирюша находится в каком-то своём мире, а потому просто не замечает и не слышит ни её, ни чего-либо вокруг. Обычно она быстро проскакивала мимо, стараясь не глядеть

несчастному парню в глаза, а он брёл, как всегда запрокинув голову, смотрел в небо. Может, ему хорошо в самом себе, зачем нарушать его уединение. Вряд ли он обидится, что с ним кто-то не поздоровался.

Но сейчас Вероника шла прямо на Кирюшу и чувствовала на себе его скошенный взгляд.

- Здравствуйте... - выдавила она и поспешно свернула с грунтовки на дорожку, ведущую к дому.

Парень ничего не ответил. Даже не изменил положения головы и тела.

«Ну и ладно... - подумала Вероника. - Значит, он действительно ничего не слышит и не замечает».

Добежав до дома, Вероника оглянулась - длинной фигуры на повороте уже не было. Кирюша пошёл обратно. Она отомкнула замок на двери, заскочила на крыльцо, поставила раскрытый зонтик в угол, нажала клавишу выключателя: на улице зажгётся свет. Двор, освещённый яркой лампочкой, сделался уютнее, а вот округа потемнела ещё больше, в лесу уже наступила ночь.

В доме было тепло и сухо. Перед тем как убежать на телятник, мать протопила печку-голландку, сварила и оставила на горячей плите упревать суп. Обычно Вероника успевала застать её - вечерняя смена начиналась в пять. Они вместе обедали, нахваливали вкусности, обсуждали новости. Мать отпраивлялась на работу, а дочь садилась готовиться к завтрашним урокам. Всего-то пятеро учеников, но зато все в разных классах, и предметов много. К тому же современные дети - визуалы, им надо всё показать, нарисовать, одними словами или параграфом из учебника не отделаешься, вот и приходится изошряться: то презентацию сделать, то картинки или видео из интернета скачать.

В одиночестве, без аппетита Вероника поела рассольника, вымыла тарелку и не сразу пошла в свой рабочий уголок за компьютер, а прилегла. Ей захотелось по-

сумерничать. Это значило - спокойно побыть в вечерней темноте и тишине. Не зажигать свет, не включать радио или телевизор. Иногда они с мамой ставили на стол свечу и сидели за столом, тихо переговариваясь ни о чём. Или молчали. Главное при сумерничании - не закрывать занавески на окнах. В этом весь смысл. Тогда видно, как светлый вечер постепенно синеет, как наползающая ночь неумовимо проникает в каждый закоулок деревенской улицы, в каждую рытвинку на дороге, в каждую щёлочку двора. И если выйти в этот момент на волю, то можно отчётливо увидеть границу дня и ночи, тьмы и света: на западе небо может быть ещё совсем светлым, с отблесками остывающей вечерней зари, но на востоке - на востоке, где должно зародиться солнце нового дня, - оно будет тёмно-фиолетовое, глухое, неумолимое.

Вероника лежала на своей кровати, вверх покрывала, вытянувшись на спине и сложив руки на груди. Слух в темноте сразу обострился, и она нарочно ловила разнообразные звуки, наполнявшие в этот момент дом и мир вокруг. Монотонно гудел холодильник, тикал будильник, из раковины в раковину редко, с чёткими временными промежутками, капала вода. Вероника посчитала: двенадцать секунд было нужно капле, чтобы накопиться, стечь по металлическому штырьку вниз, собраться в тяжёлый шарик на его конце и вдруг обрушиться и разбиться о звонкое дно раковины. С русской печи спрыгнула кошка, мягко, дробно протопала по половикам к миске и принялась звонко лакать молоко. Зажужжала и стала биться об потолок отупевшая октябрьская муха.

Вероника вздохнула. Кошка услышала её, запрыгнула на кровать, боднула приветливо в бок и села в ногах умываться.

«А ведь он влюбился в меня!» - осенило Веронику.

Она даже села от неожиданности на кровати и минуты три приходила в себя,

словно услышала удивительную и одновременно неприятную новость. Ей стало отчего-то очень неловко, как будто она была виновата в этом. Но, конечно, никакой вины за ней не было. Вероника не подавала и не могла бы подать и малейшего повода этому бедному парню. Она как-то его и не замечала, и не помнила бы даже о его существовании, если бы не эти ежедневные встречи на дороге. Ну, гуляет и гуляет. Ей-то что! Позавидуешь только такому упорству Кирюшиной блаженной натуры и его физической выносливости. Тут не знаешь, как себя заставить зарядку делать по утрам, как на работу не проспаться и не опоздать, а он ходит по доброй воле полтора километра туда, полтора обратно круглый год. Ходит в надежде встретить её, просто встретить, взглянуть, наполниться понятным только ему одному счастьем и побрести обратно, зная, что завтра всё повторится. А в выходные? В каникулы? Гуляет ли он, когда занятий в школе нет? Кажется, гуляет. Да, мама как-то ходила в магазин в воскресенье и говорила, что видела Кирюшу, ещё подшучивала над его постоянством. На что он рассчитывает в эти дни? Просто ходит до её деревни, просто смотрит на её дом оттуда, с дороги? И живёт этим?

В задумчивости спустив на пол ноги, Вероника нащупала пальцами ног тапки, обулась, прошла в кухню, включила свет и зажмурилась. Когда глаза привыкли к свету, она налила из чайника в чашку остывшей заварки и проглотила её, горькую, вяжущую. Кошка пришла следом, боднула ноги. Вероника насыпала ей корму и пошла в свою комнату включать компьютер.

Веронике казалось, что её память сейчас загружается с шумом и треском, как старый процессор. Что она знала о Кирюше? Он на десять лет её младше, старший ребёнок в неблагополучной многодетной семье. Она его всегда помнила таким: с запрокинутой головой, со скошенным взгля-

дом, со слюной из приоткрытого рта... Но односельчане уверяли, что родился Кирюша здоровым, его родители тогда ещё не были горькими пропойцами и смогли передать первому ребёнку ещё не повреждённые алкоголем гены. Это дальше пошло шатай-валяй, хотя с возрастом все зувские ребята как-то выправились, работают, семьи завели, своих деток нарожали. Что же случилось с Кирюшей?

«Нет, ну что ты придумала! - заругалась Вероника сама на себя. - Влюбился! Он и слова-то такого не знает, не понимает... Водит его болезнь, на месте не сидится, а куда ему идти? В лес? Заблудится. Вот и бродит по знакомому маршруту туда-сюда, туда-сюда. Кстати, народ говорит, что он очень работающий, исполнительный. Силища у него нечеловеческая... Эх, вот так часто бывает у дурачков - добрые, работающие, выносливые. Какая несправедливость. Нашлась бы ему такая же... ну-у... добрая, кривенькая, заботливая, полубили бы друг друга и жили душа в душу...»

Так думала Вероника, а рука её привычно водила мышкой, крутила колёсико, глаза отыскивали в поисковике необходимые материалы. Она что-то скачивала, переименовывала, сохраняла в папки на рабочем столе компьютера, распечатывала, раскладывала по прозрачным файлам. Пару раз отвлеклась на переписку с подругой во ВКонтакте, и в навязчивой ленте «возможные друзья» взгляд её зацепился за красивую летнюю картинку, поставленную кем-то на аватарку вместо своего лица. Вероника услышала, как шумит сосновый бор, пронизанный солнечными лучами, увидела, как сквозь сучья деревьев проглядывают лоскуты голубого неба, а на одной ветке сидит крупная чёрная птица, наверное, ворон. Кирилл Зуев, 23 года - было написано на картинке. Кирюша?! Не может быть! У него есть страничка в соцсети?! И надо же, чтобы именно

сейчас хитрый ВК подкинул ей это в ленте. Веронике иногда казалось, что интернет научился читать мысли, а не только подсовывать всё подряд под последний запрос.

Конечно, она не могла удержаться и зашла на страницу Кирилла Зуева, предполагаемого Кирюши. Информации было совсем немного. Несколько фотографий природы, все снова очень красивые. Неужели сам снимает? Но ни одного портрета, чтобы окончательно удостовериться. В статусе стояло: «Ты - единственный автор всего, что происходит с тобой в жизни». мудро! Но явно украдено у кого-то! На стене было несколько смешных картинок и поздравлений с днём рождения. Надо же! Совсем недавно, на прошлой неделе, Кирюше исполнилось двадцать три. Вероника спустилась по стене чуть ниже и увидела четверостишие:

*Лес красивый. Люблю тишину.
Небо обнимет меня.
Она тоже обнимает.
И тогда у меня счастье.*

Рука автоматически катнула колёсико мыши. Вероника прочитала ещё:

*Может я нечеловек.
Я птица. Умею летать.
И она летать.
Я знаю.*

Вероника сглотнула комок.

*Везна пришла.
Я люблю когда везна.
Цветы рвать надо.
Любить надо.
И солнце всем дарю.*

Под последним стихотворением стоял комментарий: «Жги, Кирюша! Будешь новый Пушкин!» И издевательские смайлики в ряд.

Вам смешно? Веронике стало стыдно и за себя, и за всех, кто насмеялся, подтрунивал над Кирюшей, раздражался на него, обижал. За всех, кто понятия не имел, какая нежнейшая душа живёт в этом парне. Какая трогательная любовь ко всему живому таится в нём. Он способен видеть красоту мира, умеет выражать её в своих неуклюжих, но таких искренних стихотворениях, сохранять на своих фотографиях. И болезнь заслонила от него мир злой, беспощадный, ехидный, или, наоборот, огородила собой ясную Кирюшину душу, умеющую любить и жалеть, от всего этого мира. Потому что она не выдержала бы прямого соприкосновения с ним, смертельно обожглась бы, как бабочка о пламя, и погибла...

Вероника сидела перед компьютером, перелистывая фотографии на Кирюшиной странице, и видела мир его глазами. В этом мире было очень много неба - чистого, высокого, голубого. В этом мире скромно жили полевые цветы - ромашки, васильки, колокольчики. Росли белые берёзы и золотые сосны, тёмно-зелёные липы и бордовые осины. Под деревьями теснились семейки грибов с разноцветными шляпками. Ещё в Кирюшином мире были рыжая красавица-кошка и лохматый пёс, умеющий улыбаться. Это был самый живой и правильный мир! Она бы тоже хотела жить в таком!

*Снег вчера падал.
Потом нестал.
Прилетели синисы
Я дал хлеба.
Ели. Веселые
Желтые*

Вероника вздрогнула от звонка мобильного телефона. Усталый мамин голос в трубке попросил её встретить: взяла с фермы три банки молока, будет делать творог.

Она оделась, прихватила фонарик.

Шла по дороге почти на ощупь, промозглая темнота октябрьской ночи поглощала слабый тонкий луч света, словно чёрная дыра. Морось не прекращалась. Под сапогами чавкала грязь.

С мамой встретились на полпути, хотя Вероника просила её подождать на ферме, не тащить всё самой. Отобрала у неё сумку с двумя трёхлитровками, хотя мать ещё пробовала сопротивляться. Долго шагали молча. Дорога пошла чуть в горку, они тащили тяжёлые банки и себя по раскисшей колее, разговаривать было трудно.

Но когда свернули с грунтовки на свою дорожку, Вероника спросила:

- А что случилось с Кирюшей? Почему он такой?

- Дак бабка его проглядела, - просто ответила мама. - Свалился в подвал, шею свернул, ушибся. Года три ему было, наверное. Так и не выправился. А ты чего вдруг спрашиваешь?

- Да встретила его сегодня опять. Знаешь, он, по-моему, в меня влюбился. Поэтому и ходит.

Мать промолчала, вздохнула только.

Они дошли до дома, мокрое крыльцо которого освещал дворовый фонарь, с радостью поставили на ступеньки сумки с банками. В доме сняли плащи, Вероника развесила их сушиться, пока мать, сидя на скамеечке у порога, стягивала с ног сапоги, а потом, расстегнув кофту и спустив на плечи платок, отдыхала.

- Грехи наши, - выдохнула она. - А ты знаешь, что бабка эта Зуева, помнишь, она такая страшная, бельмоватая?..

Но Вероника бабушку Зуеву не помнила.

- Так вот она отца-то Кирюшиного, сына своего единственного, сдала в детдом. А сама гуляла, о-ой... не до сына ей было... Ты чай-то поставила?

Вероника налила воды и нажала кнопку электрического чайника. Тот почти сра-

зу зашумел, мешая хорошенько услышать мать.

- А потом как пошли у сына свои дети, да каждый год выскакивали, он эту мать непутёвую разыскал, к себе забрал. Она уж к тому времени никому даже за стакан портвейна была не нужна. Тыфу ты... Вот и водилась с ребяташками до смерти! Во как! Бог-то говорит: одного нянчить не захотела - вот тебе десять! Водись!

Мать поднялась, вымыла руки и лицо, села за стол. Вероника налила чаю ей и себе, выложила на стол пакет с пряниками и конфетами.

- Может, картошки поджарить, мам? - спросила она. - А то чего одного чаю-то?

- Нет, пока не хочу. Буде отдохну вот, - она отхлебнула из чашки и протянула: - Да-а... говорили, конечно, что Кирюшуту она специально в подвал-то... хорохорилась поначалу, не желала в няньках сидеть. Да ведь не докажешь. Свидетелей нет.

Мать пила чай шумно, втягивая горячее через губы, чмокала конфетой.

Вероника выкатила из пакета шоколадную «Ласточку», незаметно спрятала её в карман халата, решив потом переложить в пальто. Если Кирюша завтра снова будет встречать её из школы, а он будет, она это точно знает, то эта конфета достанется ему. А ещё Вероника хочет наконец заглянуть в глаза парню, и она уже сейчас догадывается, что увидит там не пустоту и тьму, а мысль и свет. И любовь. И тогда небо обнимет её, и будет у неё счастье, везна и жёлтые синисы. Они прилетят к ней из детских снов, вернутся вместе с утраченной радостью бытия, разгонят небесную хмарь и подарят солнце.

Завтра. В полчетвёртого. Главное, чтобы Кирюша не простыл после сегодняшнего ожидания под дождём, а её снова не задержали на работе.

Ирина
Кемаикова

Автор о себе. Родилась 27 марта 1974 года в маленькой северной деревеньке Медведево Каргопольского района Архангельской области. Дед научил читать в три года. До сих пор помню первую книжку - сказку Аксакова «Аленький цветочек», которую читали с бабушкой на кровати с никелированными шарами и ажурным, связанным бабушкой из белых катушечных ниток подвесом. С тех пор не расстаюсь с книгами, в детстве даже мечтала стать библиотекарем. В 1999 году с отличием окончила факультет филологии и журналистики Поморского государственного университета. Уже более тридцати лет преподаю в сельской школе русский язык и литературу. Первые стихи о ромашках и шмелях написала в детстве. Потом, как многие, писала в юности, но надолго забросила сочинительство. Вернулась к литературному творчеству уже в зрелом возрасте. Пишу стихи и рассказы, портретные очерки. Автор четырёх поэтических сборников. Член Союза писателей России. Увлекаюсь фотографией и психологией, люблю северную природу, музыку, цветы, книги, животных - многое люблю.

Фиалки расцвели!

АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

*С утра несёшь воды из родника.
Ещё у сна в невидимых силках,
Неловкое, на волю рвётся тело.
Но воздуха апреля нет ясней,
Как патиной, подёрнут грязью снег,
А птицы граммофонят оголтело.*

*С весной от рождения в родстве,
Люблю её животворящий свет,
И день негоже начинать вполсилы...
Такое счастье - слушать и смотреть:
Кульбиты солнце делает в ведре -
Ох, как бы воду мне не вскипятило!*

*Как множат солнце лужи - глаз
в прищур.*

*С соседкой и о хворях потрещу,
И о разливах рек на дальних пожнях.
А у дороги, чёрен и ершист
(За травяную натерпелся жизнь),
Щетинится подснежный подорожник,*

*Но к солнцу ближе тянет свой клинок.
И выцветшими звёздами у ног
Не сможет осветить меня цикорий.
Потом из дома, будто из норы,
Смотря в окно, сподобиться открыть:
Весна - и хворь, и средство
против хвори.*

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

Ленку пьяный мужик
на чём свет материт -
Тоже, в общем, не дивное диво.

Не поможет от пьянки зелёнка и йод -
Убегай от тычков да от брани
В огород, где вольготно крапива растёт
У окна покосившейся бани.

Обожжённые ноги пылают - ого!
Плачет Ленка - стекло запотело.
Но крапива - она не страшней матюгов:
Обожжет - всё не душу, а тело.

О несчастном житье Ленка
бабам - ни-ни,
Хоть нескладная жизнь горько мучит.
«Девка, что на слезах? Расскажи,
помани*». -
«Да крапива у бани - ой, жгуча!»

Всю-то жизнь горько маялись
бабка и мать,
Но соседку они осудили:
«Гли-ко, бросилась счастье
како-то имать**.
Не жилось ей с семьёй-то, кобыле!»

На припёке у бани разлёгся кошак,
В доме - муж, одуревший от пива.
Если скажут при Ленке:
«Бессмертна душа»,
То добавит она: «И крапива...»

*Помани (сев., диал.) - подожди, постой.

**Имать (сев., диал.) - ловить.

ПЕРЕМОЧЬ

Осень в выцветшем рубище
Приходила на Русь.
Я к тебе, мой нелюбящий,
Сердцем больше не рвусь.

И за осень не ратую -
Пережить бы, как ночь.

Мне её бы, треклятую,
Одолеть, перемочь.

Боль упрятать бы в шубницу*,
Не сойти бы с ума...
Врут, что стерпится - слюбится -
Проверяла сама.

...В печке булькает варево,
Свет на кухне включён.
Помню, батя говаривал:
«Переможем, ничё!..»

*Шубница (сев., диал.) - меховая рукавица с
суконным верхом.

НЕКАРТИННЫЙ КРАЙ

Вдоль обочин - седые от пыли
попынь да осот,
Августовский закат польхает
багровым пожаром.
Деревенский кошак - и куда
дуралея несёт! -
Шустро шмыгнет в ольшняк,
изгибаясь всем телом поджарым.

Ничего необычного в скромных краях
моих нет:
Перелесок, совхозный гараж,
огоньки телевышки,
Пёс лохматый, кидаясь к машине,
зайдётся в брехне,
Острый щибень грунтовки
на выкид дырявит покрывки.

И не раз говорили:
«Чего ты вцепилась, чего?»
Удирай поскорее отсюда
во все-то лопатки!»

Только надо ж - вросла всей душою в него,
В этот край, на елей
и картинность нисколько не падкий.

А навечно уйду - поминайте,
как звать-величать.

Телевешка, совхозный гараж,
озерца незабудок...
Вот не знаю, умеют ли души
ушедших скучать -
Я, наверное, буду по этим краям.
Обязательно буду.

Беде не поможешь слезами,
А счастья не спросишь взаймы -
Достанешь коробку с вязаньем,
Забывшую с прошлой зимы.

И будут постукивать спицы,
И снег за окошком кружить -
Что ж, проще вязать научиться,
Чем с сердцем в гармонии жить.

Однако метаться и рваться
Сегодня себе запретишь.
Раз петелька... десять... и двадцать...
Какая за окнами тишь!

...И звёзды, и тьма не кромешна,
И - чудо случается ведь! -
Большую Медведицу нежно
Большой обнимает Медведь.

МАЛЕНЬКИЙ СЕКРЕТ

Поводов для грусти - хоть отбавляй,
Поводов для счастья - наплакал кот.
Хочешь тьму нести? Что ж, давай, валяй.
Хочешь светом? Делай наоборот:

Солнышка в самом себе пощи,
Хватит ныть по поводу мелочей -
Мол, опять попал, будто кур во щи,
Мол, промёрз до дна, не звенит ручей.

И не жизнь вокруг, а театр теней,
И погас в сугробах волшебный трут.
До весны ещё много стылых дней,
Хоть календари, как известно, врут.

Ищешь тьму - на тьму ты и обречён,
Безо всяких если бы да кабы.
Время года вовсе и ни при чём,
Чтобы чьим-то лучиком тёплым быть.

ФИАЛКИ НА ОКНЕ

Нет рамок для души - вмещайся,
не вмещайся;
Черни себя, бели; хвали или пили.
Скажи хоть сотню раз,
что пошло жить в мещанстве, -
А радуется глаз: фиалки расцвели!

Искрятся на окне морозные узоры.
От яда холодов отыскан антидот:
Фиалки расцвели! И пусть тепло
не скоро,
Но в свой урочный час весна
ко мне придёт.

Расчищена дорога на погост -
Зима была прожорлива на смерти.
И всякая потеря, будто кость,
Саднящую в душе отметку чертит.

Простишься с земляком, домой идёшь,
И небо снегопадом новым бухнет...
Из мрачных мыслей выдернет галдёж
Воробушков на райдине* у кухни.

Тебя ведь ждут! Крупы поди насыпь.
Да баню растопи - очнись: суббота.
Огонь в печи, воды студёной зыбь
Вернут к привычным мыслям
и заботам.

И надо жить, хоть жизнь порой не мёд
(Порою ничего бывает так-то),
Пока не для тебя торить идёт
Дорогу на погост совхозный трактор.

*Райда, райдина (сев. диал.) - сухая ива.

ВРЕМЯ ИКС

Ждёшь, что время твоё придёт.
Есть зелёнка апреля, йод
Раскалённых шальных июлей -
К часу икс на пути весьма
Может ранить тебя весна
Или лето случайной пулей.

Есть осенний фурацилин
Листопада - он исцелит
Воспаление от прохлады.
Снег - отличнейший стрептоцид -
Ранки, язвочки и рубцы
Посыпай, коли будет надо.

Из пшеничной муки калач
Под замок надёжней спрячь:
Съешь, когда твоё время грянет.
И капризной любви бутон
Про запас береги - потом
И любовь, и медовый пряник.

Переждёшь - и придёт оно:
Фейерверк и разлив тонов
Зазвучит в гармоничной коде.
Стрептоцидам-зелёнкам - пиши!
Вот тогда-то и будешь жить.

Ждёшь: придёт... А оно уходит.

РУДИМЕНТ

И ветрено опять, и как-то ледовито,
Что, впрочем, не сюрприз:
на шарике - февраль.
В уме ли, баба, ты: тоскуешь
по любви-то?

О благе о своём подумать не пора ль?

Живи себе в тиши, спокойно, одиноко
И тело холь своё на печке в терему.
На рошу и поля гляди весь день
из окон,

Жалеть, переживать -
на пользу шло кому?

А коли теплоты имеешь на излишках,
Грей уличных котов, бездомных
псов корми.

И думай перед сном: сердечна баба,
вишь как!

...Закатный свет тяжёл -
пурпурный и кармин,

И стылые ветра хозяйничают в роце.
Зачем тебе любовь? Досадный
рудимент.

Жизнь без неё куда спокойнее и проще...

Лукавлю - без любви
и вовсе жизни нет.

ПАМЯТЬ

Ну что же ты плачешь,
отчаянный стоик?

Да жить на Земле потому уже стоит,
Что клювом скорлупку яйца

С наивным упорством цыплёнок
разрушил,

Что знают любовь беспокойные
души,

Что тёмные брёвна венца
Отцовской избы, на припёке прогреты,

Теплом бескорыстно поделаются.

Свет их -

Глубинный, древесный, живой,
Быллька в кармане отцовской рубахи,

И пола сияют горбатые плахи,

До блеска отмыты дресвой,

И августа воздух на травах настоян -
Он терпок, тягуч, как варенье густое,

Которое в медном тазу

Затеяла мама варить спозаранку.

- Где, милая, больно? - а после на ранку

Подует и вытрет слезу.

Анастасия
Егорова

Анастасия - финалист литературного семинара молодых авторов в рамках Всероссийских Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия» (2024). Вошла в лонг-лист Всероссийского литературного фестиваля-конкурса имени Л. И. Ошанина (2024). Финалист Всероссийского открытого литературного фестиваля-конкурса им. А. Л. Чижевского в номинации «Малая проза» (2024). Участница Литературного объединения «Солнечный круг» в Рыбинске.

Старая учительница

Тик-так. Время привычно проходит знакомые круги на часах. В старом чайнике с протёртой эмалью булькает вода. В раковине тоже вода. Падает крупными каплями. Кап-кап. Надо бы сантехника вызвать. Как всегда, жужжит и нагревается допотопный тяжёлый ноутбук.

Маргарита Степановна, сидя за кухонным столом, надевает очки с толстыми линзами и долго смотрит на клавиатуру.

Она одна. Давно. В память о муже остались только фотографии. Раньше приходил во сне, но всё реже-реже... Его черты расплываются в памяти.

Чайник неуверенно свистит. Ещё раз. А потом, глубоко вздыхая, голосит на всю квартиру.

Маргарита Степановна с трудом опирается на стол и приподнимается с табуретки. Два шага до плиты.

Синие язычки исчезают, чайник замолкает.

Чашка со сколотым краем, жмурясь от кипятка, нагревается. Тик-так.

Когда-то ловкие пальцы неуверенно и долго ищут нужные клавиши. На ноутбуке.

«СОРО» - складывается довольно быстро. «К» играет в прятки. Всё не то. Опять не то. О, вот же она. Ну-ка, иди сюда. За «К» послушно появляется «И», «НА» медлит. Но, наконец, полная фамилия загорается в желтоватой строке на экране. Сорокина. Так же постепенно возникает имя. Варвара.

Сколько же вас! Сорокиных Варвар! И всё не те...

Маргарита Степановна вспоминает школу. Уроки музыки, которые она когда-то проводила с особой страстью. Даже муж ревновал: «Ты своим ученикам времени больше уделяешь, чем мне». Конечно, что он, маленький?

Раньше она посмеивалась над мужем: Шуберта от Шопена отличить не может!

Что с него взять? Физкультурник. И трудовик по совместительству. А она - дама из особого мира, понятного лишь поклонникам настоящего искусства. А он, Серёжа, только «кузнечика» и мог сыграть! Это на её-то старинном «Блютнере»!

Как же она сердилась на мужа! Пусть не трогает искусство своими грязными руками! С трудовыми мозолями.

Кап-кап-кап. Вода в раковине усиливает темп.

Кто у нас по списку? Варечка.

У Маргариты Степановны своё хобби. Искать в этой новомодной электронной неправильно открывающейся книге бывших учеников. Найти довольно сложно, но иногда интернет творит чудеса, выдавая знакомые лица среди фотографий.

Где же вы, милые девочки с косичками? Варенька, Оленька, Леночка... В каждом классе была своя звёздочка. Сейчас все взрослые давно. И - наверняка с другими фамилиями. Чаще всего поиск ничем не заканчивается.

Маргарита Степановна стучит по столу пальцами с короткими ногтями. И вдруг кап-кап за спиной превращается в настоящий водопад.

- Ах ты ж!

Женщина торопливо неловко поднимается, поворачивается к раковине. Вода теперь бежит яростным потоком из перевязанного тряпочкой крана. Серёжа бы в два счёта всё починил. Маргарита Степановна разводит руками, поспешно ищет в ящике среди чеков, визиток и книг с рецептами номер сантехника. Ей соседка оставляла. Давно. Но он точно был. Не то. Нет, опять не то. Вот он. Женщина вздыхает и медленно набирает цифры на крупных кнопках телефона. Почти сразу отзывается молодой и какой-то слишком веселый мужской голос. Посерьёзнее надо быть. Озираясь на дверь, хозяйка хрипло объясняет ситуацию и называет адрес.

После разговора бросает взгляд на экран ноутбука. С усмешкой на неё смотрят чужие лица. Затерялись где-то её умницы-красавицы, подававшие надежды...

Серёжа, когда она дома расхваливала своих девочек-отличниц, иногда говорил:

- Ох, Маргаритка, не очаровывайся. Обыкновенные девчонки. Капризные и вредные. Как все. У меня на физкультуре что только не вытворяют. Что ты возишься с ними? У педагога не должно быть любимчиков.

Она ворчала в ответ, что ничего он, старый чурбан, не понимает...

Вода не успевает убежать, маленькая раковина всё время наполняется.

Тик-так.

Долгожданный звонок. Маргарита Степановна с трудом встаёт. Пять шагов к домофону.

Щёлкает ключ. На лестнице раздаются чьи-то резвые шаги. У двери замирают, шаркают по коврику.

Стук напоминает пятую симфонию Бетховена. «Так судьба стучится в дверь».

Женщина стоит с трудом. Руки напряжённо вцепляются в обувницу. Наконец, для неё приоткрывается гулкий мир подъезда и тут же закрывается. А на пороге с большим чемоданом инструментов остаётся молодой мужчина с широкой улыбкой.

- Здравсте, что там у вас течёт?

В темноте коридора он оставляет ботинки. Внимательно смотрит на бледную хозяйку в старом халате. Ставит свой чемодан. Бережно подхватывает женщину под руки и ведёт на кухню. Маргарита Степановна дышит тяжело. Опускается на табурет. Устало машет рукой, показывая на водопад у себя за спиной. Мужчина ловко возвращается за чемоданом, перекрывает воду. Стучит инструментами, что-то там крутит-вертит. Женщину охватывает странное беспокойство. Она не хочет си-

деть к случайному гостю спиной. Маргарита Степановна хочет пересесть на скрипучий стул с другой стороны маленького обшарпанного стола. Станный сантехник бросается ей помогать. Опять широко улыбается. Знакомо так... И уши у него краснеют.

Он снова принимается за работу, развязывает старые тряпочки, насвистывая песню про журавлей. Она очень любила её когда-то. В каждом классе ребята пели.

Мужчина резко поворачивается:

- Вы меня совсем не помните, Маргарита Степановна?

Женщина напряжённо вглядывается в его смеющиеся глаза.

Он, продолжая что-то там винтить, сквозь заразительный смех добавляет:

- Двоечник и разгильдяй. Ничего путного из меня не выйдет. Наверное, вы были правы.

Взгляд женщины падает на прикрытый ноутбук. Ну конечно!

- Максим! - хрипло восклицает она и кашляет. - Ты же в одном классе с Варечкой Сорокиной учился!

Мужчина хмурится, отворачивается к раковине.

- Было дело... - Из его голоса куда-то убегает радость. Уши краснеют сильнее. - А вы помните, Маргарита Степановна, годовую контрольную по музыкальным жанрам?

Сколько же их было, этих контрольных... Разве все можно запомнить? К тому же это было лет сто назад...

Но Максим не унимается:

- Нет, эту контрольную вы должны помнить. Вы нас с Сорокиной вызывали ещё к себе после уроков. Вы тогда так строго спрашивали: «Чья идея была?»

Он, смеясь, изображает её, суровую надзирательницу.

Учительница молчит. Она помнит. Тогда так же краснели уши Максима. И невинно хлопала ресницами Варя.

В тот день Макс с Сорокиной дежурили и пришли в класс раньше других. Маргарита Степановна забыла убрать ответы на контрольную со стола. И кто-то самым наглым образом их переписал и передал всему классу. Она в последний момент заменила один из вопросов. И, проверяя работы, долго не могла понять, в чём дело. Пока не догадалась. Даже думать нечего: конечно, это Макс. Не выучил ничего. И вечно он несерьёзный, всё у него «хи-хи да ха-ха». Уж точно не Варя!

Мальчишка ничего не говорил. Разглядывал трещину в полу. Один раз только буркнул: «Спросите у Вари». Тогда она вызвала их вдвоём. Сорокина всё отрицала. Она не видела, не знала... На её аккуратном листочке тот самый списанный ответ был бережно зачёркнут. И рядом добавлен правильный. И у Максима то же самое. Он сидел рядом. Ещё и к ней подсмотрел! Только листок мятый. И начиркано так, что только за голову хватайся. А весь класс, не задумываясь, написал одно и то же. По готовенькому. С подвохом.

Максим так и не сказал ничего, на следующий день заболел и вернулся только через две недели. А там вроде и замалось всё. Ребята за это время контрольную переписали, а ему, Максиму, заслуженная «двойка» в четверть и «три» за год.

- Ну и хорошо, если не помните, - Максим, прикручивая кран обратно, прервал молчание.

Маргарита Степановна засуетилась, вытаскивая конверт с пенсией. Максим даже обиделся. Ни за что не возьмёт. Ну хоть чаю выпьет, уже хорошо.

Снова булькает чайник. Пока она возится с чашками, Максим успевает прикрутить все косые дверцы, поправить ящики. В комнате останавливается перед пыльным пианино. Проводит пальцем по серой поверхности. Приоткрывает крышку. Неуверенно пробует клавиши: «В тра-ве си-дел куз-не-чик...»

- Вам хоть помогает кто-нибудь, Маргарита Степановна? - спрашивает он уже за столом.

- Кто помогает? - Хозяйка размачивает сухую баранку в чашке. - Соседка приходит. Ключи у неё есть. Приносит продукты раз в неделю. Да больше и не надо. Так... Чаёк попою, и славно.

Максим снова хмурится.

Уже у дверей поворачивается, хочет обнять пожилую женщину. Она устало улыбается.

- Спасибо, Максим, выручил.

Он делает изумлённые глаза. Полусерьёзно замечает:

- Я сегодняшней день красным маркером обведу. Меня Маргарита Степановна впервые в жизни похвалила.

Собирается уходить.

- Максим, стой! - Женщина взволнованно тербит рукав. - Всё-таки кто дал классу списать ответы на той контрольной?

Улыбка опять сбегает с его лица.

- Если скажу, что писал ту контрольную сам, вы мне не поверите. Пусть всё останется так, как есть.

Снова заулыбался.

- И отпетый двоечник, у которого ума хватило только на сантехника, покидает Вас, моя дорогая Маргарита Степановна.

Женщина слышит его резвые шаги. Медленно возвращается к кухонному

окну. Максим, стоя внизу, машет ей и ныряет в машину. Неплохая машина, кстати. Маргарита Степановна в них ничего не понимает, но это не развалюха какая-то.

Ноутбук захлопнут. Она медленно идёт в комнату на диван. Семь шагов по стенке.

Серёжа улыбается с фотографий на столике. Незаметно темнеет. Снова тишина.

Тик-так.

На следующий день приходит немолодая соседка Катя.

- Ритусь, там у тебя на двери пакет какой-то висит, - говорит женщина, вытаскивая продукты на стол. Хлеб, молоко, пачка сахара...

- Какой ещё пакет? - хрипло удивляется она.

- А я почём знаю? Принести?

Катя торопливо вносит объёмную сумку. Перед изумлённой Маргаритой, среди других неожиданных вкусностей, появляется любимый торт «Прага». Его Серёжа всегда покупал. А ещё новый чайник. И записка острым почерком:

«Теперь, Маргарита Степановна, от меня так просто не отделаётесь.

Ваш двоечник Макс».

Уже в комнате вечером хозяйка сделала два шага от дивана. К старинному пыльному пианино с тонким следом от пальца недавнего «музыканта» на крышке. Открыла клавиши.

Снова звучал в одинокой комнате трогательный «кузнечик»...

Каким мне даром Господу служить?
Стихами ли?

Они растут из сора...

Как ближнего мне искренне любить -
Разбойника, блудницу или вора?

Как прошлое оставить и забыть -
К обидам по ночам не возвращаться?
Каким мне даром Господу служить?..
Мечтать, прощать и искренне смеяться!

Не беспокойся, друг, о дне грядущем,
Ведь в настоящем радостнее жить!
Кофейную разглядывая гуцу,
Спокойствия души не сохранить...

Пути Господни неисповедимы -
Всё суета, всё суета сует!
Мы - странники, скитальцы, пилигримы,
Идём на свет...

Кто я?
Горчичное зёрнышко на ладони,
ласковой колыбельной я тихо внемлю...
Если Господь случайно меня уронит,
я прорасту корнями в сырую землю...

Годик-другой - и с елями встану вровень,
даже не вспомню младенчества своего я...
Друг, ты ведь тоже - зёрнышко на ладони,
так что не бойся, если тебя уронят...

Может, звёзды - это всего лишь
сияющее пшено,
что разбрасывает по небу Господь,
чтобы мы вкушали
красоту их и пили кровь Его как вино,
избавляющее от горечи и печали?

Я стою у ворот разрушенного монастыря -
и слетаются голуби, видя в руках пшеницу...
Я бросаю им пищу на место старого алтаря,
и они, совершая поклоны, бегут молиться.

Может, я - тоже птица, не знающая о том,
что молитва дарует крылья душе усталой?
Потому и хожу сюда
год за годом и день за днём -
голубиному хору прислуживаю подпевалой...

Настоящая встреча случается
при прощании:
когда сердце, разлуку чувствуя,
мчится вскачь,
позабудь всё, что было прежде, -
одним касанием
всю историю между нами переиначь...

Обними меня, я расплачусь,
я вспомню доброе -
постоим у собора, подумаем, что к чему...
Если сердце твоё откликнется там,
за рёбрами,
ты, пожалуйста, не отдавай меня никому.

Александру Блоку

Я позвонила Вам - простите, ради Бога,
Ваш номер - шесть, двенадцать, два нуля...
Вы жили от меня через дорогу
При царствовании Saint Nicolas...

Я позвонила, трубку Вы не взяли -
Меж нами пропасть в сто четыре года...
Скажите мне, когда Вы умирали,
Для Вас открылся купол небосвода?

Я буду верить, верить, что открылся!
Ваш профиль ангельский безудержно
люблю я -
О, я молюсь, чтоб после смерти сбылся
Мой вещий сон о Вашем поцелуе!..

Лия
Галочкина

Лия Галочкина (Красовская) родилась в 1992 году. В 2014 году окончила отделение журналистики филологического факультета Вологодского государственного университета. Финалист IX литературного семинара молодых авторов имени писателя Василия Белова (2024).

Приключения Лии, её родных и друзей

ЗНАКОМСТВО

Меня зовут Лия, я простая девочка с длинными русыми волосами, большими серыми глазами, пластинкой на зубах и родинкой на левой щеке. Необычное имя мне дали по совету прабабушки, уж очень ей хотелось меня так назвать. Меня раздражает, если некоторые меня называют Лилей.

Мою маму зовут проще - Света, а папу Олег. Мама любит шить, и у нее много заказов на пошив платьев, юбок, рубашек и даже пиджаков. Папа часто ремонтирует машину в гараже и пропадает на работе. Родители у нас строгие, но добрые, и если наказывают, то всегда за дело.

У меня есть пятеро родных братьев и сестер: Илья, Аня, двойняшки Руфина и Арина и младший брат Даня. Ещё вместе с нами

живут двоюродные сестра Вика и брат Влад. Их родители погибли в аварии, когда Вика и Влад были совсем маленькими, поэтому в семье нас стало восемь. Вместе нам очень весело, если только мы не ссоримся.

Бабушка живёт недалеко от нас, в доме на окраине посёлка. Мы любим у неё бывать, и часто кто-нибудь из нас остается у неё ночевать. Бабушка печёт вкусные рогальки, пироги с ягодами и тонкие-тонкие блинчики - объедение!

В обычные дни мы, дети, учимся в школе и ходим в музыкальную школу. Мама говорит, это нужно не только для того, чтобы мы научились играть на разных инструментах, но и чтобы во дворе меньше гуляли - от нечего делать дети могут попасть в дурную компанию.

По субботам у нас дома обязательная генеральная уборка, мама просит даже

кресла отодвигать, чтобы полы вымыть. Из-за этого мы не любим субботы. А по воскресеньям обязательно ходим в церковь.

Все мы просто обожаем лето, особенно я. Жара, купание, приключения и столько идей для игр с ребятами во дворе! Так уж вышло, что день рождения у меня в самом конце мая, 26 числа. Поэтому я иногда думаю о времени - как-то слишком быстро проходят каникулы! Вот я задуваю свечи на торте, оглядываюсь - а уже 1 сентября, и пора в школу.

С нами случались разные занимательные истории, расскажу некоторые из них.

ПОМОЩНИЦА

Как-то летом, в одну из суббот, мы наводили порядок в квартире, а мама варила суп. Я только начала поднимать всю обувь, чтобы протереть пол под ней, как меня позвала мама.

- Лия, сходи к бабушке, пусть даст моркови на суп, - приказала она, помешивая поварёшкой бульон.

- Сейчас, - ответила я, поморщившись от запаха варёной капусты - не любила я супы.

Живет наша бабушка на втором этаже 4-квартирного дома, а под окнами у неё - небольшой огород: грядки и две теплицы.

- Привет, ба! Мама сказала морковки у тебя попросить на суп.

- Привет. Вон грядка перед теплицей, сходи, вытащи, сколько нужно. Одна грядка с луком и укропом, а соседняя с морковью, из неё и вытаскивай, - сказала бабушка, придерживая правое веко. Оно у неё немного свисало - повредила глаз она в детстве, когда каталась с горки.

У бабушки было трое соседей, и у каждого - свой огородик. Прикинув примерно, где теплица бабушки, увидев грядку с луком и укропом, я с энтузиазмом принялась за работу. Вытаскиваю мор-

ковь за пушистые хвосты одну за другой. И так увлеклась! Смотрю - морковки маленькие, значит, надо побольше набрать. Кастрюля-то у мамы вон какая большая.

Вдруг слышу стук в окно. Поднимаю глаза до второго этажа, а там бабушка изо всех сил по стеклу стучит. Я взглянула на неё, подумала, что она меня торопит, и стала работать быстрее. Набрала целую охапку. Иду, довольная, представляю, будто букет любимой маме на 8 Марта несу. И тут с крыльца поспешно спускается бабушка.

- Пойдём, - говорит и берёт меня под руку.

Я в недоумении послушно иду за ней, крепко держа урожай. Стучимся в квартиру № 3, там живет дядя Серёжа Мокин. Дверь открыла его жена, тётя Лена.

- Добрый день, Лена, мы тут вам немного помогли, - смущённо говорит бабушка, указывая мой букет из моркови. Чужой, как оказалось.

- Ну, кладите вот сюда, - вздыхая, говорит тётя Лена. Соседке это явно не понравилось. Она снова глубоко вздохнула, закатила глаза и прижала руку ко лбу.

Я подумала, что ведь можно её, морковку-то, обратно посадить - наверняка ещё вырастет! Послушно свалила морковь в указанное место, и мы пошли обратно. Я задышала часто-часто и собралась плакать.

- Ну-ну, полно! Ничего, бывает. У них ещё много моркови, не плачь. Теперь уж ты точно запомнишь, какая грядка наша, - успокаивает меня бабушка. А я знай слезами заливаюсь. Подставила бабушку, да ещё так старательно!

Вместе мы снова пошли в огород и собрали морковку - на этот раз правильную, бабушкину. Она была, кстати, больше, чем у соседей. У бабушки всегда хороший урожай. Расстроенная, я вернулась домой, положила на стол морковь, чтобы мама сва-

рила мой нелюбимый суп, и пошла дальше мыть полы в прихожей.

ПОТЕРПЕВШАЯ

Мы большой дворовой компанией играли в казаков-разбойников. Бегали по всему посёлку, прятались, загадывали слова и выпытывали их у другой команды. Бегать по стрелкам на асфальте нам казалось скучным, поэтому мы сами усложнили правила: нужно не просто найти соперников, но и заставить их сказать кодовое слово.

Больше всех эту игру любила моя сестра Вика. Она бегала быстро, пряталась очень хорошо, залезала на крыши гаражей и деревья, и мы нередко за неё боялись - хоть бы не упала.

Я стояла на стадионе и писала палкой на земле отгаданные буквы другой команды, когда ко мне подбежала перепуганная Алёна:

- Лия, там Вика!

- Что Вика?

- Вику ударили, плачет!

Мы поспешили на помощь. Там, где Алёна оставила Вику плачущей от боли, сестры не было. Мы стали её искать, бегая от дома к дому, от дерева к дереву. Даже за старыми сараями посмотрели. Другая команда уже подключилась к поискам, все забыли про игру, потому что Вика была важнее. Спустя примерно полчаса, к нам подбегает кто-то из парней: «Она там, нашёл!»

Мигом мы примчались в старый двор. Вика сидела за домом на высоченном дереве, на самом верху, напротив окон третьего этажа. Голова её была повернута влево. Вика плакала.

- Вика, что случилось? - кричу я вверх.

- Шея сильно болит, - сквозь слёзы говорит сестра.

- Так слезай, давай посмотрим!

Кое-как Вика слезла с дерева, не пово-

рачивая головы. Всё так же глядя влево, она рассказала, что бежала по тропинке, как вдруг парень из другой команды выпрыгнул из-за дома и схватил её за козырёк кепки. Получилось, что он дёрнул кепку в сторону, и Викина голова резко повернулась, когда она неслась со скоростью ветра. Мне было бесконечно жаль сестру. Делать нечего, повели мы Вику домой. Папа повёз несчастную в больницу, куда она так не хотела. Доктор сказал, что у Вики что-то случилось с шейным позвонком. Её положили в больницу, а мы, расстроенные, уехали домой.

На следующий день мы приехали навещать сестру. Я представляла, как сейчас буду её утешать, но когда мы вошли в палату, Вика лежала на кровати и улыбалась.

- А мне тут трусы на голову надели и гири привязали. Они там, за кроватью, - весело рассказывает сестра, приподнимая странную штуковину.

Мы изучили систему и посмеялись. Ткань, которая и правда похожа на трусы, была привязана к голове, а от макушки висела веревка с грузиками, похожими на гири.

Вика сказала, что ей лежать ещё неделю и вставать нельзя. Но голову она уже держала прямо.

Через день, когда мы пришли к ней снова, Вика прыгала по кровати, а медсестра её ругала. Мне было смешно, и я даже позавидовала, что сестра так легко переносит больницы.

Ещё через день Вика рассказывала, как они подкидывали вверх то ли блинчики, то ли жареные кабачки, которые забавно прилипали к потолку. Один из них отвалился не вовремя - приземлился прямо на голову медсестре...

Спустя неделю или две Вику выписали. И в этот раз она смеялась, что ей приходится ходить в широком белом ошейнике. Нам тоже было смешно. Но играть мы всё-таки стали немножко аккуратнее.

ДЕНЬ ВЕТЕРИНАРОВ

Мы сидели на кухне и пили чай. Вдруг папа говорит:

- Лиёк, а ты кем хочешь стать, когда вырастешь?

- Не знаю, - задумчиво ответила я. На самом деле, я никогда об этом не думала. Тем более, я училась всего во втором классе.

- Может, ветеринаром?

- А это кто?

- Тот, кто животных лечит.

Я любила кошек и была вовсе не против их лечить, поэтому папин вариант мне очень понравился.

На следующий день я пошла в школу, учительница Алла Валерьяновна велела садиться за парты. В рабочей тетради было нарисовано шесть картинок, и каждая относилась к какому-нибудь празднику. Вот эти самые праздники нам и нужно было написать. Где была нарисована ёлка - Новый год, где кулич - Пасха, и так далее.

Я знала все праздники, кроме одного: понятия не имела, что означала звезда и огонь на ней.

За одной партой со мной сидела Хеда. Умная она была девочка, эта Хеда, и я впервые в жизни собралась подсмотреть ответ в чужой тетради. Пока размышляла, как бы это сделать незаметно, учитель стала спрашивать у ребят, какие праздники изображены на картинках. Вот она спросила Таню, Игора, Лёшу, потом Сашу и Максима... Ой-ой, осталась одна картинка!

- Ну и последняя картинка, что за праздник она означает, Лия? - внезапно спросила меня Алла Валерьяновна.

Я растерялась, стала медленно вставать, украдкой заглянула-таки в тетрадь Хеды, но сделала это так быстро, что увидеть успела только «День ве...»

- День ве... ве... ветеринаров, - сказала я неуверенно.

Учительница засмеялась, по-доброму на меня глядя. Мои одноклассники ничего не поняли, но тоже стали смеяться. Я улыбнулась и села на место. Мне было неудобно и совестно, что я подсмотрела ответ.

- Хеда, скажи, как правильно называется праздник, - говорит Алла Валерьяновна.

- День ветеранов, - высоко подняв голову, отвечает отличница Хеда.

О, как же я не догадалась! Видимо, речь шла о Дне Победы, но Хеда его почему-то назвала Днём ветеранов. Как же стыдно! Вот почему говорят, что не нужно списывать, надо думать своей головой. Я закусила губы и опустила глаза.

Дома я рассказала историю папе. Он посмеялся, потянул меня к себе и сказал:

- Ну, иди ко мне, мой ветеринар.

«ИШАКА»

- Лия, двинься!

- Я и так на краешке сижу.

- Мама, девочки не хотят двигаться.

- А кто взял мое зеркальце?

- Пап, тут сиденье грязное.

- А можно, я с вами в магазин пойду?

- Я куколку забыла.

Мы впятером пытались уместиться на заднем сиденье папиной машины. Тогда ещё можно было ездить без детских кресел. Я, как самая старшая, садилась первой, за мной остальные по порядку.

- Так, успокоились все! А то сейчас дома всех оставлю, - строго сказал папа.

Мы, наконец, уселись и замолчали. Машина тронулась, раскачивая нас на неровной дороге.

- Владик, на чём мы сейчас едем? - вдруг спросила мама. Мы знали, что отвечать на этот вопрос нельзя никому, кроме Влада.

- Ишака, - твёрдо ответил брат.

Все посмеялись, родители одновременно вздохнули, папа глянул в зеркало заднего вида и, глядя на нас, улыбнулся.

- Влад, скажи: «Машина», - повторил он мамину просьбу.

- Ишака, - без запинок сказал брат и утвердительно кивнул головой. Он был уверен, что сказал правильно.

- Давай по слогам, - не унимался папа.

- Маа...

- Ма, - повторяет брат.

- Ши.

- Ши.

- Наа.

- На.

- Ма-ши-на.

- И-ша-ка.

Родители по-доброму засмеялись. Влад явно был доволен собой. Я закрыла рот руками, но улыбку ведь не спрячешь. Да и попробуй тут не смеяться! Аня вытянулась в струнку и застенчиво подглядывала на Влада, Илья шурился от солнца и тихонько хихикал, Вика, шёпотом повторяя слово «машина», прыгала на попе.

- Влад, ма-ши-на! - сделал последнюю попытку папа, чётко произнеся слово по слогам.

- И-ша-ка! - так же чётко и по слогам ответил брат.

Никто не знал, почему именно так Влад решил произносить слово «машина». Папу забавляла «ишака», и он почему-то говорил, что так можно называть маму ослика. А нам просто было смешно, и мы по очереди просили брата повторить слово «машина».

На следующий день мы гуляли во дворе, как вдруг услышали плач Влада, да такой громкий, что весь двор слышал. Мы прибежали в песочницу, по лицу брата катились крупные слёзы, прямо как в мультиках, а рядом сидел мальчик Саша с жёлтым грузовиком в руках. Саша приехал недавно, и мы с ним познакомились пару дней назад.

- Влад, что случилось? - спросила я.

- Моя ишака! Моя ишака! - сквозь рёв говорил брат, показывая на жёлтый грузовик в руках Саши.

- Я не понимаю, чего ему нужно! Что такое ишака? - спросил мальчик. Тут мы поняли, что слово «ишака» знают только в нашей семье.

- Отдай ему, пожалуйста, машинку, он её вчера тут оставил. А говорить «машина» ещё не научился, - объяснила я.

- А, ну так бы сразу и сказали, - ответил Саша и толкнул грузовичок Владу.

- Видишь, как важно научиться говорить правильно, - учила я брата, ведя его за руку домой.

ПЕРВОКЛАССНИК

Наш друг Артём долго готовился к 1 сентября. Мальчик представлял, как он в чистой, белой, выглаженной рубашке, чёрной жилетке и брюках со стрелками пойдет в первый класс. Мама даже купила ему бабочку, которую Артём примерял каждый день с футболкой и шортами.

Соседи то и дело спрашивали: «Ну что, Тёма, готов к школе?» Артём был готов, даже начистил туфли и аккуратно поставил их в прихожей. Мы ему немножко завидовали, потому что были старше и уже так не ждали начала учёбы, как он.

Наконец, настал понедельник и долгожданный День знаний. Артём проснулся с первыми лучами солнца и посмотрел на часы - когда же наступит хотя бы восемь? В школу нужно было прийти к девяти.

- Мама, просыпайся, уже пора собираться! А то опоздаем! - нетерпеливо крикнул мальчик в мамину комнату, услышав звон будильника.

Мама проснулась и улыбнулась, видя прыгающего от восторга сына - ей вспомнилось собственное 1 сентября. Артём не мог сидеть на месте от предвкушения, и маме нравилось за ним наблюдать. Она достала сыну из шкафа чистую одежду, причесала мальчика и помогла ему надеть портфель. Ботинки просто блестели! Высокие красные гладиолусы на грядке воз-

ле дома, казалось, тоже ждали 1 сентября. Артём взял тяжёлые цветы и гордо отправился в путь вместе с мамой.

В школе мальчику очень понравилось. Он взахлёб рассказывал нам, как звенел звонок, какой интересный кабинет в школе, какие все были нарядные и радостные - просто загляденье! Артём вручил цветы какой-то тётеньке (мы поняли, что это была его первая учительница), посидел за партой, потом мама его сфотографировала у школьной доски. Было празднично и интересно. Замечательный день!

Вечером Артём вместе с ребятами гонял мяч на стареньком стадионе. Назавтра они с Максимом договорились с утра пойти на пруд, половить рыбу. Мы удивились, потому что Артём учился с первой смены, как и все первоклассники, но ничего не сказали. Уставший от насыщенного дня, Артём уснул под тяжёлым уютным одеялом. Не успел он закрыть глаза, как слышит голос мамы:

- Артемий, вставай! Давай поскорее, сегодня ты и правда можешь опоздать!

Мальчик с головой нырнул под одеяло и невнятно спросил:

- Куда вставать? Зачем?

- Ты что, забыл? Ты ведь теперь первоклассник, в школу пора!

Артём сел на кровати и нахмурился. Он точно помнил, что цветы, фото и гладиолусы уже были.

- Так я же вчера ходил.

Мама почему-то на мгновение замерла, посмотрела на сына и громко рассмеялась.

- Тёма, вчера был только первый день! Тебе ещё 11 лет в школу ходить!

Мама за руку вела Артёма по той же самой дорожке, что день назад. Теперь этот путь не казался ему таким радостным. Он всё думал: зачем ходить в школу так долго? И как же Максим и пруд? Спустя время Артём, конечно, привык к учёбе. Но ему долго казалось, что 11 лет - это целая вечность.

Лирическая маска Павла Широглазова

Начиная свою статью, не могу не сказать о том, что она по сути является своего рода антитезисом к тезису, которого еще нет. Тезисом в данном случае был бы целостный анализ поэтики Павла Широглазова: тематики его стихов, художественных средств, им используемых, и так далее. Возможно, и для подобной работы когда-нибудь наступит время. Но, пользуясь тем, что уж во всяком случае на Вологодчине поэзия Павла широко известна (то есть читателю понятно, о чем пойдет речь - он это читал), пока избавляю себя от такого анализа. И в данной статье хочу сосредоточиться на теме, которая лично меня занимает больше всего - на том, каков же тот «лирический субъект» (эта формулировка еще подвергнется изменению), чьи мысли, переживания и волнения видим мы в поэзии Павла.

Есть одна странность: при том, что поэзия Широглазова широко и хорошо известна, писали о ней довольно редко. Но, надо сказать, метко. В его стихах видели «тоску по невысказанному божественному слову», «вологодские кружевные узоры, синтаксис русского Севера», выделяли «ощущение невесомости, душевности, а вместе с этим желание стать громом среди ясного неба»¹. Отмечали «образную и лексическую свободу», «соединение сказочности с реальностью», фольклорность, скоморошество, тонкость звукописи, ассоциативность мышления², «сочетание современных городских интонаций и лексикологии молодежи XXI века с глубиной и философским осмыслением современного ему мира»³. Однако объектом пристального литературоведческого анализа поэзия Широглазова становилась нечасто. Мне

в какой-то мере хочется исправить такое положение дел.

Невнимание критики к стихам Павла объясняется, на мой взгляд, двумя вещами. Во-первых, своеобразием его эстетической позиции (об этом - чуть позже), а во-вторых, не совсем привычным для поэтической среды поведением самого автора. Дело в том, что Павел - помимо занятий собственно поэзией - является руководителем, актером и режиссером театра кукол «Етишкина жизнь» (не говоря уж о других его скорее артистических, чем собственно литературных делах). Он много гастролирует, «скоморошествоует». Именно в этом качестве он, кажется, известен публике не меньше, чем стихами. Но для «чистого» поэта такое амплуа - довольно странно. Именно это, возможно, и мешает поэтической среде принять его до конца как своего «в доску». Так как современный поэт в гораздо большей степени филолог, чем «скоморох».

Мы, однако, всё еще ходим кругами и пытаемся в двух словах объяснить вещи, непосредственного отношения собственно к поэзии не имеющие. Но круги наши

¹ Анохин В. В поисках четвертой ипостаси. Вступительная статья к книге П. Широглазова «Четвертая ипостась». - Рыбинск: Оффисина, 2020. - С. 4-6.

² Хомутов С. Вдали от дымных городских окраин. Вступительная статья к книге П. Широглазова «Молоко облаков». - Череповец: ПОРТ АПРЕЛЬ, 2022. - С. 4-10.

³ Вересов Л. Рецензия на первый сборник стихов П. Широглазова // Электронный ресурс: <https://proza.ru/2024/04/07/42>

становятся все уже, и мы приближаемся к сердцевине.

О поэзии Павла можно писать в разных аспектах. Можно исследовать его фольклорность или интертекстуальность. Можно сосредоточиться на ритмике и звукописи. Однако, на мой взгляд, своеобразие его лирики определяется вовсе не этими, пусть даже бросающимися иногда в глаза (как пресловутая фольклорность) вещами. Хотелось бы сосредоточиться на одном конкретном явлении поэтического мира Павла Широглазова, а именно на том, что обычно называют лирическим героем.

Оговорка «что обычно называют» вовсе не случайна. Дело в том, что «лирический герой» поэзии Широглазова одновременно и не совсем лирический, и не совсем герой. Все-таки более или менее устоявшееся представление о лирическом герое включает в себя, прежде всего, две важные черты. Это, во-первых, похожесть на автора (Ирина Роднянская вообще называет его «двойником» автора-поэта): лирический герой - как бы alter ego автора, наделенный примерно теми же биографическими чертами. Да что уж там, чаще всего читатели вообще не различают автора и его лирического героя! Даже когда, как в случае с Высоцким, герой многих его стихов - это вообще не лирический герой, а герой ролевой лирики. Ну и, во-вторых, лирический герой, как правило, меняется вместе с автором. Ведь и автор меняется в течение жизни! Вот и лирический герой с годами приобретает психологическую сложность, претерпевает изменения, отражает в себе все изгибы и извивы авторской судьбы.

Однако если мы обратим внимание на поэзию Павла, то увидим, что обе эти важные черты лирического героя если и можно выделить, то с изрядной долей условности. Судите сами, едва ли мы можем представить, что и биографический автор, как его лирический герой, может сделать так:

...в рубище

*Я пройду по касательной,
всех неистово любящий, -*

или:

Задеваю небо головой

И хвосты созвездиям кручу.

Я уж не говорю о большом количестве стихов, где этот самый лирический герой предстает в образе скомороха, странника или юродивого. Читатель прекрасно понимает, что если с автором-поэтом такое и случалось, то лишь изредка.

То же можно сказать и о психологических изменениях. Нельзя, естественно, сказать, чтобы «лирический герой» Широглазова не изменялся вообще. Однако психологические изменения характерны скорее для лирических героев, живущих внутри своей эпохи, в какой-то конкретной локации, живущих, в общем, обычной человеческой жизнью. Но герой Широглазова - во всяком случае от большинства его стихов ощущение создается именно такое - живет как бы вообще вне времени и пространства, в мире какой-то вечной событийности (в смысле в мире события, которое происходит в вечности). Наверное, можно сказать, что он живет в абсолютном времени. Это время до странности не текуче, оно как бы вмещает в себя все времена сразу и именно поэтому само практически не меняется.

Подчас, конечно, можно угадать какие-то биографические детали, но для поэзии Павла это скорее акциденция, а не субстанция. Его герой, иными словами, слишком масштабен, чтобы испытывать какие-то психологические перемены.

Именно поэтому называть его «лирическим героем» было бы трудно. Но, кажется, есть слово, которое гораздо применимее к нему - это «лирическая маска»!

В слове «маска», нужно заметить, нет ничего обидного. Более того, именно оно - в гораздо большей степени, чем «лириче-

ский герой», - сближает того, «кто в стихах», с тем, «кто в жизни», если уж вспоминать Широглазова-артиста. И уж тем более «маска» ничего не говорит о при творстве: нет, мироощущение, выраженное в стихах Павла, - безусловно подлинное, настоящее. Просто оно настолько необычно, что на фоне «серой жизни» и воспринимается скорее как маска.

Причем маска Широглазова - несмотря на всю свою (по определению) условность - запоминается гораздо прочнее, чем лирические герои иных поэтов. Ведь если лирический герой приблизительно равен автору, то «плясать» нужно именно от автора. А кто это такой - некий «среднестатистический» (да простят нам поэты количественный подход к их божественным фигурам) современный автор стихов? Чаще всего, это филолог, живущий довольно размеренной жизнью (как сказали бы в XIX веке - мещанин), в биографическом плане ничем особенно не выделяющийся. Соответственно, и лирические герои подобных поэтов тоже являются своего рода «среднестатистическими». Отсюда вообще в современной поэзии, кажется, явственно виден уход от лирического героя к лирическому субъекту или лирическому «я» (то есть собственно «героическое» в нем стирается, остается только «тот, кто говорит»). Иными словами, тот, от чьего имени написано стихотворение, приобретает в современной поэзии всё более исчезающие черты (не берем в расчет в данном случае военную или околовоеенную лирику последних лет, там всё существенно по-другому, но это явление новое, до конца не устоявшееся и, конечно, еще литературоведчески не отрефлексированное).

Таким образом, лирическая маска Павла Широглазова возникает на фоне не просто «среднестатистических» лирических героев, а скорее на фоне их отсутствия. И этим запоминается.

Хотя, естественно, в подобной позиции есть свой риск и своя уязвимость.

Во-первых, современная поэзия, как правило, боится всякого вычурного жеста, всякого юродства, как огня. Часто даже просто непонятно, к кому вообще обращена современная «филологическая лирика». Создается ощущение, что, когда поэт пишет стихи, больше всего он боится, не дай бог, сделать какую-нибудь ошибку в словоупотреблении, или того, чтобы его уличили в похожести на кого-нибудь из классиков, или боится сказать банальность, или боится того, что его стихи будут очень простыми. Современный «филологический лирик» пишет стихи, к которым сложно придаться на литературных форумах, стихи, которые получают высокую оценку от критиков (в своем, очень-очень узком кругу), но забываются сразу, как только ты закрываешь книгу. Это стихи своего рода «приличных господ».

Да, я, безусловно, «спрямляю углы», слишком в данном случае тривиализируя современный литературный процесс и выделяя в нем только одну «линию». Конечно, современная поэзия гораздо разнообразнее «филологической лирики». Однако тенденция излишней профессионализации лирики, ухода ее от «народа», от обычного, не имеющего филологического образования читателя, слишком, во-первых, заметна, а во-вторых, слишком мешает самой поэзии быть читаемой. В вечных жалобах на то, что «люди не читают поэзии», увы, нередко можно обвинить самих поэтов: «слишком далеки они от народа». Именно поэтому я и выбрал фоном для сравнения именно эту тенденцию - как, с одной стороны, очень заметную для всякого, кто пытается «окунуться» в современный литпроцесс, с другой стороны - как наиболее далекую от поэзии Павла Широглазова.

Естественно, что на фоне такой «антишаблонной» (и в этой антишаблонности

даже снобистской) «филологической лирики» маска Широглазова воспринимается как просто-таки венец литературности. А его юродство - что-то вообще из ряда вон выходящее (именно в дурном для «филологической лирики» смысле).

Во-вторых, в такой позиции есть и уязвимость внутренняя, чисто эстетическая. Лирическая маска, тем более тяготеющая к такому грандиозному масштабу, как у Широглазова, практически не имеет ресурсов для внутренней нюансировки. Согласитесь, если лирическое «я» существует в стихах наравне со всем Божиим миром, со всем белым светом, даже и с галактиками, -

*Чужих галактик рыжие жар-птицы
Клевали зерна радостей моих, -*

то едва ли для него существенными являются какие-то оттенки чувств, мимолетных впечатлений, ассоциаций низкой, земной, я бы даже сказал, мизерной жизни. Лирическое «я» тут занято решением вечных, глобальных вопросов.

Но лирическая нюансировка (повторюсь - почти отсутствующая у Широглазова) имеет то важное преимущество, что порождает разнообразие. А вот масштабная лирическая маска такого преимущества не имеет, из-за этого в стихах Павла - особенно если прочитать подряд три его книги («Четвертая ипостась», «Молоко облаков» и «Небесный почтальон») - заметна повторяемость. Этого самоповтора не замечаешь, пока имеешь дело с небольшой подборкой или выступлением на публике (которое тоже, по понятным причинам, ограничено и временем, и количеством текстов), однако, если читать много и сразу, он становится заметен. А если иметь в виду, что мы

имеем дело с литературной маской (а маска - это всё-таки компонент прежде всего артистического мира), то самоповтор для артиста - очень опасный признак.

И тем не менее - даже несмотря на эти уязвимости - нельзя не признать, что стихи Павла Широглазова, даже для людей, лично с ним не знакомых, мгновенно узнаваемы. Это значит, что «лица необщее выражение» в них, безусловно, есть.

Некая чопорность, «приличность» современной филологической лирики, отсутствие в ней «жеста» как чего-то крайне неуместного приводит к тому, что современные стихи лишены мощной энергетикой. Я не говорю об отсутствии энергии совсем - она есть. Но она скорее внутренняя, таящаяся под спудом, которую нужно еще «разгадать». А иногда и вовсе запрятана так глубоко, что создается ощущение полной «безэнергичности» стихов.

Стихи же Широглазова, напротив, предельно энергичны, мощны. В них всё время что-то происходит, какая-то космическая вневременная драма. Его лирическая маска не боится некоей своей медвежьей разухабистости. Она всё время влезает в дела мира и переделывает их. И даже когда она рефлексировать, это не разговор «самого с собой» - напротив, кажется, что весь мир стоит и прислушивается к этому разговору.

В любом случае лирическая маска Павла Широглазова резко выделяется на фоне «лирических субъектов» многих и многих современных поэтов. И именно за это мы ее ценим и любим.

Николай ДЕГТЕРЁВ,
*кандидат филологических наук,
член Союза писателей РФ*

Скончалась Елена Виноградова

19 февраля текущего года перестало биться сердце поэтессы
Елены Виноградовой, постоянного автора нашего журнала с 2006 года.

Елена Михайловна родилась 11 марта 1962 года в Великом Устюге, где и прожила всю жизнь. «Я в Великом Устюге росла, на деревенской улочке возле старого пруда, - вспоминает она. - Там был узенький низкий мосток через него из трёх досочек. Я, бывало, уйду туда на весь день, улягусь на эти досочки и смотрю на пиявок, жуков-плавунцов, на водомерок, на стеклозук... а вокруг цветочки болотные, розовые да белые, - причудливые такие. И тишина вокруг немислимая... А зимой пруд промёрзнет весь насквозь, и опять интересно. Улягусь на лёд и ладошками его утожу, пока изображение как на телеэкране не будет - травка там болотная, пузырьки, лягухи, - всё до дна насквозь видишь. Сказка...» Елена и всю жизнь старалась увидеть сказочную красоту в самых прозаических, а то и трагических моментах.

Елена Виноградова - автор трёх поэтических сборников: «Ожидание», «Осколки» и «Отчаянная радость». Её стихи печатались в районной и областных газетах, в коллективных сборниках, в альманахе «Звезда Поюжья», в журнале «Вологодский ЛАД» и в «Литературной газете». После 2010 года публикации Елены Виноградовой стали появляться в Израиле, в Австралии, в Канаде, в Бельгии, в Германии, в Чехии и других странах.

Как помянуть поэта? Давайте вспомним стихи Елены Виноградовой...

* * *

*Вместе с букетом шмеля
в дом принесла осенний...
Песен бы... В муках, земля,
ждём твоего спасенья.*

*С лета готовишь в пургу
прятать свои изъяны.
Нет... я ещё не могу
падать, зализывать раны.*

*Слёзы, и те на бегу, -
дескать, потом наплачусь.
Счастье иголкой в стогу
спрятано, не иначе...*

*Дай мне ещё воспеть
под листвою, родная,
нет, не разлуку и смерть,
капли-слова роняя, -
а удивление зреть
вместе с твоей долиной,*

*чтобы листом полететь
стае вослед журавлиной.*

* * *

*Пока река не подо льдом
и осень праздничная длится,
к воде тихонько подойдём...
Глянь, на топляк присела птица!
Мы здесь дожили до седин,
а как нам быть? Что дальше делать?*

*...Давай на камне посидим, -
ты на большом, а я на белом.
Смотри, туманный берег тот
стал ярче, ближе и доступней.
Да, время... жизнь своё берёт, -
сегодня гладит, завтра стукнет.
Не будем думать о плохом,
и говорить о нём не будем.
Сидим на валунах верхом,
а осень в речке воду студит.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВО		
У Валерия Страхова - юбилей.....	2-я стр. обложки	
Ирина Балашова. Ладный мир на щедрой земле. Юбилейная выставка Георгия Попова.....	129,цв. вклейка в середине номера	
ВЫСТАВКИ		
Тихая родина Валерия Гаврилина.....	Цв. вклейка в начале номера	
Остались только в памяти людской.....	Цв. вклейка в конце номера	
РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЯМИ		
Андрей Сальников. Герои - без героизма?	1	
К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ		
Василий Белоусов. Вечная память отважным!	2	
Таких Героев в России всего четверо	4	
Меркурий Кузнецов. Подарок	6	
ПРОЗА		
Николай Алёшинцев. История одной лошади ...	10	
Виктор Плотников. Камень	16	
Инга Никитина. Тирания выбора	29	
Олег Ларионов. Короткая проза	39	
Денис Макурин. Вологодские впечатления.....	46	
Алексей Небыков. Сани	50	
Светлана Чернышёва. Рассказы Воздушного.....	56	
ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ		
Центру Белова - двадцать	55	
И Бог помогает!	69	
Рубцов на бенгальском	139	
УРОКИ КЛАССИКА		
Эльвира Трикоз. Кто заставил Белова плакать ...	70	
КНИГА В ЖУРНАЛЕ		
Александр Цыганов. Оборона Таланихи. Рассказы	74	
КОНКУРС		
При белом свете вологодской прозы	115	
И НЫНЕ, И ПРИСНО		
Петр Давыдов. Итальянец в Вологде	116	
Андрей Сальников. Чудо в Нижнем Долу		120
ПОЭЗИЯ		
Александр Пошеонов. Лиры негромкие струны.....	132	
Елена Саблина. Осенний дворик	137	
Евгений Некрасов. Солянка под названием «жизнь»	140	
Леонид Лешуков. Синели, стили вечера... ..	143	
Андрей Алексеев. Я здесь живу - и это важно... ..	147	
ТЕАТР		
Леонид Рудой. «Бедолаги сердешныи». <i>Сцены из театральной жизни минувших лет</i>	150	
Яна Стоярова. Спектакль на стыке искусств... ..	168	
ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ		
О лётчике-герое - книга для детей	171	
Сборник с ёмким названием.....	171	
РОДИНОВЕДЕНИЕ		
Елена Пологих. Сундучок с семейными историями.....	172	
«НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ» <i>Премьера рубрики</i>		
Наталья Мелёхина. Феномен не периферийный, а цивилизационный	179	
Андрей Пищенко. Последний день тысячелетия	184	
Анастасия Астафьева. Кирюша	212	
Ирина Кемакова. Фиалки расцвели!	218	
«ЛАДНЫЙ» ДЕБЮТ		
Анастасия Егорова. Старая учительница	223	
Яна Ишмухаметова. Зёрнышко на ладони	227	
Лия Галочкина. Приключения Лии, её родных и друзей	229	
ПОЭТЫ О ПОЭТАХ		
Николай Дегтерев. Лирическая маска Павла Широглазова.....	235	
СЛОВО ПРОЩАНИЯ		
Елена Виноградова.....	239	

На обложке - рисунки участников конкурса «При белом свете», проведенного областной универсальной научной библиотекой. На первой странице обложки - иллюстрация к рассказу А. А. Цыганова «Оборона Таланихи», автор - Александра Васильевна Такалова из д. Анохино Грязовецкого района. На четвертой странице обложки - иллюстрация к рассказу А. А. Цыганова «За милую душу», автор - Арианна Кушниц (10 лет), ученица Вологодской детской художественной школы им. В. Н. Корбакова

Электронный вариант всех номеров «Вологодского ЛАДА» размещен на сайте Вологодской областной универсальной научной библиотеки имени И. В. Бабушкина www.booksite.ru

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД

Литературно-художественный журнал

2025, № 1 (44)

В 1991-1995 годах выходил под названием «Лад. Журнал для семейного чтения». С 2006 года - «Вологодский ЛАД»

Главный редактор - А. К. Сальников

Адрес редакции: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а.

e-mail: salnikovandre@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Череповецкая Полиграфическая Компания» г. Череповец, ул. Металлистов, д. 22. т. 8 (8202) 59-64-29.

Тираж 700. Объем 15 п.л. Формат 70x100/16. Печать офсетная. Подписано в печать 30.04.2025.

Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 10 час.

Дата выхода номера - 20.05.2025. Заказ № 362. Свободная цена.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Учредитель - автономное учреждение Вологодской области в сфере средств массовой информации «Вологодский областной информационный центр»

Адрес издателя: АУ ВО «Вологодский областной информационный центр», юридический адрес: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а; почтовый адрес: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Вологодской области, свидетельство ПИ № ТУ 35-069 от 28 декабря 2011 г.

16+

Остались только в памяти людской

Известный вологодский фотограф и видеооператор Олег Зажигин почти десять лет поддерживает проект, в ходе которого старинные фотографии Вологодчины совмещает с современными снимками тех же мест, что были запечатлены фотографами прежних лет. Работы Олега Валентиновича пользуются неослабевающим интересом - ведь они показывают нашим

современникам, как в давнюю пору выглядели места, дорогие нашим предкам. Публикуем несколько работ Олега Зажигина, на которых - храмы в Вологде, снесенные в годы борьбы с православием. Они были представлены на выставке «В красках эпох», прошедшей в марте - апреле нынешнего года в вологодском музее «Мир забытых вещей».

Перекресток улиц Батюшкова и Октябрьской. На заднем плане - Благовещенский храм на улице Благовещенской (снесен). Фото 1900-х годов и 2017 г.

• ВЫСТАВКИ

У перекрестка улиц Герцена и Предтеченской. Храм во имя великомученицы Екатерины во Фроловке (снесен).
Фото 1900 и 2017 гг.

На правом берегу реки Волгоды, вблизи Октябрьского моста. Церковь Вознесения Христова на Известии, где служил святой иерей Александр Баданин

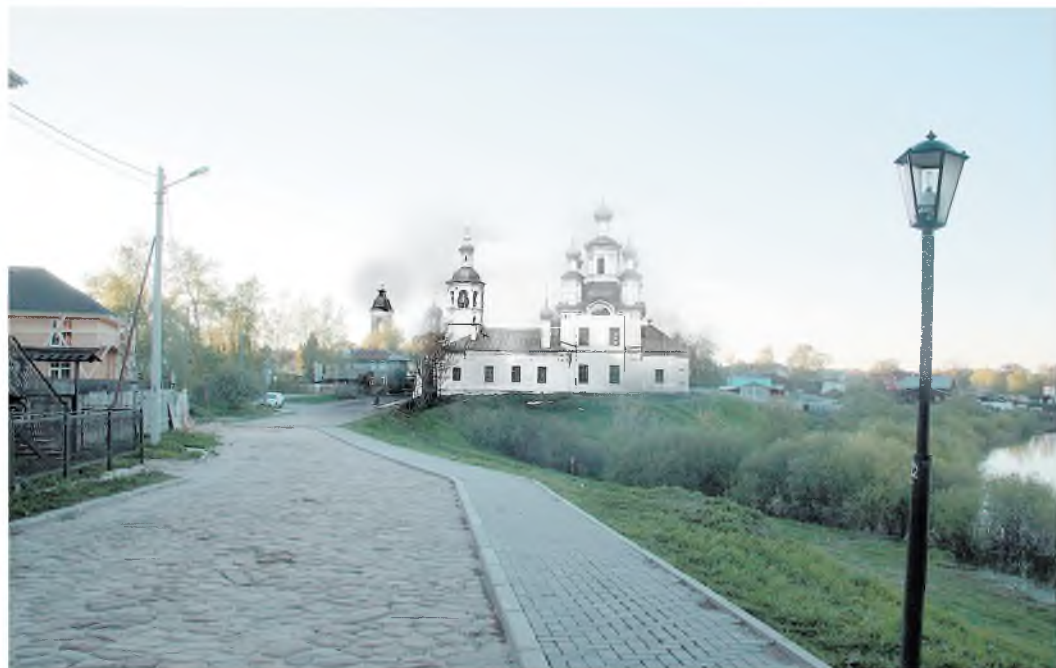

Советский проспект, неподалеку от памятника Николаю Рубцову. Церковь во имя великомученика Феодора Стратилата в Новинках. Фото конца XIX века и 2017 г.

Рядом со стадионом «Динамо», который устроен на месте монастырского кладбища. Свято-Духов мужской монастырь. Фото 1870 года и 2017 г.

• ВЫСТАВКИ

На правом берегу реки Вологды, в начале улицы Бурмагиных. На этом месте в 1959 году поставлен памятник в честь 800-летия Вологды. Церковь Вознесения Христова на Ленивом торгу

Площадь Революции (бывшая Сенная). Слева - Никольский храм, справа - Спасо-Всеградский собор.
Фото 1900 и 2017 гг.

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ •

г. попов, э

Георгий Попов. Встреча. Из триптиха «Война и мир», 1995

